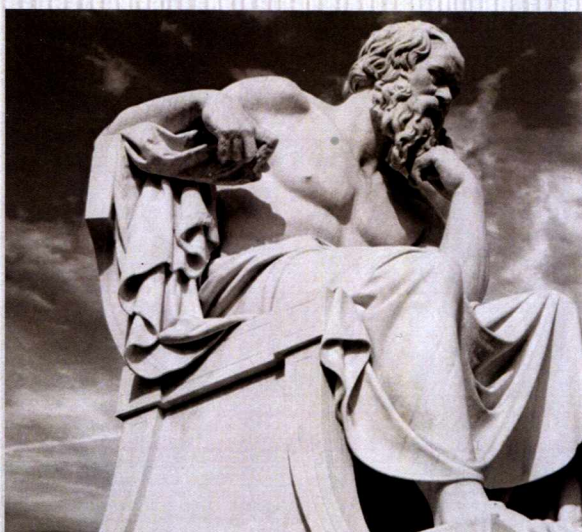

ISSN 2075-1613

Том 37

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК ●
2023

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2023 • Том 37

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 27.12.2023.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 **Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»** : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2023. – Т. 37. – 188 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

История

Сидоров А.И. Маргиналии в средневековых рукописях как исторический источник	7
Бабарека А.С. Подготовка военнослужащих Белорусского военного округа в источниках и историографии: краткий обзор (1926–1941 гг.)	13
Бароўская В.М. Дзейнасць Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг.	20
Крюковский В.Д. Военное обучение допризывников в Беларуси (1924–1925 гг.) ..	25
Шкирандо Ф.И. Кафедра общественных дисциплин Витебского ветеринарного института (1924 – июль 1941 г.)	31
Шапко А.С. Формирование систем документации в Белорусском государственном университете в 1920-е годы (по материалам Национального архива Республики Беларусь)	36
Хван Джон Хва. Участие Республики Корея и Республики Беларусь в деятельности ООН	42
Куимова Н.А. Деятельность органов земского самоуправления по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний (1911–1914 гг.)	49
Подберёзкин Ф.Д. «Ганноверская партия» в судьбах Немецкого ордена и Великого княжества Литовского	53
Белявский А.М. Загадка конверсии Моше Шнеури, или Микроистория безумия в Российской империи начала XIX в.	58
Веремеев С.Ф. Митрополит Киприан Жоховский: основные вехи биографии ..	64
Калинин А.А. Роль документов Российского государственного архива новейшей истории в изучении международных отношений периода холодной войны ..	69
Пархимович Н.Н., Тимофеев Р.В. Единоличное крестьянское хозяйство в системе аграрной политики КПБ(б)Б (1921–1928 гг.)	75
Марданов А.В. Развитие ракетного оружия в СССР (1945–1962 гг.)	82
Попеленко Е.С. Учебно-воспитательная работа в церковных школах белорусских православных епархий на начальном этапе Первой мировой войны (1914–1915)	88
Баталко Т.И. Особенности агитационно-разъяснительной работы Наркомпроса, связанной с укрупнением БССР	93
Амбарцумян К.Р. Дипломатические источники в изучении «восточного вопроса» внешней политики Российской Империи в конце XIX – начале XX в. (на материалах секретных сообщений дипломатов А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева)	98

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- Рудковский Э.И.** Информационное общество и гуманистические ценности 103
- Чикиндин М.А.** Диктатура как социально-политический феномен Востока XX века: социально-философский анализ 107
- Костеева Н.В.** Реформа системы Институтов Конфуция в контексте переосмысления целей международного академического сотрудничества 113
- Шэнь Цзинюй.** «Дух предпринимательства» конфуцианской философии как основа концепции корпоративной социальной ответственности современных китайских предприятий 118

Филология

- Мяховский А.А.** Семантические признаки в составе значений названий животных на материале словарных дефиниций 123
- Пасютина Ю.Н.** «Взрослое» творчество Маины Максимовны Боборико 127
- Шаколо А.В.** Концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе (на материале сказок о Емеле) 132
- Азарченко Г.Ю.** Параметры классификации лексем, выражающих положительную и отрицательную этические оценки 137
- Гладкова Г.А.** Вобраз Эміліі Плятэр у мастацкай літаратуры 143
- Бараноўскі А.А.** Канстанты нацыянальнай літаратурнай ідэнтычнасці: традыцыі, наватарства, рэцэпцыя 147
- Ключенович С.С.** Реализация валентности компонента сложного/сложнопроводного слова в рамках именной группы 152
- Зіманскі В.Э., Суконкіна Н.М.** Апавядальныя сказы са значэннем пабуджэння да дзеяння ў беларускай мастацкай прозе 158
- Кабылкова А.А., Чалей И.Д.** Тревога и тревожность в рассказе В.Н. Крупина «У бездны на краю» 163
- Мальшева К.И.** Образ Вены сквозь призму урбанистического дискурса в романе Э. Елинек «Пианистка» 167
- Шилина В.Г.** Жанрово-стилевые особенности женского детективного романа 1990–2000-х гг. 172
- Дединкин А.Л.** Правовое и научно-методическое обеспечение судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: состояние, проблемы и пути их решения 177

CONTENTS

History

Sidorov A.I. Marginalia in Medieval Manuscripts as a Historical Source	7
Babareka A.S. Training of Military Personnel of the Belarusian Military District in Sources and Historiography: a Brief Review (1926–1941)	13
Borovskaya O.N. Activities of the Mixed Settlement Commission in 1921–1924	20
Krukovski V.D. Military Training of Pre-Conscripts in Belarus (1924–1925)	25
Shkirando F.I. Department of Social Disciplines of Vitebsk Veterinary Institute (1924 –July 1941)	31
Shapko A.S. Formation of Records Systems at Belarusian State University in the 1920s (Based on the Materials of the National Archives of the Republic of Belarus)	36
Hwang John Hwa. Participation of the Republic of Belarus and South Korea in UN Activities	42
Kuimova N.A. Activities of Zemstvo (District) Self-Government Bodies to Provide Agronomic Assistance to the Population of Belarusian Provinces (1911–1914)	49
Podberezkin Ph.D. The “Hanoverian Party” in the Fates of the Teutonic Order and the Grand Duchy of Lithuania	53
Beliavski A.M. The Mystery of Moshe Shneuri’s Conversion, or Microhistory of Madness in the Early 19th Century Russian	58
Veremeyev S.F. Metropolitan Cyprian Zhokhovsky: Main Milestones of the Biography	64
Kalinin A.A. The Role of the Documents of the Russian State Archive of Contemporary History in the Study of International Relations during the Cold War	69
Parkhimovich N.N., Timofeyev R.V. Individual Peasant Economy in the System of Agrarian Policy of the CP(b)B (1921–1928)	75
Mardanov A.V. Development of Missile Weapons in USSR (1945–1962)	82
Popelenko E.S. Academic and Education Work in Church Schools of Belarusian Orthodox Dioceses at the Initial Stage of the First World War (1914–1915)	88
Batalko T.I. Features of the Propaganda and Explanatory Work of the People’s Commissariat of Education Related to the Enlargement of the BSSR	93
Ambartsumyan K.R. Diplomatic Sources in the Study of the “Eastern Question” of the Foreign Policy of the Russian Empire in the Late XIX – Early XX Centuries (Based on the Materials of Secret Messages of Diplomats A.I. Nelidov and I.A. Zinoviev)	98

CONTENTS

Philosophy

Rudkovski E.I. Information Society and Humanistic Value	103
Chikindin M.A. Dictatorship as a Social and Political Phenomenon of the 20 th Century East: Social and Philosophical Analysis	107
Kosteyeva N.V. Reform of the System of Confucius Institutes in the Context of Rethinking the Goals of International Academic Cooperation	113
Shen Jingyu. "Confucian Merchant Spirit" as the Basis of the Concept of Corporate Social Responsibility of Modern Chinese Enterprises	118

Philology

Miakhovski A.A. Semantic Features in the Meaning of Animal Designators According to Dictionary Definitions	123
Pasiutina Yu.N. "Adult" Works by Maina Maksimovna Boboriko	127
Shakolo A.V. The Concept of Home in Russian, Belarusian and Polish Fairy-Tale Discourse (Based on the Material of Fairy Tales about Emelya)	132
Azarchenko G.Yu. Classification Parameters of Lexical Units Which Express Positive and Negative Ethical Evaluation	137
Gladkova G.A. The Image of Emilia Plater in Fiction	143
Baranouski A.A. Constants of National Literary Identity: Traditions, Innovation, Reception	147
Klyuchenovich S.S. Valency Realization of the Root/Synthetic Compound Component within a Nominal Group	152
Zimanski V.E., Sukonkina N.M. Declarative Sentences with the Meaning of Imperativeness in Belarusian Prose	158
Kabylkova A.A., Chaley I.D. Worries and Anxiety in the Story of V.N. Krupin "At the Abyss on the Edge"	163
Malysheva K.I. The Image of Vienna Through the Prism of Urban Discourse in the Novel E. Jelinek "The Piano Teacher"	167
Shyлина V.G. Genre and Style of a Female Detective Novel of the 1990s–2000s.	172
Dziadzinkin A.L. Legal, Scientific and Methodological Support for Forensic Linguistic Examination in the Republic of Belarus: Status, Problems and Ways to Solve Them	177

ИСТОРИЯ

Маргиналии в средневековых рукописях как исторический источник

Сидоров А.И.

Институт всеобщей истории РАН, Москва

В последние десятилетия в мировой науке наметился интерес к изучению маргиналий в средневековых рукописях. Однако этот вид источников все еще остается наименее исследованным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Цель статьи – привлечь внимание отечественных специалистов к этому огромному корпусу текстов, продемонстрировать источниковый потенциал маргиналий и обозначить возможную методiku их изучения.

Материал и методы. Наряду с традиционными методами источниковедческого анализа, с опорой на принцип историзма в данной публикации предлагается взгляд на маргиналии как на источник по истории средневековых институтов, социальных групп, общественных отношений, культурных практик и типа религиозности.

Результаты и их обсуждение. Приведены конкретные примеры маргиналий, принципиально разных по своему содержанию, и предложены варианты их анализа. Они позволяют увидеть, как и для чего в монастыре Сен-Мартен-де-Тур каролингский эрудит устанавливал интертекстуальные связи и как в том же монастыре готовили будущих художников-миниатюристов, как в монастыре Сен-Медард формировалась коллективная память, как работал с книжным собранием библиотекарь в монастыре Санкт-Галлен и как монахи той же обители размышляли о приближении Страшного суда.

Заключение. Под маргиналиями понимается весь корпус текстов, знаков и изображений, которые существуют в конкретной рукописи помимо основного текста и которые появились в ней с момента создания и до наших дней. В Западной Европе как массовое явление они существуют с начала IX в. На сегодняшний день это единственный, почти не исследованный крупный комплекс средневековых источников.

Маргиналии позволяют изучать широкий круг сюжетов, например, таких как культура чтения и практики работы с текстом в разные эпохи; история комплектования, хранения, инвентаризации и использования средневековых библиотек и архивов; история языка; история образования и ученого знания; социокультурная история отдельных средневековых сообществ и др.

Маргиналии за редким исключением не могут существовать вне своего носителя, что накладывает на исследователя серьезные ограничения при работе с ними. Но стремительно набирающий силу процесс оцифровки рукописей в значительной мере снимает эту проблему.

Ключевые слова: маргиналии, средневековые рукописи, культура текста, практики чтения, историческая память.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 7–12)

Marginalia in Medieval Manuscripts as a Historical Source

Sidorov A.I.

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

In recent decades, interest has emerged in the study of marginalia in medieval manuscripts. However, this type of sources is still the least studied both theoretically and practically.

The purpose of the article is to attract the attention of scholars in Russia to this huge corpus of texts, to demonstrate the source potential of marginalia and to identify a possible methodology for their study.

Material and methods. Along with traditional methods of source analysis, based on the principle of historicism, the article offers a view of marginalia as a source on the history of medieval institutions, social groups, public relations, cultural practices and the type of religiosity.

Findings and their discussion. The article provides specific examples of marginalia, fundamentally different in their content, and offers options for their analysis. They allow us to see how and why the Carolingian polymath established intertextual connections in the monastery of Saint-Martin-de-Tours and how would-be miniature painters were trained in the same monastery, how collective memory was shaped in the monastery of Saint-Medard, how the librarian worked with the book collection in the monastery of St. Gallen and how the monks of the same abbey reflected on the approach of the Last Judgment.

Conclusion. Marginalia are understood as the entire corpus of texts, signs and images that exist in a particular manuscript in addition to the main text and that appeared in it since its creation to the present day. In Western Europe, as a mass phenomenon, they have existed since the beginning of the IX century. To date, this is the only, almost unexplored large complex of medieval sources.

Marginalia allow us to study a wide range of subjects, such as the culture of reading and the practice of working with text in different eras; the history of acquisition, storage, inventory and use of medieval libraries and archives; the history of language; the history of education and scientific knowledge; the social and cultural history of individual medieval communities, etc.

Marginalia, with rare exceptions, cannot exist outside of their carrier, which imposes serious restrictions on the researcher when working with them. But the rapidly growing process of digitizing manuscripts largely removes this problem.

Key words: *marginalia, medieval manuscripts, text culture, reading practices, historical memory*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 7–12)

В последние десятилетия в мировой науке наметился интерес к изучению маргиналий в средневековых рукописях. Однако этот вид источников все еще остается наименее исследованным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Цель статьи – привлечь внимание отечественных специалистов к этому огромному корпусу текстов, продемонстрировать источниковый потенциал маргиналий, а также обозначить возможную методiku и перспективы их изучения.

Материал и методы. Наряду с традиционными методами источниковедческого анализа, с опорой на принцип историзма в статье предлагается взгляд на маргиналии как на источник по истории средневековых институтов, социальных групп, общественных отношений, культурных практик и типа религиозности. Данный подход был реализован в ряде статей и монографий автора, а также обсуждался в ходе пленарного выступления на VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы источниковедения», проходившей в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова 27–29 апреля 2023 года.

Результаты и их обсуждение. Всякий, кто работает с рукописями, знает, что помимо основного текста в них есть много другого и зачастую не менее важного материала: технические пометы переписчиков, библиотекарей и архивистов; редакторская и корректорская правка; слова, фразы, символы и знаки, акцентирующие внимание читателей на отдельных фрагментах текста; пояснения редких и иноязычных слов; дополнения, комментарии, отсылки к другим текстам; владельческие, посвятельные, дарственные записи, а также пометы, принципиально не связанные с основным текстом (пробы пера, эскизы и наброски, разнообразные тексты, написанные просто на свободной части страницы и др.).

В научной литературе весь этот обширный корпус текстов не имеет общего названия. Отдельные пометы – в зависимости от их расположения, функциональности или формы – именуется маргиналиями, интерлинеариями, глоссами, аннотациями и т.д. Однако сплошь и рядом эти термины мало что объясняют, по сути. Вдобавок многое остается за кадром. Например, далеко не всегда ясно, как именно можно идентифицировать те же произвольные пробы пера или маникулы. Сами средневековые читатели очевидно не видели здесь никакой проблемы, не различали разных типов помет и не искали в их отношении твердых дефиниций. Думается, что и современным ученым правильнее было бы попробовать договориться о понятиях, нежели спорить о них.

Под маргиналиями предлагаем понимать весь корпус текстов, знаков и изображений, которые встречаются в рукописи помимо основного текста и которые были оставлены в ней ее читателями от момента создания и до наших дней. На самом деле они представляют собой визуализированный результат взаимодействия конкретного читателя с конкретным текстом в конкретной рукописи.

Маргиналии представляют собой конкретно-исторический феномен. Их рождение было обусловлено двумя обстоятельствами:

- накоплением критической суммы знаний, больших объемов информации, что потребовало выработки определенных принципов ее систематизации и организации для более эффективного использования;
- появлением удобного материального носителя для такой работы. Очевидно, что глиняные таблички, каменные стелы или папирусные свитки для этого не очень годились, однако книжный кодекс из пергамента с его широкими полями стал идеальным форматом.

Эти разновременные и до поры не связанные между собой процессы в какой-то момент совпали во времени и пространстве. Для Западной Европы такой точкой пересечения можно считать начало IX в. В пользу этого наглядно свидетельствует рукописный материал. В позднеантичных и мерovingских рукописях пометы встречаются крайне редко, зато в каролингских манускриптах уже их великое множество. С этого момента маргиналии становятся для средневековых читателей обыденной практикой, повседневной рутинной работы с книгой. Важно учитывать, что и рукописей стало в разы больше, стоили они дешевле, а делали их быстрее. Причем, в последующие столетия эти процессы только набирали обороты.

До начала XXI в. традиция оставлять пометы на полях не прерывалась. Тем не менее сегодня мы стоим на пороге радикальных изменений: по мере углубления и расширения процессов цифровизации меняются способы работы с большими объемами данных и одновременно информационные носители, а вслед за ними и привычные читательские практики. Как именно – пока не до конца понятно, но ясно, что как прежде уже точно не будет. Эпоха маргиналий в том виде, в котором они существовали последние 1200 лет, по-видимому, завершается.

Исследователи долгое время мало интересовались маргиналиями, хотя, несомненно, видели их. В XIX–XX вв. пометы иногда учитывались в академических изданиях отдельных памятников. К маргиналиям время от времени обращались лингвисты и филологи,

которые занимались проблемами эволюции латыни и становления новых языков, а также палеографы, изучавшие культуру письма, однако ни о какой системной работе с этим колоссальным корпусом текстов до конца XX в. говорить не приходится. Историки в этом отношении отставали еще серьезнее. Ситуация стала меняться только в последние десятилетия.

Среди первых оригинальных исследований следует упомянуть работы Дж. Виланда, восстановившего историю бытования и использования конкретной англосаксонской рукописи XI в. [1], а также У. Слайтса [2] и Х. Джексона [3], которые занимались маргиналиями на полях ранних печатных книг и предложили первые варианты систематизации этого огромного и крайне разнородного материала.

На рубеже тысячелетий пометы постепенно стали основой разнообразных коллективных исследовательских проектов. Так, в рамках международной школы по изучению письменности в Эриче в 1998 г. они рассматривались как инструмент организации и трансформации основного текста [4].

В 2011–2016 гг. на базе Института истории Нидерландов имени Гюйгенса группа ученых под руководством Марике Тееувен изучала через призму маргиналий практики чтения в Раннее Средневековье [5]. Также одним из практических итогов работы научного коллектива стало создание электронной базы данных, которая охватила примерно 350 аннотированных рукописей VI–XI вв.

В Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле с 3 мая по 15 ноября 2015 г. проходила тематическая выставка под названием «Размышления на полях: маргиналии в изображении и тексте, 800–1800» [6]. Насколько можно судить, это был первый и пока единственный в Европе проект, призванный познакомить широкую аудиторию с проблематикой аннотирования.

Наконец, совсем недавно предметом коллективного исследования стала проблема активного взаимодействия паратекста (колофонов, рубрик, рисунков и, разумеется, маргиналий во всех видах) с основным текстом рукописи [7].

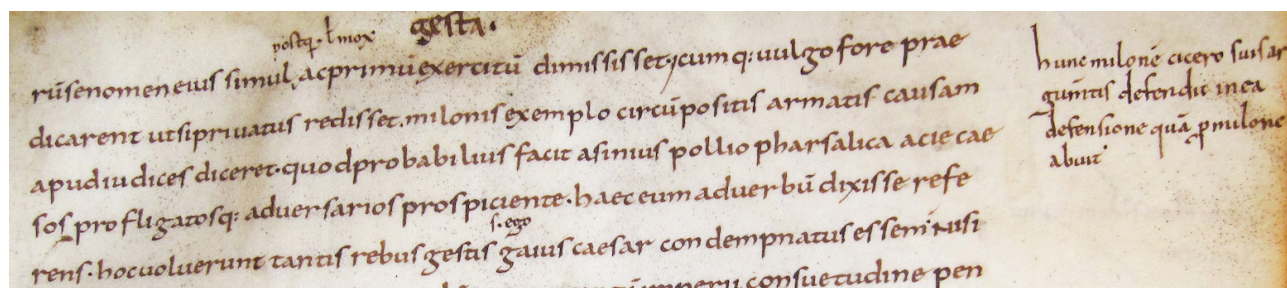
В отечественной науке до сих пор нет ни одной монографии, посвященной маргиналиям, в поле зрения исследователей попадали лишь отдельные сюжеты, например, школьные глоссы [8] или пометы

в рукописях с трудами по истории [9], а единственным заметным коллективным проектом стал круглый стол «Маргиналии в рукописях: практики чтения и культура текста в Средние века», который состоялся осенью 2014 г. в ИВИ РАН [10].

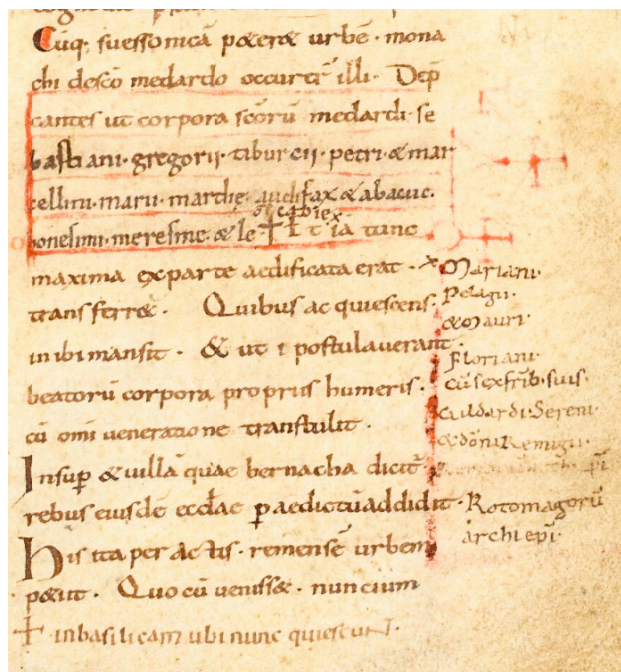
На сегодняшний день в современной науке накоплен определенный багаж практических и теоретических знаний в области изучения всех видов маргинальных записей. Но эта работа ни в коем случае не может считаться законченной. Абсолютно подавляющее большинство «маргинальных текстов» все еще ждет своих исследователей.

Между тем, маргиналии обладают весьма значительным исследовательским потенциалом для изучения широкого круга сюжетов. В их числе: культура чтения и практики работы с текстом в разные эпохи; история комплектования, хранения, инвентаризации и использования средневековых библиотек и архивов; история языка; история образования и ученого знания; социокультурная история отдельных средневековых сообществ и др. Для иных периодов времени этот источник и вовсе уникальный. Например, для Раннего Средневековья маргиналии представляют собой, пожалуй, единственный крупный корпус новых и почти неизученных текстов.

Приведем несколько примеров того, как могут «работать» маргиналии в исследовательском поле. За первым обратимся к рукописи с текстом «Жизнеописания цезарей» Светония, созданной в турецком монастыре святого Мартина во второй четверти IX в. (Paris, BN lat. 6115). На fol. 7r (ил. 1) напротив сообщения о том, что Цезарь после первого консульства опасался возвращаться в Рим, ибо рисковал пойти под суд, как некий Милон, убийца Клодия (Свет. Юл. 29, 3) рукой IX в. сделана следующая помета: «*Hunc Milonem Cicero suis argumentis defendit in ea defensione quam pro Milone abuit*» («Этого Милона Цицерон защищал своими доводами в защитительной речи, которой он вступился за Милона»); имеется в виду известная речь Цицерона в защиту Тита Анния Милона). Короткая ремарка сообщает исследователю одновременно о круге чтения конкретного читателя – турецкого монаха IX в., о том, какие сочинения античных авторов имелись в монастырской библиотеке и были доступны насельникам, а также как этот, очевидно, старший и более опытный читатель направлял своих последователей, обозначая для них

Ил. 1: Paris, BN lat. 6115, fol. 7r (фрагмент)

Ил. 2: Paris BN lat. 9768, fol. 11r (фрагмент)

связи между разными текстами, которые им только предстояло прочитать. Характерно, что речь в данном случае идет не о религиозных трудах, но о произведениях языческих писателей.

В X в. в суассонском монастыре Сен-Медард скопировали «Историю в четырех книгах» Нитхарда, созданную ок. 842 г. по заказу Карла Лысого и повествующую о междоусобных войнах во Франкской империи накануне Верденского раздела (Paris BN lat. 9768). На fol. 11r (ил. 2) переписчик сделал короткую вставку в основной текст в виде небольшого рассказа о проезде Карла через Суассон в августе 841 г. Воспользовавшись присутствием государя, монахи Сен-Медарда якобы обратились к нему с просьбой поучаствовать в перенесении мощей святых Медарда, Себастьяна и Григория в новую, хотя и недостроенную церковь. Карл охотно согласился и даже подарил монастырю виллу.

В последующие столетия именно эта вставка постоянно привлекала внимание монахов. В XI в. безымянный читатель существенно расширил список святых, добавив имена Тибурция, Петра и Марцеллина, Марии, Марфы, Аудифакса, Абакука, Онесма, Мересма и Леокадии. Для этого ему пришлось стереть часть основного текста, вынести одну фразу в подстрочник, сделав ее маргиналией, а в имени Леокадии ограничиться лишь первым слогом.

В XII в. другой читатель дописал имя Леокадии и продолжил список на полях, упомянув Мариана, Пелагия, Мавра, Флориана с шестью братьями, Гильдарда, Серена и Ремигия. Последнего он сначала ошибочно идентифицировал с легендарным архиепископом Реймса, но потом исправил на епископа Руана. При этом красной краской вывел прямо в тексте контуры

церкви, буквально «поместив» в нее имена нескольких святых, а также выделил список на полях – для более быстрого поиска нужного места.

Таким образом, сочинение каролинского историка монахи Сен-Медарда использовали для прославления собственной обители, для доказательства многовекового владения мощами святых и, вероятно, в меморативных целях. Их совершенно не смущало то обстоятельство, что у Нитхарда нет ни единого упоминания данного аббатства. Монахи нашли эффективный способ адаптировать сторонний исторический текст, волею случая оказавшийся в их распоряжении, для актуальных потребностей своей общины. А для современного исследователя помета являет собой наглядную иллюстрацию процесса формирования коллективной исторической памяти в монастыре Сен-Медард.

В 880-х гг. библиотекари Санкт-Галлена создали для себя рабочую тетрадь со списком книг, где вели учет состояния книжных фондов, в том числе оставляя комментарии на полях (St. Gallen, Codex 728). Например, на P. 12 (ил. 3) после очередной инспекции напротив некоторых титулов появились следующие пометы:

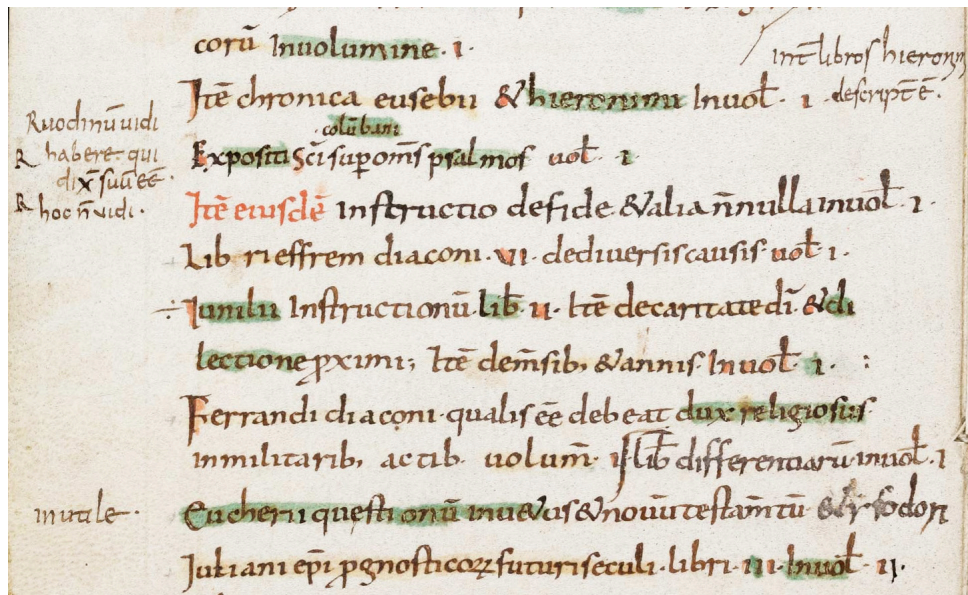
- Item chronica Eisebii et Hieronimi in volumine I: *inter libros Hieronimi descriptus est (описана среди книг Иеронима).*
- Expositio sancti Columbani super omnes psalmos volumen I: *R(equire). Ruodinus vidi habere, qui dixit suum esse (Искать. Я видел ее у Руодина, но тот сказал, что это его книга).*
- Item eiusdem (Eusebii) instruction de fide et alia nonnulla in volumine I: *R(equire). Hoc non vidi (Искать. Я не видел).*

Это лишь малая часть комментариев, впрочем, и они позволяют получить очень живое представление о внутренней жизни одного из лучших книжных собраний раннесредневековой Европы, жизни, почти всегда скрытой от любых посторонних глаз.

В конце VIII в. в Туре оказался знаменитый ныне иллюминированный кодекс Пентатевк (Пятикнижье) Ашбернхема (Paris BN NA lat. 2334), созданный предположительно в Риме в VII в. На fol. 9r (ил. 4) представлена сцена Потопа с изображением Ковчега и утопленников. В нижнем поле кто-то из каролинских монахов попытался скопировать одно из тел. Довольно неуклюжий эскиз – наглядный и вместе с тем редчайший для Раннего Средневековья пример того, как древняя рукопись могла использоваться в качестве учебного пособия по рисованию в одном из крупнейших каролинских центров по производству иллюминированных рукописей. А еще это наглядное свидетельство того, что для турецких монахов старая книга вовсе не являлась непременно ценной – собственными шедеврами они дорожили куда больше.

В санктгалленском кодексе последней четверти IX в. (St. Gallen, Codex 250) на полях пасхальной таблицы оставлено несколько каролинских помет, которые принято именовать пасхальными анналами. Краткие записи, например, на P. 14 (ил. 5) сообщают

Ил. 3: St. Gallen, Codex 728, P. 12 (фрагмент)

Ил. 4: Paris BN NA lat. 2334, fol. 9r (фрагмент)

об избрании аббатов, смерти королей, строительстве новой монастырской церкви. В отрыве от таблицы они не представляли собой никакой ценности, но их присутствие на полях, напротив, радикально трансформировало смысл основного текста.

Пасхальная таблица по природе своей амбивалентна – она отталкивается от Рождества Христова (линейное время), но предназначена прежде всего для определения точной даты Пасхи, одного из главных праздников ежегодного литургического цикла (циклическое время). Пометы же переносят акцент с циклического на линейное время и таким образом превращают пасхальную таблицу в текст с выражен-

ным эсхатологическим содержанием [11]. Пасхальная таблица *вместе* с пометами на полях была в первую очередь призвана напоминать читателю о приближении конца времен. Это лишь одно из многочисленных свидетельств колоссальной ментальной и культурной трансформации, которая происходила в Европе, в основном в монастырях во второй половине VIII–IX вв.

Заключение. Итак, под маргиналиями мы предлагаем понимать весь корпус текстов, знаков и изображений, которые существуют в конкретной рукописи помимо основного текста и которые появились в ней с момента создания и до наших дней. В Западной Европе как массовое явление они существуют с начала

	ANNI IN CAR NATIONIS DNI	INDI CTION	EPACTAE LUNARES	CONCUR RENSES	CICLVS LUNAE	XIII LUNA PASCHAE	DIES DOMINI CUS PASCHAE	LUNA DIELIPSI
	DECC XXVIII	VII	XII	IIII	X	VIII K AP	V K AP	XXVIII
	DECC XXX	VIII	XXIII	V	XI	II ID AP	XV K MA	XXVIII
<i>intra bapst: f. gally</i>	DECC XXXI	VIII	IIII	VI	XII	Kt AP	IIII N AP	XXVIII
	DECC XXXII	X	XV	B. I	XIII	XII K AP	VIII K AP	XXVII
	DECC XXXIII	XI	XXVI	II	XIIII	V ID AP	ID VS AP	XXVIII
	DECC XXXIII	XII	VII	III	XV	IIII K AP	IIII ID Non AP	XXI
	DECC XXXV	XIIII	XXVIII	IIII	XXVI	XV K MA	XIIII K MA	XX
	DECC XXXVI	XIIII	Nvtt	B. VI	XXVII	NONAS AP	V ID AP	XXVIII
<i>ernung abbeff er</i>	DECC XXXVII	XV	XI	VII	XXVIII	VIII K AP	Kt AP	XXI
	DECC XXXVIII	I	XXII	I	XXIIII	ID VS AP	XXVIII K MA	XX
	DECC XXXVIII	II	IIII	II	I	IIII N AP	VIII ID AP	XXVIII
<i>Lu domi in: ob:</i>	DECC XL	III	XIIII	B. IIII	II	XI K AP	V K AP	XX
<i>grimald ab: f. r.</i>	DECC XL I	IIII	XXV	V	III	IIII ID AP	XX K MA	XXI

Ил. 5: St. Gallen, Codex 250, P. 14 (фрагмент)

IX в. На сегодняшний день это единственный, почти не исследованный крупный комплекс средневековых источников, обладающий тем не менее огромным эвристическим потенциалом.

Маргиналии позволяют изучать широкий круг сюжетов, например, таких как культура чтения и практики работы с текстом в разные эпохи; история комплектования, хранения, инвентаризации и использования средневековых библиотек и архивов; история языка; история образования и ученого знания; социокультурная история отдельных средневековых сообществ и др.

Приведенные выше примеры дают возможность сформулировать еще несколько принципиально важных вещей: с одной стороны, за редчайшим исключением, маргиналии попросту не могут существовать в отрыве от своего основного носителя; с другой – они в свою очередь сами оказывают огромное влияние на рукопись, индивидуализируют ее и делают не просто очередным звеном в стемме эволюции конкретного текста, но совершенно уникальным и самоценным историческим памятником.

В этом сила и одновременно слабость маргиналий как исторического источника. Пометы невозможно публиковать на системной основе, для работы с ними необходим доступ к оригинальному носителю. Но широкая цифровизация рукописного материала, набирающая обороты в последние годы и благодаря которой в распоряжении исследователей оказываются самые разные, в том числе особо ценные рукописи вместе с содержащимися в них пометами, в значительной степени снимает эту проблему.

Литература

1. Wieland, G.R. The Latin Glosses on Arator and Prudentius in Cambridge University Library, MS Gg.5.35. – Toronto, 1983.

2. Slights, W. Managing Readers. Printed Marginalia in English Renaissance Books. – Michigan, 2001.

3. Jackson, H.J. Marginalia: Readers Writing in Books. Yale, 2002; Jackson H.J. Romantic Readers: The Evidence of Marginalia. – New Haven, 2005.

4. Talking to the Text: Marginalia from Papyri to Print / Ed. V. Fera, G. Ferrau, S. Rizzo. – Messina, 2002. – 2 vols.

5. The Annotated Book in the Early Middle Ages: Practices of Reading and Writing / Ed. M. Teeuwen, I. Van Renswoude. – Turnhout, 2017.

6. Материалы экспозиции также стали основой коллективного исследовательского проекта, его результаты опубликованы. См.: Marginalien in Bild und Text: Essays zu mittelalterlichen Handschriften / Hrsg. P. Carmassi und Ch. Heitzmann. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019.

7. Parating Knowledge in the Medieval Book: The Power of Paratexts / Ed. R. Brown-Grant, P. Carmassi, G. Drossbach. – Berlin; Boston, 2019.

8. Петров, В.В. Каролингские школьные тексты: глоссы из круга Иоанна Скотта и Ремигия из Осерра / В.В. Петров // Философия природы в Античности и в Средние века; под ред. П.П. Гайденко и В.В. Петрова. – М., 2000. – С. 530–591.

9. Сидоров, А.И. Маргиналии на полях манускрипта, или Как в средневековом Меце читали хронику Регинона / А.И. Сидоров // Средние века. – 2009. – Вып. 70(4). С. 106–129; Сидоров, А.И. Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.) / А.И. Сидоров. СПб., 2015. – С. 320.

10. Маргиналии в рукописях: практики чтения и культура текста в Средние века (материалы круглого стола) // Люди и тексты: Ист. альманах. – 2014. – М., 2015. – С. 22–228.

11. Сидоров, А.И. В поисках исчезающего времени (к вопросу о феномене средневековой анналистики) / А.И. Сидоров. // Средние века. – Вып. 79, ч. 3. – М.: Наука, 2018. – С. 14–43.

Поступила в редакцию 16.05.2023

Подготовка военнослужащих Белорусского военного округа в источниках и историографии: краткий обзор (1926–1941 гг.)

Бабарека А.С.

Учреждение образования «ВГУ имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается историография Белорусского военного округа в 1926–1941 гг.

Цель статьи – охарактеризовать вопросы подготовки военнослужащих Белорусского военного округа 1926–1941 гг. в белорусской советской историографии.

Материал и методы. Источниковая база работы состоит из опубликованных и неопубликованных документальных материалов. При проведении исследования использовались следующие методы: обзор и анализ электронных ресурсов, анализ, обобщение и сравнение исторической литературы и источников.

Результаты и их обсуждение. Советская военная наука, формировавшаяся вместе с Красной Армией, представляла собой систему развивающихся знаний о характере и особенностях вооруженной борьбы в различных условиях. Рассматриваемому периоду присуще многообразие задач, решаемых при совершенствовании системы боевой подготовки. В 1926–1941 гг. наблюдалось более масштабное приобретение СССР передовых технологий производства военной техники, что позволило довольно быстро заменить зарубежные образцы отечественными, параллельно с этим совершенствовалась система обучения и повышения квалификации кадров.

Комплекс архивных материалов составляет наиболее значимую часть источников. Также к ним относятся уставные и руководящие документы, материалы периодической печати. Мемуарная литература и книги об исторических личностях, которые носят вспомогательный характер и содержат ценные, хотя и не лишённые субъективизма, свидетельства и описания непосредственных участников данных событий.

Заключение. В русле историографии Белорусский военный округ являлся одной из творческих баз и лабораторий, где разрабатывались теории глубокого боя и глубокой операции, применения авиации, механизированных соединений и воздушно-десантных войск, усваиваемые тысячами участников учений и маневров, а также в школах офицерского, сержантского и рядового состава.

Ключевые слова: подготовка военнослужащих, Белорусский военный округ, Рабоче-крестьянская Красная Армия, Республика Беларусь, фонды, архивы, уставные и руководящие документы, мемуарная литература, книги об исторических личностях, тематические публикации.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 13–19)

Training of Military Personnel of the Belarusian Military District in Sources and Historiography: a Brief Review (1926–1941)

Babareka A.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article discusses the historiography of the Belarusian Military District in 1926–1941.

The purpose of the article is to characterize the issues of training military personnel of the Belarusian Military District in 1926–1941 in Belarusian Soviet historiography.

Material and methods. The source base of the study consists of published and unpublished documentary sources. The following methods were used in the study: review and analysis of electronic resources, analysis, generalization and comparison of historical literature and sources.

Findings and their discussion. Soviet military science, which was shaped together with the Red Army, was a system of developing knowledge about the nature and characteristics of armed struggle under various conditions. The period under review is characterized by a variety of tasks to be solved in the course of improving the system of combat training. In the period of 1926–1941, there was a larger-scale acquisition of advanced technologies for the production of military equipment by the USSR, which made it possible to quickly replace foreign samples with domestic ones; in parallel with this, the system of training and advanced training of personnel was improved.

The complex of archival materials constitutes the most significant part of the sources. The sources also include statutory and guiding documents, materials of the periodical press. Memoirs and books about historical figures, which are of an auxiliary nature and contain valuable, although not without subjectivity, evidence and descriptions of the direct participants in these events.

Conclusion. *According to historiography, the Belarusian Military District was one of the creative bases and laboratories where theories of deep combat and deep operations, the use of aviation, mechanized formations and airborne troops were developed, assimilated by thousands of participants in exercises and maneuvers, as well as in schools for officers, sergeants and ordinary composition.*

Key words: *training military personnel, Belarusian Military District, Workers 'and Peasants' Red Army, Republic of Belarus, funds, archives, statutory and governing documents, memoirs, books about historical figures, thematic publications.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 13–19)

Изучение, анализ, осмысление и обобщение истории в 20-летний период, предшествующий началу Великой Отечественной войны, имеет особое значение в рамках развития Вооруженных сил Республики Беларусь. В связи с ростом возникновения новых угроз, вызовов и рисков – это не просто необходимость, а неопровержимый факт. Результаты изученного опыта следует использовать для обеспечения национальной безопасности в современных реалиях времени, выработки действенных и качественных рекомендаций по подготовке военнослужащих Вооруженных сил. Становление и развитие Вооруженных сил в 1926–1941 гг. было неразрывно связано с общим развитием Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), в том числе и в Белорусском военном округе (БВО), и подготовкой военнослужащих на случай военных действий.

Цель статьи – охарактеризовать вопросы подготовки военнослужащих Белорусского военного округа 1926–1941 гг. в белорусской советской историографии.

Материал и методы. Источниковая база работы состоит из опубликованных и неопубликованных документальных материалов. При проведении исследования использовались следующие методы: обзор и анализ электронных ресурсов, анализ, обобщение и сравнение исторической литературы и источников.

Результаты и их обсуждение. Советская военная наука, формировавшаяся вместе с Красной Армией, представляла собой систему развивающихся знаний о характере и особенностях вооруженной борьбы, ее объективных законах и принципах военного искусства, способах и формах военной защиты социалистического Отечества, подготовки военнослужащих для ведения боя в различных условиях. Она была призвана разрабатывать теоретические основы и практические рекомендации строительства Вооруженных сил, их подготовки к возможной войне. В единстве с практикой советская военная наука определяла пути совершенствования имеющихся и создания новых средств вооруженной борьбы. Советская военная стратегия, опиравшаяся на марксистско-ленинскую методологию, считала, что в борьбе с коалицией агрессора достижение конечных целей войны потребует мощных стратегических усилий на нескольких направлениях (одновременно или последовательно). Подобные тенденции находили свое отражение в советской исторической и военно-исторической науке.

Рассматриваемый период характеризуется многообразием задач, решаемых при совершенствовании системы боевой подготовки, ее обеспеченности кадрами, военной техникой и вооружением, а также широкой вариативностью оптимизации организационной структуры и количественного состава Вооруженных сил, что вызывает несомненный интерес и на современном этапе.

В период 1926–1941 гг. наблюдалось более масштабное приобретение СССР передовых технологий производства военной техники, что позволило довольно быстро заменить зарубежные образцы отечественными, совершенствовалась система обучения и повышения квалификации кадров.

Боевая готовность БВО накануне Великой Отечественной войны, несмотря на определенные успехи в организационном строительстве, перевооружении и подготовке кадров в части увеличения штатной численности, разработки и выпуска новой военной техники, расширения сети профильных учебных заведений не в полной мере соответствовала задачам эффективной защиты и обеспечения безопасности государства.

Комплекс архивных материалов составляет наиболее значимую часть источников по теме нашего исследования. Научной базой изучения и анализа являются, в первую очередь, фонды Российского государственного военного архива (РГВА).

Основная масса документов РГВА, в которых отражены вопросы прямо или косвенно касающиеся БВО, сосредоточена в фондах: Ф. 9. Политическое управление Красной Армии 1918–1941 гг. / 13146 ед.хр., Ф. 62. Управление военно-учебных заведений Красной Армии 1917–1940 гг. / 3215 ед.хр., Ф. 65. Центральное управление по военной подготовке трудящихся штаба РККА 1918–1994 гг. / 2725 ед.хр., Ф. 54. Главное управление Красной Армии 1921–1940 гг. / 4054 ед.хр., Ф. 25848. Белорусский военный комиссариат (бывший Народный комиссариат по военным делам БССР) 1920–1925 гг. / 95 ед.хр., Ф. 25874. Западный особый военный округ (бывший Минский, Западный, Белорусский (БВО), Белорусский особый военный округ (БОВО)) 1918–1940 гг. / 1837 ед.хр., Ф. 31983. Управление боевой подготовки Красной Армии 1930–1941 гг. / 590 ед.хр., Ф. 33758. Управление делами Высшего и Малого академических военно-педагогических советов 1918–1924 гг. / 123 ед.хр., 29 «Главное управление Военно-воздушных сил

Красной Армии», документы фондов 4 «Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР», 104 «Управление армиями Западного фронта», 25874 «Управление Западного особого военного округа», 32113 «Управление 57-го особого корпуса (4 сентября 1937 г. – 19 июля 1939 г.)». Значительное количество документов по военной истории Беларуси находится в государственных военно-исторических архивах в Москве, Российском государственном архиве ВМФ в Санкт-Петербурге, Российском государственном военном архиве в Москве, Центральном архиве министерства обороны Российской Федерации в Подольске, Российском государственном архиве кинофотодокументов в Красноярске, Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

В Республике Беларусь военную документацию хранят и используют Архив Министерства обороны, государственные архивы в Минске и Гродно, архивы КГБ, Белорусский государственный архив кинофотодокументов в Дзержинске.

Также значительная часть материалов по теме нашего исследования хранится в Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 4п «Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (1918–1941 гг.)»), государственных архивах Витебской (фонды 359 «Витебское окружное общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству в СССР», 1582 «Витебский губернский военный комиссариат»), государственных архивах общественных организаций Гомельской (фонд 1 «Гомельский губернский комитет ВКП(б)»), Могилевской (фонд 9 «Могилевский областной комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии») областей [1]. Представляют интерес для нашей темы и следующие публикации [2; 3].

Первой тематической публикацией документов РГВА и частично Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) о строительстве Красной Армии в 1923–1928 гг. является публикация под редакцией К.М. Андерсона, И.И. Басика, В.Л. Воронова, В.А. Жилина, В.П. Козлова, В.Н. Кузеленкова, Н.И. Никифорова, А.С. Рукшина в двух книгах [4; 5]. Основу сборника составляют материалы центрального аппарата Народного комиссариата по военным и морским делам СССР (НКВМ) по вопросам реформирования, введения новой системы комплектования Вооруженных сил, подготовки военнослужащих по новым военно-учетным специальностям, обеспечение мобилизационной готовности и подготовки военно-обученных резервов для ее поддержания, совершенствования подготовки военных кадров, а также материально-технического и социального обеспечения командного и рядового состава, обучения и воспитания личного состава. Сборник снабжен богатым научно-справочным аппаратом, позволяющим расширить информационное поле публикуемых документов и содержащим уникальную информационную базу по истории воен-

ного строительства БВО и СССР в целом. В публикации показывается, какие и кем принимались решения по жизнедеятельности армии в 1923–1928 гг., перечни вопросов, связанных с подготовкой военнослужащих, рассмотренных на заседаниях пленумов ЦК и Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), а также на совещаниях РВС Республики – РВС СССР, перечень декретов и постановлений СНК и ЦИК СССР.

К середине 1930-х годов была создана теория боевого применения военно-воздушных сил. Советская авиация, завершив сложную эволюцию, превратилась из отдельного рода оружия в самостоятельный род войск, а затем вскоре в один из видов Вооруженных сил. Параллельно с этим процессом развивалось оперативное искусство военно-воздушных сил, которое занималось исследованием теории подготовки и ведения боевых действий крупными авиационными соединениями и объединениями в интересах достижения оперативных и оперативно-стратегических целей. Основоположником этой теории является профессор А.Н. Лапчинский, фундаментальные труды которого – «Воздушные силы в бою и операции» (1932 г.) [6] и «Воздушная армия» (1939 г.) [7] – придали ей необходимую стройность и четкость. Он же детально разработал проблемы борьбы за господство в воздухе. В 1936 г. теория подготовки и ведения воздушных операций была изложена в виде практических рекомендаций во Временной инструкции по самостоятельным действиям военно-воздушных сил РККА.

Определенная информация о событиях, происшедших в войсках БВО в межвоенный период, есть в воспоминаниях высшего командного состава ВС: Г.К. Жуков [8] (в 1969 г. «Воспоминания и размышления»), К.А. Мерецков, Л.М. Сандалов.

В сборнике документов и материалов «Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.)» [9], который стал итогом сотрудничества Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного военного архива, имеется не менее важная информация о дислокации, количественном составе и состоянии мобилизационной готовности частей и соединений БВО. На фоне значительных успехов социалистической индустрии и мощного экономического подъема страны, развития тяжелой промышленности, достижений отечественной науки и техники началось техническое перевооружение Красной Армии. Это значительно повысило огневую и ударную мощь войск и кардинально изменило подготовку военнослужащих и тактику применения подразделений.

Необходимо отметить уставные и руководящие документы, определяющие задачи, организацию и порядок функционирования Вооруженных сил, изданные в рассматриваемый в период (1926–1941 гг.), нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления, которые затрагивают вопросы военного строительства в Советской Беларуси. В декретах, постановлениях и резолюциях РКП(б), ВКП(б),

КП(б)Б, съездов Советов, СТО, СНК обозначены основные направления строительства военной организации СССР, а также задачи, формы и методы деятельности руководящих органов в этой сфере, постановления, приказы, распоряжения, отчеты, протоколы заседаний РВС СССР и БССР, наркоматов, Штаба и управлений РККА, командующего войсками БВО, которые способствуют составлению более конкретной, объективной и цельной картины преобразований военной организации РККА и войск БВО. Развитие стратегии и пересмотр ее концепций отражались в планах обороны страны, которые разрабатывались Генеральным штабом и утверждались Политбюро ЦК ВКП(б) и Советским правительством. Каждый такой план соответствовал социально-экономическому состоянию страны, а также ее ресурсам и международному положению, опирался на выработанные стратегические формы и методы, применяя которые можно было бы с наименьшей затратой материальных и людских ресурсов достичь наибольших результатов. Одновременно Штаб РККА подготовил проект Наставления по ведению операций – своего рода оперативный устав для всей армии. Этим был ликвидирован существовавший длительное время разрыв между оперативным искусством и тактикой.

Разработку новых положений, их обобщение и тщательную проверку на практике осуществляли П.А. Белов, П.Е. Дыбенко, А.И. Егоров, М.В. Захаров, Г.С. Иссерсон, К.Б. Калиновский, Н.Д. Каширин, А.И. Корк, Д.А. Кучинский, К.А. Мерецков, И.П. Обысов, А.И. Седякин, С.К. Тимошенко, В.К. Триандафиллов, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Ф. Федько, Б.М. Шапошников, Е.А. Шиловский и другие теоретики и военачальники. Изучению теории глубокого боя отводилось видное место в учебных и научных планах военных академий. Оперативный факультет Военной академии имени М.В. Фрунзе, Академия Генерального штаба, академии родов войск провели огромную работу по систематизации, прикладному и расчетному оформлению многих ее положений. Первый этап разработки теории глубокого боя и операции завершился выходом Временного полевого устава РККА 1936 г., в котором эта теория получила официальное признание. Новые, значительно высокие требования предъявляла жизнь ко всем службам и родам войск. В связи с моторизацией армии возникла необходимость организовывать ремонт машин, обеспечение их запасными частями и агрегатами, подготовкой специалистов в данной области. Поэтому в 1936 году в округе начали создавать специальные ремонтно-восстановительные батальоны с новыми ранее не существовавшими руководящими документами и программой подготовки военнослужащих. Личный состав частей и подразделений настойчиво повышал свое боевое мастерство. Бойцы и командиры учились вести бой в окружении, вызывать огонь на себя, выдерживать 12–15-суточные блокады. Техническое перевооружение соединений и воинских

частей БВО, проведенное в сжатые сроки, рост боевого мастерства и качества подготовки военнослужащих, успешно овладевающего новой по тому времени техникой, создание укрепленных районов, ряд крупных организационных и кадровых мероприятий значительно повысили боевую мощь войск округа, их готовность к выполнению задач по предназначению.

Белорусский военный округ являлся одной из творческих баз и лабораторий, где разрабатывались теории глубокого боя и глубокой операции, применения авиации, механизированных соединений и воздушно-десантных войск, усваиваемые тысячами участников учений и маневров.

Боевая выучка, тактическое мастерство командиров проверялись на полковых учениях, а также на маневрах, которые начиная с 1925 г. стали проводиться ежегодно, после завершения лагерного периода.

Важным условием укрепления армии являлась подготовка военных кадров. К началу Великой Отечественной войны на территории БССР размещалось 15 военных училищ (четыре пехотных, два стрелково-пулеметных, два танковых, два военно-политических, минометное, автомобильное, военно-тракторное, военно-инженерное и военно-аэрофотограмметрическое ВВС), пять школ пилотов, две школы младших авиаспециалистов и школа стрелков-радиостов, действовали курсы усовершенствования начсостава.

С 1925 г. вся армия перешла к плановой системе обучения и воспитания войск. В 1927–1928 гг. были введены в действие Боевой устав артиллерии, Боевой устав пехоты, Боевой устав броневых сил РККА, Боевой устав конницы, ряд других уставов и наставлений. Эти новые нормативные акты завершили в основном процесс регламентации боевой подготовки и службы войск.

Мемуарная литература и книги об исторических личностях, которые имеют вспомогательный характер и содержат ценные, хотя и не лишённые субъективизма, свидетельства и описания непосредственных участников данных событий, материалы периодической печати 1920–1941 гг., в том числе журналов «Армия и революция», «Военная мысль», газет «Известия», «Красная звезда» [10], «Правда», «Звезда», «Полесская правда», «Савецкая Беларусь», «Соха и молот», «Чырвоная зьмена», «Рабочий». Так, к примеру газета «Красноармейская правда» от 5 января 1930 года писала [10]: «В январе 1930 года Политуправление БВО заключило с народным комиссариатом земледелия БССР договор о подготовке 8 тысяч специалистов из числа воинов, увольняемых в запас». «Красноармейская правда» от 5 февраля 1932 года сообщила [12]: «Добиться в ближайшее время коренного перелома в деле повышения военной и политической квалификации начсостава штаба и управления как основа звена в разрешении поставленных РВС СССР задач по управлению войсками. Практической заботой партиячек должна стать повседневная борьба за образцовую постановку командирской учебы, за овладение техникой».

Газета «Рабочий» от 13 сентября 1936 года утверждает [13]: «Экзамен блестяще выдержан – на полях Советской Белоруссии, где 16 лет назад разворачивались жестокие и героические бои нашей доблестной Красной Армии с белополяками, на полях, обильно политых кровью рабочих и крестьян, на полях, которые хранят память о героических годах гражданской войны, – на этих полях в течение четырнадцати дней славные бойцы и командиры БВО показывали образцы подлинного мужества, храбрости, отваги, на которые способны только люди героической армии страны социализма...»

В период 1921 г. – начало 1940-х гг. появились первые публикации, содержащие сведения о военном строительстве. Основные положения советской военной доктрины начала 1920-х гг., а также шаги в области военного строительства в СССР, хода реформирования ВС, его особенности, вопросы подготовки военнослужащих, направления идеологической работы, воспитания, изучения и освоения новых образцов военной техники и стрелкового оружия и итоги отражены в работах М.В. Фрунзе. Он доказывал, что система военного строительства и обороны государства должна строиться на ясном и точном представлении характера будущей войны; на правильном и точном учете тех сил и средств, которыми будут располагать возможные противники; на таком же учете собственных ресурсов развил ленинское положение о том, что современные войны ведутся народами, подчеркнул, что их размах в пространстве и длительность неизбежно возрастут. Он указывал на необходимость готовить к войне не только армию, но и всю страну, быстро развивать промышленность, особенно тяжелую как материальную базу военной мощи социалистического государства.

Ценный вклад в развитие советской военной науки внесли А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, С.И. Гусев, А.И. Егоров, С.С. Каменев, И.В. Сталин, В.К. Триандафиллов, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников. Важную роль играли военные академии, Штаб (а затем Генеральный штаб) РККА, которые являлись крупными центрами военно-теоретической мысли, а также командующие и штабы военных округов.

Первая попытка обобщающего взгляда на ВС СССР сделана в работах Н.П. Вишнякова и Ф.И. Архипова «Устройство Вооруженных Сил СССР»). В них помимо исторического очерка о создании и развитии РККА, рассмотрены основы комплектования и прохождения военной службы, система организации и управления армией, показана структура войск, их вооружение и снабжение.

Особо следует отметить коллективный труд «Краснознаменный Белорусский военный округ» под редакцией С.Н. Большедворова, И.С. Алексанова [14]. В этом издании значительное место отведено периоду 1926–1941 гг. В данной работе рассматриваются вопросы, придерживаясь установленных в то время «идеологических рамок», наращивания боевой мощи БВО, однако вопросы рассмотрены односторонне, практически не указаны недостатки и пути решения

существовавших на тот момент проблем, с которыми и были связаны военные реформы, перевооружение и необходимость не совершенствоваться, а заниматься строительством Вооруженных сил, проблемы подготовки военнослужащих, нехватки подготовленных военных кадров, способных обучать освоению новых образцов вооружения и стрелкового оружия. Труды раскрывают не все направления военного строительства на территории Советской Беларуси, не выявлены его этапы и особенности хода. Авторы в своих работах высоко оценивали деятельность военно-политического руководства по строительству военной организации, подготовки военнослужащих, совершенствования военно-промышленного комплекса и перевооружения Вооруженных сил.

Первым, кто обратился к теме развития системы жизнеобеспечения войск БВО, стал В.М. Кривчиков [15–17]. Его труды проливают свет на этапы становления, развития, а также состояние и проблемы тылового обеспечения войск округа в межвоенный период. Автор глубоко раскрыл вопросы продовольственного, ободно-вещевого снабжения, материально-бытового размещения военнослужащих и развития системы мобилизационной готовности организаций БССР.

Вопросы подготовки БССР к учениям Белорусского военного округа в сентябре 1937 г. рассматриваются в исследовании А.М. Лукашевич [18]. Отмечается, что она осуществлялась в напряженной морально-политической обстановке, обусловленной массовыми политическими репрессиями. Это проявилось в постоянном поиске «врагов народа», которые якобы срывали мероприятия партии и правительства. При этом в расчет не принимались последствия репрессивной политики ВКП(б) в отношении белорусского крестьянства, приведшей к окончательному обнищанию сельских жителей. Анализируется деятельность уполномоченных ЦК КП(б)Б и СНК БССР в районах проведения учений. Практическая подготовка к маневрам началась в августе 1937 г. Директивой ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 22 августа 1937 г. определялось, что маневры частей БВО имеют «огромное политическое значение». Согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 27 августа 1937 г. всем руководителям партийных, советских и других органов предписывалось «положить в основу партийно-политической и массовой работы среди рабочих, колхозников и всех трудящихся выполнение задач, вытекающих из указаний товарища Сталина о капиталистическом окружении, разъяснять массам и бороться за успешное выполнение решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2-го августа 1937 года».

В сентябре 1937 г. в БССР прошли крупнейшие советской истории межвоенного периода маневры войск Белорусского военного округа. По некоторым данным, в них было задействовано «150 000 человек, более 1000 танков, 800 с лишним орудий, около 700 самолетов, около 7000 автомоторов, 50 с лишним тысяч лошадей». Но как осуществлялась подготовка к таким масштабным учениям? И как на нее повлияли массовые

политические репрессии? Об этом говорится в статьях и документах под редакцией Б. Короля, А. Алексева, В. Селеменова, В. Шимолина, В. Андреева [19].

Теория глубокого боя и операции прошла частичную проверку на крупных армейских маневрах 1935–1937 гг., в ходе боевых действий, которые пришлось вести Советской Армии в 1938–1939 гг.

Интерес представляют труды И.А. Басюка [20]. В своих работах автор раскрывает вопросы возведения укрепленных объектов, а также военной подготовки партизан и создания условий для ведения партизанской борьбы в Беларуси.

Более полно вопросы фортификационного строительства на территории Советской Беларуси отражены в работах С.А. Пивоварчика [21]. В них впервые автор рассматривает процесс оборонного строительства в период 1921–1941 гг., раскрывает этапы и ход работ, дает оценку проведенным мероприятиям и состоянию укрепленного рубежа, а также приводит характеристику районов и объектов, подготовку подразделений по оборудованию и использованию в ходе ведения вооруженной борьбы.

Мероприятия военного строительства были направлены на подготовку населения к возможным боевым действиям, его военно-патриотическое воспитание. Значительный вклад своими исследованиями в освещение данной проблематики внесли П.Г. Чигринов [22; 23], К.И. Осипов [24], В.Ф. Кушнер [25], Е.В. Пикульский [26], Д.Н. Хромченко [27], Е.К. Куликович [28]. Учеными основательно раскрыто участие военнослужащих округа и населения республики в строительстве фундамента нового общества, укреплении обороноспособности СССР.

Проблемам состояния и развития ВВС округа в межвоенный период посвящены монография и диссертационное исследование Н.В. Буреня. В них отражены процессы, проходившие в летных формированиях округа по реализации военной реформы в ВВС, показаны изменения структуры, переход на новую технику, затронуты вопросы подготовки летного и технического состава.

Боевая и учебная практика войск, достижения науки и техники поставили по-новому вопрос об использовании в бою танков, артиллерии и авиации.

Вопросы военного строительства на территории Советской Беларуси в указанный период и частично вопросы подготовки военнослужащих затронул в диссертационном исследовании (Военное строительство на территории советской Беларуси (1921–1939 гг.)), а также в опубликованных статьях «Подготовка людских резервов для Красной Армии в период 1921–1939 гг.: на примере Беларуси» [29], «Падрыхтоўка тэрыторыі Беларусі як цэнтральнай часткі Заходняга тэатра ваенных дзеянняў (1921–1939 гг.)» [30], «Партыйно-політычная работа среди населения как составная часть военного строительства в БССР (1921–1939 гг.)» [31], «Военное строительство на территории Беларуси в 1921–1939 гг.: краткий историографический обзор» [32] Е.В. Комар.

Из работ, изданных в Беларуси, необходимо отметить военно-исторический труд «На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальный период Великой Отечественной войны», подготовленный сотрудниками Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации и Военно-научного управления Вооруженных сил Республики Беларусь [33]. На основе анализа обширного массива документов и материалов из отечественных и российских архивов в работе детально рассматриваются военно-политические события предвоенного периода, состав группировки советских войск и ее состояние накануне Великой Отечественной войны. Эти вопросы необходимо рассматривать в контексте подготовки военнослужащих, так как укрепляя и расширяя вопросы социализма внутри страны, партия проявляла постоянную заботу об усилении Красной Армии, об ее идейной закалке (идеологическая подготовка военнослужащих), вооружении (изучение новых современных образцов вооружения) и оснащения. Без мощной, хорошо обученной и политически закаленной армии строительство социализма, находившейся в капиталистическом окружении, было невозможно.

Заключение. В русле историографии Белорусский военный округ являлся одной из творческих баз и лабораторий, где разрабатывались теории глубокого боя и глубокой операции, применения авиации, механизированных соединений и воздушно-десантных войск, усваиваемые тысячами участников учений и маневров, а также в школах офицерского, сержантского и рядового состава.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12014 – Стенограмма совещания [при ЦК КП(б) Б] от 30 августа 1937 г. о политическом положении в районах в связи с подготовкой к маневрам частей БВО.
2. Великая Отечественная: в 13 т. – М.: Терра, 1993. – Т. 12: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. – 408 с.
3. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы; под ред. В.Н. Кузленкова. – М.; СПб.: Летний сад, 2005. – 272 с.
4. Реформа в Красной Армии. 1923–1928 гг.: Документы и материалы: в 2 кн.; редкол.: К.М. Андерсон [и др.]. – М., СПб.: Летний сад, 2006. – Кн. 1. – 720 с.
5. Реформа в Красной Армии. 1923–1928 гг.: Документы и материалы: в 2 кн.; редкол.: К.М. Андерсон [и др.]. – М., СПб.: Летний сад, 2006. – Кн. 2. – 525 с.
6. Лапчинский, А.Н. Воздушные силы в бою и операции / А.Н. Лапчинский. – М.: Гос. воен. изд-во, 1932. – 291 с.
7. Лапчинский, А.Н. Воздушные силы в бою и операции / А.Н. Лапчинский. – М.: Воениздат, 1939. – 192 с.
8. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М.: АПН, 1969. – 736 с.
9. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.) документы и материалы: сост. В.И. Адамуско [и др.]. – Изд. 2-е. – Минск: НАРБ, 2007. – 622 с.

10. Король, Б. Парад войск Белорусского военного округа / Б. Король, А. Алексеев // Красная звезда. – 1937. – 27 сент.
11. Красноармейская правда. – 1930. – 5 янв.
12. Красноармейская правда. – 1932. – 5 февр.
13. Рабочий. – 1936. – 13 сент.
14. Краснознаменный Белорусский военный округ / С.Н. Большедворов, И.С. Алексанов. – Минск, 1973. – 573 с.
15. Кривчиков, В.М. Состояние обеспеченности БВО материальными средствами службы ГСМ (1936) / В.М. Кривчиков // Новый университет. Сер. Акт. проблемы гуманитар. и общ. наук. – 2016. – № 1. – С. 19–22.
16. Кривчиков, В.М. Обеспечение техническими средствами приготовления пищи и выпечки хлеба в полевых условиях войск Красной армии в 1930 – начале 1940-х гг. / В.М. Кривчиков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. 2. История. Экономика. Право. – 2016. – № 1. – С. 57–61.
17. Кривчиков, В.М. Система тылового обеспечения Красной армии накануне Великой Отечественной войны / В.М. Кривчиков // Вестн. Брест. ун-та. Сер. А. Гуманитар. науки. – 2012. – № 1. – С. 24–32.
18. Лукашевич, А.М. Подготовка БССР к маневрам Красной Армии в сентябре 1937 г. / А.М. Лукашевич. – Минск: БГУ, 2015 – С. 46–62.
19. Селеменев, В., Шимолин, В. Партия и НКВД в 1938 году / В. Селеменев, В. Шимолин // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. науч. работ / сост.: И. Кузнецов, Я. Басин; науч. ред. В.П. Андреев. – Минск, 2007. – Вып. 3. – С. 28–44.
20. Басюк, І.А. Заходняя Асобая ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны: аўтарэф. дыс. .... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / І.А. Басюк; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2004. – 34 с.
21. Пивоварчик, С.А. Формирование и развитие системы фортификационного строительства в Беларуси (1772–1941 гг.) / С.А. Пивоварчик. – Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы, 2009.
22. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.
23. Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочнения социализма 1926 – июнь 1941 г. / П.Г. Чигринов // Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск: Беларусь, 1985. – 43 с.
24. Осипов, К.И. Деятельность КПСС по укреплению единства армии и народа в период построения фундамента социализма (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.И. Осипов; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1973. – 22 с.
25. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите родины: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Ф. Кушнер; Мин. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1976.
26. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.) / Е.В. Пиульский // М-во высш. и сред. спец. образования БССР. – Минск, 1975. – 26 с.
27. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2017. – 204 с.
28. Кулинкович, Е.К. Становление и развитие массовых форм физической культуры как средство коммунистического воспитания трудящихся: (на примере БССР): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.К. Кулинкович; Гос. ин-т физ. культуры им. П.Ф. Лесгафта. – Л., 1985. – 20 с.
29. Комар, Е.В. Подготовка людских резервов для Красной Армии в период 1921–1939 гг.: на примере Беларуси / Е.В. Комар // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2019. – № 1. – С. 105–112.
30. Комар, Е.В. Падрыхтоўка тэрыторыі Беларусі як цэнтральнай часткі Заходняга тэатра ваенных дзеянняў (1921–1939 гг.) / Е. Комар // Беларус. гіст. часоп. – 2019. – № 4. – С. 19–29.
31. Комар, Е.В. Партийно-политическая работа среди населения как составная часть военного строительства в БССР (1921–1939 гг.) / Е.В. Комар // Вестн. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2019. – № 4. – С. 29–33.
32. Комар, Е.В. Военное строительство на территории Беларуси в 1921–1939 гг.: краткий историографический обзор / Е.В. Комар // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2020. – № 9. – С. 71–79.
33. На земле Беларуси: канун и начало войны: боевые действия советских войск в начальный период Великой Отечественной войны // М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории МО РФ, М-во обороны Республики Беларусь, Военно-науч. Упр. ВС Респ. Беларусь; В.В. Абатуров [и др.]. – М.: Кучково поле, 2006. – 573 с.

Поступила в редакцию 23.11.2022

Дзейнасць Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг.

Бароўская В.М.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск

Рыжскі дагавор заклаў асновы суіснавання савецкіх рэспублік і Польшчы. Дзейнасць Змешаных камісій, прадугледжаных для выканання дагавора, яўна дэманстравалі не імкненне бакоў да кампрамісу, адсутнасць схемы вырашэння спрэчных пытанняў.

Мэта даследавання – ахарактызаваць дзейнасць Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг., вылучыць беларускі накірунак у яе функцыянаванні.

Матэрыял і метады. *Вывучэнне дзейнасці Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг. адбывалася пры выкарыстанні спецыяльных гістарычных метадаў, прыцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Рыжскім дагаворам (арт. XVI) прадугледжвалася стварэнне Змешанай разліковай камісіі, якая павінна была вырашыць пытанне эвакуіраваных у Расію фінансавых інстытутаў, кампенсацыі ўкладаў насельніцтва Польшчы, суб'ектаў гаспадарання ў банках Расіі, вызначыць памеры, спосабы і тэрміны выплаты; займацца вырашэннем спраў, якія датычацца прыватна-юрыдычных адносін абедзвюх дзяржаў.*

Заклучэнне. *Безвыніковасць працы Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг. цалкам была заканамернай, улічваючы праблемныя двухбаковыя адносіны паміж РСФСР (СССР) і Польшчай. Ігнараванне савецкім бокам XV–XVIII артыкулаў дагавора выклікала складанасці пры ўсталяванні эканамічных сувязей і заключэнні гандлёвага дагавора.*

Ключавыя словы: *Рыжскі дагавор, узаемаразлікі, кампенсацыя, рээвакуацыя, ліквідацыя маёмасці.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 20–24)

Activities of the Mixed Settlement Commission in 1921–1924

Borovskaya O.N.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

The Treaty of Riga laid the foundations for the coexistence of the Soviet Republics and Poland. The activities of the Mixed Commissions, provided for the implementation of the agreement, clearly demonstrated the parties' lack of desire for compromise, the absence of a scheme for resolving disputes.

The purpose of the article is to characterize the activities of the Mixed Settlement Commission in 1921–1924, highlight the Belarusian direction in its functioning.

Material and methods. *The study of the activities of the Mixed Settlement Commission in 1921–1924 occurred with the use of special-historical methods, the principles of historicism and objectivity.*

Findings and their discussion. *The Treaty of Riga (Art. XVI) provided for the creation of the Mixed Settlement Commission, which was supposed to resolve the issue of financial institutions evacuated to Russia, compensation of deposits of the population of Poland, business entities in Russian banks, determine the amounts, methods and terms of payments; deal with cases related to the private-legal relations of both states.*

Conclusion. *The ineffectiveness of the work of the Mixed Settlement Commission in 1921–1924 was completely behind the scenes, due to the problematic bilateral relations between the RSFSR (USSR) and Poland. Ignoring the XV–XVIII articles of the Treaty by the Soviet side caused difficulties in establishing economic ties and concluding a trade agreement.*

Key words: *Riga Treaty, mutual settlements, compensation, re-evacuation, liquidation of property.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 20–24)

Рыжскі мірны дагавор заклаў асновы мірнага суіснавання савецкіх рэспублік і Польшчы. Зразумела, што адным юрыдычна-прававым актам нельга пабудаваць сістэму сяброўскіх і стабільных двухбаковых сувязей. Для гэтага патрабаваліся гады існавання на мяжы вайны і міру, пры наяўнасці вялікага пачуцця варожасці ў грамадстве і кіраўніцтве дзвюх краін. Знешнепалітычныя ведамствы Польшчы і РСФСР (СССР), улічваючы агульны курс краіны і сітуацыю ў Цэнтральна-ўсходнеўрапейскім рэгіёне, імкнуліся наладзіць узаемаадносіны, зняць напружанасць і пабудаваць эфектыўную мадэль вырашэння праблем. Дзейнасць Змешаных камісій (рээвакуацыйнай і спецыяльнай, камісіі па рэпатрыяцыі, пагранічнай, ваенна-ўзгадняльнай і інш.), прадугледжаных для практычнага выканання Рыжскага дагавора і Дамовы па рэпатрыяцыі, яўна дэманстравалі не імкненне бакоў да кампрамісу, адсутнасць схемы вырашэння спрэчных пытанняў. Гэта выклікала не толькі затрымку ў іх працы, але і пагражала разрывам дыпламатычных адносін.

Глыбокія супярэчнасці паміж польскім, беларускім, украінскім, расійскім бакамі ў адзнаках тых падзей не зніклі да гэтага часу, працягваючы абцяжарваць адносіны паміж суверэннымі краінамі на сучасным этапе. Адзнакі савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду да гэтага часу носяць супярэчлівы характар. Праблематыка Змешанай разліковай камісіі слаба вывучана ў замежнай і айчыннай гістарыяграфіі. Варта ўзгадаць даследаванні Ю. Куманецкага [1], П.Н. Альшанскага [2] і В.М. Цынкевіча [3]. Мэта даследавання – ахарактызаваць дзейнасць Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг., вылучыць беларускі накірунак у яе функцыянаванні. Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна вырашыць наступныя задачы: вывучыць нарматыўна-прававую базу стварэння і існавання Змешанай разліковай камісіі, раскрыць прычыны неэфектыўнасці яе дзейнасці, выявіць сувязь працы камісіі з Ліквідацыйным камітэтам па справах былых расійскіх юрыдычных асоб і Спецыяльнай камісіі па ацэнцы страт, нанесеных дзеяннямі польскай арміі і акупацыйнымі польскімі ўладамі дзяржаве, прыватным асобам і ўстановам на тэрыторыі БССР.

Матэрыял і метады. Вывучэнне пытання дзейнасці Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг. адбывалася пры выкарыстанні спецыяльных гістарычных метадаў, прынцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці. Пры дапамозе гісторыка-сістэмнага метаду даследавання ўдалося ахарактарызаваць структурна-функцыянальныя параметры дзейнасці Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг. Сістэма ўзаемаразлікаў знаходзілася ў прамой залежнасці ад існуючага становішча савецка-польскіх адносін.

Вынікі і іх абмеркаванне. Рыжскім мірным дагаворам (арт. XVI) прадугледжвалася стварэнне Змешанай разліковай камісіі (ЗРК), якая павінна была вырашыць пытанне эвакуіраваных у Расію фінанса-

вых інстытутаў, кампенсацыі ўкладаў насельніцтва Польшчы, суб'ектаў гаспадарання ў банках Расіі. Камісія павінна была займацца пытаннямі ўзаемаразлікаў паміж польскім і расійска-ўкраінскім бакамі, вызначыць памеры, спосабы і тэрміны выплаты. Таксама камісія займалася вырашэннем спраў, якія датычаліся прыватна-юрыдычных адносін абедзвюх дзяржаў і выплатай прэтэнзій юрыдычным і фізічным асобам, што паступалі на адрас Міністэрства фінансаў Польшчы і Народнага камісарыята фінансаў РСФСР, УССР і іншых дзяржаўных інстытуцый як польскіх, так і расійска-ўкраінскіх. У сферу дзейнасці ЗРК траплялі і тыя разлікі, якія вынікалі з працэсу рээвакуацыі польскай прыватнай і дзяржаўнай маёмасці [4, с. 703].

Згодна з артыкулам XVI Рыжскага мірнага дагавора, расійска-ўкраінскі бок абавязваўся правесці з Польшчай разлік па фондах і капіталах, завешчаных ці ахвяраваных для польскіх юрыдычных і фізічных асоб і якія знаходзяцца згодна з абавязковымі пастановамі на захаванні ці на рахунках у дзяржаўных касах ці крэдытных установах былой Расійскай імперыі. Для правядзення разлікаў, прадугледжаных у артыкулах XIV, XV, XVI, XVII Рыжскага дагавора, і для ўсталявання прынцыпаў гэтых разлікаў у выпадках, не прадугледжаных дагаворам, а таксама для вызначэння памеру, спосабаў і тэрмінаў выплаты па вышэйзгаданых разліках стваралася напрацягу 6-ці тыдняў са дня ратыфікацыі дагавора Змешаная разліковая камісія, якая складалася з 5-ці прадстаўнікоў з кожнага боку і неабходнай колькасці экспертаў, з месцазнаходжаннем у Варшаве. Тэрмінам, да якога павінны быць прымеркаваны ўсе разлікі, прымаецца 1 кастрычніка 1915 г. Разлікі адбываюцца ў рускіх залатых рублях. У 1921 расійска-ўкраінская дэлегацыя Змешанай разліковай камісіі прыбыла ў Варшаву, ужо ў 1924 г. яна вярнулася ў Маскву. Польская дэлегацыя была створана 1 чэрвеня 1921 г., расійска-ўкраінская дэлегацыя своечасова не з'явілася ў польскай сталіцы. Затрымка ў працы камісіі звязана з хваробай старшыні расійска-ўкраінскай дэлегацыі Л.Л. Абаленскага [5, с. 122–123].

Пасля ноты Міністэрства замежных спраў (МЗС) Польшчы 10 кастрычніка 1921 г. паўнамоцнае прадстаўніцтва РСФСР і УССР у Польшчы паведаміла, што расійска-ўкраінская дэлегацыя знаходзіцца са жніўня ў Варшаве і чакае пачатку працы разліковай камісіі. На гэты факт МЗС звярнула ўвагу савецкае прадстаўніцтва 20 кастрычніка 1921 г. У выніку I пасяджэнне адбылося 3 лістапада 1921 г. З польскага боку ў ім узялі ўдзел старшыня польскай дэлегацыі Ю.К. Карсніцкі, члены: С. Каузік, С. Крулікоўскі, С. Макавецкі, Т. Навойскі, расійска-ўкраінская дэлегацыя: старшыня – Л.Л. Абаленскі, члены: М.І. Багаляпаў, І.Я. Хургін, Б.Р. Зуль.

Падчас I пленарнага пасяджэння ЗРК былі разгледжаны тэхнічныя пытанні, абмеркаваны спосабы ажыццяўлення разлікаў. Быў зацверджаны рэгламент

камісії. Пацверджана неабходнасць дастаўкі расійска-ўкраінскім бокам вывезных актаў і дакументаў, неабходных для ажыццяўлення ўзаемаразлікаў. Для правядзення разліковых аперацый прызнавалася неабходным наяўнасць архіўных дакументаў, вывезеных з Польшчы падчас Першай сусветнай вайны: архіў ізб і скарбовых кас, дзяржаўных дабрачынных кас, аддзелаў гарадскіх банкаў, сялянскіх і шляхецкіх банкаў, эвакуіраваных прыватных крэдытных устаноў.

У рэгламенце было зацверджана, што ў пленарных пасяджэннях мелі права прымаць удзел паўнамоцныя члены абедзвюх дэлегацый, тэхнічныя працаўнікі, выкліканыя старшынёй дэлегацыі. Час і месца пасяджэнняў, дзённы парадак павінны быць устаноўлены шляхам паразумення старшынь абедзвюх дэлегацый. Рабочыя мовы: польская, руская і ўкраінская. Пратакты вядуцца кожным бокам на польскай і рускай мовах. Існавала магчымасць стварэння падкамісій для разгляду канкрэтнага пытання.

І пасяджэнне ЗРК, якое адбылося 5 снежня 1921 г., было прысвечана разгляду пытання вызначэння тэрміна звароту дакументальных асноў ўзаемаразлікаў. Праз два месяцы расійска-ўкраінскі бок, на тэрыторыі якога знаходзіліся ўсе неабходныя крыніцы, павінен быў ажыццявіць рээвакуацыю матэрыялаў цэнтральных устаноў, разлікі якіх праводзіліся праз Галоўную дзяржаўную касу (Цэнтральны ці Пецябургскі аддзел Расійскага дзяржаўнага банка), пачынаючы з 1 студзеня 1916 г., прадставіць інфармацыю аб узаемных даўгах, даверчых лістоў. Акрамя таго расійска-ўкраінскі бок абавязваўся прыслаць друкаваныя экзэмпляры ўсіх бюджэтаў дзяржаўных інстытуцый 1915–1917 гг.

5 снежня 1921 г. польская частка ЗРК выдае пастанову, згодна з якой усім асобам, якія прэтэндуюць на ўзаемаразлікі, патрэбна звяртацца ў канцылярыю польскай дэлегацыі, асобную камісію у Варшаве, або праз консульствы і прадстаўніцтвы за мяжой. Заявы павінны мець пры сабе дадаткі ў выглядзе дакументальных доказаў з дакладна вызначанай лічбай маёмасці ці маёмасных правоў, якія яны жадаюць вярнуць. Пасля папярэдняга разгляду заяў з дадаткамі, яны дасылаюцца на адрас расійска-ўкраінскай дэлегацыі, якая ў месячны тэрмін ад даты атрымання дае афіцыйны адказ аб мэтазгоднасці разлікаў. У выпадку, калі ў месячны тэрмін не будзе атрыманы адказ ад расійска-ўкраінскага боку, то заява павінна быць задаволена цалкам. Адказы рыхтуюцца ў спецыяльных падкамісіях, якія складаюцца з 4 членаў экспертаў (па 2 з кожнага боку). Рашэнне прымаецца большасцю галасоў. Пры роўнасці галасоў справа перадаецца на разгляд у галоўную камісію ЗРК яшчэ на два месяцы.

Падчас трох першых пленарных пасяджэнняў не было прынята ніякага рашэння адносна прынцыпу і механізму разлікаў. 12 снежня 1921 г. была разгледжана прапанова польскай дэлегацыі ў Змешанай разліковай камісіі па пытанні ўстанаўлення асноў у ўрэгуляванні разлікаў з польскімі грамадзянамі,

былых служачых урадавых устаноў (арт. XVII, ч. 2, арт. XVIII). Служачыя ваенных і грамадзянскіх, чыгуначных, грамадскіх устаноў былога Каралеўства Польскага і Расійскай імперыі, таксама іх нашчадкі (удовы і сіроты) мелі права прэтэндаваць на выплаты ўсіх запазычанасцей па зароботнай плаце і пенсіях і іншых невыплачаных сум [6, s. 8]. Праз два тыдні (26 снежня 1921 г.) было ўзнята пытанне аб пратэрмінаванай запазычанасці гарадскіх і сельскіх гмін на рахунках былой Расійскай імперыі [6, s. 76]. У выкананне п. 2. арт. XVII Рыжскага дагавора Расія і Украіна абавязуюцца ажыццявіць разлік па сумах дэбіторскіх запазычанасцяў гарадскіх і сельскіх гмін Савецкаму ўраду на момант падпісання Рыжскага дагавора. РСФСР (БССР) і УССР прызнаюць запазычанасці, якія былі прызнаны расійскімі ўладамі да выплаты са скарбу дзяржавы, але не былі да гэтага часу выплачаны; запазычанасці той жа катэгорыі пералічаных у сувязі з эвакуацыяй кіраўніцтва магістратаў і гмін на тэрыторыю былой Расійскай імперыі; надзвычайныя выдаткі. Для ажыццяўлення гэтых разлікаў польскі ўрад абавязуецца прадставіць савецкаму боку спіс прэтэнзій, якія падлягаюць звароту. Спісы павінны змяшчаць: прэтэнзіі асобных гмін, падзеленых на пазіцыі, доказ кожнай пазіцыі, прызнавалася неабходным прыкласці дакументы, якія паказваюць асаблівасці звароту.

У сакавіку 1922 г. па ініцыятыве польскай дэлегацыі было ўзнята пытанне ажыццяўлення разлікаў па прэтэнзіях польскіх фізічных і юрыдычных асоб да расійскіх паштовых і паштова-тэлеграфных устаноў як эвакуіраваных, так і тых, якія дзейнічаюць на тэрыторыі РСФСР (БССР) і УССР [6, s. 76]. Выплаты прадугледжваліся за невыплачаныя паштовыя і тэлеграфічныя пераводы, паштовыя выплаты за выдання пасылкі; нерэалізаваныя векселі; недастаўленыя каштоўныя пасылкі і заказныя лісты. У гэты ж час была агучана прапанова польскай дэлегацыі ў ЗРК па пытанні ўрэгулявання запазычанасці былым вайскоўцам Расійскай імперыі, польскім грамадзянам (афіцэрам, лекарам, фельдчарам, вайсковым служачым, жаўнерам, санітарам, майстрам артылерыі) на агульную суму 119.458 036 руб. (пенсіі, выплаты на харчаванне, сталыя і спецыяльныя выплаты) на 24 000 чалавек [6, s. 166].

3 жніўня 1922 г. у падкамісіях былі распрацаваны два праекты: 1) у справе ажыццяўлення разліку польскіх укладаў у расійскіх дзяржаўных банках і дзяржаўных ашчадных касах; 2) у справе звароту фондаў устаноў ўзаемнага страхавання [5, s. 122–123]. У 1922 г. Змешаная разліковая камісія зацвердзіла зварот фінансаў на суму 24,04 млн руб., але без вызначэння яго механізму. Палякі патрабавалі звароту дадаткова 242,9 млн руб. (з іх 140 млн залатых руб. – маёмасць ашчадных касаў, дзе 600 тыс. грамадзян Польшчы трымалі зберажэнні).

27 снежня 1924 г. было зацверджана распараджэнне Прэзідэнта Польшчы “Аб ахове правоў на прад’яўніка

(маёмасці), вывезенай на тэрыторыю СССР, якая захоўваецца ва ўстановах на гэтай тэрыторыі” і распараджэння Міністра фінансаў Польшчы ад 16 лютага 1925 г. уладальнікі маёмасці ці капіталаў павінны былі не пазней 1 лістапада 1925 г. падаць заяву аб сваіх прэтэнзіях у Галоўнае ліквідацыйнае ўпраўленне. У выніку савецкаму боку была выстаўлена значная сума ў 1.368.211.82 залатыя рублі. Аднак як указвала польская дэлегацыя ў сваёй справаздачы, атрыманне гэтых сродкаў было практычна немагчымай справай з-за адсутнасці паразумення паміж бакамі па дадзеным пытанні. Па прычыне немагчымасці рэстытуцыі фондаў польскае кіраўніцтва прыняло рашэнне аб іх ліквідацыі.

Распараджэннем Прэзідэнта Польшчы І. Масціцкага 22 сакавіка 1928 г. “Аб ліквідацыі маёмасці былых расійскіх юрыдычных асоб” быў створаны Ліквідацыйны камітэт па справах былых расійскіх юрыдычных асоб. Старшыня камітэту – У. Якубоўскі [7, арк. 7]. У дадатку да І нагурацыйнага пасяджэння Ліквідацыйнага камітэта ўказвалася, што асноўнай прычынай стварэння камітэта і выдання распараджэння ад 22 сакавіка 1928 г. стала нежаданне кіраўніцтва СССР выконваць свае фінансава-эканамічныя абавязкі па Рыжскім дагаворы, у прыватнасці аб выплаце кампенсацыі за нацыяналізаваную маёмасць прыватных асоб, таварыстваў. Згодна з Грамадзянскім кодэксам СССР 1922 г., нацыяналізацыі падлягала маёмасць прыватных банкаў, гарадскіх пабудоў, царкоўная маёмасць, прыватныя бальніцы, гандлёвыя прадпрыемствы. Нацыяналізаваліся не толькі прадпрыемствы, якія належалі расійскім грамадзянам, але і размешчаныя на тэрыторыі СССР прамысловыя і транспартныя прадпрыемствы, што належалі змешаным акцыянерным таварыствам і кампаніям, а таксама асобным іншаземцам [7, арк. 76]. У выніку ў галоўным упраўленні Ліквідацыйнага камітэта і Міністэрстве фінансаў былі зарэгістраваны 200 аб’яднанняў з агульным капіталам у 50 млн злотых [8, арк. 16].

4 ліпеня 1928 г. на V пасяджэнні Ліквідацыйнага камітэта была разгледжана справа аб ліквідацыі маёмасці Мінскага аграрнага таварыства, у прыватнасці сельскагаспадарчай фермы і млына ў маёнтку Тухановічы (Навагрудскае ваяводства), даследчых палёў ў фальварку Новы Свет, маёмасць спіртзавода ў маёнтку Тухановіч. Член камітэту Е. Гжымала-Пакрыўніцкі адзначаў цяжкасці з вызначэннем уладальніка маёмасці. Справа ўскладнялася тым фактам, што 11 красавіка 1914 г. Ю. Туханоўская прадала маёмасць Мінскаму аграрнаму таварыству, але з захаваннем права пажыццёвага ўладання [9, арк. 83–84]. Згодна з успамінамі Э. Вайніловіча, старшыні адзначанага таварыства з 1907 па 1921 г., продаж адбыўся ў 1901 г. за мінімальна нізкую цану [10, с. 178]. У выніку камітэт прыняў пастанову аб ліквідацыі маёмасці адзначанага таварыства на карысць польскай казны.

Для таго каб супрацьпаставіць фінансавым патрабаванням Польшчы свае, савецкі бок актыўна збіраў

звесткі аб стратах, нанесеных суб’ектам гаспадарання і прыватным асобам польскімі войскамі. Гэта асабліва датычылася тэрыторыі БССР і беларускіх земляў у складзе РСФСР. Ужо 27 студзеня 1919 г. пры НКЗС БССР быў створаны эканамічна-прававы аддзел, які збіраў матэрыялы аб зверствах польскіх акупантаў, такое ж даручэнне было дадзена наркаматам і мясцовым органам улады. 21 студзеня 1922 г. Пастановай СНК БССР была створана Спецыяльная камісія па ацэнцы страт, нанесеных дзеяннямі польскай арміі і акупацыйнымі польскімі ўладамі дзяржаве, прыватным асобам і ўстановам на тэрыторыі БССР (Камісія па ацэнцы страт). У склад Камісіі па ацэнцы страт уваходзілі прадстаўнікі (старшыні) ад цэнтральных ведамстваў БССР – Народнага камісарыята юстыцыі БССР, Народнага камісарыята ўнутраных спраў БССР, Народнага камісарыята земляробства БССР, Рабоча-сялянскай інспекцыі, Цэнтральнага статыстычнага таварыства. На чале камісіі стаяў глава статыстычнага ведамства БССР – М.І. Шкубер (1922–1927 гг.).

Камісія па ацэнцы страт складалася з Цэнтральнай камісіі, шасці павятовых камісій, якія ў сваю чаргу дзяліліся на сто шаснаццаць валасных камісій. Згодна з заданнямі Камісіі па ацэнцы страт, усе страты былі падзелены на некалькі ключавых груп. Першая вялікая група датычылася гарадоў: сюды ўключаліся ўсе страты, нанесеныя гаспадарцы ад разбурэнняў будынкаў, з-за адсутнасці рамонт (муніцыпальныя пабудовы, асабістыя дамы), ад ваеннага пастоя. Другая група была разлічана на прамысловыя прадпрыемствы: тут знаходзіліся страты, нанесеныя з-за адсутнасці рамонт, ад невытворчага выкарыстання (перарасход вады), ад неатрымання даходаў ад вытворчасці прадпрыемстваў. Трэцяя група ўключала дарожныя страты (грунтавыя, маставыя, шасейныя, масты). У чацвёртую групу былі ўключаны агульнабюджэтныя страты гарадской і земскай гаспадаркі за 1914–1917 гг. (падзенне даходаў, расходы на ваенныя патрэбы, асігнаванні Усерасійскаму Саюзу гарадоў і Земскаму саюзу) [11, арк. 88–88ад.]. Акрамя гэтага, усе страты былі падзелены на дзве групы – тыя, якія былі нанесены польскімі войскамі і акупацыйнымі ўладамі, і тыя, якія сталі вынікам бандыцкіх налётаў. У другую групу прапаноўвалася ўключыць страты, нанесеныя войскамі С.Н. Булак-Балаховіча, С.В. Пятлюры. У ходзе працы камісій па ацэнцы страт складаліся акты аб нанесеных стратах або згубах, абавязкова ў прысутнасці пацярпелага, сведак і экспертаў. У акце павінны былі пазначацца месцы, дзе адбылося рабаванне, з дакладным вызначэннем вёскі, воласці, павета; прозвішча, імя пацярпелага, прычына нанесенай страты, дакладная назва прадметаў, іх колькасць у пудах ці іншых адзінках вымярэння, прыкладная сума страты ў рублях даваеннага часу [11, арк. 396].

Народны камісарыят замежных спраў РСФСР у шматлікіх інструкцыях і тэлеграмах, накіраваных на адрас Цэнтральнай камісіі па ацэнцы страт, раіў звярнуць большую ўвагу на страты, нанесеныя

ў пагранічнай паласе. Справа ў тым, што гэтая тэрыторыя фактычна не падпарадкоўвалася савецкай уладзе. Да канца працы Змешанай пагранічнай камісіі (ліпень 1922 г.) на ёй знаходзіліся не толькі савецкія вайсковыя часткі, але і польскія фарміраванні. Камісія па ацэнцы страт павінна была правесці абследаванне пагранічнай тэрыторыі на прадмет незаконнай вырубкі лясоў, ажыццяўлення рабаванняў [11, арк. 285]. Супрацоўнікам павятовых і валасных камісій прадпісвалася скласці акт па ацэнцы страт, куды ўносіліся прозвішча і імя пацярпелага, назва населенага пункта, прычына страты, дакладны пералік усіх рэквізаваных прадметаў (у адзінках вагі), прыкладная сума страты ў даваенных рублях [11, арк. 396]. Складзеныя акты па ацэнцы неабходна было накіроўваць ва Узгадняльную камісію па ліквідацыі пагранічных інцыдэнтаў.

21 красавіка 1922 г. член калегіі НКЗС РСФСР Я.С. Ганецкі прапанаваў паверанаму ў справах Польшчы ў Маскве З. Стэфаньскаму стварыць спецыяльную змешаную камісію для разгляду патрабаванняў савецкіх рэспублік аб кампенсацыі страт, нанесеных у выніку нападаў на савецкую тэрыторыю банд з Польшчы. Польскі бок адмовіўся.

Падвесці вынікі працы Камісіі па ацэнцы страт удалося толькі ў жніўні 1922 г. Менавіта ў гэты час на адрас Народнага камісарыята замежных спраў паступіла справаздача камісіі, у якой былі ўказаны ўсе лічбы, з пералікам на царскія, даваенныя рублі, керанкі. Так, па рэспубліцы страты складалі 9 млрд 34 млн 208 тыс. 319 савецкіх рублёў або 52 млн 29 тыс. 281 залатых даваенных рублёў і 34 капейкі [11, арк. 365].

Заклучэнне. Безвыніковасць працы Змешанай разліковай камісіі ў 1921–1924 гг. цалкам была заканамернай, улічваючы праблемныя двухбаковыя адносіны паміж РСФСР (СССР) і Польшчай. Складанае эканамічнае становішча Савецкай дзяржавы не дазваляла ёй у поўным аб'ёме выканаць свае фінан-

сава-эканамічныя абавязацельствы, прадугледжаныя Рыжскім дагаворам. Ігнараванне савецкім бокам XV–XVIII артыкулаў дагавора выклікала складанасці пры ўсталяванні эканамічных сувязей і заключэнні гандлёвага дагавора. У сваю чаргу кіраўніцтва Савецкіх рэспублік імкнулася супрацьпаставіць польскім прэтэнзіям патрабаванні ў кампенсацыі страт савецкіх грамадзян, панесеных падчас польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і нападаў на прыгранічныя тэрыторыі БССР з кастрычніка 1920 г. і па кастрычнік 1921 г. Нягледзячы на тое, што згодна з VIII артыкулам Рыжскага мірнага дагавора, абодва бакі адмаўляліся ад выплаты ваенных страт, якія былі нанесены мірным жыхарам у перыяд ваенных дзеянняў і аперацый.

Літаратура

1. Kumaniecki, J. Po traktacie ryskim / J. Kumaniecki. – Warszawa: Książka i wiedza, 1971. – 282 s.
2. Ольшанский, П.Н. Рижский договор и развитий советско-польских отношений. 1921–1924 гг. / П.Н. Ольшанский. – М., 1974. – 285 с.
3. Цынкевіч, В.М. Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. / В.М. Цынкевіч. – Мінск: БДУ, 2004. – 127 л.
4. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: Г.А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
5. Archiwum Akt nowych (AAN). Zespól MZS. Sygn. 9391.
6. AAN. Zespól Ministerstwa zagragnicznych spraw. Sygn. 6739a.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1461. Воп. 1. Спр. 1.
8. НАРБ. – Ф. 1461. Воп. 1. Спр. 3.
9. НАРБ. – Ф. 1461. Воп. 1. Спр. 15.
10. Войнилович, Э. Воспоминания / Э. Войнилович; пер. с пол. – Минск, 2007. – 380 с.
11. НАРБ. – Ф. 9. Воп. 1. Спр. 1.

Паступіў у рэдакцыю 03.03.2023

Военное обучение допризывников в Беларуси (1924–1925 гг.)

Крюковский В.Д.

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

Белорусские историки изучили многие аспекты деятельности государственных органов по военному строительству, патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Однако проблема военной выучки допризывной молодежи остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать в масштабах республики роль партийных и государственных структур, военных комиссариатов, общественных организаций в обучении допризывников, обобщить накопленный опыт, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Материал и методы. *Автором использованы документы ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, окружных парткомов, исполкомов советов, военных комиссариатов. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.*

Результаты и их обсуждение. *В публикации анализируется работа органов власти, военкоматов, дивизий РККА, общественных организаций по подготовке молодежи к защите Родины, раскрывается накопленный опыт. Анализируются причины допущенных ошибок, связанных с несогласованностью действий аппарата управления, слабой материально-технической базой обучения, низкой квалификацией и дисциплиной некоторых инструкторов.*

Заключение. *Несмотря на имеющиеся проблемы в работе, военная подготовка допризывников осуществлялась эффективно и достигала поставленных целей.*

Ключевые слова: допризывники, военкоматы, пункты обучения, военная выучка, инструкторы, политруки, молодежь.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 25–30)

Military Training of Pre-Conscripts in Belarus (1924–1925)

Krukovski V.D.

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

Belarusian historians have studied many aspects of the activities of state bodies for military construction, patriotic education of the younger generation. However, the problem of the military training of pre-conscription youth remains little studied.

The purpose of the article is to analyze the role of party and state structures, military commissariats, public organizations in the training of pre-conscripts in Belarus, to summarize the accumulated experience, to reveal problems that impede ongoing activities.

Materials and methods. *The author used documents of the Central Committee of the CP(b)B, the Central Committee of the LKYUB, district party committees, executive committees of Soviets, military commissariats. The research methodology is based on the principles of objectivity and historicism.*

Findings and their discussion. *The publication analyzes the work of authorities, military registration and enlistment offices, divisions of the Red Army, public organizations to prepare youth for the defense of the Motherland, reveals the accumulated experience. The reasons for the mistakes made are analyzed, related to the inconsistency of the actions of the management apparatus, the weak material and technical base of training, the low qualifications and discipline of some instructors.*

Conclusion. *Despite the existing problems in the work, the military training of pre-conscripts was carried out effectively and achieved its goals.*

Key words: pre-conscripts, military registration and enlistment offices, training centers, military training, instructors, political instructors, youth.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 25–30)

Деятельность государственных органов Беларуси по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, организации допризывной подготовки молодежи привлекала к себе внимание многих ученых. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют труды П.Г. Чигринова [1; 2]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, усилия партийных организаций по формированию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство спортивной и оборонно-массовой работой, содержание, формы и методы воспитательной практики с населением, упрочения единства армии и народа. Но проблемы допризывной военной подготовки юношества ограничиваются в работах некоторыми примерами.

Участие партийных, комсомольских, других общественных организаций в физическом и военно-патриотическом воспитании трудящихся, молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования Е.В. Пикульского и В.Ф. Кушнера [3; 4]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки рабочих и крестьян к защите Родины, практику военно-патриотического воспитания подрастающего поколения, шефские связи трудовых коллективов с частями Красной армии. Однако задачи допризывной подготовки молодежи рассматриваются в диссертациях в порядке общих сведений и отдельных фактов.

Монография Д.Н. Хромченко рассматривает оборонно-массовую деятельность патриотических организаций БССР в 1920–1940-е годы. Но аспекты военных занятий с допризывниками ставятся только в контексте проводимых спортивных и оборонно-массовых мероприятий [5].

Научный интерес изучения проблем физического воспитания допризывников, истории и методики патриотической деятельности с молодежью представляют исследования в области педагогики. В докторской диссертации К.А. Кулинковича [6] освещаются приемы военно-спортивного обучения юношей и девушек накануне Великой Отечественной войны. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [7; 8] раскрываются методика проведения спортивных упражнений с подрастающим поколением, опыт военно-патриотической работы со школьниками и молодежью в 1920–1930-е годы.

Этапы развития системы физического воспитания молодежи, физкультурного образования, подготовки квалифицированных специалистов физической культуры и спорта в БССР, история университета рассматриваются в коллективном труде профессорско-преподавательского состава БГУФК [9].

Формы и методы патриотической практики комсомола республики в 1920–1930-е гг. освещаются в сборниках очерков и научных статей [10]. Отдельные вопросы физического и патриотического воспитания подрастающего поколения разбираются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных исследований и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика подготовки допризывной молодежи к защите Родины в рассматриваемые годы остается малоисследованной.

Актуальность публикации определяется необходимостью вдумчивого анализа накопленного в республике опыта военного обучения юношества в период значительного сокращения армии, ограниченных расходов государства на оборону.

Цель статьи – проанализировать в масштабах ССРБ эффективность работы с допризывниками в пунктах военного обучения, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования в настоящее время, выявить проблемы и причины, мешавшие в практической деятельности.

Материал и методы. Источниковой базой публикации явились фонды государственных архивов Республики Беларусь, материалы прессы. Исследователем изучены документы ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, военно-учетных отделов, столов исполкомов и сельсоветов. Это позволило получить сведения о деятельности партийных комитетов, органов исполнительной власти, общественных организаций по руководству системой допризывной подготовки молодого племени. Весь использованный материал впервые вводится в научный оборот. Методология статьи основана на принципах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, аналогии, объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Образование СССР, укрупнение ССРБ за счет восточно-белорусских земель создали благоприятные условия для развития социально-политической и культурно-национальной жизни белорусского народа, укрепления обороноспособности страны. Опасность новой большой войны, необходимость сохранения боеспособности Красной армии в условиях ее кардинального сокращения склонили партийное и советское руководство Советского Союза к проведению военной реформы 1924–1925 годов.

В связи со значительным уменьшением сроков срочной службы (2 года в сухопутных войсках, территориальных частях 8–12 месяцев за 5 лет) остро возникла необходимость, чтобы призываемая в армию молодежь уже имела прочные основы военных знаний. Не случайно в решениях XIII ВКБ(б), VIII КП(б)Б, VI РЛКСМ, VII ЛКСМБ съездов партии и комсомола, прошедших с мая по июль 1924 года, ставилась задача организации эффективного военного обучения подрастающего поколения. В соответствие с резолю-

циями партийных и комсомольских съездов налаживание системы допризывной военной подготовки молодежи возлагалось на союзные, республиканские, окружные, районные партийные, советские органы, комсомольские комитеты, военные округа и комиссариаты, территориальные и линейные войсковые части, общественные патриотические организации [11, с. 4].

Допризывная подготовка рассматривалась как первая ступень боевой, главным образом, политической подготовки красноармейца. В соответствие с Декретом ЦИК и Совнаркома СССР от 8.08.1923 г. «О военной подготовке трудящихся» [12, л. 536], приказами Главкома РККА № 28 [13, л. 26] и № 47 – 1923 года [14, л. 12] она проводилась на протяжении двух лет с 19-летнего возраста по 420-часовой программе (210 часов в год). Обучение молодого племени проводилось в назначенное республиканскими органами власти время, сельской местности – периоды, свободные от посевных и уборочных работ. Военная выучка молодежи осуществлялась путем плановых краткосрочных сборов в специальных пунктах обучения.

В связи с возникающими обстоятельствами, не позволявшими проведение учебы в полном объеме, приказами войскам Западного военного округа (ЗВО) № 86/27 от 10.11.1924 г. и народного военкомата Белоруссии от 24.11.1924 года разрешалось проведение военной подготовки по сокращенной 280-часовой программе. Обучение допризывников проводилось инструкторами и политруками из числа командиров, политработников войсковых частей, а также привлеченного демобилизованного командного состава и местного партийно-комсомольского актива. Перед началом занятий допризывники проходили медицинское освидетельствование. Организационные и финансовые вопросы военного обучения определялись постановлениями СНК СССР от 10.07.1923 г., Совнаркома Белоруссии от 11.10.1924 г. и приказом РВС СССР № 245-1924 года [15, л. 1, 1об.].

Эффективно осуществлялась допризывная подготовка юношества в Слуцком округе. В июле 1924 года на расширенном заседании коллегии агитационно-пропагандистского отдела (АПО) ОК КП(б)Б с участием руководства исполкома, отделов образования, здравоохранения, землеустройства, сельских советов, военкомата, войсковых частей гарнизона, партийных, профсоюзных и комсомольских активистов, совета физкультуры, патриотических организаций были рассмотрены вопросы «Работа Слуцкого окружного политпросвета среди красноармейцев и допризывников» и «О допризывной подготовке молодежи». С докладами выступили заместитель заведующего агитпропом Шмейлин, военный комиссар Алексей Панков, а также политический организатор военно-спортивной работы с молодежью ОК ЛКСМБ Арцышевский.

По итогам обсуждения на территории бывших помещичьих имений, других строениях определены места дислокации пунктов военного обучения.

Исполкому и сельским советам предписывалось закрепить инфраструктуру допризывной подготовки за окружным военкоматом на весь период сборов, составить сметы расходов по оборудованию классов для занятий, казарменных, караульных, административных и технических помещений. Было предложено назначить сотрудников, ответственных за обеспечение допризывников питанием, питьевой водой, оборудование пищеблоков, столовых, учебных аудиторий, ленинских уголков, спортивных залов и городков. Исполком включил все расходы в районный бюджет на 1925–1926 годы.

Седьмого сентября пропагандистским отделом ОК КП(б)Б проведено собрание с 29 политруками учебных пунктов (6 из числа партийных, 23 комсомольских активистов). Все старшие политруки в октябре прошли обучение на окружных двухнедельных курсах-съездах ОК КП(б)Б, младшие – курсах ОК ЛКСМБ. Занятия проводились партийными, комсомольскими активистами, военными, представителями правосудия, специалистами сельского хозяйства, учителями по 8 часов в день с понедельника по субботу.

Агитпроп окружкома партии совместно с руководством отдела просвещения, комиссией ликвидации неграмотности провели методический семинар с учителями школ по закреплению методических приемов обучения молодежи. Не умеющие читать и писать юноши объединялись в отдельные группы, за которыми закреплялись опытные педагоги. На время вечерних занятий с допризывниками и красноармейцами в Слуцкой семилетней школе выделили несколько классов вместимостью 300 человек. Основную работу по ликвидации неграмотности и малограмотности решили проводить в период между сборами.

11 декабря 1924 года на расширенном заседании коллегии АПО Слуцкого окружного комитета КП(б)Б заслушали отчет начальника политического секретариата, помощника окружного военкомата т. Леонтия Семеновича Дубовицкого «О проведении подготовительной работы по допризывной подготовке». Деятельность военкомата оценена как положительная.

В целях дальнейшего руководства и координации оборонно-массовой работы с молодежью при ОК КП(б)Б под председательством секретаря, заведующего АПО Эйдельмана создано междуведомственное совещание, в которое вошли заместитель председателя исполкома, военный комиссар, командиры 11-го полка 4-й стрелковой и кавалерийского дивизиона 2-й территориальной дивизий, заведующий отделом народного образования, председатель профсоюзного бюро, секретарь ОК ЛКСМБ, руководитель политпросвета, представители ГПУ, прокуратуры, патриотических организаций. Для решения задач военного обучения при райкомах партии были организованы советы содействия допризывной подготовке, в каждом районе из числа партийных активистов выделены уполномоченные, от РК ЛКСМБ – организаторы спортивной и оборонно-массовой работы с молодежью.

В начале декабря в Слуцком округе функционировало 15 точек обучения. Начальниками 11 пунктов были командиры рот и взводов 11-го полка 4-й стрелковой, остальных – кавалерийского эскадрона 2-й Белорусской территориальной дивизии. Должности старших политруков трех учебных пунктов занимали офицеры-политработники 11-го полка, других – 29 партийных и комсомольских активистов, направленных по рекомендации АПО ОК КП(б)Б (двое на пункт); обязанности 38 инструкторов исполняли призванные на время сбора лица из демобилизованного командного состава. Молодежь из зажиточных семей в количестве 20 человек к прохождению выучки не допускалась. В соответствии с указаниями республиканского военкомата они включались в состав команды тылового ополчения и использовались только для хозяйственных работ по обеспечению учебного процесса.

Военная подготовка шла в два этапа. Первая очередь призванных (16.12.1924 – 1.02.1925 г.) обучалась в пунктах: д. Лучники – 171 юноша, м. Копыль – 157, м. Грозново – 89, д. Слобода – 107, м. Старобин – 132, м. Любань – 183, м. Старые Дороги – 128 человек. Вторая очередь (5.02. – 1.04.1925 года) готовилась: м. Тимковичи – 148, м. Греск – 74, м. Семежево – 131, м. Погост – 101, м. Горки – 110, м. Уречье – 51, м. Ленино – 67, г. Слуцк – 70 допризывников. Сначала занимались молодые люди 1903, затем – 1904 (до 1 июля) года рождения. Всего прошли обучение 1601 человек (395 – 1903 и 1206 – 1904 г.р.).

В зимний период осваивалась 210-часовая учебная программа (первая половина 420-часового курса). Допризывники изучали предметы: общие сведения и уставы – 8, стрелковая подготовка – 122, сведения о химической войне – 5, полевая подготовка – 30, политграмота – 30, физическая подготовка – 15 часов.

Главное значение придавалось стрелковому делу. Допризывники учились быстро разбирать трехлинейную винтовку, пулемет системы Максим, передвигаться по пересеченной местности. Часть занятий проводилось на стрельбище 11-го полка, где в полевых условиях юноши учились определять расстояние до предметов на глаз, правильно прицеливаться, стрелять боевыми патронами по учебным целям.

По итогам обучения проводилось испытание. В состав государственной экзаменационной комиссии входили представители райкома партии, исполкома, комсомола, военкомата, начальник, старший политрук и инструктор пункта обучения. Допризывники сдавали устные экзамены, затем выполняли первое, второе и третье обязательные упражнения стрельбы из трехлинейной винтовки по поясной, грудной и головной мишеням на расстояние 200 шагов. Количество попаданий в цель, из расчета 5 патронов на стрелка, составляло свыше 60 процентов. Полученные результаты вносились в соответствующий раздел личных учетных карточек допризывников [16, л. 74, 83об., 86–89об., 110, 118, 195, 248].

Деятельность местных партийных, советских органов, окружного военного комиссариата по организации допризывной подготовки молодежи отмечалась как положительная на заседаниях бюро и секретариата ЦК КП(б)Б, приказах, циркулярах командования Западного военного округа (ЗВО), республиканского военкомата, пропагандировалась в прессе [17, л. 26; 18, с. 4].

Эффективно осуществлялась военная выучка допризывников в Горецком, Зембинском, Логойском, Смолевичском, Чашникском, Червенском, Черейском, Плещеницком районах, городах Бобруйске, Борисове, Витебске, Минске, Могилеве, Орше, Полоцке [19, лл. 152, 175, 177, 270; 20, л. 454; 21, л. 267].

Однако устройство системы обучения молодого поколения происходило сложно. В докладе члена военного совета ЗВО С.Н. Кожевникова на 9 съезде КП(б)Б (декабрь 1925 г.) о военном обучении молодежи говорилось: «Допризывная подготовка в большинстве районов была неэффективной и давала мало знаний будущим защитникам Отечества, велась через пень-колоду» [22, л. 231, 232, 240]. Проведенное автором исследование архивных источников подтверждает наличие многочисленных проблем в военной подготовке молодого поколения, связанных с объективными и личностными факторами.

Постановлением ЦБ КП(б)Б от 4.12.1924 г. окружным, районным партийным комитетам, исполкомам советов, военным комиссариатам предписывалось незамедлительное проведение мер по созданию при партийных комитетах междуведомственных совещаний и советов содействия допризывной подготовке, подбору и обучению кадров, формированию материальной базы допризывных пунктов, реализации приоритетных направлений военного обучения юношества [23, л. 400–401]. Но в ряде мест указания центрального партийного бюро выполнялись не в полном объеме.

Создание организационных структур руководства военным обучением молодежи затягивалось, в большинстве округов, районов «междуведомственные совещания», «советы содействия» бездействовали, намеченные планы выполнялись формально, эффективность проводимых мероприятий была низкой. В Богусhevском, Дрибинском, Высочанском, Езерищенском, Койдановском, Краснопольском, Круглянском, Осиповичском, Паричском, Свислочском районах организационные военные структуры созданы в начале 1925 года, но активности не проявляли. Деятельность партийных комитетов и ячеек часто заключалась в определении общих указаний необходимости военного обучения, выделении представителей в состав экзаменационных комиссий [24, л. 344–348; 25, л. 8].

Большое количество проблем было с отсутствием необходимого количества строений, казарменных помещений и общежитий, классов для занятий, комнат приема пищи. Во многих пунктах допризывной подготовки не хватало печных плит, умывальников,

кипятильников, бидонов для воды, кухонной посуды, мебели, тюфяков, простыней, полотенец. Такое положение наблюдалось в Вендорожском, Княжицком, Кричевском, Круглянском, Чаусском районах [26, л. 104об.].

В ряде мест слабым был уровень подготовки инструкторов и политруков. Как правило, начальников, старших политруков, часть инструкторов подбирали из младшего командного состава войсковых частей. В соответствии с циркулярами и инструкциями штаба и политуправления ЗВО все они должны были подбираться из числа лучших командиров рот, взводов и отделений, пройти пятидневную военную и политическую выучку по месту службы или в допризывных пунктах, затем принять участие в работе однодневного методического семинара ОК, РК КП(б)Б и по итогам сдать зачет. Но эти предписания зачастую не выполнялись.

Младшие политруки из комсомольского актива перед началом сборов, как правило, проходили двухнедельные курсы-съезды при РК ЛКСМБ, но обучение нередко проходило формально, уроки часто срывались. Естественно качество такой подготовки было низким. Подобные недостатки наблюдались в Бельковичском, Вольнецком, Житковичском, Россонском, Рясненском районах [19, л. 152].

Имели место факты финансовых злоупотреблений, опозданий на занятия, систематического употребления спиртных напитков со стороны отдельных представителей начальствующего состава. Так, в Городокском пункте при закупке продуктов питания отмечены случаи разворовывания части денежных средств, Межанской точке обучения начальник и инструктора допускали прогулы, нередко являлись на занятия в послеобеденное время, Богушевском, Горецком, Кохановском допризывных пунктах было известно о систематическом распитии некоторыми инструкторами спиртного. В клубах местечек Езерище, Сураж на прощальных вечерах допризывников на почве злоупотребления алкоголем произошли массовые драки выпускников с местной молодежью, в которых участвовали инструкторы и начальники пунктов обучения [27, л. 35; 28, л. 113, 115].

Множество проблем было в налаживании учебного процесса. Повсеместно не хватало литературы, методических пособий по военному делу и политической работе, что не позволяло военно-преподавательскому составу пунктов эффективно готовиться к проведению уроков, отрицательно сказывалось на качестве усвоения знаний молодежью. Из-за того, что ряд земельных отделов исполкомов, сельских советов отпускали лес для отопления сборных пунктов в сыром виде с пня, учебные занятия нередко проводились в холодных, задымленных классах. Эффективность таких уроков была низкой. Подобным образом обстояли дела в Березинском, Жлобинском, Заславском, Костюковичском, Лесковичском, Паричском допризывных пунктах [29, л. 20; 30, л. 19, 20].

Серьезные просчеты возникали при проведении плановых и внешкольных занятий физического воспитания. Остро стоял вопрос слабости спортивной базы, нехватки инструкторского состава. Например, по причине отсутствия инструктора в пункте обучения № 1 г. Витебска «Красный допризывник» в марте – июне 1924 года гимнастические, атлетические упражнения и тренировки не проводились. В Шкловском сборном пункте не имелось даже простейших спортивных сооружений. Утренняя зарядка и уроки физкультуры проводились от случая к случаю на строевом плацу или учебных классах. Естественно в таких условиях занятия превращались в простую формальность [31, л. 24–26об.; 32, л. 84, 85].

Мало внимания уделялось вопросам ликвидации неграмотности. Формально велась работа по преодолению необразованности юношества в Калининском округе. В начале октября 1924 года на его территории не имелось ни одной первичной ячейки общества «Долой неграмотность». В 66 из 68 региональных политико-просветительных учреждений решением АПО ОК КП(б)Б были созданы пункты ликвидации неграмотности, но разъяснительные мероприятия с юношами и девушками о необходимости преодоления неумения читать и писать не велись. Вместе с вечерними школами в округе обучались основам грамоты лишь 500 человек, из них – 169 допризывников. Нередко партийным, советским активистам, сотрудникам военкоматов приходилось загонять молодежь на пункты ликвидации неграмотности принудительно. Аналогично обстояли дела в большинстве районов Витебского, Могилевского, Мозырского округов [33, л. 33, 139–140, 183–186, 235, 317].

В большинстве регионов республики в военном обучении допризывников почти не участвовали патриотические организации «Доброхим» и «Общество друзей Воздушного флота». Многие первичные ячейки числились только на бумаге и никакой деятельности не осуществляли, материально-техническая база организаций не развивалась, а имеющаяся находилась в бесхозном состоянии, постепенно приходила в негодность. Изучение показало, что деятельность оборонных обществ в большинстве районов ССРБ ограничивалась только расклейкой агитационных плакатов и сбором членских взносов. Особенно бездействовали в вопросах военного обучения молодежи оборонные общества Ельского, Каролинского, Краснопольского, Могилевского, Мозырского, Наровлянского, Озаричского, Чечевичского, Узденского, Холопеничского районов [22, л. 234; 26, л. 104 об., 235, 296, 337, 348; 34, л. 129об., 144].

Заключение. Архивные источники свидетельствуют о том, что в 1924–1925 годы в Советской Белоруссии складывались основы системы допризывной подготовки. Руководство и координацию военным обучением молодежи осуществляли создаваемые при ЦК, ОК КП(б)Б межведомственные совещания, РК КП(б)Б – советы содействия допризывной подготовке.

Для военной учебы молодежи подбирались начальники, инструкторы, старшие политруки допризывных пунктов из числа кадра младших командиров, политработников войсковых частей и начсостава запаса, младшие политруки из комсомольских активистов. В ряде районов и городов военно-физическая и политическая подготовка, патриотическое воспитание допризывной молодежи осуществлялись на высоком уровне. Накопленный опыт, думается, возможен для использования в оборонно-массовой работе с юношами и девушками на современном этапе.

На эффективность проводимой работы отрицательно влияли инертность организационных структур руководства военной подготовкой, некомпетентность, несогласованность действий органов власти на местах. Ощущалась нехватка учебных и хозяйственных помещений, слабая техническая база пунктов подготовки. Уровень компетенций многих инструкторов и политруков был низким, что отражалось на качестве занятий. Имелись факты финансовых злоупотреблений, опозданий на работу, пьянства начальствующего состава. Допускались ошибки при организации и проведении занятий физического воспитания, мало внимания уделялось вопросам ликвидации неграмотности.

Исследование показало, что физическая, военная и политическая учеба допризывников, несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки, сыграла важнейшую роль в подготовке молодого поколения к защите Родины. Абсолютное большинство солдат, мужественно и стойко сражавшихся в годы Великой Отечественной войны во имя Победы с фашистскими захватчиками, получили основы волевых качеств, идейной убежденности, физической и начальной военной выучки в период прохождения допризывной подготовки.

Литература

1. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.
2. Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / П.Г. Чигринов; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
3. Пикульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Е.В. Пикульский; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.
4. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Ф. Кушнер; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
5. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2017. – 204 с.
6. Кулинкович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: № 13734 / К.А. Кулинкович; Моск. гос. ин-т физкультуры. – М., 1972. – 53 с.
7. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / В.И. Шаврук; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
8. Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г.П. Коваленко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 22 с.
9. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / Белорус. гос. ун-т физ. культуры; под общ. ред. М.Е. Кобринского. – Минск: БГУФК, 2007. – 398 с.: ил.
10. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
11. Красноарм. правда. – 1925. – 26 сент.
12. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 612.
13. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 6.
14. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 641.
15. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 7.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1794.
17. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 801. Оп. 1. Д. 1.
18. Красноарм. правда. – 1925. – 16 июля.
19. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1785.
20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1786.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1791.
22. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1982.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1278.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1784.
25. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 72а.
26. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1789.
27. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 70.
28. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 76.
29. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 2.
30. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 61.
31. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 71.
32. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2310.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1787.
34. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1790.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Кафедра общественных дисциплин Витебского ветеринарного института (1924 – июль 1941 г.)

Шкирандо Ф.И.
Витебск

Кафедры общественных дисциплин высших учебных заведений в этот период играли ведущую роль в усвоении не только студентами, но и преподавателями других кафедр новой советской идеологии. К сожалению, история кафедры общественных дисциплин Витебского ветеринарного института в довоенное время (1924 – июль 1941 года) является почти неизученной. Отдельных публикаций на эту тему в научной литературе не имеется.

Цель исследования – на документах Государственного архива Витебской области (ГАВм), других доступных сегодня источниках представить историю кафедры общественных дисциплин Витебского ветеринарного института, ее заведующих и некоторых преподавателей, показать, как на них отразилась политическая атмосфера 30-х годов в республике.

Материал и методы. *Материалом послужили фонды Государственного архива Витебской области. В статье применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).*

Результаты и обсуждение. *Впервые с использованием широкого массива архивных и интернет-источников представлена история кафедры общественных дисциплин Витебского ветеринарного института в исследуемый период и судьбы некоторых ее преподавателей.*

Заключение. *Материал статьи может быть использован при подготовке истории кафедр гуманитарного цикла Витебской академии ветеринарной медицины.*

Ключевые слова: *ветеринарный институт, кафедра, обществоведение, диалект, политэкономия, марксизм-ленинизм, борьба с троцкизмом, поиск классовых врагов.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 31–35)

Department of Social Disciplines of Vitebsk Veterinary Institute (1924 – July 1941)

Shkirando F.I.
Vitebsk

Departments of Social Disciplines of higher education establishments of that period played the leading role in acquisition of new Soviet ideology by not only students but also teachers of other departments. The history of Department of Social Disciplines of Vitebsk Veterinary Institute in the pre-War time (1924 – July 1941 года) has not been studied. There are no publications on this topic in the research literature.

The research purpose is to present the history of Department of Social Disciplines of Vitebsk Veterinary Institute, its Heads, some teachers on the basis of materials from the State Archive of Vitebsk Region as well as to demonstrate how the Republic political atmosphere of the 1930s influenced them

Material and methods. *The research material was finds of the Vitebsk Region State Archive. Both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and special historical research methods (the comparative historical and the historical genetic) were used.*

Findings and their discussion. *For the first time, using a vast amount of archive and the Internet sources the history of Department of Social Disciplines of Vitebsk Veterinary Institute in the studied period as well as lives of some of its teachers are presented.*

Conclusion. *The material of the article can be used in studying the history of departments of humanitarian cycle of Vitebsk Academy of Veterinary Medicine.*

Key words: *Veterinary Institute, department, social science, dialectical materialism, political economy, Marxism-Leninism, fight with Trotskism, search for class enemies.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 31–35)

История кафедры общественных дисциплин Витебского ветеринарного института в довоенное время (1924 – июль 1941 гг.) является почти не изученной. Отдельных публикаций на эту тему в научной литературе не имеется.

Цель статьи – на материалах Государственного архива Витебской области (ГАВт), других доступных сегодня источников представить историю кафедры общественных дисциплин Витебского ветеринарного института, ее заведующих и некоторых преподавателей, показать, как на них отразилась политическая атмосфера 30-х годов в республике.

Материал и методы. В Государственном архиве Витебской области в фондах городского и окружного комитетов партии, партийной организации ветеринарного института находятся документы, касающиеся разных сторон деятельности института, в том числе и работы кафедры общественных дисциплин (постановления, справки, донесения городского отдела НКВД, персональные и личные дела). В Интернете есть сведения о дальнейшей судьбе некоторых преподавателей-обществоведов института. В статье использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. С момента создания института в ноябре 1924 года это была кафедра обществоведения и возглавлял ее в течении 10 лет Юлий Германович Бжозе (1899–1938). До утверждения в должности заведующего кафедрой в начале 1925 года он работал заведующим окрлитом, т.е. главным окружным цензором [1]. Поскольку преподавателей не хватало, ему приходилось вести занятия по всем общественным дисциплинам. Часть лекций в первый учебный год читал Иван Антонович Витковский, назначенный постановлением СНК БССР проректором института по административной работе [2]. Он был хорошо знаком с Ю.Г. Бжозе, с которым вместе работал в 1920–1921 учебном году в Орше в школе 2-й ступени [3]. В 1924 году оба успели поработать лекторами агитационно-пропагандистского отдела губернского, а потом окружного комитета партии [4]. Осенью 1925 года И.А. Витковский уехал на работу в Минск в Институт белорусской культуры и стал заниматься своим любимым делом – преподаванием и исследовательской работой.

С декабря 1928 до ноября 1931 года курс политической экономии на кафедре читал ректор института Александр Николаевич Антониковский (1888–1937). Лекции по диамату и ленинизму читал сам заведующий. Острой оставалась проблема с проведением семинарских занятий. Вот почему в 1930 году Ю.Г. Бжозе на заседании бюро партийной ячейки института просил подыскать второго научного работника, который бы вел групповые занятия [1, д. 148, л. 32]. Найти преподавателя для кафедры обществоведения в Витебске было очень сложно. Об этом свидетель-

ствует протокол № 30 заседания бюро партячейки КП(б)Б от 07.09.1930 г. Желательные были, но кандидатуры неподходящие [1, д. 148, л. 69]. Не было кабинета обществоведения [1, д. 148, л. 85].

В декабре 1930 года кафедра обществоведения была премирована за полный перевод консультаций на белорусский язык, активные методы преподавания и общественную работу [1, д. 148, л. 101]. В 1931 году Ю.Г. Бжозе снова поднимает вопрос «об опасном положении с обеспечением кадрами преподавателей по общественным дисциплинам». Из-за отсутствия преподавателей не проводились занятия по трем дисциплинам [1, д. 155, л. 9–9об.].

На совещании партактива института 02.12.1932 года была заслушана информация о преподавании общественных дисциплин. В прениях все выступающие говорили о недостаточной подготовке к преподаванию курса политики партии в деревне директора института И.В. Уварова и искажениях им марксистско-ленинской теории при чтении лекций [1, д. 161, л. 32–50; 1, д. 174, л. 36–47]. За большие недостатки в руководстве институтом и в преподавательской работе партбюро института на своем заседании 23.05.1933 г. исключило директора И.В. Уварова из членов партии [1, д. 180, л. 33–35].

В 1933 году появляется новое название кафедры – кафедра ленинизма и диамата [1, д. 174, л. 114об.]. По данным на 30.08.1933 г. курс политэкономии и экономической политики читали ассистенты Н.И. Фишман и П.В. Люторович, диамат и ленинизм доценты Ю.Г. Бжозе и Рубинчик (инициалы не указаны) [1, д. 174, л. 127]. Ассистент Шамес Самуил Аронович с 1931 до сентября 1933 г. работал директором ветрабфака и преподавателем политэкономии и экономической политики в ветрабфаке и по совместительству в ветинституте. С сентября 1933 до февраля 1935 года возглавлял педрабфак и вел занятия по политэкономии там же. С февраля 1935 по сентябрь 1937 года – инструктор горкома партии по учебным заведениям. С 1938 г. С.А. Шамес работает старшим преподавателем политэкономии медицинского института, с февраля 1939 г. заведующим кафедрой марксизма-ленинизма [5]. Перед войной окончил медицинский институт, в годы войны служил военным врачом. Награжден орденом Красной Звезды. Службу закончил 15.08.1969 г. в звании подполковника медицинской службы [6].

Фишман Нисон Иосифович преподавал политэкономии в Ветеринарном институте в 1933–1934 гг. Потом был директором городского комвуза (1934–1935), директором совпартшколы (1935–1936), преподавателем истории в средней школе (1937–1939). С января 1940 по июль 1941 г. преподаватель основ марксизма-ленинизма и политэкономии в медицинском институте. С 1939 по совместительству преподавал политэкономии в Витебском финансовом техникуме [7].

Общественно-политическая жизнь Беларуси в 30-е годы – это цепь взаимосвязанных, проходивших одновременно или вслед друг за другом кампаний

по очищению, как тогда писали, от «классово чуждых элементов, препятствовавших развернутому социалистическому строительству», а точнее – сталинскому «крутому повороту во всей политике». Эти кампании вылились в ряд судебных и внесудебных процессов в отношении ученых и технических специалистов, партийных работников, представителей творческой интеллигенции, учителей, рабочих и крестьян.

На заседании бюро горкома партии 05.04.1933 г. было отмечено, что неудовлетворительно проведена работа по очистке от классово вражеских элементов в ветеринарном институте [8]. В разных документах среди врагов народа в институте называются преподаватели Арнольдов, Бороденок, Маковейский, Пелихов, Шлиттер. Появляются разгромные статьи в местной газете «Віцебскі пралетарый». Республиканская газета «Чырвоная змена» 21.05.1933 г. опубликовала статью «Ачысціць Віцебскі веткамбінат ад клясава варажых і перараджэзенскіх элементаў».

Именно в это период падает тень подозрения и на Ю.Г. Бжозе. Несмотря на все предыдущие положительные характеристики, ему припоминают, что в 1919–1920 гг. он состоял в Еврейской социал-демократической партии, в 1920–1922 гг. в Еврейской коммунистической партии [1, д. 142, л. 53об.]. А это значит, что он троцкист. А может быть и член шпионской организации. Служил в польской армии. Дружил с поляком И.А. Витковским, который в июле 1933 года был арестован в Минске за «антисоветскую националистическую деятельность». В 1934 году Ю.Г. Бжозе уходит из ветинститута. Будет работать в мединституте на кафедре социально-гуманитарных дисциплин. 05.11.1937 г. арестован, обвинен по ст. 64, 68, 76 УК БССР (член шпионской организации) и 03.01.1938 г. расстрелян. Архивное дело 8462-П хранится в УКГБ по Витебской области.

С приходом летом 1933 года на должность директора института М.И. Эрдмана начинается укрепление кафедр новыми преподавателями. Не всегда выбор приглашенных был удачным. Так получилось с профессором кафедры общественных наук Ю.А. Преображенским, которому в начале 1934 года на месяц или два было доверено руководство кафедрой. Но у него оказались поддельные документы, и он был снят с работы [8, д. 527, л. 101–101об.]. Весной 1934 года кафедру возглавила окончившая Институт красной профессуры в Москве и прибывшая по направлению ЦК ВКП(б) Рафалович Агнесса Семеновна, 1899 г.р., еврейка, член партии с 1920 года, с марта по декабрь 1920 года состояла в Еврейской коммунистической партии. Была назначена на должность доцента, преподавателя политэкономии.

В 1934 году на кафедре работали также Люторович Павел Викентьевич, 1907 г.р., белорус, беспартийный, окончил социально-экономическое отделение педфака БГУ в 1929 году, читал политэкономии; Кохановский Георгий Яковлевич, 1886 г.р., белорус, член партии с 1927 года, окончил Глуховский педагогический

институт (1912), Минские высшие курсы обществоведения и белорусоведения (1926), преподавал часть политэкономии, экономическую политику и политику партии в деревне; Марокко Федор Михайлович, 1892 г.р., белорус, член партии с 1920 года, окончил социально-экономическое отделение педфака БГУ в 1929 году, преподавал ленинизм. Был еще один преподаватель Рохлин (инициалы не указаны) из Витебского пединститута имени С.М. Кирова, который в ветеринарном институте работал по совместительству и преподавал диамат. Об этом свидетельствует список научных работников общественных дисциплин Витебского ветзооинститута по данным их личных дел на 09.01.1935 г., составленный управделами института Вигуро [1, д. 527, л. 41].

Работать в условиях постоянного поиска классово враждебных элементов и обвинений в притуплении классовой бдительности было сложно. Не хватало опыта преподавательской работы у всех и прежде всего у А.С. Рафалович. Кафедра постоянно подвергалась критике. Как писал в своем директорском отчете за 1934–1935 учебный год М.И. Эрдман, «кафедра социально-экономических наук (заведующий кафедрой, доцент Рафалович) работала неудовлетворительно. Работники кафедры не подняли на принципиальную политическую высоту значение политических наук и политической грамотности. Кафедра не завоевала необходимого авторитета по методам работы. Сотрудники кафедры систематически опаздывали на занятия и даже срывали их (Рафалович, Рохлин). Кафедра не заняла надлежащей ей роли в общей системе политико-воспитательной работы в институте» [8, д. 529, л. 63].

Партком института на своих заседаниях 21.02.1935 г. и 24.02.1935 г. рассматривал дело А.С. Рафалович. Она обвинялась в идеализации троцкизма и отрицании контрреволюционной и реакционной деятельности ЕКП. Партком расценил такое поведение А.С. Рафалович как двурушничество, попытку защитить и оправдать троцкизм, что являлось несовместимым с пребыванием в партии и на работе. В решении записано: «Исходя из заявления инструктора горкома партии т. Шамеса о том, что для постановки вопроса о партийности Рафалович необходима санкция ГК (как присланной ЦК ВКП(б), передать дело для окончательного решения о партийности и работе Рафалович на бюро горкома партии [7, д. 657, л. 1–2]. На своем заседании 01.04.1935 г. бюро Витебского ГК КП(б)Б постановило: отметить, что А.С. Рафалович допустила грубейшую политическую ошибку, идеализируя троцкизм и ЕКП. Принимая во внимание признание своей ошибки перед парторганизацией ветзооинститута и бюро горкома и исправление своей ошибки в практической работе, решение парткома ветзооинститута об исключении т. Рафалович из партии отменить и указать ей на безответственное отношение к серьезным политическим вопросам [7, д. 657, л. 3].

В своей докладной записке в сельхозотдел ЦК КП(б)Б о подготовке к новому учебному году по состоянию на 04.08.1935 г. директор института М.И. Эрдман писал: «Особого внимания заслуживает положение на кафедре социально-экономических наук: отсутствует квалифицированный руководитель кафедры, имеется только три ассистента, один из них беспартийный». Директор просил ЦК КП(б)Б срочно прислать заведующего кафедрой социально-экономических дисциплин [8, д. 529, л. 23–24].

Эта записка, на наш взгляд, свидетельствует о том, что руководство института было удивлено апрельским решением бюро горкома партии. Чтобы не быть обвиненным в потере классовой бдительности, было решено избавиться от подозрительного заведующего. На заседании парткома от 11.08.1935 г. директор института М.И. Эрдман предложил освободить А.С. Рафалович от обязанностей заведующего кафедрой социально-экономических наук и отослать ее в распоряжение горкома партии. На своем заседании 17.08.1935 г. партком института постановил: в связи с тем, что т. Рафалович не обеспечила в прошлом работу кафедры социально-экономических наук, кафедра не заняла ведущей роли как центр методологической мысли института, согласиться с предложением директора об освобождении Рафалович от должности заведующей кафедрой и назначении временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой т. Г.Я. Кохановского [1, д. 209, л. 91–93]). А.С. Рафалович продолжала работать в институте преподавателем политэкономии до 29.11.1935 г. Об этом свидетельствуют списки коммунистов Витебской парторганизации на 16.11.1935 г. [8, д. 494, л. 4,51] и решение бюро горкома партии от 29.11.1935 г., которое постановило рекомендовать директором Витебского исторического музея т. А.С. Рафалович, отозвав ее с работы в ветзоинституте [1, д. 203, л. 63].

В Государственном архиве Витебской области имеются разные материалы с критикой работы А.С. Рафалович в историческом музее и библиотеке имени В.И. Ленина (донесение городского отдела НКВД секретарю горкома партии Журавлеву от 16.08.1936 г., постановления бюро горкома партии от 20.09.1936 г., 11.08.1937 г., 27.08.1937 г.). Есть разгромные статьи о Рафалович в местных газетах того периода («Рабочий», 29 июля 1936 г., «Віцебскі пралетарый», 13 верасня 1937 г. и др.). После арестов в 1937 году преподавателей ветеринарного института С.З. Верейчика, Н.М. Замалина, А.С. Зеньковича, Г.А. Качанова, Э.Я. Мазеля, В.С. Старинского казалось, что должны арестовать и А.С. Рафалович. Ведь в постановлении бюро горкома партии 27.08.1937 г. речь шла о ее связях с врагами народа, т.е. репрессированными не только в Беларуси, но и на Украине, где она когда-то училась и работала. Планировалось послать в Киев специально члена ГК для изучения этого вопроса [8, д. 563, л. 167]. Хитрая А.С. Рафалович не стала этого дожидаться. Используя свои дружеские связи в Москве, она добилась, чтобы ее отозвали из Витеб-

ска в распоряжение ЦК ВКП(б). Только это спасло ее от неминуемого ареста. О том, что она осталась жива и невредима, свидетельствует переписка ее внука Василия Рафаловича с однофамильцами в Интернете от 15.02.2008 [9].

С осени 1935 года кафедру возглавил доцент Марокко Федор Михайлович. Поскольку обществоведов в городе не хватало, ему приходилось работать по совместительству в медицинском и педагогическом институтах. Были еще и общественные нагрузки. В постановлении бюро ГК КП(б)Б от 05.03.1937 г. о высшей школе по ветзоинституту говорилось: «Для того чтобы дать возможность т. Марокко обеспечить руководство кафедрой социально-экономических наук в институте, освободить его от преподавания в медвузе и от руководства семинаром пропагандистов» [8, д. 562, л. 130]. Федор Михайлович возглавлял кафедру до июля 1941 года.

В 1937 году после окончания Московского историко-философско-литературного института в Витебский ветеринарный институт решением Народного комиссариата сельского хозяйства СССР № 15/13387 от 13.07.1937 г. на работу преподавателем диалектического материализма и политэкономии был направлен Сурен Тумасович Аздуни. В ветеринарном институте он был зачислен на должность и. о. доцента по диалектическому материализму приказом № 45 от 23.07.1937 г. По совместительству С.Т. Аздуни работал в медицинском и педагогическом институтах. В 1937–1938 учебном году возглавлял кафедру социально-экономических наук в медицинском институте. С 13 февраля 1939 года был заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Витебского педагогического института имени С.М. Кирова. В ветеринарном институте был членом парткома и заместителем секретаря парткома. Везде вел большую общественную работу, его статьи часто публиковались в городской газете [5, д. 148, л. 1–13; 10]. В годы Великой Отечественной войны в эвакуации был заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма Куйбышевского государственного педагогического института. Федор Михайлович Марокко возглавлял кафедру основ марксизма-ленинизма в Куйбышевском авиационном институте. В послевоенное время Ф.М. Марокко вернулся в родной институт в 1944 году, а С.Т. Аздуни в начале 60-х годов. Оба возглавляли кафедры общественных наук.

Кохановский Георгий Яковлевич с 01.09.1936 г. был директором Витебского белпедтехникума и по совместительству продолжал работать в ветинституте. В 1938 году за связь и неразоблачение врагов народа снят с работы и исключен из партии [8, д. 576, л. 23]. До ноября 1939 г. – преподаватель и директор педучилища. В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Люторович Павел Викентьевич с февраля 1936 по сентябрь 1938 г. был старшим научным сотрудником и заместителем директора Витебского областного архива. С сентября 1938 по апрель 1941 г. преподаватель политэкономии

и заместитель директора педагогического института имени С.М. Кирова. В послевоенное время работал в учреждениях культуры в Минске. В 1953–1956 гг. был заместителем министра культуры и начальником управления по делам искусств. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1948). [11].

С сентября 1939 года заведующим кабинетом марксизма-ленинизма и старшим преподавателем кафедры стал работать Бронислав Александрович Люговский (1908 г.р.). Одновременно он был литературным консультантом газеты «Віцебскі рабочы», внештатным лектором обкома и горкома партии [12]. До прихода в институт Б.А. Люговский был хорошо известен в творческой и молодежной среде Витебска как поэт. Его стихи с 1926 года регулярно печатались на страницах областных и республиканских периодических изданий, витебских литературных сборниках «Пачатак» (1926), «Світанне» (1927), «Рытмы будавання» (1930). В 1933 году в Витебске вышел совместный сборник стихов Б. Люговского и другого витебского поэта Г. Железняк «Першы вытап». С сентября 1932 года Б. Люговский работал секретарем, а потом до осени 1937 года председателем Витебского отделения Союза советских писателей. Закончил исторический факультет Витебского педагогического института имени С.М. Кирова [13].

Когда немецкие войска в 1941 году были уже на подступах к родному Витебску, Б. Люговский одним из последних покинул здание горкома партии, организуя эвакуацию населения и партийных документов. В эвакуации в Куйбышевской области Бронислав Люговский отказался от брони, которая у него была, и в 1942 году ушел добровольцем на фронт. Причем попросил направить его на Сталинградский фронт в самый решительный и переломный момент войны. Заместитель командира по политической части стрелковой роты мотострелкового батальона 90-й танковой бригады Б.А. Люговский воодушевлял бойцов перед сражениями и личным примером поддерживал боевой дух и решительность. Пал смертью храбрых 02.12.1942 г. в районе балки Караватка Сталинградской области, похоронен в селе Варваровка. До последней минуты наш земляк был верен идеалам, о которых писал в своих стихах [14].

С 1934 года институт начал издавать свой научный журнал «Ученые записки», в которых были публикации и по социально-экономическим наукам. Так, например, в седьмом томе за 1940 год, который имеется в областной библиотеке имени В.И. Ленина, опубликована статья доцента С.Т. Аздуни [15]. Вступительная статья в этом томе посвящена 15-летию института. В ней отмечается: «В деле марксистско-ленинского воспитания студентов и научных работников большая

работа проводится кафедрой марксизма-ленинизма – лекции, теоретические конференции, собеседования, консультации. Это все больше поднимает идейно-политический уровень института» [15, с. 10].

Заключение. В довоенный период в институте постоянной была проблема подготовленных кадров ученых-обществоведов. Во-первых, не все из них были членами партии. Во-вторых, на протяжении изучаемого периода в СССР набирал обороты огромный маховик массовых репрессий, затронувший в том числе и ученых-преподавателей. Развернулась борьба с «нацдемовщиной» и «уклонами в партии». В ходе этой борьбы некоторые преподаватели ветеринарного института были объявлены врагами народа и репрессированы. Они отстранялись от работы с такими формулировками, как «преподавание на лекциях буржуазных теорий», «подмена ленинизма революционным троцкизмом» и т.п. Это было отражением общего состояния общества того периода.

Материал статьи может быть использован при подготовке истории кафедр гуманитарного цикла Витебской академии ветеринарной медицины.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 124-п. Оп. 2. Д. 161. Л. 52.
2. ГАВт. – Ф. 160. Оп. 11. Д. 1. Л. 29.
3. Фонд еврейской компартии Поалей Цион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.forum.j-roots.info/viewtopic.php?t=7703. – Дата доступа: 31.05.2022.
4. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 38. Л. 11, 16, 17, 26об.
5. ГАВт. – Ф. 1-п. Оп. 3а. Д. 4206 (Шамес С.А).
6. Шамес Самуил [Электронный ресурс] // Память народа – Режим доступа: www.pamyat-naroda/person/officers/10667884. – Дата доступа: 22.06.2022.
7. ГАВт. – Ф. 102-п. Оп. 2. Д. 283 (Фишман Н.И.).
8. ГАВт. – Ф. 102-п. Оп. 1. Д. 159. Л. 227.
9. Рафалович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vk.com/wall-1438927. – Дата доступа: 31.05.2022.
10. ГАВт. – Ф. 204. Оп. 2. Д. 20 (Аздуни С.Т.).
11. Управление национальных архивов и документации США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.archives.gov/by/blog/news/1027475. – Дата доступа: 11.06.2022.
12. ГАВт. – Ф. 113-п. Оп. 1а. Д. 364 (Люговский Б.А).
13. Подлипский, А. Был такой поэт / А. Подлипский // Нар. слова – 2003. – 9 верас. – С. 5.
14. Люговский Бронислав [Электронный ресурс] // Память народа. 1941–1945. – Режим доступа: <https://www.pamyatnaroda.su/way/2935671>. – Дата доступа: 27.08.2021.
15. Аздуни, С.Т. Философские взгляды Н.А. Добролюбова / С.Т. Аздуни // Ученые записки Витеб. вет. ин-та. – Витебск, 1940. – Т. 7. – С. 11–56.

Поступила в редакцию 12.10.2022

Формирование систем документации в Белорусском государственном университете в 1920-е годы (по материалам Национального архива Республики Беларусь)

Шапко А.С.

Белорусский государственный университет, Минск

Актуальность изучения истории делопроизводства Белорусского государственного университета в 1920-е гг. обусловлена тем, что позволяет охарактеризовать состояние вузовского образования через призму документального наследия, пути и способы решения тех проблем, с которыми столкнулся первый университет на территории Беларуси.

Цель статьи – выявить видовой состав документов и системы документации, сформировавшиеся в БГУ в первые десятилетия своего основания.

Материал и методы. *Источниковой базой для написания статьи послужили документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), научные публикации по истории Белорусского государственного университета, архивной службы БССР.*

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный, структурный и функциональный анализ.

Результаты и их обсуждение. *Анализируются материалы Национального архива Республики Беларусь, в частности, фонда 205 (Белорусский государственный университет): документы о создании БГУ, материалы заседаний Правления университета и канцелярий факультетов. Выделяются видовой состав документов и системы документации, сформировавшиеся в БГУ в первые десятилетия его деятельности.*

Заключение. *Определена значимость документов фонда БГУ и некоторых других фондов в НАРБ для изучения процесса организации университета в различных его составляющих, а также методы и направления формирования систем делопроизводства как в БССР, так и в БГУ. Проанализированы попытки руководства БГУ упорядочить документацию, грамотно распределить материальные возможности университета в обеспечении всех направлений деятельности.*

Ключевые слова: *делопроизводство, документ, системы документации, Белорусский государственный университет, канцелярия.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 36–41)

Formation of Records Systems at Belarusian State University in the 1920s (Based on the Materials of the National Archives of the Republic of Belarus)

Shapko A.S.

Belarusian State University, Minsk

The relevance of studying the history of office work of Belarusian State University in the 1920s. is due to the fact that it allows to characterize the state of higher education through the prism of documentary heritage, ways and means of solving the problems that the first university in Belarus faced.

The purpose of the article is to identify the specific composition of records and records systems that was formed at BSU in the first decades of its foundation.

Material and methods. *The source base for the article was the records of the National Archives of the Republic of Belarus, scientific publications on the history of the Belarusian State University and the archival service of the BSSR.*

To achieve this goal, general scientific, special-historical methods were used: historical-genetic, historical-systemic, structural and functional analysis.

Findings and their discussion. *The materials of the National Archives of the Republic of Belarus, in particular, fonds 205 (Belarusian State University) are analyzed: records on the establishment of BSU, materials of meetings of the University Board and department offices. The types of records and records systems that were formed at BSU in the first decades of its activity are identified.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: 9681277.98@mail.ru – А.С. Шапко

Conclusion. *The significance of the records of BSU fonds and some other fonds in the NARB for studying the process of organizing the university in its various components, as well as the methods and directions for the formation of office work systems both in the BSSR and BSU is determined. Attempts of BSU administration to organize the records, properly distribute the material resources of the university in providing all areas of activity are analyzed.*

Key words: *records management, records, records systems, Belarusian State University, records division of BSU.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 36–41)

В 2021 году Белорусский государственный университет отпраздновал 100-летие со дня своего основания. Этому событию были посвящены ряд мероприятий, конференций и научных работ. А 12 сентября 2022 года состоялся еще один официальный юбилей – 100 лет государственной архивной службе Беларуси. Связь этих двух дат символична для исследований истории высшего образования в нашей стране. Одним из ценнейших и до сих пор сравнительно мало введенных в научный оборот комплексов исторических источников по этой теме является фонд Белорусского государственного университета в Национальном архиве Республики Беларусь. В свою очередь, в широкой проблематике истории высшего образования и даже чуть уже, истории БГУ, имеются отдельные, практически совершенно незаполненные лакуны, несмотря на немалый их интерес для восстановления общей исторической картины. Одной из них можно назвать организацию работы с документами в университете. Важность этого аспекта деятельности высшего учебного заведения, с одной стороны, и важность делопроизводственных источников для изучения истории учреждения и даже, например, истории университетской повседневности, с другой – ни в коем случае нельзя недооценивать. В этой статье будет сделана попытка немного восполнить указанный пробел.

Материал и методы. Источниковой базой для написания статьи послужили документы Национального архива Республики Беларусь, научные публикации по истории Белорусского государственного университета, архивной службы БССР.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, специально-исторические методы: историко-генетический, историко-системный, структурный и функциональный анализ.

Результаты и их обсуждение. Возникновение СССР повлекло за собой существенные изменения и преобразования во всех сферах жизни общества, что также отразилось и на сфере делопроизводства и архивного дела в БССР как одной из советских республик. Дореволюционная, имперская система делопроизводства была отвергнута полностью, и на ее месте предполагалось создавать что-то совершенно иное, более соответствующее новому государственному устройству. Серьезнейшей реорганизации (а именно, централизации) подверглась сеть архивных учреждений. Это повлекло за собой и необходимые изменения в работе с документами «на местах». Однако существовала серьезнейшая проблема кадров, способных

решать такие глобальные задачи. Для работы с архивными документами, нехваткой профессиональных кадров, возвращению архивов в Беларусь и других вопросов были созданы I Всероссийская конференция архивных деятелей 1921 г. и I Всебелорусская конференция архивных работников 1924 г. [1]. В связи с созданием в сентябре 1922 г. органа по управлению архивным делом в лице Центрархива при ЦИК Беларуси, ректор БГУ В.И. Пичета вместе с тем предлагал созвать архивную конференцию, чтобы обсудить актуальные вопросы организационного, практического и теоретического характера и наметить пути их решения. Пичета заранее подготовил вопросы для обсуждения, уделил также внимание правильной постановке текущего делопроизводства в учреждениях – источниках комплектования государственных архивов, контроль за которым должен принадлежать Центрархиву. К сожалению, итоги конференций не принесли особых результатов в улучшении организации работы архивных учреждений [1]. Тем не менее понимание важности сохранения документов отдельными личностями способствовало некоторому постепенному прогрессу в этой сфере.

Требования к ведению делопроизводства БССР в 1920–1930-е гг. частично находили отражение и в законодательстве. В соответствии с декретом Президиума ЦИК ССРБ 1922 г. все постановления и распоряжения народных комиссариатов РСФСР считались обязательными для территории Беларуси. Например, в 1921 г. в РСФСР был принят Декрет «Об обязательном ведении списков рабочих и служащих учреждениями, заведениями и предприятиями». Примечательно, что дополнительно давалась форма для ведения списков. В БССР такое постановление было издано только в 1926 г. [2]. Однако законодательных актов, которые давали бы общую установку на ведение делопроизводства в республике, а не отдельные его аспекты, не было, хотя велась работа в этом направлении [2]. В целом нужно отметить проблему неосознания и непонимания важности сохранения архивных документов на государственном уровне в конце 1910-х – начале 1920-х гг. [3]. Первые попытки нормативно закрепить общие правила работы с документами и их последующим хранением не увенчались успехом. Документы часто воспринимались как дефицитное сырье и не более того, регулярно передавались на бумажные фабрики в качестве макулатуры и распродавались целыми архивами. В итоге в период становления Белорусского государственного университета в 1920-е годы работникам канцелярии пришлось самостоятельно налажи-

вать делопроизводство из-за отсутствия общих правил его ведения на территории Беларуси.

Открытию в 1921 году Белорусского государственного университета предшествовала серьезная подготовка. Была сформирована делегация Университетской Комиссии при Минском отделе народного образования для командировки в Москву в августе 1920 г. По результатам поездки был составлен отчет, в котором сообщалось о задачах и результатах командировки. Российские коллеги поддержали инициативу создания Белорусского государственного университета, приняли участие в разработке учебных планов для факультетов (историко-филологического, общественных наук, физико-математического, медицинского, агрономического и рабочего), подготовке сметы и привлечению профессоров, преподавателей для сотрудничества в Минске [4, л. 18–22].

По документам НАРБ мы можем проследить, как и кем конкретно решались задачи организационного и кадрового построения университета. На заседаниях подкомиссий организации историко-филологического, естественного, агрономического и медицинского факультетов БГУ рассматривались вопросы о материальных условиях для профессоров, о личном составе, а также о критериях и способах, которыми следует руководствоваться при приглашении кандидатов [4, л. 25–26].

В период подготовки к открытию БГУ важным организационным моментом являлся вопрос создания канцелярии. На одном из совещаний постановили организовать Управление делами БГУ и назначить управделом В.И. Метлина. Ему поручили подобрать соответствующий штат сотрудников и организовать канцелярию [5, л. 30]. Согласно подготовленному «Штату управления БГУ», утвержденному 23 мая 1921 г., Управление делами возглавлял управляющий делами, ему подчинялся заместитель в числе одного уполномоченного лица. Далее в структуре управления шли секретариат, строительный отдел, хозяйственный отдел, финансово-сметный отдел, отдел по организации рабочего факультета и библиотека. Из этой структуры, а также из количества кадров, в нее заложенного, можно делать определенные выводы о первых направлениях и приоритетах организационной деятельности создававшегося вуза. Наибольшее количество штатных единиц – по 15 – было заложено в секретариат (один секретарь, два делопроизводителя, один журналист, одна машинистка, четыре курьера и шесть уборщиц) и хозяйственный отдел (заведующий, его помощник, делопроизводитель, семь смотрителей зданий, четыре агента для поручений и проводник вагона). Любопытно, что совсем немного им уступила библиотека – 13 единиц (заведующий, четыре помощника заведующего на правах библиотекарей, пять регистраторов на правах конторщиков и трех агента по закупке). Остальные отделы были существенно меньше: строительный отдел состоял из заведующего, помощника заведующего, делопроиз-

водителя и трех агентов для поручений (всего 6 человек), финансово-сметный состоял из старшего бухгалтера, старшего счетовода и делопроизводителя (всего 3 сотрудника) и, наконец, отдел по организации рабочего факультета также включал всего три штатные единицы: заведующий, помощник заведующего и делопроизводитель [6]. Отметим обязательное наличие делопроизводителей в каждом отделе, а также в самом маленьком – важность работы с деловыми бумагами не обесценилась полностью.

В первые годы работы университета происходили преобразования отделов, поэтому важно отметить, что во главе университета стояло Правление, осуществляющее руководство всей учебной и административно-хозяйственной деятельности университета. Руководил правлением ректор. При правлении университета имела общая канцелярия и канцелярии факультетов. За работу со студентами отвечал секретарь по студенческим делам с помощником. Общеуниверситетская канцелярия входила в состав общего отдела, который возглавлял заведующий отделом (с 3 апреля 1922 года – Д.И. Серко) [7].

В работе канцелярии БГУ и канцелярий факультетов образовывались документы, составляющие системы документации. В них выделяются следующие группы: организационно-распорядительная, учебная, плановая, отчетная документация.

Система организационно-распорядительной документации включает в себя три подсистемы: организационная, распорядительная и справочно-информационная. К организационным документам в БГУ в 1920-е гг. относились Устав Белорусского государственного Университета, Правила и инструкции о приеме в вузы, правила внутреннего распорядка университета, Правила внутреннего распорядка в общежитиях Университета, Инструкция о порядке взимания платы за обучение, Устав об аспирантуре при Университете, Положение об институте аспирантов при БГУ, положения о научно-исследовательском институте при университете сельского хозяйства, Устав научного общества при университете, положение о комитете по изданию за границей советской литературы и др. Среди организационных документов, которыми руководствовались в БГУ можно выделить Положение о вузах, инструкции Наркомпроса БССР, Положение об аспирантуре при университете, Положение о I Всебелорусской выставке сельского хозяйства и промышленности, Инструкция Главпрофобра БССР о проверке знаний студентов вузов, Положения Наркомпроса БССР о социальном обеспечении учащихся в учебных заведениях профтехобразования и о стипендиальных комиссиях, Правила, Инструкции Главпрофобра РСФСР и другие.

Во главе университета действовал ректор, который издавал распорядительные документы: приказы по административно-хозяйственным и финансовым вопросам, по личному составу. Кроме того, приказы и постановления наркоматов БССР, постановления

ВЦИК, СНК БССР и РСФСР, Наркомпроса БССР и др. составляют значительную часть сохранившихся документов, регламентирующих деятельность университета в этот период.

Характерным документом для начала XX века является циркуляр. В толковом словаре Ожегова циркуляр определяют как директивное распоряжение подведомственным учреждениям [8]. В документах фонда 205 НАРБ (Белорусский государственный университет) название вида документа «Циркуляр» встречается последний раз только в 1941 году. В университете руководствовались Циркулярами Главпрофобра РСФСР, Наркомфина СССР и БССР и Наркомпроса БССР, ЦИК и СНК.

Среди справочно-информационных документов выделяются акты, докладные записки, письма и др. Особенностью такого документа, как докладная записка, является обращение к вышестоящему лицу с целью изложения вопроса и предложения принять по нему решения. В документах БГУ сохранились докладные записки зав. кафедрой стоматологии доцента Старобинского об организации и деятельности кафедры, о работе медицинского факультета. Имеются также Докладные записки ректора университета в ЦИКП(б)Б о ликвидации дневного отделения Рабфака и переписка с Наркомпросом БССР об учебно-правовом положении географического факультета, Акт обследования ведения делопроизводства.

Одним из самых распространенных справочно-информационных документов в университете были протоколы. Например, в протоколе заседания Совета университета обсуждался вопрос о кандидатурах в члены Правления университета (18 марта 1923) [9]. Протоколы также велись на заседаниях Совета факультета, деканата и предметных комиссий факультета (литературной, исторической и др.), также оформлялись протоколы общих собраний студентов факультетов. Первое время протоколы велись от руки в связи с отсутствием печатных машинок.

В 1920-х гг. в таких документах всегда присутствовал реквизит «Название вида документа», «Дата документа», «Подпись», «Текст». Датой протокола являлась дата проведения заседания. Каждому протоколу присваивался свой порядковый номер. Текст протокола состоял из двух частей: вводной и основной. В вводной части прописывали, кто является председателем, секретарем и членами заседания. В основной части в разделе «СЛУШАЛИ» содержался перечень рассматриваемых вопросов, а в разделе «ПОСТАНОВИЛИ» – принятое решение по вопросу. После основной части протокол подписывали председатель, члены и секретарь. Соответственно, при необходимости делались выписки из протоколов заседаний по отдельно взятому рассматриваемому вопросу с принятым по нему решением.

По содержанию некоторых протоколов мы можем определить и ряд проблем, существовавших, в частности, с ведением документации в структурных под-

разделениях университета и о методах борьбы с ними. Например, в протоколе заседания Правления БГУ от 4 мая 1922 года значится рассмотрение заявления заведующего финансово-счетным отделом Зубко о предоставлении ему отпуска по болезни и решение... уволить его с 1 мая. Загадка столько радикального способа борьбы за оздоровление коллектива раскрывается в протоколе от 22 мая того же года, когда на заседании Правления рассматривалось заявление, видимо, уже поправившегося Зубко об обратном приеме его на службу. Злополучный зав. отделом был уволен «из-за полной расхлябанности заведываемого им отдела и неумении соорганизовать его». Ко всему прочему неорганизованный финансист «также не вел бухгалтерской книги» [10, л. 13].

Важная часть принятия решений заключалась в переписке руководства с подразделениями и вышестоящими органами. Таким образом, можно выделить внутреннюю переписку и внешнюю. Чаще всего Правление университета (ректор) вело переписку с Главпрофобром РСФСР о структуре университета, об учете личного состава, об утверждении в должности преподавателей и др. В переписке с ЦИК, СНК БССР и Главпрофобром РСФСР поднимались вопросы о перевыборах в Правление. По различным финансовым вопросам необходимо было решать дела с Наркомфином и Наркомпросом БССР, с Главпрофобром БССР – о приеме и переводе студентов в другие вузы и др. В переписке с факультетами рассматривались вопросы по личному составу или, например, об отрицательных сторонах бригадно-лабораторного метода преподавания.

Отдельную интересную группу документов в БГУ в 1920-х гг. составляли документы о командировках. ЦИК БССР контролировал выдачу командировочных документов с целью их целесообразного использования и экономного расходования бюджетных средств. В частности, в 1921 году ЦИК БССР направил циркуляр всем народным комиссариатам, Совету профсоюзов Беларуси и уездным исполнительным комитетам республики с замечанием о том, что этими органами выдаются командировки сотрудникам по таким вопросам, которые могли бы быть успешно разрешены телеграфом или почтой. Было принято решение всем народным комиссариатам, Совету профсоюзов Беларуси и уездным исполнительным комитетам республики сделать распоряжение по всем подведомственным им учреждениям, чтобы командировки давались только в случаях особо важных, где ни почта, ни телеграф не смогут оказать помощи. В случае выявления факта нарушения этого решения, выдавшие командировку без особой надобности, будут привлекаться к строгому административному взысканию.

Следствием такого решения стала новая проблема, которая заключалась в перегрузке телеграфов. В Народный комиссариат БССР поступило письмо «За последнее время телеграф оказался совершенно

перегруженным телеграммами Совучреждений, почему 90% всех подлежащих передаче телеграмм за невозможностью усилить пропускную способность телеграфа в виду строгого недостатка технических средств и оборудования пересылается почтой. <...> Ныне центр категорически требует сокращение телеграфных сношений до возможно минимальных размеров, не допуская загрузки телеграф вопросами не столь срочного характера, ни в коем случае не допускается излишнего многословия в телеграммах» [10].

Важный вид документов, открывающий своеобразный ракурс взгляда на деятельность БГУ, составляют обращения граждан. Принципы работы с такими документами рассматривались на заседаниях народного комиссариата просвещения БССР.

Заявления и жалобы, поступающие в главное управление профессионально-технического просвещения, не раскрывали полностью суть проблем, так как дополнительно не прилагались данные, которые бы подтверждались документально. Ввиду этого народным комиссариатом просвещения БССР 6 декабря 1926 года было принято решение по данному вопросу, состоявшее из нескольких пунктов:

1. Провести через педагогические ряды среди слушателей учебных учреждений кампанию по объяснению о необходимости предоставления вместе с заявлением или жалобами исчерпывающих документальных данных, которые бы освещали суть дела и дали возможность окончательно решить его.

2. Обратить внимание руководителей учебных учреждений на необходимость дачи обращающимся к их слушателям полных и исчерпывающих ответов на их вопросы, а не ограничиваться формальными ответами или рядами обратиться в главное управление, что безусловно уменьшит как количество письменных обращений, так и поездок в Центр.

3. Обратить внимание слушателей учебных учреждений на то, что последние часто приезжают сами в центр по дробным вопросам, которые могут решить или на месте, или в крайнем случае отправивши почтой соответствующие материалы.

Кроме того, на заседаниях Правления БГУ рассматривались вопросы ведения делопроизводства, работы канцелярий и других отделов. Так, в одном из протоколов в сентябре 1922 года было принято решение сосредоточить всю машинную переписку в общем отделе. Для этого было выдвинуто предложение всем учреждениям БГУ доставлять в общий отдел свои материалы для переписки и сдавать их зав. общим отделом Д.И. Серко. Дополнительно на него была возложена обязанность создать однообразный способ ведения делопроизводства в факультетских канцеляриях и общей канцелярии (отдела) БГУ. Несмотря на работу факультетов по разным направлениям, на заседании было отмечено, что канцелярии факультетов ведут делопроизводство лишь по учебно-педагогической деятельности, вся же остальная деятельность факультета: административная, хозяйственная и финансовая

обслуживается центральными отделами административно-хозяйственных управлений БГУ [10, л. 34]. **Таким образом, мы видим в действии принцип централизации, утверждавшийся в работе с документами и архивами в данный период.**

Помимо документов, обеспечивавших управленческую деятельность руководства и профессорско-преподавательского состава вуза, сохранился огромный пласт студенческих документов: сведения о студентах, заявления, справки студентов, анкеты студентов Белгосуниверситета, выпускные свидетельства, личные дела и др. Для систематизации и сохранности всех документов студентов, на заседании Правления БГУ 9 сентября 1922 было принято решение сосредоточить документы студентов всех факультетов в общем отделе БГУ, поручив это выполнить секретарю по студенческим делам А. Зеновичу [11].

К учебной документации университета в первые десятилетия его возникновения относятся учебные планы специальностей факультетов, также учебные программы по дисциплинам. В планах фиксировался общий перечень дисциплин по курсам, которые обязательны к освоению студентами, также прописывалось количество часов, отводимых на предмет. В учебной программе присутствовали основные содержательные характеристики читаемой дисциплины. Для контроля знаний создавались зачетная/экзаменационная ведомости, зачетные книжки студентов, в которых отражалась успеваемость обучающегося по конкретному предмету. В факультетских канцеляриях хранились контрольные книги зачетов студентов, специфический для данного времени документ, содержавший списки дисциплин и фамилии преподавателей.

В деканатах факультетов хранились документы с расписанием лекций и семинарских занятий на факультете, темы дипломных работ, списки студентов и списки профессорско-преподавательского состава. В комплексе эти документы позволяют довольно полно восстановить картину учебного процесса в первые годы существования университета.

К обязательной плановой документации на факультетах относились план работы факультета, план научно-исследовательской работы, планы семинарских занятий и прохождения практики студентами факультета. Соответственно, по всем планам должны были быть готовы в последующем отчетные документы: отчеты о работе кафедр и факультетов, отчеты ППС о работе за учебный год и др.

В случае оформления заграничных командировок, по возвращении **составлялись** отчеты. **На учебный год планировались** сметы административно-хозяйственных расходов, а затем руководство отчитывалось о расходах по госбюджету. Правление, в свою очередь, составляло отчет о работе университета, где излагались основные результаты работы за год, достижения, выполнение планов и другие.

Заключение. Подводя итоги, можно отметить значимость документов фонда БГУ как минимум

в двух ракурсах. Во-первых, они позволяют достаточно восстановить процесс организации университета в различных его составляющих: правовой, организационной, учебной, делопроизводственной. Кроме того, некоторые документы имеют ценность с точки зрения изучения достаточно популярной сейчас истории повседневности – в данном случае студенческой и преподавательской жизни.

Во-вторых, при отсутствии изданных сборников документов, регламентирующих делопроизводство в учреждениях образования БССР, на основе материалов фондов 42 (Министерство просвещения (Минпрос) БССР), 205 (Белорусский государственный университет) НАРБ есть возможность воссоздать его как систему в процессе формирования, выяснить, чем и как регулировались вопросы делопроизводства, как оно велось на практике, каким был видовой состав документов, определить направления в развитии этой системы.

Литература

1. Шумейко, М.Ф. I Всероссийская конференция архивных деятелей 1921 г. и I Всебелорусская конференция архивных работников 1924 г. как пример российско-белорусского архивного сотрудничества / М.Ф. Шумейко // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 92–104.
2. Смолякова, Е.В. Документационное обеспечение управления в БССР в 1920–1930-е гг. (Аспекты законодательства) / Е.В. Смолякова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – Вып. 3. – С. 133–139.
3. Гернович, Т.Д. Становление государственных архивов Беларуси (1919–1922) / Т.Д. Гернович // Журн. Белорус. гос. ун-та. История = Journal of the Belarusian State University. Historical sciences. – 2019. – № 3. – С. 46–56.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 205. Оп. 1. Д. 1.
5. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 14. Л. 30.
6. Липницкая, О.Л. Информативность документов официального делопроизводства для истории Белорусского государственного университета / О.Л. Липницкая, А.С. Шапко // Пічэтаўскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 30 верас. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд. М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі; рэдкал.: А.Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2022. – С. 94–105.
7. Гернович, Т.Д. Университетский архив: начало деятельности и формирование архива БГУ / Т.Д. Гернович, А.С. Шапко // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А.Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.]; навук. рэд. М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2021. – С. 69–77.
8. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/>. – Дата доступа: 15.12.2022.
9. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 100.
10. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 10.
11. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.

Поступила в редакцию 28.12.2022

Участие Республики Корея и Республики Беларусь в деятельности ООН

Хван Джон Хва

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается уникальный путь вступления Республики Корея в ООН. Проанализированы особенности участия Южной Кореи в деятельности ООН, обусловленные международным контекстом (противостоянием на международной арене двух сверхдержав – СССР и США) и специфическими проблемами разделения корейского народа.

Цель данной статьи – раскрытие основных направлений участия Республики Корея и Республики Беларусь в деятельности ООН, в том числе и по-своему уникальной истории вступления в нее.

Материал и методы. *В процессе подготовки статьи были, прежде всего, проанализированы резолюции Совета Безопасности ООН, ее Генеральной Ассамблеи и другие документы Организации, решения и установки правительственных органов Республики Корея и Республики Беларусь, экспертные оценки и мнения, представленные в соответствующей историографии.*

В исследовании используются философские и общенаучные методы познания (методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, критический и диалектический методы); частно-научные методы юридических наук, в том числе формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический и др. Особую роль при этом играют конкретно-исторический и сравнительный подходы.

Результаты и их обсуждение. *В исследовании актуализирован переход Республики Корея из страны – получателя международной помощи – в страну-донора. Прослеживается по-своему уникальный путь участия Республики Беларусь в деятельности ООН: первоначально как государства-учредителя, входящего в состав Советского Союза, а затем как суверенного самостоятельного государства – полноправного субъекта международных отношений. Проанализированы основные направления политики Республики Беларусь как члена ООН в решении глобальных проблем, в том числе участие в работе по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР). Выделены четыре платформы ускорения устойчивого развития в Республике Беларусь, отмечены успехи Республики Беларусь в реализации ЦУР. Предпринята попытка раскрыть опыт взаимодействия Республики Корея и Республики Беларусь в деятельности ООН.*

Заключение. *Следовательно, Республика Корея прошла долгий (почти сорокалетний) путь вступления в Организацию Объединенных Наций. ООН сыграла ключевую роль в формировании Южной Кореи как независимого государства. С момента своего принятия в ООН РК внесла значительный вклад в работу организации посредством операций по поддержанию мира, развития и поощрения прав человека. Сейчас страна активно участвует в проводимых под эгидой ООН мероприятиях, касающихся международного мира и безопасности, разоружения и нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав человека.*

Ключевые слова: *Республика Корея, Республика Беларусь, ООН, Совет безопасности ООН, Генеральная Ассамблея ООН, Генеральный секретарь ООН, международные организации, резолюция, корейская война, международные отношения, глобальные проблемы, миротворческая деятельность ООН, развитие, цели устойчивого развития.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 42–48)

Participation of the Republic of Belarus and South Korea in UN Activities

Hwang John Hwa

Belarusian State University, Minsk

A unique way of South Korea's joining the UNO is considered in the article. Features of South Korea's participation in the UN activities which are conditioned by the international context (the counteraction of two super powers, the USSR and the USA, on the international arena) and by specific problems of the separation of the Korean people are analyzed.

The purpose of the article is to reveal basic trends of the participation of the Republic of Belarus and the Republic of Korea in the UNO activities, including the unique history of joining it.

Material and methods. *The UN Security Council, its General Assembly resolutions and other documents of the Organization, decisions and directions of government bodies of the Republic of Korea and the Republic of Belarus, expert assessments and opinions which are present in historiography were analyzed.*

Адрес для корреспонденции: **e-mail: belarustimothy@gmail.com** – Хван Джон Хва

Philosophic and general scientific methods of cognition (methods of analysis and synthesis, induction and deduction, critical and dialectical methods) were used in the research as well as private scientific legal methods including the formal legal, the comparative legal, the historical, the logical etc. While special role was played by the concrete historical and the comparative approaches.

Findings and their discussion. *The research focuses on the transition of the Republic of Korea from the country-recipient of international aid to the country-donor. A unique way of the participation of the Republic of Belarus in the UNO activities, first as a founder country, which was part of the USSR, and then as a sovereign independent state, a full-fledged subject of international relations, is traced. Main directions of the policy of the Republic of Belarus as a UN member country in solving global problems including the participation in the work on reaching Sustainable Development Goals (SDG), are analyzed. Four Sustainable Development acceleration platforms in the Republic of Belarus are identified, success of the Republic of Belarus in implementing SDG is singled out. An attempt is made to reveal the interaction experience of the Republic of Korea and the Republic of Belarus in the UNO activities.*

Conclusion. *Hence, the Republic of Korea has taken a long (almost forty year long) path of joining the UNO. The UNO played the key role in shaping South Korea as an independent state. Since it was admitted to the UNO the Republic of Korea has contributed significantly into the UNO work by means of peace support operations, development and encouragement of human rights. Nowadays the country is an important member of the Organization; it participates in global peace and security, disarmament and non-proliferation of nuclear weapons, human rights events under the aegis of the UNO.*

Key words: *the Republic of Korea, the Republic of Belarus, the UNO, UN Security Council, UN General Assembly, UN Secretary General, international organizations, resolution, the Korean War, international relations, global problems, UN peacekeeping, development, Sustainable Development Goals.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 42–48)

Создание в 1945 году Организации Объединенных Наций (ООН) знаменовало собой новый этап в истории мирового сообщества. ООН является ключевым звеном в системе межгосударственных организаций и занимает исключительное место в современном международно-политическом и социальном развитии. Республика Беларусь – одна из ее стран-основателей. Сегодня ООН превращается из арены отстаивания государствами своих политических интересов в оперативную организацию, осуществляющую программы в различных областях – социально-экономической, политической, гуманитарной, экологической и др. Опыт и помощь ООН могут быть использованы для решения существующих политических, социально-экономических и иных проблем конкретной страны.

Цель данной статьи – раскрытие основных направлений участия Республики Кореи и Республики Беларусь в деятельности ООН, в том числе и по-своему уникальной истории вступления в нее.

Материал и методы. В процессе подготовки статьи были, прежде всего, проанализированы резолюции Совета Безопасности ООН, ее Генеральной Ассамблеи, другие документы Организации, решения и установки правительственных органов Республики Корея и Республики Беларусь, экспертные оценки и мнения, представленные в соответствующей историографии.

Для раскрытия темы автор опирался в основном на конкретно-исторический подход, позволивший выявить эволюцию взаимодействия Южной Кореи и Беларуси с ООН, на сравнительный метод, с помощью которого предпринята попытка раскрыть особенности политики Сеула и Минска в отношении международных организаций на примере участия в деятельности ООН. В исследовании используются философские и общенаучные методы познания

(методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, критический и диалектический методы); частно-научные методы юридических наук, в том числе формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический и др.

Результаты и их обсуждение. Известным белорусским ученым В.Е. Снапковским в монографии «Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии» обосновано, что участие в работе ООН было главным содержанием внешнеполитической деятельности Белорусской ССР, однако сама эта активность имела довольно ограниченный характер, поскольку она осуществлялась в интересах правящей в СССР коммунистической партии (т.е. в строго очерченных сверху и установленных рамках). После получения независимости одной из важнейших сфер внешней политики Республики Беларусь стала система ООН, в которой молодое белорусское государство получило новый статус и новую роль [1].

Доцент кафедры международных отношений БГУ А.В. Тихомиров считает, что взаимодействие с ООН являлось важнейшим элементом многостороннего сотрудничества Беларуси после обретения ею в 1991 г. статуса независимого государства. Членство в ООН не только повышало статус белорусского государства на международной арене, но и приносило реальную пользу при реализации конкретных проектов в области развития [2].

Работы российского исследователя В.Е. Петровского раскрывают позицию ООН в годы корейской войны, усилия Организации, нацеленные на достижение межкорейского примирения. Автор согласен с основными выводами российского исследователя, однако считает, что вопрос об американских подходах к мирному урегулированию корейского вопроса (а именно эти подходы стали основой позиции ООН) недостаточно проработан.

Роль ООН в формировании южнокорейского государства. ООН сыграла ключевую роль в формировании Республики Корея в качестве независимого государства.

В конце Второй мировой войны Корея была фактически разделена на две части: юг находился под контролем США, в то время как СССР доминировал на севере. ООН подключилась к разрешению проблем отношений Севера и Юга Кореи почти сразу после окончания Второй мировой войны. Началом этого процесса можно считать вынесение вопроса о составе временного демократического правительства Кореи на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, после того как советско-американская комиссия не смогла договориться по этому вопросу в 1947 г.

14 ноября 1947 года большинство членов Генеральной Ассамблеи приняли резолюцию 112 (II), признающую «законные притязания народа Кореи на независимость». Но вместо того, чтобы разрешить корейцам участвовать в дебатах ООН, резолюция учредила Временную комиссию ООН по Корею (называемую ЮНТКОК) для поездок, наблюдения и проведения консультаций по всей Корею, чтобы контролировать выборы. Формулировки резолюции трактуют корейский народ как единую нацию и ставят своей целью независимость этой нации.

В 1948 г. под наблюдением ЮНТКОК на Юге Кореи были проведены парламентские выборы, созвана Национальная ассамблея, принята Конституция, провозглашена Республика Корея. В то же время на Севере Кореи Временный народный комитет одобрил проект Конституции, Верховная народная ассамблея провозгласила создание Корейской Народно-Демократической Республики, которая заявила о претензиях на власть на всей территории Кореи [3].

Поскольку СССР не допускал на территорию Северной Кореи наблюдателей ООН, организация заявила, что результаты выборов в Северной Корею неприемлемы, так как они не были независимо верифицированы.

В декабре 1948 года Генеральная Ассамблея вновь обсудила «Корейский вопрос». Результатом стала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 195 (III) от 12 декабря 1948 года, признающая Республику Корея «законным правительством», и рекомендовавшая вывести из нее оккупационные войска. Чтобы добиться одобрения большинства государств-членов ООН, резолюция не называла Республику Корея национальным правительством и не рекомендовала признавать ее государствами-членами ООН. С тех пор Южная Корея участвовала в Генеральной Ассамблеи в качестве наблюдателя.

США, Республика Корея и их союзники приняли эту резолюцию в поддержку заявления Республики Корея о том, что она является единственным законным правительством в Корею и, следовательно, имеет право на членство в ООН, представляющее всю Корею. Роль ООН в создании Республики Корея в 1948 году также включает заложение основы для обозначения КНДР

агрессором через международную границу два с половиной года спустя, в июне 1950 года [4].

Таким образом, к концу 1948 года Северная и Южная Корея образовали отдельные государства. Север поддерживался коммунистическим СССР, а когда Китай в 1949 году стал коммунистическим, Китаем. Юг был поддержан Америкой и считался Западом единственной демократической нацией из двух.

И так, 66 лет назад, 14 ноября 1947 года, начались события, которые привели к созданию двух Корею и войне на Корейском полуострове. Корейская война с 1950 по 1953 год была самым серьезным испытанием, с которым пришлось столкнуться ООН с момента ее создания в 1945 году. Как часть всего сценария холодной войны, Корейская война была сложным вопросом, с которым ООН должна была успешно справиться или потерять доверие международной общности всего через пять лет после своего создания.

25 июня 1950 года северокорейские войска неожиданно напали на Южную Корею. Совет Безопасности ООН провел заседание в тот же день. Советская делегация в Совете Безопасности не присутствовала на заседании, поскольку СССР бойкотировал СБ ООН за сохранение правительства Чан Кайши на Тайване в качестве официального правительства Китая, игнорируя коммунистический режим Мао в Пекине. Поэтому очевидного применения вето (которое, как предполагается, использовал бы в данном случае СССР) не произошло.

На заседании Совета Безопасности ООН представитель США заявил, что Северная Корея нарушила мир во всем мире, напав на Южную Корею. Вашингтон призвал Северную Корею отойти к 38-й параллели. Поддерживающие американский подход страны включали Великобританию, Китай, Францию, Кубу, Эквадор, Норвегию, Египет и Индию. Алеш Библер, делегат от Югославии, воздержался при голосовании соответствующей резолюции в СБ ООН.

25 июня 1950 года Америка просила СБ ООН применить силу к Северной Корею, поскольку та проигнорировала резолюцию Совета Безопасности ООН № 82 от 25 июня. За это также проголосовали, и снова СССР не смог воспользоваться своим правом вето, поскольку он все еще бойкотировал СБ ООН. 7 июля 1950 г. по решению СБ ООН для отпора агрессору было сформировано Командование ООН (UNC) в Корею. Помимо американских сил, составивших более 90% от общей численности войск ООН, в их состав свои контингенты направили 16 государств, это: Южная Корея, Канада, Австралия, Соединенное Королевство, Таиланд, Эфиопия, Турция, Филиппины, Новая Зеландия, Греция, Франция, Колумбия, Бельгия, Южная Африка, Нидерланды, Люксембург [5].

15 сентября 1950 года войска ООН высадили десант в районе Инчхона. Высадка была огромным успехом, силы ООН фактически разрезали северокорейскую армию на две части и вытеснили ее из Южной Кореи. Затем командующий объединенными войсками

ООН в Корею генерал Дуглас Макартур продвинулся в Северную Корею, несмотря на предупреждения коммунистического Китая. Это привело к нападению Китайской Народной Республики на войска ООН, и в период с ноября 1950 по январь 1951 года китайцам удалось оттеснить силы ООН. После конфликта с президентом США Гарри Трумэном Макартур был уволен, и война перешла в фазу, в которой ни войскам ООН, ни китайцам не удалось одержать верх.

В 1953 году в деревне Пханмунджон между американскими силами, силами ООН и Северной Кореей было достигнуто соглашение о прекращении огня, которое существует и по сей день. По результатам корейской войны ООН получила поддержку большинства государств мира в принятии решительных мер против страны-агрессора. Южная Корея восстановила свою независимость и продолжала поддерживаться Америкой. Однако СССР использовал свое право вето для блокирования инициатив Совета Безопасности, например о приеме Кореи в члены СБ ООН в 1957 и 1958 гг. [6].

Участие Республики Корея в деятельности ООН.

Республика Корея одновременно с Северной Кореей вступила в ООН в 1991 году. Республика Корея внесла значительный вклад в работу ООН посредством операций по поддержанию мира, развития и поощрения прав человека. В частности, ООН признала усилия Республики Корея по достижению мира и примирения в ходе Саммита тысячелетия ООН, состоявшегося в Нью-Йорке в начале сентября 2000 года, приняв специальное заявление, в котором приветствовался межкорейский саммит и поощрялись принимаемые последующие меры. 31 октября 2000 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию под названием «Мир, безопасность и объединение на Корейском полуострове», соавторами выступили 157 стран, включая обе Кореи.

Важную роль в определении характера участия Республики Корея в деятельности ООН стало превращение Южной Кореи из страны-получателя международной помощи в страну-донора (что произошло в 2009 году, когда она присоединилась к Комитету содействия развитию ОЭСР (КСР). По состоянию на 2017 год в стране были расположены 18 представительств ООН и 7-ми других международных организаций. Эти офисы охватывают вопросы, начиная от глобального, регионального, субрегионального и заканчивая страновым уровнем; от вопросов политики, подготовки кадров по наращиванию потенциала до подробных планов действий.

С 1966 по 2009 год Программа развития ООН (ПРООН) оказывала поддержку народу и правительству Южной Кореи на их уникальном пути развития, реализовав более 270 проектов с общим бюджетом в 107 млн [7].

В 2010 году ПРООН закрыла свой страновой офис, после того как Южная Корея присоединилась к КСР ОЭСР, подтвердив свой статус развитой экономики и значимого инвестора в помощь в целях развития.

В 2011 году открылся Сеульский политический центр ПРООН (USPC), и началась новая форма сотрудничества между Республикой Корея и ПРООН, при котором USPC делится опытом развития Кореи с другими развивающимися странами.

Сеульский политический центр ПРООН является частью глобальной сети ООН по вопросам развития и политики. Центр играет ключевую роль в поддержке эффективного сотрудничества в целях развития и более высокого качества программ и действий на основе передовых исследований в области развития, диалога по вопросам политики и обмена знаниями по ключевым вопросам развития.

Республика Корея считает, что международное сотрудничество в целях поощрения прав человека и демократии следует укреплять. Она ратифицировала основные международные конвенции по правам человека и подписала договоры по правам человека. Республика Корея активно участвует в деятельности ООН в области мира и безопасности в целях содействия укреплению международного мира.

С момента вступления в члены ООН в 1991 году Республика Корея дважды была непостоянным членом Совета Безопасности – в течение 1996–1997 и 2013–2014 годов. Кроме того, она активизировала свои усилия в области поддержания мира и предотвращения конфликтов. В составе миротворческих сил ООН участвовало более тысячи представителей Южной Кореи [7].

Республика Корея также выполняла функции Председателя Организационного комитета Комиссии по миростроительству в 2017 году и заместителя Председателя данного Комитета в 2018 году. Страна находится на переднем крае усилий по предотвращению конфликтов и поддержанию мира, взаимодействуя с различными органами ООН и заинтересованными сторонами ООН и играя важную роль в политике наведения мостов.

Своеобразным признанием весомого вклада Республики Корея в решение важнейших вопросов в повестке дня деятельности ООН стало избрание представителей страны на высокие посты председателя Генеральной Ассамблеи ООН в 2001–2002 гг. (Хан Сын Су) и Генерального секретаря Организации в 2007–2016 гг. (Пан Ги Мун).

На 28-й сессии Генеральной Ассамблеи (1973) делегация Белорусской ССР поддержала резолюцию о роспуске Комиссии ООН по объединению и возрождению Кореи, за что активно выступали представители Республики Корея на предыдущих сессиях. На 30-й сессии Генеральной Ассамблеи (1975) по инициативе группы социалистических и ряда неприсоединившихся стран была принята резолюция «О создании благоприятных условий для превращения перемирия в Корею в прочный мир и ускорения самостоятельного мирного объединения Кореи».

Во время обсуждения в ООН запусков северокорейских ракет белорусский министр иностранных дел

Владимир Макей заявил, что правительство Беларуси поддерживает усилия по денуклеаризации Корейского полуострова; решительно осуждает ядерные испытания и запуски ракет Северной Кореей; и будет тщательно выполнять резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях. На 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2016 г. министр иностранных дел Южной Кореи Юн Бён Се провел переговоры с министром иностранных дел Беларуси и попросил об активном сотрудничестве в решении северокорейской ядерной проблемы.

В ходе встречи Владимир Макей подтвердил позицию Республики Беларусь по тщательному выполнению резолюций Совета Безопасности о санкциях в отношении Северной Кореи (в частности, резолюция 2270 Совета Безопасности призвала к замораживанию иностранных счетов правительства Северной Кореи и Трудовой партии Кореи, связанных с разработкой оружия массового уничтожения). Белорусское правительство уведомило Комитет Совета Безопасности по санкциям в отношении Северной Кореи о замораживании счетов и продолжении сотрудничества с комитетом по санкциям. Этот шаг белорусского правительства является первым подтвержденным замораживанием банковского счета с тех пор, как резолюция 2270 Совета Безопасности вступила в силу в марте 2016 г.

Особенности участия Республики Беларусь в деятельности ООН. 24 октября 1945 года Белорусская ССР, наряду с Украинской ССР, стала членом-учредителем ООН. Это решение было принято державами-победительницами во Второй мировой войне, несмотря на тот факт, что Белоруссия не являлась на тот момент самостоятельным субъектом международных отношений. Признание Белорусской ССР и Украины государствами-учредителями ООН стало возможным в связи с признанием их большого вклада в разгром нацизма, материальными и людскими потерями во время нацистской оккупации. В 1958 г. было открыто Представительство БССР при ООН, которое до 1991 г. оставалось одним из немногих дипломатических представительств Советской Белоруссии за рубежом.

Можно отметить, что взаимодействие с ООН входило и входит в число важнейших приоритетов внешней политики Республики Беларусь с момента ее выхода на международную арену в качестве независимого государства. Ее деятельность направлена на расширение контактов с другими государствами – членами ООН, укрепление международных механизмов разоружения и обеспечения безопасности, обеспечение экономического и социального прогресса народов, решение глобальных гуманитарных проблем.

В 40–80-е гг. внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР развивалась всецело в русле советской внешней политики и государственных интересов СССР. Белорусская ССР, несмотря на свой почетный статус основательницы ООН, не воспринималась в мире как независимое и суверенное госу-

дарство, а рассматривалось как неотъемлемая часть унитарного государства, которой являлся Советский Союз. Только реальный суверенитет и независимость открывали перед Беларусью перспективу свободного развития и сохранения белорусской нации, осуществления внутренней и внешней политики национального государства в интересах белорусского народа [1, с. 285]. После провозглашения независимости одной из важнейших сфер внешней политики Республики Беларусь стала система ООН, в которой молодое белорусское государство получило новый статус и новую роль [1, с. 292].

Белорусская сторона использовала рекомендации ООН и связанных с ней международных структур (ЭКОСОС, ЮНИДО, ВОИС, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, МОМ, ЮНИСЕФ, СПЧ и др.) при реализации внутренней и внешней политики и делилась накопленным опытом в области развития с другими странами мира. В ряде случаев Беларусь имела по линии ООН конкретную финансовую и организационную поддержку, необходимую для решения социальных, экологических и культурных проблем и ускорения темпов развития. Данное направление многостороннего сотрудничества сохранит свою значимость для страны и в перспективе [2, с. 274].

На всем протяжении своего членства в ООН Республика Беларусь активным образом отстаивает цели и принципы Организации, поддерживает усилия по повышению роли ООН в решении сложных мировых проблем. Беларусь является членом более чем 50 специализированных учреждений ООН.

Она отстаивает комплексные меры, направленные на развитие и повышение эффективности миротворческой деятельности ООН. Беларусь последовательно выполняет свои обязательства по сохранению благоприятной окружающей среды для будущих поколений, закрепленные в Декларации тысячелетия ООН и других международных документах, является участницей многих ключевых конвенций ООН в природоохранной сфере.

Позиция Республики Беларусь в области соблюдения прав человека основывается на положениях Всеобщей декларации прав человека, вытекающих из нее международных договоров, а также Венской декларации и Программы действий. Беларусь выступает за то, чтобы в основе деятельности ООН и ее правозащитных механизмов лежал конструктивный и взвешенный подход, основанный на открытом диалоге и тесном сотрудничестве, способный реально содействовать улучшению положения в области прав человека.

Главным инструментом межведомственной координации и принятия решений в отношении Беларуси является страновая группа ООН. В состав команды, возглавляемой Постоянным координатором, входят представители постоянных учреждений ООН и учреждений-нерезидентов, ведущих оперативную деятельность в целях развития в Беларуси.

Во исполнение обязательств по Повестке–2030 в Беларуси учрежден всеобъемлющий национальный механизм для реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) под руководством Национального координатора по достижению ЦУР и Совета по устойчивому развитию. Страна приняла участие в работе многочисленных национальных и международных форумов в целях продвижения устойчивого развития и основала статистическую платформу представления отчетности по показателям ЦУР для отслеживания прогресса в их реализации.

ООН в Беларуси тесно сотрудничает с ключевыми учреждениями и партнерами из гражданского общества, составляющих национальную архитектуру координации достижения ЦУР, а также с международными донорами, которые поддерживают инновации в области устойчивого развития. Эта работа будет продолжаться и в последующий период для ускорения решений в области развития, необходимых для полного достижения ЦУР.

Основные цели этой работы определены глобальной стратегией реагирования ООН, которая предусматривает оказание помощи странам в реализации скоординированных и всеобъемлющих мер реагирования в области здравоохранения, в осуществлении политики, направленной на решение социально-экономических, гуманитарных и правозащитных проблем, а также более эффективное восстановление после кризиса посредством построения «зеленой» и инклюзивной экономики и цифровых преобразований.

ООН продолжает оказывать стране поддержку в достижении ЦУР, мобилизуя стратегическое финансирование и партнерства в целях осуществления Повестки дня на период до 2030 года и следя за тем, чтобы принцип «никого не оставить в стороне», а также стандарты в области прав человека и принципы гендерного равенства были в основе работы в области устойчивого развития.

Беларусь продолжает работу по реализации ЦУР, добившись значительных успехов в таких областях, как принятие законодательства о сокращении использования одноразового пластика и обеспечении сбора отходов, восстановление неэффективно осушенных торфяников и реализация пилотных инициатив в сфере «зеленой» экономики, формирование сети центров помощи детям младшего возраста при Министерстве здравоохранения. Важная задача для Беларуси заключается в инвестировании в низкоуглеродный, «зеленый» и конкурентоспособный рост, создании достойных рабочих мест в частном секторе и благоприятной бизнес-среды, эффективном развитии финансового рынка и повышении эффективности инвестиций в инновации, экологически устойчивым и инклюзивным образом.

Миссия поддержки (MAPS) ООН определила платформы-ускорители, содержащие направления, которые, в случае их реализации, могут помочь ускорить прогресс Беларуси или устранить узкие места в результатах развития, чтобы обеспечить преобра-

зующие преимущества для достижения множества ЦУР. К платформам ускорения устойчивого развития, по которым Республика Беларусь тесно сотрудничает с ООН, относятся следующие:

- 1) переход к «зеленой» экономике для обеспечения всеобъемлющего и устойчивого роста;
- 2) ориентация на будущие поколения: подростки и молодежь;
- 3) цифровые преобразования и социальные инновации;
- 4) гендерное равенство в обществе [5].

С момента вступления в члены ООН в 1945 году Республика Беларусь была непостоянным членом Совета Безопасности – в течение 1974–1975 гг.

Кроме того, она активизировала свои усилия в области поддержания мира и предотвращения конфликтов. В составе миротворческих сил ООН участвуют представители Республики Беларусь. Участие представителей Республики Беларусь в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности может включать наблюдение и контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и других враждебных действий, разъединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование их подразделений, производство инженерных и иных работ, содействие в решении проблемы беженцев, оказание медицинской, иной гуманитарной помощи, выполнение полицейских и других функций по обеспечению безопасности населения и соблюдению прав человека, а также осуществление в соответствии с Уставом ООН международных принудительных действий. Так, 2 августа 2010 года президент Александр Лукашенко подписал указ № 400 «О направлении военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности в Ливанской Республике».

Своеобразным признанием весомого вклада Республики Беларусь в решение важнейших вопросов в повестке дня деятельности ООН стало избрание представителей страны на высокие посты. Белорусские представители выполняли функции заместителя председателя Генеральной Ассамблеи, избирались на должности председателей, заместителей и докладчиков главных комитетов Генеральной Ассамблеи, заместителя председателя ЭКОСОС, занимали выборные посты в других органах системы ООН. Белорусские специалисты также представлены в Секретариате ООН.

В 2007 г. советник Постоянного представительства Республики Беларусь при Организации Объединенных Наций Юрий Ярошевич был единогласно избран председателем Комитета ООН по конференциям. В 2019 г. постоянный представитель Республики Беларусь при отделении ООН в Женеве Юрий Амбразевич был единогласно избран на пост председателя Европейской Экономической Комиссии ООН.

Крупной инициативой Республики Беларусь в рамках ООН в области поддержания международ-

ного мира и безопасности стало предложение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко создать в Центральной и Восточной Европе пространство, свободное от ядерного оружия. Инициатива была вынесена на рассмотрение мирового сообщества на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и в декабре 1998 года Генассамблея приняла соответствующую резолюцию. В 2000 году на 55-й сессии Генассамблеи ООН по инициативе Беларуси принята резолюция «Меры, которые должны быть предприняты против расизма, политических платформ и деятельности, основанных на доктринах превосходства, в основе которых лежат расовая дискриминация или этническая исключительность и ксенофобия, включая, в особенности, неонацизм». Резолюции были поддержаны Южной Кореей.

Сеул также поддержал выдвинутые в ООН Республикой Беларусь инициативы по запрещению торговли людьми. Начиная с 2006 года Генеральная Ассамблея ООН регулярно принимает иницилируемую Республикой Беларусь резолюцию об улучшении координации действий в борьбе с торговлей людьми. В июле 2010 года по белорусской инициативе Генеральная Ассамблея одобрила Глобальный план действий по борьбе с торговлей людьми.

Заключение. Таким образом, Республика Корея прошла долгий (почти сорокалетний) путь вступления в Организацию Объединенных Наций. ООН сыграла ключевую роль в формировании Южной Кореи как независимого государства. С момента своего принятия в ООН РК внесла значительный вклад в работу организации посредством операций по поддержанию мира, развития и поощрения прав человека. Сейчас страна активно участвует в проводимых под эгидой ООН мероприятиях, касающихся международного мира и безопасности, разоружения и нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав человека.

Взаимодействие с ООН входило и входит в число важнейших приоритетов внешней политики Республики Беларусь с момента ее выхода на международную арену в качестве независимого государства. В качестве молодого независимого государства Беларусь использовала площадку ООН для установления и укрепления отношений со многими странами,

в которых не было белорусских представительств, особенно со странами так называемой «дальней дуги». Минск внес свой конструктивный вклад в формирование международных стратегий по разрешению глобальных проблем человечества.

Участвуя в деятельности ООН, Республика Корея и Республика Беларусь старались продвигать не только свои национальные интересы, но активно и заинтересованно сотрудничали по ключевым проблемам международной повестки дня. Обе страны провели значительную работу по осуществлению Целей устойчивого развития ООН, взаимно поддерживали друг друга по тематике борьбы с торговлей людьми, расизмом, ядерного разоружения, санкций в отношении Северной Кореи и др.

Литература

1. Снапковский, В.Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии / В.Е. Снапковский. – Минск: Право и экономика, 2021. – С. 292.
2. Тихомиров, А.В. Взаимодействие Республики Беларусь с ООН (1991–2015 гг.) / А.В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Минск, 2015. – С. 275.
3. Петровский, В.Е. ООН и межкорейские отношения / В.Е. Петровский // Корейский полуостров: история и современность: сборник / Российская академия наук; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Центр корейских исследований. – Москва, 2020. – С. 43.
4. The United Nations and the Korean War. URL: <https://www.historylearningsite.co.uk/modern-world-history-1918-to-1980/the-united-nations/the-united-nations-and-the-korean-war> (дата обращения: 21.11.2022).
5. Петровский, В. ООН и Корейская война: Уроки истории / В. Петровский // Единая Корея. 21.02.2017. URL: <http://onekorea.ru/2011/02/21/oon-i-vojna-v-koree-uroki-istorii/> (дата обращения: 21.11.2022).
6. The United Nations and the Korean War. URL: <https://www.historylearningsite.co.uk/modern-world-history-1918-to-1980/the-united-nations/the-united-nations-and-the-korean-war> (дата обращения: 21.11.2022).
7. Seoul Policy Centre for Knowledge Exchange through SDG Partnerships. URL: <https://www.undp.org/seoul-policy-centre/about-us> (дата обращения: 21.11.2022).

Поступила в редакцию 07.12.2022

Деятельность органов земского самоуправления по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний (1911–1914 гг.)

Куимова Н.А.

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

Актуальность изучения деятельности органов земского самоуправления по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний обусловлена тем, что данная тема не была всесторонне раскрыта в историографии.

Цель исследования – охарактеризовать основные направления работы земств по развитию агрономии и определить роль земских учреждений по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний в 1911–1914 гг.

Материал и методы. *Источниковой базой для подготовки статьи послужили научные публикации, а также протоколы и журналы земских собраний, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Национальном историческом архиве Беларуси.*

Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные, так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждения. *В 1911–1914 гг. одним из важных направлений деятельности земских органов являлось проведение агрономических мероприятий: создание складов техники, удобрений и семян, открытие зерноочистительных пунктов и прокатных станций, распространение сельскохозяйственных знаний, пополнение агрономического персонала и др.*

Заключение. *Намеченная программа деятельности земских органов по развитию агрономии была перспективной. Однако ее осуществление было прервано войной. При этом за 1911–1914 гг. по названным направлениям сделаны весьма значительные шаги, которые способствовали хозяйственному прогрессу белорусских губерний.*

Ключевые слова: *Беларусь, Российская империя, местное самоуправление, земство, агрикультура.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 49–52)

Activities of Zemstvo (District) Self-Government Bodies to Provide Agronomic Assistance to the Population of Belarusian Provinces (1911–1914)

Kuimova N.A.

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk

The relevance of studying the activities of zemstvo (district) self-government bodies in providing agronomic assistance to the population of Belarusian provinces is due to the fact that this topic has not been comprehensively studied in historiography.

The purpose is to characterize the main directions of zemstvos' work on the development of agronomy and to determine the role of zemstvos in providing agronomic assistance to the population of the Belarusian provinces in 1911–1914.

Material and methods. *The source base for the article was scientific publications, as well as protocols and journals of zemstvo meetings stored in the Russian State Historical Archive and the National Historical Archive of Belarus.*

To achieve this goal, both general scientific and specific historical (historical-genetic, historical-comparative) methods were used.

Findings and their discussion. *In 1911–1914, one of the important activities of zemstvo bodies was the implementation of agronomic measures: the creation of warehouses for machinery, fertilizers and seeds, the opening of grain cleaning stations and rental stations, the dissemination of agricultural knowledge, the replenishment of agronomic personnel, etc.*

Conclusion. *The planned program of activities of zemstvo bodies for the development of agronomy was promising. However, its implementation was interrupted by the war. At the same time, in 1911–1914, very significant steps were taken in these areas, which contributed to the economic progress of Belarusian provinces.*

Key words: *Belarus, Russian Empire, local self-government, zemstvo, agriculture.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 49–52)

В 1911 г. на территории трех белорусских губерний Российской империи была введена система земского самоуправления. В соответствии с указом «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» одним из важнейших направлений работы земского хозяйства являлось проведение агрономических мероприятий. Следует отметить, что создание земских органов в Беларуси пришлось на период проведения столыпинской аграрной реформы. Работа земств была связана с политикой Крестьянского банка и землеустроительных комиссий, которые реализовывали столыпинскую реформу. Если землеустроительные комиссии выполняли роль непосредственных исполнителей и организаторов аграрных преобразований, то земские учреждения были общественными органами, осуществлявшими финансово-экономические функции по поддержке реформы [1, с. 54]. Они создавали склады техники, удобрений и семян, открывали зерноочистительные пункты и прокатные станции, распространяли сельскохозяйственные знания, пополняли агрономический персонал и др. Таким образом, земские учреждения сыграли значительную роль в социально-экономическом развитии центральной и восточной Беларуси. Их деятельность способствовала хозяйственному прогрессу, привела к повышению уровня и улучшению качества жизни населения.

Деятельность земств в сфере сельского хозяйства не была специальным объектом изучения в исторической науке. Отдельные эпизоды земской сельскохозяйственной работы рассматривали в своих публикациях В.П. Слободжанин [2], С.А. Толмачева [3] и др. Однако это направление в историографии не было полностью исследовано и всесторонне раскрыто, а данное исследование позволит заполнить пробелы.

Цель статьи – охарактеризовать основные направления работы земств по развитию агрономии и определить роль земских органов самоуправления по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний в 1911–1914 гг.

Материал и методы. Источниковой базой для подготовки статьи послужили научные публикации, а также протоколы и журналы земских собраний, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Национальном историческом архиве Беларуси.

Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные (анализ и синтез, сравнение и обобщение, статистический анализ и др.), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. В связи с началом проведения столыпинской аграрной реформы происходит интенсивный рост земских расходов на экономические мероприятия, которые включали в себя оказание агрономической помощи сельскому населению. Необходимо отметить, что в феврале 1912 г.

на первом очередном минском губернском земском собрании председатель агрономической комиссии И.А. Папа-Афанасопуло осудил недостаточность финансирования бывшим губернским комитетом развитие агрокультуры: «За этот период времени (что существовали управления по делам земского хозяйства) было взято с населения в сметном порядке на удовлетворение всех отраслей земско-народной жизни губернии 13479256 руб. Что же губернский комитет дал населению из взятых миллионов обратно, на агрономические мероприятия? За все время своего существования губернский комитет уделил на агрономию самую ничтожную сумму, в размере всего лишь 78220 руб., т.е. 0,58% всего сбора. Я ставлю теперь вопрос: можно ли впредь ограничиваться такими крохами, при взимании с населения миллионов? Ответ сам собой ясен» [4, л. 2]. В результате, в Витебской губернии ассигнования земств на сельскохозяйственные мероприятия в 1911 г. составили 19,4 тыс. руб., а в 1913 – 237,8 тыс. руб., т.е. произошло увеличение расходов на 1125,8% или в 12,3 раза [5, с. 61]. В Минской губернии земские расходы на агрономию увеличились в 6,4 раза – с 61,7 тыс. руб. в 1911 г. до 397,6 тыс. руб. в 1913 г., прирост составил 544,4% [6, с. 97]. В Могилевской губернии с 1911 г. также стали расти ассигнования земских органов на сельскохозяйственные нужды. Так, если в 1912 г. на агрономию было выделено 23,6 тыс. руб., то в 1914 г. – 156,7 тыс. руб., т.е. затраты в этой сфере выросли на 564,0% или в 6,6 раз [7, с. 104].

Важным направлением работы земских учреждений являлась организация сельскохозяйственных складов, зерноочистительных пунктов и прокатных станций. На сельскохозяйственных складах население земских губерний могло приобрести различную технику, минеральные удобрения, семена. В Минской губернии эти основные ячейки земской агрономической помощи на местах впервые были открыты в 1911 г., а к 1914 г. действовали во всех уездах Минской губернии, а в Минском, Бобруйском, Игуменском, Речицком и Новогрудском уездах даже были открыты филиалы земских складов [6, с. 95]. В 1912 г. Мозырскому уезду Минской губернии из земских расходов было выделено 2,7 тыс. руб. на бесплатную выдачу семян и оборудования [8, л. 7об.]. Всего в губернии действовало 23 склада (19 земских и 4 склада коммерческого отдела Минского общества сельского хозяйства). К 1913 г. в Витебской губернии было 8 сельскохозяйственных складов, при этом они имели 7 уездных отделений (витебское, городокское, лепельское и др.). Если в 1911 г. всеми складами губернии было продано товаров на сумму 139,3 тыс. руб., то в 1913 г. – на 392,9 тыс. руб., т.е. в 2,8 раза больше. Отставала по числу сельскохозяйственных складов Могилевская губерния, где к началу 1913 г. имелось только 4 склада [1, с. 139–140]. На земских зерноочистительных пунктах и прокатных станциях крестьяне за низкую плату, а в некоторых пунктах и бесплатно, могли

очистить семена, а также воспользоваться многими необходимыми в хозяйстве орудиями. В Минской губернии количество зерноочистительных пунктов и прокатных станций в 1911–1914 гг. увеличилось с 11 до 87, при чем земским органам принадлежал 51 пункт [2, с. 53]. В Могилевской губернии за это же время были созданы 31 машинопрокатная станция, 25 зерноочистительных пунктов и 42 случайных пункта. В Витебской губернии в 1913 г. действовали 44 машинопрокатные станции с 2 тыс. машин и сельскохозяйственных орудий, которые обслуживали 1480 крестьянских хозяйств [3, с. 136].

Значимая роль в работе земских учреждений отводилась распространению агрономических знаний среди населения белорусских губерний. Земства открывали специальные курсы, целью которых было обучение кадров, которые впоследствии пополнили бы агрономический персонал. На важность сельскохозяйственных курсов указывал правительственный агроном А.В. Вельяминов-Зернов, который на первом минском земском собрании отметил, что «курсы – полезное начинание». Если в 1907 г. в Минской губернии таких курсов насчитывалось 21, то в 1909 г. – 199. Так, в 1912 г. минским земством на устройство сельскохозяйственных курсов было ассигновано 2,2 тыс. руб. (1 тыс. руб. на центральные курсы и 1,2 тыс. руб. – на передвижные) [4, л. 47об.]. В 1913 г. Минское уездное земское собрание выделило 600 руб. на сельскохозяйственные курсы, которые планировалось открыть в 1914 г. в Минске [9, л. 18]. Летом 1912 г. были организованы краткосрочные агрономические курсы в Могилеве, где читались лекции по животноводству, луговодству, садоводству и культуре болот [2, с. 54]. В этом же году в г. Велиж Витебской губернии были открыты зимние сельскохозяйственные курсы [10, л. 17об.]. Всего к 1913 г. в Витебской губернии при поддержке земских органов было открыто 36 таких курсов [2, с. 55].

В 1912 г. на организацию сельскохозяйственного музея при минской губернской управе было выделено 500 руб. Этому способствовал правительственный агроном А.В. Вельяминов-Зернов, указавший на наличие большого количества учебного инвентаря, который остался после сельскохозяйственных чтений и курсов: «Большой инвентарь бывших курсов по скотоводству в м. Еремичах и предстоящие курсы по кормодобыванию сосредоточили богатый учебный инвентарь, который используется лишь в короткие сроки учебных занятий, а остальное время года лежит без употребления. Озабоченный этим ненормальным положением, я проектирую организацию сельскохозяйственного музея, где весь инвентарь всех школ сельскохозяйственного образца всегда будет сгруппирован и доступен для интересующихся лиц» [4, л. 44]. Следовательно, весь инвентарь с курсов планировалось систематизировать и сделать доступным для всех желающих. В дальнейшем предполагалось расширить сам музей и пополнить его экспозицию.

Полезной для пополнения знаний в сфере агрономии также стала организация экскурсий земледельцев за границу для ознакомления с достижениями фермерского хозяйства и уровнем сельскохозяйственной культуры в целом [6, с. 90]. В 1912 г. Витебское земство ассигновало 550 руб. (по 50 руб. на уезд) на командировку крестьян для изучения хуторского хозяйства [10, л. 17об.]. Минское земское собрание запланировало выделить в 1914 г. 1 тыс. руб. на экскурсии за границу для расширения сельскохозяйственных знаний [9, л. 11об.].

Земства стремились применить все возможности для обучения сельского населения передовым методам ведения хозяйства. Для этого использовался авторитет учителей в деревне, для которых организовывались учительские курсы по обучению агрономии. Такие курсы были открыты 5 июля 1911 г. в Могилеве, где учителя в течение нескольких недель проходили обучение под руководством агрономов. В Минской губернии в 1911 г. при Марьиногорской сельскохозяйственной школе были организованы курсы для учителей по земледелию, садоводству, огородничеству и молочному делу. Их целью была подготовка преподавателей, которые впоследствии обучали бы крестьян рациональным приемам ведения хозяйства [1, с. 144].

Для агрономического просвещения крестьян земские учреждения устраивали «чтения» по различным сельскохозяйственным вопросам. В частности, в Витебской губернии участковые агрономы в 1913 г. провели 442 лекции и беседы по организации травосеяния, подбору и разведению молочного скота, выращиванию кормовых корнеплодов и т.п. [11, с. 9]. Земские органы организовывали сельскохозяйственные выставки. Например, в 1912 г. земское собрание Минской губернии ассигновало 1 тыс. руб. на устройство такого рода выставок и отметило важность выставочного дела «для осведомления населения об улучшениях скотоводства, в широком смысле слова, и для поощрения хозяйств, по своему почину улучшающих такую важную отрасль» [4, л. 42об.].

До введения системы земского самоуправления в белорусских губерниях наблюдалась большая нехватка агрономического персонала (губернских, уездных и участковых агрономов, сельскохозяйственных инструкторов, агрономических старост и др.). Земства взяли на себя решение проблемы по привлечению на службу квалифицированных специалистов. В Витебской губернии в 1908–1913 гг. количество таких специалистов возросло с 3 до 169 человек. За один 1913 г. витебское губернское земство приняло на службу 58 специалистов по сельскому хозяйству, среди которых было 10 участковых агрономов и 11 агрономических старост, 7 мастеров молочного хозяйства и садовников, 6 инструкторов луговодства и садоводства, 5 инструкторов животноводства и льноводства, 1 гидротехник [11, с. 4]. К 1 января 1915 г. агрономический персонал Минской губернии (считая мобилизованных) насчитывал 12 агрономов (1 губернского,

9 уездных и 2 участковых), 4 инструкторов (по два по садоводству и животноводству) и 34 агрономических старост. В Могилевском уезде в 1914 г. было учреждено 4 должности агрономического старосты [1, с. 135–138]. Ассигнования на содержания квалифицированных специалистов в сельском хозяйстве назначались непосредственно земским губернским собранием, а уездные собрания давали заключения о деятельности агрономов в своих уездах. Например, витебское губернское земское собрание в 1912 г. выделило на содержание агрономического персонала от земств 28,1 тыс. руб. (на разъезды – 12,8 тыс. руб., на суточные – 12,6 тыс. руб., на квартирные – 2,7 тыс. руб.) [12, с. 255].

Важными мероприятиями по оказанию агрономической помощи населению белорусских губерний являлись также создание показательных участков, поддержка сельскохозяйственных кооперативов и др. Органы земского самоуправления издавали «Вестники», где значительное внимание уделялось вопросам сельского хозяйства, обучающие плакаты, выписывали агрономические журналы, покупали книги, брошюры и методические материалы для агрономического отдела земств, агрономов и специалистов. В частности, для этих целей земские учреждения Минской губернии в 1912 г. ассигновали 1 тыс. руб. [4, л. 44–44об.], а Витебской губернии – 600 руб. [13, с. 264].

Заключение. Таким образом, земские учреждения оказывали финансовую и агрономическую помощь населению белорусских губерний: распространяли агрономические знания, создавали склады техники, семян и удобрений, открывали зерноочистительные пункты, покупали новейшую земледельческую технику, привлекали на службу квалифицированных специалистов, организовывали сельскохозяйственные выставки и др. Намеченная программа деятельности земских органов по развитию агрономии была перспективной. Однако ее осуществление было прервано войной. При этом за 1911–1914 гг. по названным направлениям были сделаны весьма значительные шаги и создан прочный фундамент для дальнейшего развития сельского хозяйства.

Литература

1. Липинский, Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии / Л.П. Липинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 232 с.
2. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск: Гавриленко В.Г., 1994. – 85 с.
3. Талмачова, С.А. Земская реформа / С.А. Талмачова // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – С. 125–138.
4. Журналы первого очередного минского губернского земского собрания // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1288. Оп. 3. Д. 114. Л. 1–114.
5. Краткий очерк 3-летней деятельности Витебского губернского земства первого созыва / Витебское губернское земство. – Витебск: Губернская типография, 1915. – 91 с.
6. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии / Б.Н. Самойленко [и др.] // Вестн. Мин. губерн. земства. – 1914. – № 3–4. – С. 3–133.
7. Журналы Могилевского губернского земского собрания: четвертое очередное (сессия 17–24 февраля 1915 г.) / Могилев. губерн. земское собр. – Могилев: Типолитография Я.Н. Подземского, 1915. – 107 с.
8. О ходе занятий губернского и уездных земских собраний Минской губернии // РГИА. – Ф. 1288. Оп. 3. Д. 74. Л. 1–116.
9. Протокол и журналы заседания III очередного уездного земского собрания // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1302. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–20.
10. О ходе занятий губернского и уездных земских собраний Витебской губернии // РГИА. – Ф. 1288. Оп. 2. Д. 66. Л. 1–19.
11. Обзор деятельности объединенной организации губернского и уездных земств и ведомства землеустройства по оказанию агрономической помощи населению Витебской губернии в 1913 году: доклад Витебской губернской земской управы IV очередному губернскому земскому собранию / Витеб. губерн. земство. – Витебск: Типолитография П.А. Подземского, 1915. – 166 с.
12. Журналы первого чрезвычайного Витебского губернского земского собрания. Сессия 16–19 авг. 1911 г. – 32 с.

Поступила в редакцию 28.03.2023

«Ганноверская партия» в судьбах Немецкого ордена и Великого княжества Литовского

Подберёзкин Ф.Д.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси, Минск

В традиционной историографии принято рассматривать отношения Великого княжества Литовского и Немецкого ордена с перспективы современной «внешней политики», определяемой «крупными игроками» (великими князьями и магистрами). Такой взгляд не учитывает роль локальных акторов и корпоративных лобби.

Цель статьи – показать на частном кейсе, как ганноверские клирики в Ливонии влияли на принятие важнейших решений в контексте взаимоотношений Ордена и ВКЛ в первой половине XV в.

Материал и методы. *Предпринимается попытка выявить властные и социальные практики «ганноверской партии» на основе анализа материалов документов дипломатического делопроизводства Немецкого ордена.*

Результаты и их обсуждение. *Дерптское епископство во главе с ганноверцем Дитрихом Резелером (1413–1441) играло самостоятельную роль во взаимоотношениях ВКЛ с филиалами Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии. Благодаря влиянию «ганноверцев» вселенский собор в Констанце сделал Витовта «протектором» Дерптского епископства и включил литовского князя в социальные практики, характерные для латинских государей. Защита от «неверных» и «схизматиков» обеспечивала Витовту равный статус с ливонским магистром Ордена в деле восточной «миссии» и уменьшила вероятность «девиантного поведения» – союзов со «схизматиками» или антипапские интриги. Благодаря заступничеству Витовта, Дитрих Резелер обеспечивал интересы «ганноверцев» в Ливонии и защиту от Немецкого ордена. Коммуникативные навыки епископа способствовали реализации проекта перемирия между Немецким орденом, Великим княжеством Литовским и Польшей. В 1429 г. «ганноверцы» предприняли неудачную попытку сместить Немецкий орден на ведущих ролях в Ливонской конфедерации, что не пошатнуло их позиции – Дитрих Резелер посредничал в конфликте Ордена и рижского архиепископа на Базельском соборе и продолжал лоббировать интересы своей семьи.*

Заключение. *Частный кейс Дитриха Резелера показывает, как социальные практики «христианского поведения» при посредничестве ганноверских клириков стали достоянием «новой международной политики» Великого княжества Литовского в первые десятилетия XV в. Личная протекция, коммуникативные навыки и корпоративные интересы «ганноверцев» были решающими факторами, повлиявшими на «литовскую повестку» Констанцского собора (1414–1418), протекторат Витовта над Дерптским епископством (1416), перемирие между Орденом, Литвой и Польшей (1417–1418) и попытку смещения Немецкого ордена в Ливонии (1429).*

Ключевые слова: *Дитрих Резелер, «ганноверская партия», Великое княжество Литовское, Польша, Немецкий орден, Ливония, социальные практики, протекторат.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 53–57)

The “Hanoverian Party” in the Fates of the Teutonic Order and the Grand Duchy of Lithuania

Podberezkin Ph.D.

Yakub Kolas Central Scientific Library of NAS of Belarus, Minsk

Traditional historiography tends to view the relations of the Grand Duchy of Lithuania and the Teutonic Order from the perspective of modern “foreign policy”, which is shaped by “major players” (Grand Dukes and Grand Masters). This view does not take into account the role of the local actors and corporate lobbies. The aim of the article is to show, using a private case study, how Hanoverian clerics in Livonia influenced major decisions in the context of the relationship between the Order and the GDL in the first half of the 15th century.

Material and methods. *The author tries to identify the power and social practices of the “Hanoverian Party” by analyzing the diplomatic records of the Teutonic Order.*

Findings and their discussion. *The Bishopric of Dorpat headed by the Hanoverian Dietrich Reseler (1413–1441) played an independent role in the interrelations of the GDL with the branches of the Teutonic order in Prussia and Livonia. Under the influence of the “Hanoverians”, the Ecumenical Council of Constance made Vytautas Protector of the Bishopric of Dorpat, and incorporated the Lithuanian duke into the social practices typical of Latin sovereigns. Protection from “infidels” and “schismatics” ensured Vytautas equal status with the Livonian magister of the Order in the framework of the Eastern “mission” and reduced the probability of “deviant behavior” – alliances*

with “schismatics” or anti-papal intrigues. Thanks to Vytautas intercession Dietrich Reseler ensured the interests of the “Hanoverians” in Livonia and his own protection from the Teutonic Order. The bishop’s communication skills facilitated the implementation of an armistice project between the Order, the Grand Duchy of Lithuania and Poland. In 1429, the “Hanoverians” unsuccessfully tried to remove the Order from its leading position in the Livonian confederation, but this did not shake their position. Dietrich Reseler mediated the conflict between the Order and the Archbishop of Riga at the Council of Basle, and continued to lobby his family.

Conclusion. The private case of Dietrich Reseler shows how the social practices of “Christian behavior” through the mediation of Hanoverian clergy became the property of the “new international policy” of the Grand Duchy of Lithuania in the first decades of the 15th century. Personal patronage, communication skills and corporate interests of the “Hanoverians” became the decisive factors that influenced the “Lithuanian agenda” of the Constance Cathedral (1414–1418), Vytautas’ protectorate over the Dorpat Bishopric (1416), a truce between the Order, Lithuania and Poland (1417–1418) and an attempt to remove the German Order in Livonia (1429).

Key words: Dietrich Reseler, “Hanoverian Party”, Grand Duchy of Lithuania, Poland, Teutonic order, Livonia, social practices, protectorate.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 53–57)

Несмотря на иронию действующих классиков немецкой медиевистики [1, S. 7], парадигма cultural turn прочно утвердилась в исследованиях остзейского региона [2; 3]. Данной парадигме характерен акцент на ситуативных стратегиях и отрицание внешне-политической программы [4] как модели интерпретации действий локальных акторов [3, S. 306–307]. Ситуативные стратегии хорошо прослеживаются в отношениях между Дерптским епископством, русскими землями, Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) и Немецким орденом. Начиная с 1224 г. епископы Дерпта самостоятельно выстраивали свои отношения со Псковом, Новгородом и ВКЛ. С одной стороны, существовала определенная модель поведения в рамках отношений Немецкий орден – русские земли – ВКЛ – Дерпт, характерных для епископства в силу территориального расположения и властного ресурса. С другой – ряд важных решений (не только для Дерпта, но и для восточноевропейского региона в целом) определялся корпоративными связями и персональным лобби одного из представителей Ливонской конфедерации. Последний аспект редко учитывается в исследованиях «большой политики» Гедиминовичей и магистров Немецкого ордена.

Цель статьи – попытка интерпретации взаимоотношений Немецкого ордена, ВКЛ и Дерптского епископства с точки зрения корпоративной истории.

Материал и методы. Основным источником для настоящего исследования послужила корреспонденция Немецкого ордена. Большая часть использованных писем (за исключением трех, хранящихся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия) опубликована в четвертом, пятом и восьмом томах сериального издания «Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch». Предпринимается попытка выявить властные и социальные практики «ганноверской партии» на основе сравнительного анализа указанных документов.

Результаты и их обсуждение. Для решения поставленной задачи избран кейс епископа дерптского Дитриха Резелера (1413–1441). Его деятельность на епископской кафедре хорошо представлена в документах орденского делопроизводства. Основные вехи карьеры Дитриха рассматриваются в публикациях Бригиды Шварц [5; 6], Бернхарда Йенига [7] и Томаса Шварка [8]. В период с 1410 по 1460 г. клирики из Ганновера преобладали на ключевых церковных позициях в северной Германии и Ливо-

нии. Помимо Дитриха Резелера «ганноверскую партию» в Ливонии представляли епископ Эзеля Лудольф Грове (Ludolf Grove, 1438–1458), домпробст кафедрального собора в Риге Дитрих Нагель (1439–1468/69), домдекан Эзеля Лудольф Нагель (1458–1469) и ряд других клириков в Дерпте, Риге и на Эзеле [9, S. 256–257]. «Ганноверцы» представляли интересы ливонских епископств на соборе в Констанце (1414–1418), где обсуждались противоречия Польши, Великого княжества Литовского и Немецкого ордена. Изучение деятельности Дитриха Резелера позволит выяснить, в какой степени набор социальных практик ганноверских клириков влиял на взаимоотношения субъектов Ливонской конфедерации, Великого княжества Литовского и Немецкого ордена в первой половине XV в.

14 апреля 1413 г. папа Иоанн XXIII назначил своего казначея, магистра Дитриха Резелера на вакантную должность епископа Дерпта [10, S. 91; 11, p. 472]. Понтифик отверг кандидатуру графа Гюнтера фон Шварцбурга, предложенную братьями Немецкого ордена [12, Nr. 1937]. Ставка на Дитриха могла быть обусловлена тремя обстоятельствами. Во-первых, папский финансист представлялся оптимальным вариантом на должность ливонского коллектора, коим в то время являлся епископ Дерпта [6, S. 259; 12, Nr. 1937]. Во-вторых, весной 1413 г. началась подготовка к Вселенскому собору в Констанце [13, S. 170] – Иоанн XXIII собирался заручиться поддержкой «своих» клириков со стороны ливонских епископств. В-третьих, в Констанце обсуждался конфликт Немецкого ордена с Польшей и Литвой. Возможно, Дитрих Резелер планировался как медиатор враждующих сторон, т.к. не был связан ни с Орденом, ни с Гедиминовичами. В письме прокуратора Немецкого ордена в Риме великому магистру Михаэлю Кюхмайстеру от 12 апреля 1416 г. находим первое упоминание о булле собора в Констанце, согласно которой великий князь литовский Витовт становился протектором Дерптского епископства ([14, Nr. 2127]. По-видимому, здесь указана неверная датировка письма – 04.04.1417. В соответствующем архивном деле Тайного государственного архива прусского культурного наследия (GStAPK) дата исправлена на 12.04.1416 [15, Nr. 2323] – в дальнейшем мы исходим из данной датировки). Что подразумевалось под протекцией («Schirmherrschaft»)? Почему на роль протектора был выбран Витовт? Зачем епископу Дерпта понадобился протекторат?

Понятие протектората понимается в литературе довольно однозначно: государи, прелаты, другие свободные люди с силой и достатком, с определенными условиями, обеспечивают защиту и «мир» более низких по статусу политических субъектов (чаще – подданных). Новые социальные связи или «бонды» («social bonding»), которые образуются в результате установления института протектората, являются предметом особого внимания в современной медиевистике [16]. Чем сильнее социальные «бонды» (привязанности, обязательства, вовлеченность, мораль и верования), тем менее вероятным является девиантное поведение контрагента [17]. В корреспонденции Немецкого ордена пересказывается содержание буллы собора в Констанце, откуда следует, что епископ может обращаться к великому князю Витовту «в случае нужды» для него лично и для церкви [14, №. 2119], «против русских и неверных» ([14, №. 2127]. В письме прокуратора от 28 апреля 1416 г. Витовт «должен защищать» Дерпт только «от русских» [18, №. 2328]). Учитывая, что упомянутые выше письма магистра ливонского филиала Немецкого ордена, великого магистра и орденского прокуратора в Риме цитируют содержание буллы и устных переговоров периода Констанцкого собора [14, №. 2119, 2127], можно полагать, что содержание соборной дискуссии по поводу Дитриха Резелера в орденской версии передано в целом верно.

В письме 12 апреля 1416 г. указывалось, что на соборе «многие считали, что было бы добрым делом поручить герцогу Витовту защищать церковь от русских и неверных». Орденскому прокуратору не удалось оспорить мнения, что «поляки сделали герцога Витовта хорошим христианином» [там же]. Таким образом, посредством протекции Дерптского епископства, вселенский собор в Констанце включал Витовта в социальные практики, характерные для латинских государей. С одной стороны, защита от «неверных» и «схизматиков» обеспечивала Витовту престиж и равный статус с ливонским магистром Ордена в деле восточной «миссии». С другой – новые обязательства укрепляли связи Витовта с папской курией, что делало минимальными возможные «девиации»: например, союзы со «схизматиками» или антипапские интриги.

Что означал протекторат для епископа Дерпта? Дитрих Резелер по своей инициативе добился письменного оформления условий протектората в специальной булле собора для Витовта [14, №. 2121; 18, №. 2328; 19, 2331]. «Русская угроза» не была риторическим оборотом – пограничные конфликты с псковичами фиксируются в источниках с самого начала правления Дитриха [14, №. 2119]. Однако не случайно в булле помимо «русских» и «неверных» фигурировали неопределенные «и все другие» [19, №. 2331] – видимо, подразумевался Немецкий орден в Ливонии, для которого неуправляемый папский ставленник в союзе с Витовтом был конкурентом в рамках конфедерации. Поэтому братья препятствовали получению буллы непосредственно великим князем литовским [14, №. 2119]. Помимо личных интересов Дитрих обеспечивал интересы других клириков «ганноверской партии». К моменту свержения папы Иоанна

XXIII (1415) среди ближайших сподвижников Резелера из Ганновера был коллектор в Ливонии, Пруссии и Польше Бертольд Рике, а также юрист Иоганн Шеле, который представлял интересы ливонских епископств на соборе в Констанце [6, S. 260]. Потеряв патрона в лице римского папы, «ганноверцы» приобрели протектора в лице в великого князя литовского. Последнего еще предстояло ввести в «бонд» протектората, т.е. сделать «хорошим христианином». Возможно, с этой целью Дитрих вел переписку с виленским епископом [14, №. 2137].

Представляется, что булла Констанцкого собора (1416) являлась первой успешной трансляцией латинского обычая протектората на властные практики Гедиминовичей. Дело было не только в союзе против русских или Ордена. Соглашаясь быть протектором, Витовт становился покровителем «ганноверской партии», которая контролировала церковную жизнь и финансы в Пруссии, Ливонии и Польше. Великий князь учился выстраивать выгодное сотрудничество с более низким по статусу контрагентом, который при этом оставался суверенным владельцем. Годы спустя, в письме великому магистру 1427 г. Витовт писал, что является протектором великого князя московского Василия II и его матери Софии Витовтовны [20, №. 1298]. Таким образом, обычай протектората оказался одним из удачных «культурных трансферов» последних десятилетий правления Витовта.

В марте 1417 г. дерптскому епископу представилась возможность использовать преимущества нового статуса. Дитрих Резелер разработал проект перемирия между Немецким орденом (с одной стороны) и Великим княжеством Литовским и Польшей (с другой), затем отправил посольство к Витовту [14, №. 2137, 2119, 2126]. Немецко-балтийский историк Пауль фон Остен-Сакен подчеркивал, что от перемирия выигрывал только сам епископ: в случае противостояния Ордена (дружественного Пскову) и Литвы, великий князь Витовт не мог помочь своему подзащитному против агрессивно настроенных псковичей [21, S. 80]. Сам Витовт, как и польский король Владислав, был скептически настроен к идее очередного «ненадежного», «невечного» и «бесполезного» перемирия [14, №. 2134]. Преимущества перемирия не были очевидны и для руководства Ордена [14, №. 2142]. Достижению согласия не способствовала переписка Витовта с Псковом и Новгородом, где литовский князь требовал от русских напасть на Ливонию [там же; 21, S. 81]. Почему в таком случае стороны согласились на временное урегулирование [14, №. 2144]?

Ливонский магистр Зигфрид фон Шпанхайм, уговаривая великого магистра Михаэля Кюхмайстера принять проект епископа, писал (2 июня 1417 г.): «Если не выйдет так, что с нашей стороны перемирие будет одобрено... то мы очень боимся, что господин епископ как человек именитый при римском дворе и для некоторых господ и князей, поработавший много в этом деле [проект перемирия. – Ф.П.]... напишет ко двору [римскому. – Ф.П.] или куда-либо еще, обвиняя нас, что мы не хотим перемирия, одобренного уже князьями и господами, желая войны» [14, №. 2142]. Несмотря на то, что покровитель

«ганноверцев» папа Иоанн XXIII был смещен (1415), им удалось установить добрые отношения с папой Мартином V и обеспечить дальнейший карьерный рост [6, S. 260]. Опасения ливонского магистра свидетельствуют, что в Ордене знали о влиянии соратников Дитриха в папской курии. Под «князьями и господами» подразумевались участники Констанцского собора. Из более ранних писем Зигфрида фон Шпанхайма следует, что собор высказывал заинтересованность в скорейшем урегулировании конфликта [14, Nr. 2133]. Это было одним из условий назначения Дитриха епископом и решения о назначении протектора. Таким образом, Дитрих реализовывал проект перемирия, опираясь на поддержку собора и влиятельных «ганноверцев» в папской курии. Вот почему дерптский епископ, обладая сравнительно минимальным силовым ресурсом в пределах Ливонской конфедерации, мог влиять на принятие судьбоносных решений для Немецкого ордена, Великого княжества Литовского и Короны Польской.

Обратим внимание на коммуникативные навыки Дитриха Резелера и его соратников. Ливонский магистр, находившийся в неприязненных отношениях с дерптским епископом, тем не менее отмечал последнего как «дружественного посредника» [там же]. Братья Ордена и сам Витовт писали о «замечательном» составе посольства дерптского епископа – магистра канонического права Иоганна Шеле и рыцаря Дитриха фон дер Рупе (Diderike van der Rupe) [там же, Nr. 2119, 2126]. Можно было бы утверждать, что это не более чем «сухие» дипломатические формулировки, если бы не одно обстоятельство. Витовт сам признал, что решился на перемирие под влиянием «высоких» речей послов [там же, Nr. 2134]. Ключевую роль в переговорах о перемирии 1417–1418 гг. играл юрист Иоганн Шеле; рыцарь же говорил мало, выступал в роли курьера и периодически менялся на другую кандидатуру [там же, Nr. 2133, 2140, 2228, 2252]. Иоганн был доверенным лицом Дитриха – они познакомились еще в Ганновере, оба служили папе Иоанну XXIII с 90-х гг. XIV в. и закончили элитный Болонский университет со степенью *doctor decretorium* [6, S. 257–258]. Богатый опыт ведения переговоров, широкая канцелярская и правовая компетенция Иоганна позволили склонить великого князя литовского поддержать проект перемирия.

Несмотря на вмешательство римского короля Сигизмунда [14, Nr. 2150], основную работу в деле продления перемирия в 1417 и 1418 гг. выполнил дерптский епископ Дитрих Резелер [14, Nr. 2145, 2224] (он получил от великого магистра 2 бутылки вина [там же, Nr. 2265]). Заслуги другого «ганноверца», магистра Иоганна Шеле также не остались незамеченными – в 1420 г. он стал епископом Любека, а также папским коллектором «северных королевств», Пруссии и Ливонии [6, S. 260].

Одним из «ганноверцев», которые обязаны своей карьерой в Ливонии Дитриху Резелеру, был каноник Дитрих Нагель из Риги. В 1429–1431 гг. он представлял рижский кафедральный капитул при папской курии [22, S. 498, 500]. В 1429 г. прокуратор Немецкого ордена Каспар Вандофен перехватил письмо Дитриха

Нагеля канонику Арнольду Бренкелю. Согласно этому письму, Нагель с вельможа рижского архиепископа Хеннинга собирался сделать Витовта протектором рижской церкви [23, Nr. 69]. Не сохранилось и перехваченное письмо, и возможная переписка рижан с Витовтом на счет протектората. Можно полагать, что Дитрих Нагель собирался осуществить тот же проект протектората для рижской церкви, что и его покровитель Дитрих Резелер для Дерптского епископства в 1416 г. По интерпретации Вандофена, заговорщики планировали создать «тайный союз» рыцарей и кнехтов при протекторате Витовта и поддержке датского короля в Ливонии [там же]. Учитывая, что соратники Дитриха в Ливонии находились под покровительством папы Мартина V [там же, Nr. 819, 852], дело могло закончиться захватом конфедерации «ганноверцами» при гарантированной внешней поддержке и без каких-либо санкции со стороны курии. Сместем предположить, что главным автором «заговора» был Дитрих Резелер, который опирался на позитивный опыт сотрудничества с Витовтом. В случае успеха начинания он получал доминирующие роли в Ливонии – ему как представителю первой генерации «ганноверцев» своей карьерой были обязаны младшие клирики, в том числе и Дитрих Нагель [22, S. 601]. Две исторических случайности – перехват переписки заговорщиков в 1429 г. и смерть великого князя Витовта в 1430 г. – поставили крест на планах «ганноверцев» сместить Немецкий орден и возглавить Ливонскую конфедерацию.

В течение десятилетия правления после смерти Витовта (1431–1441) Дитрих Резелер не предпринимал каких-либо самостоятельных политических проектов. Магистр Немецкого ордена в Ливонии сделал все возможное, чтобы дерптский епископ и рижский архиепископ не заключали самостоятельного союза с великим князем Свидригайло [23, Nr. 551, 561]. Опытный дипломат, Дитрих согласился стать посредником в конфликте рижского архиепископа и Ордена, который обсуждался на Базельском соборе [23, Nr. 819, 837, 852, 991, 1010]. Последние годы жизни Дитрих занимался преимущественно делами собственной семьи [там же, Nr. 916] и остался в стороне от «большой политики» времен династической войны в Великом княжестве Литовском [9].

Заключение. История успеха, авантюры и неудач «ганноверской партии», проектов Дитриха Резелера и великого князя Витовта представляет собой культурный срез моделей поведения, характерных для политических элит Великого княжества Литовского и Ливонии в условиях победившей «вестернизации» Литвы. Если и можно говорить о «внешней политике» в Восточной Европе первой половины XV в., то речь идет о конкуренции корпораций и социальных «бондов», далеко превосходивших границы династических владений и епископских диоцезий. Рассмотренный кейс показывает, как социальные практики Дитриха Резелера и его окружения стали достоянием «абсолютно новой международной политики» (Римвидас Петраускас) Гедиминовичей, где кроме распространения документа и администрации [24], определяющую роль стало играть такое понятие, как «христианское поведение».

Это значило, что принятие решений зависело от усвоенных правил коммуникации. Работая с папой Иоанном XXIII, Дитрих Резелер получил опыт ведения переговоров и самоорганизации в конфликтных ситуациях. По инициативе епископа Констанцкий собор издал буллу о протекторате великого князя литовского Витовта над дерптской церковью. «Защита» церкви была не только максимой «христианского поведения»: она была «культурным трансфером» новых социальных связей для Витовта и его наследников. В условиях протектората Дитрих сумел реализовать проекты перемирия между Немецким орденом, Великим княжеством Литовским и Польшей, годы которого не были очевидны ни для одной сторон. Успех дела был обусловлен двумя факторами. Во-первых, епископ воспользовался международными связями среди участников Констанцкого собора («ганноверское лобби»). Во-вторых, решающую роль на переговорах с Витовтом сыграл дипломатический дар соратника Дитриха – юриста Иоганна Шеле, чьи «высокие речи» убедили литовского князя. В контексте Священной Римской империи юристы начали играть определяющую роль в решении политических конфликтов лишь со второй половины XV в. [25]. В данной связи можно говорить, что переговоры епископа с Витовтом были «пробным камнем» раннемодеальной дипломатии, где решающую роль играли уже не встречи аристократов, а кропотливая канцелярская работа консилиума профессиональных дипломатов и юристов. Провал проекта «тайного союза» рыцарей и кнехтов Ливонии при покровительстве Витовта свидетельствует о потенциале, характерном для протектората как нормы «христианского поведения». Только вследствие случайного стечения обстоятельств 1429–1430 гг. (смерть Витовта и перехват переписки Иоганна Нагеля) политическая карта Ливонской конфедерации осталась прежней.

Настоящий очерк эпизодически рассматривает деятельность «ганноверцев» в связи с литовско-ливонскими контактами эпохи Витовта. Тема взаимоотношений ганноверских клириков с Великим княжеством Литовским и Русью, их «корпоративной» внешней политики вплоть до конца XV в. еще ждет своего исследователя.

Литература

1. Paravicini, W. Die Wahrheit der Historiker / W. Paravicini. – München: Oldenbourg, 2010. – 98 s.
2. Auge, O. Handlungsspielräume fürstlicher Politik im Mittelalter. Der südliche Ostseeraum von der Mitte des 12. Jahrhunderts bis in die frühe Reformationszeit / O. Auge. – Ostfildern: Jan Thorbecke, 2009. – 543 s.
3. Selart, A. Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert / A. Selart. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2007. – 373 s.
4. Kubon, S. Die Außenpolitik des Deutschen Ordens unter Hochmeister Konrad von Jungingen (1393–1407) / S. Kubon. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2016. – 367 s.
5. Schwarz, B. Alle Wege führen über Rom. Eine «Seilschaft» von Klerikern aus Hannover im späten Mittelalter: Dietrich Reseler, Bischof von Dorpat, Johann Schele, Bischof von Lübeck,

- Ludolf Grove, Bischof von Ösel / B. Schwarz // *Hannoversche Geschichtsblätter. Neue Folge.* – 1998. Bd. 52. – S. 5–87.
6. Schwarz, B. Eine «Seilschaft» von Klerikern aus Hannover im Spätmittelalter / B. Schwarz // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken.* – 2001. – Bd. 81. – S. 256–277.
  7. Jähnig, B. Dietrich Reseler von Northeim/Nortun, Northem (um 1365–1441). 1402–1413 Generalvikar des Bischofs von Minden. 1413–1441 Bischof von Dorpat / B. Jähnig // *Die Bischöfe des Heiligen Römischen Reiches 1198 bis 1448. Ein biographisches Lexikon.* Hrsg. von E. – Gatz. Berlin: Dunker und Humblot, 2001. – S. 151.
  8. Schwark, T. Reseler, Dietrich / T. Schwark // *Stadtlexikon Hannover. Von den Anfängen bis in die Gegenwart.* Hrsg. von K. Mlynec, W.R. Röhrbein, Hannover, 2009. – S. 521.
  9. Полехов, С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С.В. Полехов. – М.: Индрик, 2015. – 709 с.
  10. Arbusow, L. Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert / L. Arbusow // *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik,* 1901. – Mitau, 1902. – S. 1–160.
  11. *Hierarchia catholica Medii Aevi.* Vol. I / Ed. C. Eubel. – Monasterii: Librariae Regensbergianae, 1913. – 558 s.
  12. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch (LUB).* Bd. 4 / Hrsg. von F.G. Bunge. – Reval: Kluge und Ströhm, 1859. – 645 s.
  13. *Acta Concilii Constanciensis.* Bd. 1. Akten zur Vorgeschichte des Konstanzer Konzils (1410–1414) / Hrsg. von Heinrich Finke. – Münster i W.: Regensbergsche Buchhandlung, 1896. – 1024 s.
  14. *LUB.* Bd. V. Heft 1 / Hrsg. von F.G. v. Bunge. – Reval: Kluge und Ströhm, 1862. – 667 s.
  15. *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStAPK).* – XX. Hauptabteilung. – Ordens-Briefarchiv (OBA). – № 2323.
  16. Lambert, T.B. Introduction: some approaches to peace and protection in the Middle Ages / T.B. Lambert // *Peace and protection in the Middle Ages.* Ed. T.B. Lambert, D.W. Rollason. – Durham: University Press, 2009. – Pp. 1–18.
  17. Chriss, J.J. The functions of the social bond / J.J. Chriss // *Sociological Quarterly.* – 2007. Vol. – 48(4). – Pp. 689–712.
  18. GStAPK. – OBA – № 2328.
  19. GStAPK. – OBA – № 2331.
  20. *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430* // Ed. A. Prohaska. – Cracoviae: Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. – 1113 s.
  21. *Osten-Sacken, P. von. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierungszeit des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392–1430)* / P. von Osten-Sacken. – Riga: W.F. Hacker, 1908. – 123 s.
  22. Schwarz, B. Prälaten aus Hannover im spätmittelalterlichen Livland: Dietrich Nagel, Dompropst von Riga (+ Ende 1468/Anfang 1469), und Ludolf Nagel, Domdekan von Ösel, Verweser von Reval (+ nach 1477) / B. Schwarz // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* – 2000. Bd. 49. Nr. 4. – S. 495–518.
  23. *LUB.* Bd. VIII / Hrsg. von H. Hildebrand. – Riga, Moskau: J. Deubner, 1884. – 724 s.
  24. Груша, А.И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV– первая треть XVI в.) / А.И. Груша. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2019. – 598 с.
  25. Moraw, P. Über gelehrte Juristen im deutschen Spätmittelalter / P. Moraw // *Mediaevalia Augiensia.* Forschungen zur Geschichte des Mittelalters. Hrsg. von J. Peterscha. – Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001. – S. 125–149.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Загадка конверсии Моше Шнеури, или Микроистория безумия в Российской империи начала XIX в.

Белявский А.М.

Белорусский государственный университет, Минск

В июле 1820 г. хасидский раввин Моше Шнеури из местечка Улла Витебской губернии был окрещен в христианство по католическому обряду. Поскольку он приходился сыном и братом соответственно первым двум цадикам движения Хабад-Любавич Шнеуру Залману (Алтер Ребе) и Дов Беру Шнеури (Мителер Ребе), его конверсия стала одной из самых скандальных в истории белорусской еврейской общины XIX в., тем более, что сам Моше был признан душевнобольным.

Цель данной статьи – по документам Национального исторического архива Беларуси восстановить события, связанные с медицинскими освидетельствованиями Моше.

Материал и методы. До сих пор архивные источники по этому событию еще не были введены в научный оборот в белорусской историографии. Остальные источники крайне тенденциозны – это частная переписка и сатирическая литература маскилим, а также устная и письменная традиция хасидов.

Результаты и их обсуждение. После крещения Моше Шнеури попросил у священника убежища и защиты от притеснений своих родных. Те в свою очередь написали жалобу витебскому гражданскому губернатору, утверждая, что крещение не может быть признано законным, поскольку Моше уже много лет является душевнобольным. Однако безумие каким-то образом не мешало ему быть раввином. Для проверки его здоровья по указанию губернских властей и могилевского митрополита несколько раз проводилось медицинское освидетельствование. Губернские врачи вынести точный диагноз не смогли, будучи не в силах отличить реальное безумие от возможной симуляции. В январе 1821 г. Моше был привезен в Санкт-Петербург, где его осмотрела комиссия врачей во главе с лейб-медиком К.К. фон Штофрегом и рекомендовала специальный уход на дому – необычайно прогрессивный для тех лет подход к лечению душевных болезней. Через полгода состояние Моше стало ухудшаться, и по требованию митрополита его осмотрел другой врач – гоф-медик И.С. Орлай. Он ввел безумие раввина в рамки нравственного порядка, лишив тем самым его статуса болезни и отправил Шнеури в Обуховскую больницу.

Заключение. Данный индивидуальный «кейс», произошедший буквально на смене эпох, в начале формирования психиатрии как науки в Российской империи, может стать частью более широкого компаративного исследования. Представляется перспективным привлечь к этому исследованию не только архивистов и историков медицины, но и представителей культурной антропологии. Думается, что нахождение хотя бы части ответов на поставленные вопросы, в отношении которых пока возможно только строить гипотезы, может значительно обогатить наши знания как в истории медицины, так и в истории повседневности и этнических групп Беларуси начала XIX в.

Ключевые слова: Моше Шнеури, хасидизм, Хабад-Любавич, конверсия в христианство, история повседневности, история безумия, микроистория.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 58–63)

The Mystery of Moshe Shneuri's Conversion, or Microhistory of Madness in the Early 19th Century Russian

Beliavski A.M.

Belarusian State University, Minsk

In July 1820, Hasidic rabbi Moshe Shneuri from the town of Ulla, Vitebsk Province, was baptised into Christianity according to the Catholic rite. Since he was the son and brother, respectively, of the first two zaddikim of the Chabad-Lubavitch movement, Shneur Zalman (the Alter Rebbe) and Dov Ber Shneuri (the Miteler Rebbe), his conversion became one of the most scandalous in the history of the Belarusian Jewish community of the 19th century, especially since Moshe was declared mentally ill.

The purpose of the article is to restore the events of Moshe's medical examinations based on the documents of the National Historical Archive of Belarus.

Material and methods. Until now, archival sources on this event have not yet been introduced into Belarusian historiography. The remaining sources are extremely tendentious, these are private correspondence and satirical literature of maskilim, as well as the oral and written tradition of Hasidim.

Адрес для корреспонденции: e-mail: bialiauski@icloud.com – А.М. Белявский

Findings and their discussion. After the baptism, Moshe Shneuri asked the priest for asylum and protection from the oppression of his relatives. Those, in turn, wrote a complaint to the Vitebsk civil governor, arguing that baptism could not be recognised as legal, since Moshe had been mentally ill for many years. However, insanity somehow did not prevent him from being a rabbi. To check his health, at the direction of the provincial authorities and the Mogilev metropolitan, a medical examination was carried out several times. The provincial doctors could not make an accurate diagnosis, being unable to distinguish real insanity from a possible simulation. As a result, in January 1821, Moshe was brought to St. Petersburg, where he was examined by a board of doctors headed by K.Ch. von Stoffregen, recognised as sick and was recommended a special home care, which was an unusually progressive approach to the treatment of mental illness for that time. Then, after several months his condition began to worsen, and at the request of the metropolitan, he was examined by another doctor, I.S. Orlay, who transferred the rabbi's madness into the framework of a moral order, thereby depriving him of the status of an illness, and applied the typical measure: isolation in the Obukhov hospital.

Conclusion. This individual case, which took place literally at the change of epochs, at the beginning of the formation of psychiatry as a science in the Russian Empire, can become part of a broader comparative study. It seems promising to involve in this research not only archivists and historians of medicine, but also representatives of cultural anthropology. It seems that finding at least part of the answers to the questions posed, in relation to which it is still possible only to build hypotheses, can significantly enrich our knowledge both in the history of medicine and in the history of everyday life and ethnic groups in Belarus in the early 19th century.

Key words: Moshe Schneuri, Hasidism, Chabad-Lubavitch, conversion to Christianity, history of everyday life, history of madness, microhistory.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 58–63)

Крещение по католическому обряду, принятое в 1820 г. ульским раввином Моше Шнеури (в документах: Мовша Шнеер, Мойсей Шнеерсон), сыном выдающегося хасидского цадика Шнеура Залмана (Залмана Боруховича) из Ляд, основателя династии любавичских Шнеерсонов, стало одной из самых резонансных конверсий в истории белорусской еврейской общины начала XIX в. Сравнить его можно, пожалуй, только с переходом в лютеранство в 1811 г. Абрама Израилевича Перетца, крупного промышленника и зятя выдающегося авторитета в области талмудической литературы Йошуа Цейтлина. Конверсия Моше Шнеури сопровождалась длительными разбирательствами по вопросу его психического здоровья. Цель данной статьи – по архивным документам восстановить события, связанные с медицинскими освидетельствованиями Моше.

В это время в Европе только намечался переход от представлений о безумии, свойственных классической эпохе [1], к более гуманистическому отношению к душевным болезням. Сопоставимые процессы происходили и в Российской империи. В 1780 г. была открыта первая в России клиника с психиатрическим отделением – Обуховская больница в Санкт-Петербурге, 1800 г. в Вильно начинается системное преподавание психиатрии, в 1818 г. в медицинском учебнике Й. Франка впервые появляется раздел, посвященный расстройствам психики [2].

Материал и методы. До сих пор единственным специальным исследованием этой истории была отдельная глава в книге израильского историка Д. Асафа, посвященной кризисам в развитии хасидизма [3]. Оно стало возможным только благодаря обнаружению в Национальном историческом архиве Беларуси в 2005 г. другим израильским ученым, С. Штампфером, двух дел по крещению Шнеури [4; 5]. Косвенное отношение к нему также имеют еще два дела, связанные с судебным разбирательством 1826 г. в отношении старшего сына Шнеура Залмана, Дов Бера

(Берки Шнеера) [6; 7]. Остальные источники крайне тенденциозны – это частная переписка и сатирическая литература маскилим (сторонники Гаскалы, еврейского просвещения), а также устная и письменная традиция хасидов, описанные Асафом. Вместе с коллегами я затрагивал эту тему на конференции «Актуальные проблемы источниковедения» 2021 г. в контексте более широкой проблемы становления династии Шнеерсонов и в целом истории хасидизма в Беларуси, в которой еще много белых пятен [8].

Результаты и их обсуждение. В начале июля 1820 г. ульский раввин Моше Шнеури, после бесед на богословскую тематику с католическим священником (он позднее называл его имя – некий декан Зубрицкий [4, л. 105об.]), выразил желание принять христианство. Сразу после этого он бежал из дома и укрылся у своего квартиранта, ветерана войны 1812 г. артиллерийского подполковника Михаила Алексевиича Пузанова. Моше говорил, что, меняя веру, спасался от притеснений и насилия. Чтобы представить себе реакцию семьи Шнеури, можно прочитать рассказ Шолома Алейхема «Хава» из цикла о Тевье-молочнике, в котором то же случилось с его дочерью, и умножить полученное впечатление в десятки раз. Дело ведь было на сто лет раньше, и в гойскую веру обращалась не дочь молочника, а сын Алтер Ребе Шнеура Залмана. Нет сомнений, что семья цадика пошла на все, чтобы предотвратить столь чудовищную и позорную для нее трагедию.

Моше Шнеури был младшим из пяти детей Алтер Ребе (еще двое братьев и две сестры), возможно, самым талантливым и почти наверняка самым любимым. Он обладал феноменальной памятью и уже в раннем возрасте запоминал наизусть проповеди своего отца, а затем записывал их. Датой его рождения приблизительно считают 1784 г., отталкиваясь от известной даты свадьбы – 1797 г. (у хасидов было принято женить юношей в 14 лет) [3, р. 35]. По мнению Асафа, архивные источники указывают, что уже в 8 лет

у Моше проявились признаки душевной болезни. Но такое мнение представляется небесспорным, поскольку похоже, что оно основано лишь на фразе улльского помещика Игнатия Реута, сказанной во время исследования обстоятельств крещения Моше лепельскому декану Зраницкому: «От восьми лет имеет помешательство ума» [5, л. 31]. Моше приехал в Уллу только после женитьбы на дочери местного раввина Цви Хирша – Шифре, и о его детстве Реут мог знать только с чужих слов. Возможно, Реут имел в виду, что Моше *уже восемь лет, как помешанный* – получается, с 1812 г., и это более правдоподобно. На основе документов наших дел можно утверждать, что болезнь была диагностирована в 1802 г. Вероятно, в 1812 г. произошло ее обострение, после того как Моше в Шклове попал в плен к французам, был обвинен в шпионаже и приговорен к расстрелу, но в последний момент казнь отменили, убедившись в его сумасшествии [3, р. 36].

Как бы там ни было, 4 июля Моше Шнеури появился у местного ксендза Иосафата Сиодловского и со слезами на глазах умолял его немедленно провести обряд крещения [4, л. 89]. Таинство было совершено в крайней спешке, прямо в келье у ксендза, одной водой, в присутствии нескольких восприемников, имена и личности которых в точности остались известны только Шнеури и Сиодловскому, причем впоследствии их показания расходились напрочь. Дальнейшее проследим непосредственно по служебной переписке канцелярии митрополита могилевского Станислава Богуша-Сестренцевича, в которой нас более всего будет интересовать отношение авторов писем к психическому состоянию Моше.

Некий витебский полицейский чин писал 13 августа 1820 г., отвечая на отношение митрополита, что «витебский еврейский кагал и брат Мовши раввин Берка Шнеер» считают его неспособным отвечать за свои действия, как человека «поврежденного умом, который в течение 18-ти лет с начала сумасшествия был пользован разными докторами и врачебными управами» [5, л. 1–1об.], что подтверждает прилагаемое «врачебной управы свидетельство, за подписанием инспектора Гибенталя¹ и акушера Галина, что он Мовша Залманович Шнеер от давнего уже времени одержим сумасшествием, и во многих врачей равно и в их пользовании находился, но никакой пользы не получил, да и ныне состоит в прежнем печальном своем состоянии», и требуют его «отдать им для сбережения под расписку» [5, л. 1об.].² Подтверждающие безумие документы, судя по всему, вызвали у чиновника достаточно доверия, чтобы предписать через

посредство Лепельского нижнего земского суда настоятелю улльской плебании воздержаться покамест от крещения раввина.

По-видимому, для еврейской общины сумасшествие Моше Шнеури было совершенно ясно, но, как ни странно, не препятствовало исполнению им функций раввина – до тех пор, пока он не изъявил желание сменить веру. Как же получилось, что человек, совершенно определенно душевнобольной (как минимум с 1812 г.), на протяжении восьми лет, в самый интенсивный период развития движения Хабад-Любавич, оставался раввином? Ведь в эти функции входит не только (и не столько!) проповедь, но и решение правовых споров, толкование Закона, надзор над образованием, кашрутом, сбор налогов, представительство общины перед властями... Это главный вопрос, но есть и вторичные. Как он мог вести религиозные диспуты с местными священниками, водить застольную дружбу с офицером? Здесь вызывает удивление не столько факт общения как такового, дружественного или случайного, сколько то, что больной явно обладал серьезной свободой действий, в которой ему *мгновенно* отказали, как только он попытался совершить конверсию.

Жалоба кагала была составлена, видимо, между 4 и 6 июля, когда Моше Шнеури был привезен в Бешенковичи «для обучения догматов христианской веры», однако там в беседе с лепельскими ксендзом деканом Зраницким и исправником Рылевичем «говорил противно и разнообразно», в результате чего они совместно с «вольно практикующим медиком г-м Гиршею» [5, л. 22об.] признали его «действительно сумасшедшим» и отдали таки под расписку для излечения родственникам («старшим братьям Берке и Абраму»), которые увезли его в Любавичи. Но злоключения несчастного раввина только начинались. По требованию Богуша-Сестренцевича могилевский гражданский губернатор (Ф.И. Меллер-Закомельский) приказал доставить Моше лично к нему, губернатору, и освидетельствовать снова, через тамошнюю врачебную управу, «и буди окажется во здравом рассудке» переслать его в полоцкий римско-католический монастырь. Мы видим, что представления о нормальности и сумасшествии у действующих лиц этой истории серьезно различались, и большого доверия в этом деле они друг к другу не испытывали. Высшим губернским чиновникам явно требовалось признание новообращенного дееспособным, но, когда за дело брались исполнители, чиновники уровнем ниже, подтвердить здравый рассудок раввина никак не удавалось по разным причинам. Среди оных нужно отметить и, похоже, имевшие место попытки родственников Моше повлиять на ход расследования.

Повторное освидетельствование было проведено фактически по правилам судебно-медицинской экспертизы – подобный случай, первый в Минской врачебной управе, только произошедший на 25 лет

¹ Карл Иванович Гибенталь (Карл-Филипп Врангель фон Гюбенталь, 1786–1858), известный хирург, доктор медицины (1805), работал оператором и инспектором Минской врачебной управы (1811–1812), а с 1816 по 1839 г. – на тех же должностях в Витебской врачебной управе.

² Текст документов дается с минимальными исправлениями в соответствии с требованиями современной грамматики.

позже (1845–1846), описан В.В. Дукорским, И.И. Ковгановой и М.М. Скугаревской [2]. Освидетельствование Моше Шнеури в Могилевской врачебной управе 20–21 августа 1820 г. проводили духовный депутат каноник Фадей (Тадеуш) Одинец (Адынец)-Добровольский, полицмейстер надворный советник Попов и два члена врачебной управы: Де Ветте и Михельсон. По результатам экспертизы каноник записал: «Во время же освидетельствования при всем своем помешательстве на некоторые запросы письменные и словесные отвечал с рассудком, что и доказывает, что он не всегда помешанного ума, почему и объявил я в комиссии мое мнение, дабы его на несколько дней устранить от евреев, дать ему свободу для испытания, на что г-н доктор Михельсон объявил, что испытание не может быть короче шести недель, а г-н Де Ветте отвечал, что я с моей стороны согласен хотя и на шесть месяцев; тем паче что он, яко состоящий ныне под самовластию евреев может по принуждению, или по наговору от оных представлять себя рехнувшимся ума, почему и не можем достоверного ныне сделать об оном заключения; сверх того, если он оставлен будет во власти евреев, то они для своего интереса не упустят приложить все старания, чтобы он навсегда и неизлечимо был лишен ума» [4, л. 78–78об.]. Евреи в это время неотступно стояли за дверью, ожидая своего раввина.

При такой диспозиции вполне ожидаемым выглядит предложение каноника «препроводить его Мовшу Шнеера в Митрополитскую Могилевскую римско-католическую консисторию для помещения в каком свободном от набега евреев месте, ежели не на шесть месяцев, то по крайней мере на шесть недель, с тем, чтобы командированные члены вместе со мною одновременно посещая одного, с разговоров и испытаний могли совершенно узнать о его рассудке» [4, л. 78об.]. В точности такое же решение об изоляции предполагаемого больного на шесть недель для наблюдения было принято и Минской врачебной управой в указанном выше случае. Только там дело было уголовное, и местом изоляции стал Минской тюремный замок. Похожа и процедура «испытания», состоявшая из устных и письменных вопросов. В другом варианте «мнения» Добровольского, на польском языке, она описана подробнее, и мы можем узнать некоторые детали: Моше показывал экспертам свои рисунки, признавал Христа Мессией, на вопрос какую религию считает лучше, отвечал «христианство лучше, но я хочу остаться евреем» [4, л. 79].

Непосредственно после освидетельствования Моше все же отдали семье, посчитав что «если удалить Шнеера от родственников, имевших за ним по связи родства неусыпный надзор, может прийти в вящее замешательство рассудка и учинить себе или кому другому вред внезапным каким-либо своим безрассудным действием» [5, л. 24]. Характерно, что «неусыпный надзор» родственникам понадобился только после конверсии. Но уже 24 августа пришло указание от витебского гражданского губернатора

(А.П. Бутовича), в свою очередь выполнявшего предписание министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына (которому написал подполковник Пузанов), о том, чтобы Моше забрать у родных и переправить в какой-либо монастырь в Могилеве или в Могилевской губернии.

Таким образом, губернские врачи вынести точный диагноз не смогли, будучи не в силах отличить реальное безумие от возможной симуляции и потому прибегли к временной изоляции для наблюдения. Невозможность установления точного диагноза на провинциальном уровне и определения степени дееспособности, хотя в каноническом праве это прописано достаточно четко, привели к тому, что наш герой буквально лишился своего места в структуре социума (оказавшись и *не-здоровым*, и *не-больным*) и постоянно переходил из рук в руки.

Осень прошла в упорной борьбе христиан за новообретенную душу – в нее вмешались и православные, после того, как Шнеури рассказал добросовестно посещавшему его канонику Добровольскому, что на самом деле хочет исповедовать православие, а католицизм принял только чтобы спастись от притеснений родственников (при этом он путал дату и нареченное имя: называл 21 августа вместо 4 июля, а себя именовал Петром Александровичем вместо Леона (Львова) Юлевича по метрической записи [4, л. 106]), факт крещения был подвергнут особому расследованию. В итоге, 24 января 1821 г. Моше оказался уже в Санкт-Петербурге и о дальнейших его мытарствах можно узнать из писем князя Голицына, адресованных Богушу-Сестренцевичу.

В первом же из них, от указанного числа, князь упоминает, что «христиане» в ответ на просьбы кагала вернуть безумного раввина «согласно отзывались, что он имеет рассудок здравый, что он притворяется сумасшедшим только пред евреями, пред которыми боится открывать свои истинные чувства» [5, л. 3–3об.]. По таковой причине Шнеури и был переправлен в столицу, где о его освобождении принялись ходатайствовать «депутаты еврейских обществ». Здесь интересно, как одна и та же идея симуляции поворачивалась в разные стороны (перед кем раввин симулировал) в зависимости от конъюнктуры. По мнению Голицына, «ныне главное обстоятельство сего дела, то есть, относящееся к болезни Шнеера, объяснилось совершенно: г. Штофреген, по освидетельствовании его вместе с гг. Элизеном и Смитом, нашел его ум действительно поврежденным» [5, л. 3об.–4]. Если о гг. Элизене и Смите трудно сказать что-то определенное, то г. Штофреген – это не кто иной как Конрад Конрадович фон Штофреген (1767–1841), главный врач Рижского госпиталя (1788–1797), дивизионный врач Инженерного корпуса (1806–1807), лейб-медик (1808), действительный статский советник (1817), почетный член Медицинского совета Министерства полиции (1811), фактически личный врач императрицы

Елизаветы Алексеевны. Такому высокому вниманию может быть несколько объяснений: миссионерский эффект от обращения знатного раввина, важный для Богуша-Сестренцевича, и желание князя Голицына, известного своим интересом к мистике, пообщаться с говорящим по-русски хасидом.

Один из врачей, Элизен, по словам Штоффрегена, «узнал в Шнеере того еврея, которого он за 19 лет пред сим лечил от сумасшествия». Кроме того, князь пишет, что «сам своими замечаниями удостоверился в поврежденном уме Шнеера». По мнению Штоффрегена, была еще некоторая надежда на выздоровление, с течением времени и при особом уходе, но «его здоровье будет потеряно невозвратно, если он будет отдан в общий дом для больных такого рода» [5, л. 4]. Такое отношение к душевнобольному для начала XIX в. является крайне необычным.

Как показали дальнейшие события, угрожающий прогноз сбывается даже несмотря на предпринятое лечение. К сожалению, нигде в документах не упоминается, какими методами лечили больного. В итоге, «что-то пошло не так» в последующие восемь месяцев, о которых у нас нет информации. Если в январе Голицын убеждал митрополита в необходимости передать больного на попечение «еврейским депутатам» (но не отдавать в семью, а ждать выздоровления, чтобы он мог сознательно принять христианство), то в конце лета намерения князя изменились. Как явствует из его ответного письма митрополиту от 28 августа, незадолго до того Шнеури осмотрел «медик статский советник Орлай»³, направивший также письмо лично князю, «в котором он изъясняется о состоянии болезни Шнеера и о средствах, какие признает для лечения его полезными, а именно он приписывает его болезнь более нравственным причинам, нежели физическим, и полагает, что успех в лечении преимущественно зависит от его назидания в Божественной истине, проповеданной Христом Спасителем посредством священника, способного к таковому делу. Сие дело, по его мнению, может быть возложено на римско-католического проповедника Госнера»⁴ [5, л. 7]. За это время факт крещения Моше, видимо, признали окончательно (в январе князь выражал сомнения в его правомерности), и когда жена Шнеури обратилась лично к Александру I с просьбой вернуть мужа, ей по поручению

императора было отказано, потому что «ея муж, как принадлежащий римско-католической церкви, не может быть возвращен на попечение евреев» [5, л. 7об.]. Император также одобрил передачу Шнеури для назидания и лечения Госснеру и Орлаю.

В следующем письме Голицына, от 5 сентября, выясняется, что именно митрополит был инициатором смены лекарей. Возможно, потому, что состояние больного ухудшилось: «Вы, милостивый государь, – писал князь, – уведомляете меня в отношении от 29 минувшего августа, что припадки его болезни становятся сильнее, и просите, чтобы он был взят из дому вашего высокопреосвященства» [5, л. 9]. Далее князь сообщал, что по высочайшему соизволению императора митрополит может «делать распоряжение о переводе Шнеера из своего дома в такое место, какое г. Орлай найдет приличным его здоровью и удобным для его лечения» [5, л. 9об.].

Какое именно место г. Орлай нашел удобным для лечения больного, становится ясно в его письме к митрополиту от 8 сентября, в котором медик имел честь донести, «что согласно благонамеренному совету Вашему был у главного лекаря городской больницы Бремера, а после у самого военного генерал-губернатора, со стороны последнего дано уже повеление о распоряжении о приискании комнаты в городской больнице». На полях донесения имеется приписка, сделанная в канцелярии: «10 сентября 1821 года Шнеер отправлен в Обуховскую больницу» [5, л. 10]. Таким образом, в течение всего нескольких дней Моше Шнеури превратился из гостя в доме митрополита в обитателя пресловутого Желтого дома. Более ничего достоверного о его судьбе неизвестно. Предположительно, он вскоре умер [3, р. 47]. Хасидские легенды рассказывают о его бегстве из больницы и долгих странствиях инкогнито по всей Европе.

Заключение. Доктор Орлай решил судьбу несчастного, рассуждая и действуя в удивительно точном соответствии с позицией рационализма классической эпохи, выявленной Фуко⁵: ввел безумие раввина в рамки нравственного порядка, лишая тем самым его статуса болезни, и применил самую типичную для своего времени меру – окончательную изоляцию в больнице. Таким образом вопрос *излечения*, необходимость которого была диагностирована совершенно определенно ранее, был заменен вопросом *исключения* безумного раввина из мира разумности. Казалось бы, логичнее было ожидать изменения отношения к больному в обратном порядке – рассуждать в этическом измерении, пока он не проявлял явных признаков помешательства. Получается, что от медицинского лечения

³ Иван Семенович Орлай (1770–1829), доктор медицины и философии, в описываемое время также был одним из самых авторитетных медиков Петербурга, в частности с 1793 по 1800 г. (с перерывом в 1794–1797 гг., для командировки в Вену) занимал должность помощника ученого секретаря Медицинской Коллегии, с 1800 по 1808 г. был гоф-хирургом Его Императорского Величества, затем с 1808 – ученым секретарем Медико-хирургической академии, попутно выполняя функции личного помощника лейб-хирурга Я.В. Виллие, президента той же академии. С 1821 г. служил директором Нежинской гимназии.

⁴ Иоганн Евангелиста Госнер (1773–1858), немецкий мистик и миссионер-проповедник, который в 1820 г. приехал в Санкт-Петербург и был принят в совет директоров созданного по инициативе все того же князя Голицына Российского библейского общества.

⁵ «[В]осприятие безумия возможно для нее [классической эпохи. – А.Б.] лишь в этических формах. В пределе рационализм мог бы помыслить и такое безумие, которое парадоксальным образом разрушает не рассудок, а мораль: оно проявляется в искаженной нравственной жизни человека и в его злой воле [...] Мы на пути к тому, что XIX век назовет «моральным безумием»; но, что всего важнее, здесь возникает тема безумия, целиком основанного на злой воле человека, на его *этической ошибке*» [1, с. 164–165].

отказались именно тогда, когда болезнь стала настолько очевидна, что сделала невозможным дальнейшее пребывание Моше в доме митрополита. Этот, довольно парадоксальный (финальный?), поворот истории ульского раввина может помочь обратить внимание на особенности различных типов чувствительности в отношении безумия – и методов его лечения, столкнувшихся в спорах вокруг его судьбы. В целом до появления Орлая, обращение с Моше, хотя занимались им не профильные психиатры, вполне вписывалось в традиционную картину истории психиатрии в России, в которой, как считается, отсутствовала борьба между школами «психиков» и «соматиков», происходившая в Европе, и доминировало восприятие душевнобольных именно как *физически больных*. Однако, как и в других аспектах странной истории Моше Шнеури, логичная картина в последний момент разрушается.

Данный индивидуальный «кейс», произошедший буквально на смене эпох, в начале формирования психиатрии как науки в Российской империи, может стать частью более широкого компаративного исследования. Представляется перспективным привлечь к этому исследованию не только архивистов и историков медицины, но и представителей культурной антропологии. Думается, что нахождение хотя бы части ответов на поставленные вопросы, в отношении которых пока возможно только строить гипотезы, может значительно обогатить наши знания как в истории медицины, так и в истории повседневности и этнических групп Беларуси начала XIX в.

Литература

1. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с фр. И.К. Стаф. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.
2. Дукорский, В.В. Первая судебно-психиатрическая экспертиза по уголовному делу в Минской врачебной управе / В.В. Дукорский, И.И. Ковганова, М.М. Скугаревская // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2019. – № 2(9). – С. 44–50.
3. Assaf, D. Untold Tales of the Hasidim. Crisis & Discontent in the History of Hasidim / D. Assaf / Translated from the Hebrew by D. Ordan. – Hanover and London: University Press of New England, 2010. – 323 p.
4. Дело о принятии раввином местечка Улла Лепельского уезда Витебской губернии Мовшей Шнеером (Моисеем Шнеерсоном) римско-католической веры (русс., польск.) (20.08.1820–08.12.1820). 53 л. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1781. Оп. 3. Д. 51. Л. 75–127об.
5. Дело о раввине местечка Улла Лепельского уезда Витебской губернии Моисее Залмановиче Шнеере, желающем присоединиться к римско-католической церкви (20.08.1820–23.12.1820) // НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 2. Д. 271. Л. 35.
6. Дело о незаконных поборах раввина Берки Шнейера с верующих евреев в местечке Любавичи Бабиновичского уезда Могилевской губернии (02.10.1825–25.08.1826) // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 611. Л. 123.
7. Дело по решению 1-го департамента Могилевского главного суда о незаконных денежных сборах любавицким раввином Беркой Шнейером с евреев (15.05.1827–17.01.1834) // НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 25207. Л. 25.
8. Белявский, А.М. Тайна семьи Шнеерсон: документы Национального исторического архива Беларуси об основании династии любавицких цадиков / А.М. Белявский, С.А. Захаркевич, Ю.Н. Снапковский // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 216–219.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Митрополит Киприан Жоховский: основные вехи биографии

Веремеев С.Ф.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Гомель

Киприан Жоховский является одной из ключевых фигур в конфессиональной истории Беларуси второй половины XVII в. На протяжении почти двадцати лет он возглавлял униатскую церковь в Речи Посполитой и Полоцкую архиепархию, провел ряд преобразований во внутрицерковной жизни.

Цель статьи – рассмотрение жизненного пути Киприана Жоховского и основных направлений его церковной деятельности.

Материал и методы. Исследование проведено на основе критического анализа научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, в которых в разной степени затрагивались вопросы биографии К. Жоховского, его церковной деятельности. Методологическая основа работы – принципы объективности и историзма. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Приведены сведения о происхождении К. Жоховского, его образовании, дальнейшей церковной карьере. Выделены основные направления деятельности униатского митрополита: расширение унии, переговоры об объединении с православными, упорядочение богослужебного обряда, урегулирование взаимоотношений епископата и василиан и др. Впервые поднят вопрос о личной религиозности К. Жоховского.

Заключение. Церковные преобразования, осуществленные К. Жоховским, и его усилия по распространению унии привели к укреплению униатской церкви на территории Речи Посполитой. Вместе с тем его деятельность одновременно способствовала ослаблению позиций православной церкви, потере ей двух своих епархий, ухудшению положения православных общин и верующих.

Ключевые слова: Киприан Жоховский, митрополит, униатская церковь, василиане.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 64–68)

Metropolitan Cyprian Zhokhovsky: Main Milestones of the Biography

Veremeyev S.F.

Education Establishment "Gomel State Francysk Skoryna University", Gomel

Cyprian Zhokhovsky is one of the key figures in the confessional history of Belarus in the second half of the 17th century. For almost twenty years, he led the Uniate Church in Polish-Lithuanian Commonwealth and Polotsk Archdiocese, he also carried out a number of transformations in church life.

The purpose of the study is to consider the life path of Cyprian Zhokhovsky and the main directions of his church activities.

Material and methods. The study was carried out on the basis of a critical analysis of scientific publications by domestic and foreign authors, which to varying degrees touched upon the biography of K. Zhokhovsky, his church activities. The methodological basis of the research is the principles of objectivity and historicism. General scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and special historical methods (comparative historical, historical genetic) were used.

Findings and their discussion. Information about the family of K. Zhokhovsky, his education, further church career is given. The main areas of activity of the Uniate Metropolitan are highlighted: expansion of the union, negotiations on unification with the Orthodox, ordering the liturgical rite, settlement of the relations between the episcopate and the Basilians etc. For the first time the issue of K. Zhokhovsky's personal religiosity was raised.

Conclusion. The church reforms carried out by K. Zhokhovsky and his efforts to spread the union led to the strengthening of the Uniate church on the territory of Polish-Lithuanian Commonwealth. At the same time, his activities contributed to the weakening of the positions of the Orthodox Church, the loss of two of its dioceses, and the deterioration of the situation of Orthodox communities and believers.

Key words: Cyprian Zhokhovsky, Metropolitan, Uniate Church, Basilians.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 64–68)

Этот религиозный деятель является одной из ключевых фигур в конфессиональной истории Беларуси второй половины XVII в. Почти два десятка лет он возглавлял Русскую униатскую церковь и ее Полоцкую архиепархию, провёл ряд преобразований во внутрицерковной жизни. Между тем, биография этого уроженца Витебщины остаётся недостаточно изученной и малоизвестной даже в кругах отечественных историков. В представленной статье мы попытались восполнить данный пробел, собрав воедино и проанализировав те факты о нём, которые известны в настоящее время. Целью исследования является рассмотрение жизненного пути Киприана Жоховского и основных направлений его церковной деятельности.

Материал и методы. Исследование проведено на основе критического анализа научных публикаций отечественных и зарубежных авторов и опубликованных источников, в которых в разной степени затрагивались вопросы биографии К. Жоховского, его церковной деятельности. Методологическая основа работы – принципы объективности и историзма. Были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Киприан Жоховский родился около 1635 г. в Полоцком повете. Его родители – Александр и Анна (из рода Могильницких) были шляхтичами, принадлежавшими, согласно одной версии, к униатской церкви [1], согласно другой – к латинскому обряду [2, с. 275]. Светское имя будущего митрополита неизвестно. Вероятно, юноша рано ощутил призвание к монашеской жизни и вступил в конгрегацию василиан. Новициат он проходил в Бытени, где, возможно, и принял монашеский постриг с именем Киприан. Известно, что он также учился в семинарии при монастыре св. Троицы в Вильно [1; 3].

В 1658 г. (примерно в 23-летнем возрасте) он был направлен в Рим, где на протяжении нескольких лет (1658–1664 гг.) учился в Греческой коллегии св. Афанасия. Любопытно, что в одном из документов коллегии Жоховский упоминается как «белый русин» (*Ruthenus Albus*). По предположению историка А. Латышонка, именно так Жоховский себя позиционировал в Риме. Это определение – «белый русин» указывало на место его происхождения – Полоцкую землю [2, с. 275] и на патриотизм молодого человека.

Греческую коллегию Жоховский окончил со степенью доктора философии и богословия. Примерно за год до её окончания, 29 апреля 1663 г. в Риме он был рукоположен в сан священника, после чего некоторое время жил при церкви Свв. Сергия и Вакха, являясь помощником Холмского епископа Я. Суши, который занимался в то время вопросом о канонизации Иосафата Кунцевича.

В 1664 г. Киприан Жоховский возвратился на родину, а спустя год (в 1665 г.) стал архимандритом Дерманского монастыря на Волыни. Затем он был настоятелем

монастыря в Дубно (1665 г.) [1], в 1668 г. – архимандритом Лещинского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы в Пинске. Во главе монашеских обителей К. Жоховский проявил себя способным администратором, а также приобрел известность как талантливый проповедник, обладающий даром убеждения, которого любили слушать простые люди, и представители шляхты и даже сам король. Тогдашний униатский митрополит Гавриил Коленда вскоре сделал его своим ближайшим помощником [3, с. 220].

В 1669 г. по инициативе Г. Коленды и с одобрения короля К. Жоховский был назначен епископом Витебским и наместником Полоцкого архиепископа (архиепископом являлся сам Г. Коленда). Это решение утвердил Рим. В том же 1669 г. К. Жоховский принимал участие в работе элекционного сейма в Варшаве, на котором князь Михаил Корибут-Вишневецкий был избран новым королём. Именно епископ Киприан служил литургию по восточному обряду во время коронационных торжеств в Кракове. В своей проповеди он говорил о важности единства всех христиан под верховенством Папы Римского (эта проповедь впоследствии была издана в Кракове под названием «Добрый пастырь») [1]. Тогда же Жоховский едва не погиб – на сейме в Варшаве некий православный шляхтич Яворский попытался заколоть его, однако вовремя был разоружён. Это покушение прибавило симпатий со стороны делегатов сейма в отношении униатской церкви.

В 1670 г. на сейме Речи Посполитой было решено образовать комиссию для разрешения спорных вопросов между православными и униатами. В состав комиссии был включён Жоховский, она собралась в 1671 г. в Остроге на Волыни (так называемая «Острожская комиссия») [3, с. 218]. Тогдашний гетман Войска Запорожского Петр Дорошенко выступил с требованием ликвидации унии. В противовес этому Жоховский предложил план нового объединения Восточной и Латинской церковью на территории Речи Посполитой под названием «Средства общего объединения Греческой и Римской церкви». Этот план соответствовал экклесиологии Флорентийского собора 1439 г., многие его идеи предвосхищали (а это был XVII в.) современную позицию Римско-католической церкви в отношении православия.

Согласно плану К. Жоховского католики и православные должны были признавать действительность церковных таинств и перестать считать друг друга еретиками. Каждая сторона при этом сохраняла свою формулировку Символа веры (соответственно, с *Filioque* и без него). Предполагалось, что православные примут учение о так называемом третьем месте, куда после смерти попадают души для освящения и очищения грехов перед восхождением на небо (по сути, некий аналог католического учения о чистилище). Греческая церковь сохраняла бы восточный обряд, включая юлианский календарь, необязательность celibата для духовенства. Допускалось право вступать в брак между собой верующим Латинской

и Восточной церковью, однако переходы в латинский обряд должны были быть запрещены. План предусматривал, что православные в определённое время будут иметь возможность совершать богослужения по восточному обряду в латинских храмах, а католики – точно так же служить в своей традиции в православных храмах. В случае признания Константинопольским патриархом верховенства Папы Римского все христиане восточного обряда в Речи Посполитой должны перейти в юрисдикцию Константинополя. В противном же случае патриарху предлагалось либо перенести свою резиденцию в Речь Посполитую, либо отказаться от юрисдикции над Киевской митрополией по примеру того, как в 1589 г. это произошло в отношении Московской церкви [3, с. 214–218]. План К. Жоховского не был принят ни православной, ни римо-католической стороной.

В 1670 г. К. Жоховский был назначен митрополитом Г. Колендой администратором Перемышльской епархии и исполнял эти обязанности на протяжении года [3, с. 222]. В то время митрополит Г. Коленда был уже пожилым человеком и искал себе преемника. Его выбор остановился на Жоховском, несмотря на молодость последнего. В конце 1670 г. Г. Коленда обратился к Святому Престолу с просьбой утвердить К. Жоховского коадьютором митрополии с правом её наследования. В июне 1671 г. Папа Климент X одобрил эту просьбу [4, с. 56].

В 1674 г. митрополит Г. Коленда умер и Киприан Жоховский 18 февраля того же года стал следующим униатским митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси. Русскую униатскую церковь он возглавлял на протяжении почти 20 лет, одновременно являясь Полоцким архиепископом.

Новый митрополит выступал за дальнейшее расширение унии в Речи Посполитой за счёт присоединения к ней православных. Ещё на сейме 1674 г. Жоховский добился подтверждения прав униатской церкви на Перемышльскую епархию и Лещинский монастырь в Пинске. На сейме 1677 г. король обещал ему, что в будущем Киевская и Луцкая православные кафедры перейдут в юрисдикцию униатской церкви (после кончины правящих архиереев, занимавших эти кафедры).

Под влиянием митрополита К. Жоховского в 1677 г. тайно присоединился к унии Львовский епископ Иосиф Шумлянский. Такой способ присоединения был вызван тем, что он опасался волнений среди духовенства и мирян, и даже возможной потери им Львовской кафедры. И. Шумлянский хотел, формально оставаясь православным иерархом, подготовить духовенство и паству своей епархии к единству с Римом [3, с. 232, 247]. О своём присоединении к унии Шумлянский заявил публично лишь в 1700 г., уже после кончины К. Жоховского. Последний повлиял и на решение присоединиться к униатской церкви ещё одного православного архиерея – Перемышльского епископа Иннокентия Винницкого. В 1681 г. И. Винницкий принял унию тайно, а в 1692 г. заявил

о своём решении открыто. Фактическое присоединение к Русской униатской церкви двух православных епархий значительно укрепило её позиции в тогдашнем обществе и стало одной из предпосылок её «золотого периода» в следующем XVIII в.

К. Жоховский стремился присоединить к унии всю православную церковь Речи Посполитой. В конце 1670-х гг. совместно с Папским нунцием Ф. Мартинелли он разработал план, предусматривавший изоляцию православных от Константинополя и влияния России, и постепенное замещение вакантных приходов и епископских кафедр сторонников унии. Об этом плане знал король Ян III Собеский и поддерживал его [2, с. 270]. Но реализовать его не удалось, и православная церковь в Речи Посполитой сохранилась.

Не принесли успеха и усилия К. Жоховского, направленные на объединение униатов и православных. В августе 1679 г. на синоде в Жировичах униатские владыки во главе со своим митрополитом приняли решение обратиться к Папе за благословением на проведение совместного собора с православными с целью восстановления некогда бывшего единства Русской церкви, но уже под властью Папы Римского. Данную инициативу одобрил король, назначив проведение собора на 24 января 1680 г. в Люблине [3, с. 235]. Однако Святой Престол выступил против обсуждения вероучительных разногласий с Восточной церковью, считая, что их уже разрешил Флорентийский собор. Апостольский нунций в письме К. Жоховскому призвал его не вступать в дискуссии с православными, а лишь изложить им флорентийские постановления по вопросу о единстве христиан. В результате собор не состоялся, а события января 1680 г. вошли в историю как Люблинский коллоквиум (от лат. *colloquium* – разговор, беседа), т.е. совместная встреча, беседа представителей униатов и православных.

Накануне назначенной даты его проведения в Люблин приехали иерархи обеих сторон. Православную сторону представляли Луцкий епископ Гедеон Святотопольский-Четвертинский, львовский епископ Иосиф Шумлянский, Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий, около 20 архимандритов и настоятелей монастырей, представители белого духовенства и миряне [1]. Со стороны униатов были митрополит Киприан, протоархимандрит конгрегации василиан и др. Православная делегация в качестве предварительного условия для начала переговоров настаивала на их одобрении со стороны Константинопольского патриарха и участии в переговорах представителей четырёх восточных патриархов. Помимо того, король Ян III Собеский не прислал в Люблин своих представителей, а затем и вовсе объявил о переносе собора на более поздний срок. Его решение было обусловлено следующим обстоятельством. Монарх, заинтересованный в привлечении России и запорожских казаков к формируемому им военному союзу против Османской империи, опасался, что церковное объединение (или даже его попытка) превратит Россию и казачество

из возможных союзников во врагов Речи Посполитой. В будущем коллоквиум так и не состоялся. Итогом же Люблинского коллоквиума 1680 г. стали лишь контакты между православными и униатами. Отметим, что Жоховский посвятил событиям 1680 г. отдельную книгу, возлагая в ней основную вину за несостоявшийся диалог на православную сторону [3, с. 235–238].

В период митрополитства К. Жоховского имели место и конфликты униатов и православных. Так, в 1682–1683 гг. в Полоцке наблюдалось противостояние между ними в связи с противодействием униатов строительству новой православной церкви. В городе произошли столкновения, в адрес самого К. Жоховского звучали угрозы [5, с. 251–262].

Равно как и его предшественники, митрополит Киприан стремился остановить переходы верующих «греческой религии» в латинский обряд, неоднократно обращался к Святому Престолу с жалобами на прозелитизм латинского духовенства, просил запретить саму возможность смены обряда для русинов [4, с. 64].

Важным направлением деятельности митрополита являлось упорядочение богослужебного обряда в Русской униатской церкви. В 1683 г. была создана специальная литургическая комиссия во главе с самим Жоховским [1]. С целью унификации церковных служб был подготовлен и в 1692 г. издан в Вильно служебник («*Leitoupnikon, si estъ Sлужебникъ*»), который впоследствии стал ассоциироваться с его именем. Среди исследователей существует мнение, что служебник Жоховского стал важнейшим литургическим текстом Русской церкви со времён Брестской унии [6, с. 351]. После Вильно служебник издавался также в Супрасле (там он вышел в 1695 г. – спустя два года после смерти митрополита) [1]. Издание литургических текстов являлось средством противодействия латинизации восточного обряда. Появление богослужебных книг собственной печати создавало барьер и на пути распространения на белорусско-украинских землях богослужебной литературы, ввозимой из России [4, с. 62], к чему, вероятно, стремились униатские иерархи. Отметим, что типография в Вильно, где был издан вышеназванный служебник, также была организована митрополитом [7].

Внутрицерковную жизнь униатской Киевской митрополии в исследуемый период осложняли взаимоотношения епископата (прежде всего, митрополита) с василианами. Василиане стремились к большей независимости от власти митрополитов и епископов, добивались права самостоятельно избирать своего главу – протоархимандрита (эту должность занимал в рассматриваемую эпоху митрополит). Вероятно, К. Жоховский, возглавив в 1674 г. Русскую церковь, одновременно получил и титул протоархимандрита василиан. Но в следующем 1675 г. на генеральной капитуле в Жировичах он сложил с себя эти полномочия, предложив избрать иную кандидатуру, что и произошло [8, с. 151]. Спустя 8 лет, в 1683 г. К. Жоховский вновь был избран протоархимандритом.

Какими причинами это было вызвано? Надо полагать, что Жоховский являлся сторонником сильной власти митрополита в церкви, в то время как Стефан Мартишкевич-Бусинский, избранный протоархимандритом в 1679 г., стремился к полной независимости от митрополита [1], что, разумеется, вряд ли могло устроить последнего. Есть мнение, что Жоховский выступал против тенденции к латинизации конгрегации василиан, и намеревался вновь взять в свои руки бразды правления, чтобы воспрепятствовать этой тенденции. Однако его избрание в 1683 г. не утвердил Папа Римский. В 1686 г. состоялась Генеральная капитула василиан в Новогрудке, где в присутствии Апостольского нунция К. Жоховский навсегда отказался от власти протоархимандрита. Было составлено письменное соглашение («*Nexus*») между К. Жоховским и василианами, которое разграничивало права митрополита, протоархимандрита и других представителей василианской иерархии, положив тем самым конец долгому конфликту между ними в униатской элите. В Новогрудке были утверждены также обновленные «*Правила*» митрополита И. Вельямина Рутского и Конституции василиан. Монахи впредь должны были избирать своего главу только из своих рядов, причём не пожизненно, как это практиковалось ранее, а лишь на четырёхлетний срок. Митрополит и епископы утрачивали право избираться протоархимандритами. В компетенцию главы василиан передавались внутренние вопросы жизни конгрегации, в том числе и визитация всех монастырей. Митрополит оставался высшей инстанцией, к которому все монахи, а также миряне, служащие в структурах василиан, могли обращаться в случае обид и притеснений со стороны протоархимандрита и других иерархов. Митрополит сохранял за собой право назначать настоятелей крупных монастырей. Было также решено образовать в монастыре в Березвечье новициат, а для обучения новиков пригласить двух священников-иезуитов [8, с. 155–159]. Принятые решения означали сохранение автономии конгрегации василиан в Русской униатской церкви.

Результатами капитулы в Новогрудке не были довольны обе стороны. Митрополит выступал за больший контроль над монахами [8, с. 155–159]. Вместе с тем решения Генеральной капитулы в Новогрудке упорядочили взаимоотношения между митрополитом и василианами и дали импульс дальнейшему развитию и укреплению конгрегации.

К. Жоховский боролся за повышение социального статуса униатского духовенства, выступал в защиту прав священников. Его стараниями Святой Престол в 1676 г. издал декрет, согласно которому на духовенство Русской униатской церкви распространялись все права, которыми обладал клир Латинской церкви, в том числе и запрет под угрозой отлучения кому-либо бить священника [4, с. 63].

К. Жоховский внёс значительный вклад в усовершенствование системы проведения генеральных визитаций приходов и монастырей Русской униатской

церкви. Уже в начале его митрополитства была установлена следующая практика: составлялся список церквей, которые представители епископа планировали посетить, а после визитации в обязательном порядке письменно фиксировались её итоги. Жоховский разработал подробную инструкцию для визитаторов и создал систему контроля над исполнением их решений, когда выявленные в ходе проверок недостатки церковной жизни обсуждались на епархиальных синодах с обязательным документальным подтверждением принятых мер по их исправлению. В рассматриваемый период состоялось 10 епархиальных соборов: 5 – в Киево-Виленской митрополичьей епархии, 5 – в Полоцкой архиепархии [9, с. 18]. Таким образом, при Жоховском наступил новый этап в организации системы генеральных визитаций Русской униатской церкви. Отметим, что митрополит лично посещал многие приходы своей огромной митрополии, в ходе которых также обращался с проповедями к своей пастве.

К. Жоховский отличался глубоким почитанием Девы Марии. В Полоцке при кафедральном храме Св. Софии им было основано Братство Покрова Божией Матери. Исследователи отмечают также, что в тот период в Русской униатской церкви уже почиталось Непорочное Зачатие Девы Марии, особенно в василианских монастырях [4, с. 63–64]. Возможно, митрополит лично способствовал распространению культа Непорочного Зачатия в церковной среде. К. Жоховский был большим почитателем униатского святого Иосафата Кунцевича. Известны несколько его проповедей, посвящённых Кунцевичу, которые были опубликованы отдельно (три из них – в 1667 г., четвёртая – в 1669 г.) [10, с. 420]. В 1683 г. в униатской церкви прошли торжества по случаю 60-летия мученической смерти Кунцевича. Из-за погодных условий, которые в тот период, как правило, часто были неблагоприятными (дожди, непогода, морозы) К. Жоховский предложил перенести праздник в его честь с 12 ноября на более раннее время – на 16 сентября, что и было сделано с согласия Рима [4, с. 63]. Позже Жоховский включил данный праздник как обязательный в служебник 1692 г., тем самым, распространив его на всю Русскую униатскую церковь [11, с. 68].

Киприан Жоховский неожиданно умер в октябре 1693 г. в Супрасле, не успев прежде назначить своего заместителя с правом наследования Киевской митрополии. Относительно даты его кончины в историографии встречаются разные данные. Если А.П. Сапунов датирует её 5 октября [5, с. 239], то И. Назарко – 26 октября 1693 г. [4, с. 66]. Погребён он был на своей родине в Полоцке.

Заключение. Киприан Жоховский возглавлял Русскую униатскую церковь на протяжении почти двадцати лет. В этот период к унии тайно присоединились два православных епископа – Львовский и Перемышльский, предпринимались попытки

объединения православных и униатов под верховной властью римских понтификов. К. Жоховский ставил амбициозную цель привести к унии всю православную церковь в Речи Посполитой, чего, однако, не сумел достичь. Православно-униатские взаимоотношения сопровождалась конфликтами. Митрополит противодействовал переходам своей паствы в латинский обряд, прозелитизму латинского духовенства, стремился поднять статус униатских священников в обществе. Во внутрицерковной жизни были упорядочены взаимоотношения митрополита и василиан, усовершенствована практика проведения визитаций приходов и монастырей, с целью упорядочения богослужебного обряда издан служебник, общецерковный характер приобрело почитание И. Кунцевича. Всё это содействовало укреплению униатской церкви и создавало условия для наступления её так называемого «золотого периода» в XVIII в. Вместе с тем деятельность К. Жоховского привела к ослаблению позиций православной церкви в Речи Посполитой и ухудшению положения православных.

Литература

1. Петрушко, В.И. Киприан Жоховский / В.И. Петрушко // Православная энциклопедия: в 68 т. – М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2008. – Т. 19. – С. 369–371.
2. Латышонак, А. Нацыянальнасць – Беларусь / А. Латышонак. – Вильнюс: Беларус. гіст. т-ва, 2009. – 560 с.
3. Великий, А.Г. 3 літопису хрысціянскай Украіны / А.Г. Великий. Кн. V: XVII в. – Рим: Видавництво ОО. Василян, 1972. – 288 с.
4. Назарко, І. Київські і Галицькі Митрополіти. Біографічні нариси (1590–1960) / І. Назарко. – Рим: ОО. Василяни, 1962. – 272 с.
5. Сапунов, А. Витебская старина: в 6 т. / А. Сапунов. – Витебск: Типография губернского правления, 1888. – Т. V. Материалы для истории Полоцкой епархии. – Ч. I. – 668 с.
6. Nowakowski, P. Rola Synodu Zamojskiego w kształtowaniu się liturgii Kościoła greckokatolickiego / P. Nowakowski // Statuty Synodu Zamojskiego 1720 roku / Red. naukowa P. Nowakowski CM. – Krakow, 2020. – S. 343–392.
7. Дзюба, О.М. Жоховський Кипріан: в 10 т. / О.М. Дзюба // Енциклопедія історії України: – К.: В-во «Наукова думка», 2005. – Т. 3: Е-Й / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. – С. 170.
8. Підручний, П. Василянський Чин від Берестейського з'єднання (1596) до 1743 року / П. Підручний // Нарис історії Василянського Чину Святого Йосафата. – Рим: Видавництво ОО. Василян, 1992. – С. 96–182.
9. Уніяцкія цэрквы Вялікага Княства Літоўскага XVII ст.: матэрыялы генеральных візітацый / уклад. Д.В. Лісейчыкаў. – Мінск: НГАБ, 2021. – 320 с.
10. Соловій, М.М. Святий Йосафат Кунцевич. Його життя і доба / М.М. Соловій, А.Г. Великий. – Торонто: Видавництво ОО. Василян, 1967. – 463 с.
11. Замойський провінціальний собор Руської унійної церкви 1720 року. Кн. 1. Діяння та постанови. – Львів: УКУ, 2021. – 804 с.

Поступила в редакцію 10.04.2023

Роль документов Российского государственного архива новейшей истории в изучении международных отношений периода холодной войны

Калинин А.А.

Вятский государственный университет, Киров

В статье представлен обзор содержания основных фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в которых хранятся документы по внешней политике Советского Союза в годы холодной войны.

Цель данной публикации – раскрыть эвристический потенциал недавно рассекреченных документов РГАНИ как исторических источников, значительно расширяющих знание о различных аспектах советской политики в годы холодной войны.

Материал и методы. Основное внимание автор уделяет рассмотрению фондов Политбюро ЦК КПСС и Аппарата ЦК КПСС, а также личных фондов Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Генеральных секретарей ЦК КПСС Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. В фондах РГАНИ отложились не только партийные документы, но и материалы Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Комитета государственной безопасности, «мозговых центров» СССР.

Результаты и их обсуждение. Наиболее полно в архиве представлены документы 1970-х гг. Автор пришел к выводу, что основными мотивами обращения Кремля к политике разрядки международной напряженности было желание снизить нагрузку на советскую экономику, связанную с гонкой вооружений, а также уменьшить противодействие внешнеполитическим акциям Советского Союза со стороны Соединенных Штатов в ключевых регионах мира. Принцип равенства оставался ключевой установкой в отношениях с США. Внешнеполитическое мышление советских руководителей представляло собой сплав марксистской идеологии и политического реализма. В 1970-е гг. в Москве были по-прежнему убеждены в исторической обреченности капитализма. Материалы РГАНИ подтверждают выводы историков об эволюции системы международных отношений в направлении многополярности еще в 1960–1970-е гг. Также рассекреченные архивные документы показывают, что уже во второй половине 1960-х гг. советские аналитики обращали внимание на нарастающее отставание Советского Союза от Соединенных Штатов в научно-технологической сфере, в итоге во многом предопределяющее судьбу мирового социализма.

Заключение. По мнению автора, в фондах РГАНИ хранится уникальное собрание архивных источников различного происхождения, комплексный анализ которых позволит представить «объемный» взгляд на историю холодной войны, изучать процесс принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе, а также поможет в написании глобальной истории холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, архивные документы, КПСС, советско-американские отношения, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 69–74)

The Role of the Documents of the Russian State Archive of Contemporary History in the Study of International Relations during the Cold War

Kalinin A.A.

Viatka State University, Kirov

This article provides an overview of the contents of the main collections of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI), which contain documents on the foreign policy of the Soviet Union during the Cold War.

The purpose of this article is to reveal the heuristic potential of the recently declassified documents of the RGANI as historical sources that significantly expand knowledge of various aspects of Soviet policy during the Cold War.

Material and methods. The author focuses on the funds of the Politburo and the apparatuses of the CPSU Central Committee, as well as the personal fonds of First Secretary of the CPSU Central Committee N.S. Khrushchev and General Secretaries

of the CPSU Central Committee L.I. Brezhnev, Y.V. Andropov and K.U. Chernenko. The fonds of the Russian State Historical Archive contain not only party documents, but also materials of the Ministry of Foreign Affairs, the Ministry of Defense, the Committee for State Security, and "think tanks" of the USSR.

Findings and their discussion. Most widely presented documents are those of the 1970s. The author concludes that the main motives behind the Kremlin's policy of détente were the desire to reduce the burden of the arms race on the Soviet economy and to ease U.S. opposition to Soviet foreign policy in key regions of the world. The principle of equality remained a key tenet in relations with the United States. Soviet leaders' foreign policy thinking was a fusion of Marxist ideology and political realism. In the 1970s, Moscow was still convinced of the historical doom of capitalism. The materials of the RGANI confirm the conclusions of historians that the system of international relations evolved toward multipolarity already in the 1960s and 1970s. Declassified archival documents also show that already in the second half of the 1960s, Soviet analysts pointed to the increasing gap between the Soviet Union and the United States in science and technology, which ultimately largely determined the fate of world socialism.

Conclusion. According to the author, the fonds of the RGANI hold a unique collection of archival sources of different origin, a comprehensive analysis of which will allow to present a "voluminous" view of the history of the Cold War, to study the process of foreign policy decision-making in the Soviet Union, as well as help to write a global history of the Cold War.

Key words: the Cold War, archival documents, CPSU, Soviet-American relations, L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 69–74)

Изучение советской политики в годы холодной войны требует обращения к фондам РГАНИ, расположенного в Москве. Архив был образован после национализации документов Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) по указу Президента России от 24 августа 1991 г. и хранит документы бывшего партийного архива ЦК. Большая их часть датируется периодом с 1953 г. по конец 1980-х гг.

Цель данной публикации – раскрыть эвристический потенциал недавно рассекреченных документов РГАНИ как исторических источников, значительно расширяющих знание о различных аспектах советской политики в годы холодной войны.

Материал и методы. В основу статьи положены собственные архивные изыскания автора. При написании статьи автор использовал подходы «новой истории холодной войны», рассматривающей биполярную конфронтацию в широком международном контексте, не только как военно-стратегический, но и культурный конфликт.

Результаты и их обсуждение. В первые десятилетия работы архива исследователям был доступен ограниченный спектр документов по внешней политике СССР. Прежде всего, это материалы фонда 89 – коллекция копий документов, рассекреченных для Конституционного Суда РФ по «делу КПСС» в 1992 г. В настоящее время имеется возможность оценить полноту фонда, и приходится сделать вывод, что документы в нем представлены крайне выборочно, зачастую даже случайно.

В последние годы спектр доступных исследователям документов значительно расширился. Для изучения холодной войны особый интерес представляют несколько фондов РГАНИ. Это фонд 2 «Пленумы ЦК КПСС (1941–1991 гг.)», который содержит материалы Пленумов по международным вопросам (проекты докладов, протоколы заседаний, стенограммы, информационные сообщения и т.д.). Необходимо помнить, что стенограммы Пленумов ЦК не публиковались. Теперь же исследователи получили в свое распоряжение очень ценный исторический источник.

Стоит отметить, что в архиве наиболее полно представлены документы 1970-х гг. Обратимся к материалам майского 1972 г. Пленума ЦК КПСС. Для воплощения в жизнь курса на разрядку международной напряженности, Л.И. Брежнев очень нуждался в поддержке партийного аппарата. В своем выступлении Генеральный секретарь сформулировал «общий подход» Советского Союза к отношениям с американцами: «Чем устойчивее и нормальнее будут наши отношения с США, тем меньше будет угроза мировой ядерной войны. В районах, с которыми тесно связаны государственные интересы СССР... – будь то Европа, Азия, Дальний или Ближний Восток, – нам тоже приходится принимать в расчет как существенный фактор влияние США, основанное на их экономических и военных возможностях. Чтобы достичь целей нашей политики в этих районах, необходимо... нейтрализовать их противодействие внешнеполитическим акциям Советского Союза». Обосновывая необходимость достижения договоренности с американцами и ограничения гонки вооружений, Л.И. Брежнев подчеркнул, что «ухудшение советско-американских отношений заставило бы не только США, но и нас перебросить крупные дополнительные средства и ресурсы на военные нужды, на увеличение помощи союзникам. Напротив, нормализация этих отношений позволит нам выделять больше средств на решение задач нашего мирного строительства». Документы фонда определенно показывают, что внешнеполитическое мышление Брежнева представляло собой сплав марксистской идеологии и политического реализма: «Наращивание мощи Советского Союза делает реальным существенное улучшение советско-американских отношений на выгодной для нас основе», – подчеркивал он на Пленуме. «Есть старая пословица: когда садишься обедать с дьяволом, запасись длинной ложкой. Это тем более относится к американскому империализму, – садясь за стол переговоров с его лидерами, надо иметь "ложку" подлиннее. Другими словами, надо располагать достаточно крепкими позициями. Сила – это именно тот язык, который лучше всего понимают американские империалисты», – подчеркнул Генеральный секретарь

[1, л. 43, 44]. Л.И. Брежнев особо отметил, что, по оценкам Министерства обороны и Генерального штаба, намечаемое к подписанию соглашение о временном замораживании стратегического оружия «ничем не ограничивает наши возможности качественно совершенствовать это оружие, создавать новые, лучшие типы ракет» [1, л. 51].

Ценнейшим источником является фонд 3 «Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.)», ибо этот орган согласовывал важнейшие советские внешнеполитические акции. В фонде имеются и более ранние документы, в том числе раскрывающие некоторые аспекты взаимодействия держав Большой тройки в годы Второй мировой войны. Послевоенные документы фонда позволяют осветить сталинский период холодной войны. В фонде хранятся оригиналы документов под грифом «Особая папка», которые направлялись И.В. Сталину. Это письма, справки, адресованные Сталину, шифрограммы под грифом «Совершенно секретно», записи бесед и т.д. Знакомство с этими материалами поможет историкам оценить характер информации, на основе которой принимались решения лично Сталиным. Например, дело 117 описи 23 содержит материалы о взаимоотношениях Москвы с Коммунистической партией Греции. Открывает дело оригинал письма Г. Димитрова от 8 декабря 1944 г. на имя В.М. Молотова с просьбой дать указания в связи с просьбой греческой компартии о помощи. СССР в то время придерживался политики невмешательства в британскую «сферу влияния». Поэтому не случайна резолюция Молотова на документе, сделанная синим карандашом: «т. Сталину. Думаю, что не надо давать ответа по этому вопросу» [2, л. 1, 2]. В деле имеется сталинская телеграмма «тов. Вальтеру», т.е. югославскому лидеру И.Б. Тито, подписанная псевдонимом «Филиппов» [2, л. 22].

В фонде имеются протоколы заседаний Президиума и Политбюро ЦК КПСС, постановления, а также материалы к ним. Политбюро утверждало указания советским послам, переговорную позицию СССР, тексты посланий лидерам государств. Исследователям доступны записи некоторых заседаний, где обсуждались внешнеполитические вопросы. В частности, 26 мая 1961 г. Президиум обсудил предстоящую встречу Н.С. Хрущева с Дж. Кеннеди в Вене [3].

Очень содержательными являются материалы фонда 5 «Аппарат ЦК КПСС (1935–1991 гг.)», в котором отложились многочисленные дипломатические документы, поступавшие в ЦК КПСС: телеграммы, записки, справки, информации советских посольств, записи бесед советских дипломатов, политические письма и годовые отчеты посольств СССР в других странах, информационные материалы МИД СССР, Министерства внешней торговли СССР.

Большой интерес представляют имеющиеся в фонде документы советской разведки как информационного, так и аналитического плана. Анализ материалов Комитета государственной безопасности (КГБ) пока-

зывает, что советские разведчики стремились держать в курсе высшее руководство о важнейших изменениях в мире. Спецслужбы имели источники информации в среде иностранных журналистов, получали сведения о содержании частных бесед дипломатов, добывали документы иностранных государств, в том числе Госдепартамента и Минобороны США. Например, 19 июля 1968 г. КГБ направил информацию в ЦК КПСС о содержании справки профессора Массачусетского технологического института, консультанта Совета по планированию политики Госдепартамента У. Гриффита «США и СССР в Европе: перспективы на предстоящее десятилетие». Американский советолог обращал внимание на растущие возможности Москвы по осуществлению переброски обычных вооруженных сил на дальние расстояния, что позволяет ей вмешиваться в дела стран третьего мира в обход существующих западных союзов. Он предрекал вытеснение конфликтного потенциала на периферию системы международных отношений. В 1970-е гг., считал Гриффит, в Европе сверхдержавы будут поддерживать относительно стабильное военное равновесие, компенсируя нестабильность в третьем мире. Он также обращал внимание на существенное сокращение стратегического превосходства США: с 4:1 до примерно 2,5:1 [4, л. 11–26].

8 сентября 1972 г. КГБ направил информацию о содержании выступления заместителя госсекретаря США Дж. Ирвина перед группой видных американских промышленников. Важнейшим тезисом доклада стала мысль об эрозии биполярной модели мира: «Доминирующие позиции США и СССР в мире на протяжении 70-х годов будут постепенно ослабевать, в то время как позиции Японии, Китая, а также стран Западной Европы будут укрепляться». Ирвин обращал внимание слушателей, что в будущем «у европейцев и Советского Союза появятся общие интересы, и они выступят против некоторых положений торгово-экономической политики США, например, в области инвестиций». В то же время не исключено, что СССР и США могут совместно выступить против торговой политики ЕЭС. Ирвин отмечал «увеличивающуюся сложность и взаимозависимость в международных отношениях», предрекал уменьшение значения термоядерного оружия в связи с достижением стратегического паритета [5, л. 96–98].

В успех советско-американского саммита на высшем уровне, который состоялся с 22 по 30 мая 1972 г., внесли свою лепту и советские разведчики. В период визита президента Р. Никсона в Москву КГБ оперативно докладывал «наверх» свежую информацию. К 25 мая он установил ключевую роль помощника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера в окружении Никсона. «После президента, – докладывал Комитет, – он является самым влиятельным лицом в американской делегации, фактически Киссинджер вырабатывает все документы принципиального характера, ежедневно обсуждает

с Никсоном ход и результаты встреч с советскими руководителями, высказывает суждения о линии поведения президента, дает рекомендации по поводу его дальнейших действий и помогает намечать тактику ведения переговоров. Установлено, что за время пребывания в Москве Никсон лишь с Киссинджером обсуждал наедине важнейшие вопросы, связанные с визитом... Группа Белого дома, которую возглавляет в Москве Киссинджер, игнорирует государственного секретаря США Роджерса и в целом Госдепартамент, считает его рутинной, бюрократической организацией» [5, л. 38–39].

11 июня 1972 г. КГБ СССР доложил в ЦК КПСС, что Никсон и его окружение «в основном довольны исходом переговоров». Советские аналитики обращали внимание на важность для действующего президента США внутривосточных последствий визита в Москву: «В оппозиционных Никсону кругах (Демократическая партия, либеральные круги, антивоенные студенческие организации) вынуждены признать, что визит Никсона в СССР в значительной мере “подрывает основу для его критики” и поможет Никсону в определенной степени нейтрализовать остроту внутренних проблем» [5, л. 58–74].

Во второй половине 1960-х гг. усиливается влияние советского научного сообщества на внешнеполитический курс Москвы. Важным советским «мозговым центром» стал основанный в 1967 г. Институт США АН СССР, который возглавил один из близких к Брежневу американистов Г.А. Арбатов. В РГАНИ имеется ряд характерных документов, которые Институт направлял в ЦК КПСС.

В аналитической записке «Влияние научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США» от 23 сентября 1968 г. советские американисты с тревогой отмечали отставание социалистических стран в сфере научно-технического прогресса, что ослабляло их внешнеполитические позиции. Ученые пришли к выводу, что научно-технический «фронт» холодной войны может в итоге определить ее исход, что, как думается, и произошло в действительности [6]. «Одна из особенностей современной научно-технической революции, – подчеркивалось в записке, – состоит в том, что она несет самые большие преимущества тем странам, которые достигли наиболее высокого уровня развития... Наиболее яркое проявление этого процесса – нарастающий научный, технический и экономический отрыв США от остального мира...». В записке обращалось внимание на стремление Соединенных Штатов использовать растущее научно-техническое превосходство во внешнеполитических целях. Поэтому Вашингтон все больше предпочитает делать ставку «не на чреватое риском прямое вмешательство, призванное вызвать быстрые перемены, а на долговременные процессы... – увеличивающееся научно-техническое, а, следовательно, и экономическое отставание восточноевропейских стран от Запада

(по оценкам американских исследователей, именно в этом первопричина событий в Чехословакии...). Этот процесс... должен неизбежно порождать в этих странах разочарование в социалистическом строе, создавать реальную заинтересованность в экономической и научно-технической интеграции с Западом, как более выгодной, нежели сотрудничество с СССР, и тем самым – вести к “размягчению советского блока”». Этому процессу должна содействовать политика «наведения мостов», предусматривающая расширение экономических, научно-технических и культурных связей Запада и стран Восточной Европы. Институт пришел к заключению, что США «стремятся в максимальной мере использовать свое превосходство в науке и технике в качестве орудия политической борьбы с Советским Союзом за влияние в третьих странах». В записке указывалось на несоответствие современным реалиям самих советских подходов к экономическому соревнованию с США: «Мы и сейчас исходим из того, что главным ... являются темпы промышленного роста. Американцы же считают, что ход этого соревнования будет определяться прежде всего темпами научно-технической революции». В этой связи «в борьбе с империализмом все более решающее значение приобретает плацдарм научно-технической революции, особенно острым становится вопрос значительного ускорения развития науки, техники и образования. Это – ... коренная политическая задача, от решения которой во многом зависят позиции СССР на мировой арене... и судьбы мирового социализма» [7, л. 31–55].

В РГАНИ хранятся личные фонды руководителей КПСС. Фонд 52 освещает деятельность Н.С. Хрущева. В нем имеются послания, стенограммы бесед Хрущева с делегациями и отдельными политическими и государственными деятелями зарубежных стран, интервью иностранным изданиям и другие материалы. Особый интерес представляют записки, продиктованные лично Хрущевым, затрагивающие различные аспекты внешней политики СССР. Документы фонда наглядно демонстрируют решающую роль Хрущева при принятии решений: Первый секретарь ЦК излагал свое мнение по проблеме, на основе которого готовились проекты документов. Только после одобрения Хрущева эти документы направлялись на согласование членам Президиума ЦК КПСС. В качестве примера можно обратиться к делу 601 «Материалы по лаосскому вопросу (1961–1962 гг.)» [8]. В деле находится записка, продиктованная Хрущевым, адресованная М.А. Сулову и А.А. Громыко, в которой советский руководитель высказался за нейтралитет Лаоса. Фактически поддержав американские предложения по Лаосу, Хрущев считал, что договоренность по этому второстепенному вопросу поможет Москве добиться принятия США советских предложений по Германии, после чего «у нас была бы развязаны руки для решения... тайваньского вопроса в пользу Китая» [8, л. 1–5]. Хрущев редактировал проект указаний советским послам в Китае, Северном Вьетнаме

и Лаосе. В деле имеются также продиктованные Хрущевым «Указания МИД о подготовке документа по лаосскому вопросу» [8, л. 6–9, 21–26]. В результате были подписаны Женевские соглашения по Лаосу 1962 г, которые декларировали нейтралитет Лаоса.

Содержательными и малоизученными являются материалы личного фонда Леонида Ильича Брежнева (ф. 80), который значительно богаче фонда Хрущева. Если фонд 52 включает в себя 795 единиц хранения, то в фонде 80 их 1255. Большой интерес для исследователя холодной войны представляют записи бесед Брежнева с руководителями других стран, подготовительные материалы к беседам, рукописные заметки Брежнева, информационные материалы, телеграммы и другие документы. Материалы фонда позволяют рассмотреть процесс подготовки Л.И. Брежнева к беседам с лидерами и руководителями внешнеполитических ведомств других государств, понять, с какими документами ознакомился советский руководитель.

Практически не изучены подготовительные материалы к съездам КПСС и пленумам ЦК КПСС. В то же время они содержат очень ценные сведения, касающиеся позиций по внешнеполитическим вопросам представителей высшего партийного и государственного руководства. В архиве имеется стенограмма Совещания по вопросам подготовки отчетного доклада ЦК КПСС на XXIV съезде партии с участием Брежнева, которое состоялось в Завидово 5 февраля 1971 г. Участников совещания можно условно разделить на «догматиков» и «прагматиков». «Догматик» М.В. Зимянин, главный редактор газеты «Правда», определенно высказался за идеологизацию политики СССР: «Следовало бы в тексте сказать о противоречиях двух систем... политика Советского Союза... направлена против эксплуатации, против политики США». Он предложил в докладе «учинить очередной погром блока НАТО... как системы, в которой доминируют США... как системы империализма. Сказать, почему мы против этого блока – потому что это система агрессии, возглавляемая империалистами США» [9, л. 4, 7]. «Прагматик» академик Н.Н. Иноземцев, директор Института мировой экономики и международных отношений, предложил «хотя бы вскользь, в реалистическом плане, сказать о том, что они экономически и в науке, и в технике довольно быстро развиваются, что ставит перед нами серьезные задачи... Там более высокие темпы, чем у нас» [9, л. 38].

Брежнев занимал скорее среднюю позицию, отдавая дань как прагматизму, так и идеологии. «Очень важно, товарищи, – говорил он, – как-то показать, не трафаретно, а в глубоком политическом плане, не крикливо, а по-серьезному, положение на Ближнем Востоке. Империализм все время обманывает, крутит, выкручивает руки, ноги, пытается нам голову морочить», – сетовал Брежнев [9, л. 25, 26].

Замечания членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК к проекту отчетного доклада показывают, что идеология по-прежнему довлела

советскими руководителями. Член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Шелепин предложил «более обстоятельно сказать о международном рабочем движении» [10, л. 1]. В том же ключе выдержаны замечания А.П. Кириленко [10, л. 19–26] и других членов Политбюро. Замечания министра иностранных дел А.А. Громыко показывают его внешнеполитические взгляды, которые представляли собой сплав идеологии и геополитики. Глава советской дипломатии оставался сторонником концепции «двух лагерей» периода позднего сталинизма [11, л. 86, 87]. В целом взгляд «изнутри» на советскую внешнюю политику демонстрирует идеологический догматизм и политическую негибкость большей части советского руководства.

Подготовленный для Брежнева материал к выступлению на заседании Политбюро ЦК КПСС 31 мая 1972 г. о результатах советско-американских переговоров демонстрирует ключевое желание Москвы строить отношения с США «на равной основе». «Получен выигрыш стратегического значения», – заявлял Брежнев. При этом он заверил членов Политбюро, что «мы будем продолжать качественно совершенствовать наступательное стратегическое оружие» [12, л. 32–36].

В том же деле имеется письмо политического обозревателя газеты «Правда» Ю.А. Жукова, в котором он рассказал о впечатлениях иностранных корреспондентов от московской встречи Никсона и Брежнева. Никсон, по словам Жукова, совершенно не ожидал, что встретит такого сильного и вместе с тем осмотрительного партнера по переговорам, умеющего расположить к себе собеседника и в то же время не уступить ему ни в чем существенном. В результате «Никсон попал в мягкие объятия медведя, из которых трудно вырваться. Наши партнеры, – отмечал Жуков, – оказались пленниками созданного их собственной пропагандой мифа о личности Брежнева, и когда “увидели перед собой живого человека, который умело и уверенно, с сознанием своей силы отстаивает интересы своей страны и в то же время по-человечески» располагает к себе собеседника, – были поражены”» [12, л. 131, 132].

Материалы РГАНИ значительно дополняют источниковую базу изучения советской внешней политики в 1980-е гг. Ценные документы содержат личные фонды Генеральных секретарей ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко (ф. 82 и 83). В фонде 82 имеются записи переговоров Ю.В. Андропова с американцами, а также подготовительные материалы к беседам. Эти документы показывают, что в условиях новой эскалации холодной войны и нежелания администрации Р. Рейгана вести конструктивные переговоры по ограничению ядерных вооружений, советское руководство настойчиво искало варианты выхода из тупиковой ситуации. Новый советский лидер убеждал американцев в необходимости «остановить бесконтрольное раскручивание гонки вооружений, прийти... к взаимоприемлемым договоренностям,

которые, не ущемляя интересов ни одной из сторон, строго основывались бы на принципе равенства и одинаковой безопасности» [13, л. 22]. «Мы считаем, что гонка вооружений бессмысленна, пора ее прекратить», – заявил Андропов делегации сенаторов США, которую принял 18 августа 1983 г. [13, л. 113]. Во время беседы 15 ноября 1982 г. с вице-президентом США Дж. Бушем, прибывшим на похороны Л.И. Брежнева, Андропов указывал, что накопленный за долгие годы запас прочности в отношениях Москвы и Вашингтона «сейчас оказался почти полностью растроченным», происходит «эрозия продуктивного слоя советско-американских отношений... Неотложная задача дня – прервать этот разрушительный процесс». Новый советский лидер высказывался за расширение круга проблем, «по которым наши две страны вели бы переговоры, обменивались мнениями, консультировались». Он заверил, что СССР стремится к добрым, стабильным отношениям с США, что способствовало бы оздоровлению международной обстановки [13, л. 22, 23].

2 июня 1983 г. во время встречи с известным американским политиком и дипломатом А. Гарриманом Андропов охарактеризовал линию администрации Рейгана как исключительно вредную. «На что... ориентирована линия нынешней администрации в отношениях с Советским Союзом? – рассуждал Генеральный секретарь. – Говоря кратко, на две вещи: на получение военного превосходства и на нанесение нам как можно большего ущерба». Андропов определенно дал понять, что на односторонние уступки СССР не пойдет [13, л. 33–36, 43]. В беседе с американскими сенаторами советский лидер обращал внимание, что «у нашей гибкости есть свои пределы: они диктуются интересами безопасности Советского Союза, безопасности наших союзников. Рассчитывать на односторонние уступки с нашей стороны в ущерб этим интересам никому не советуем». Указывал Андропов и на недопустимые приемы западной пропаганды: «Не надо изображать дело так, что одни бомбы и ракеты страшные, а другие – вполне приемлемые» [13, л. 115]. Сенаторам Ю. Андропов указал и на новую «грозную опасность» – распространение гонки вооружений на космос: «Мало того, что наша планета уже перенасыщена ядерным и прочим оружием, хотят напичкать им еще и космическое пространство. Сегодня, видимо, не все отдают себе отчет в последствиях этого...». Андропов предлагал сенаторам «договориться о полном запрете испыта-

ний и развертывания любого оружия космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве. Далее, мы готовы самым радикальным образом решить вопрос о противоспутниковом оружии – договориться о ликвидации уже имеющихся противоспутниковых систем и запрещении создания новых» [13, л. 117].

Заключение. Подводя итоги, стоит отметить, что документы РГАНИ позволяют исследователю вырваться за рамки изучения только традиционных дипломатических документов (записи переговоров, ноты, внутренняя дипломатическая переписка). Перед нами уникальное собрание архивных источников различного происхождения, комплексный анализ которых позволит представить «объемный» взгляд на историю холодной войны, рассмотреть не только ее политическое, но и военно-стратегическое, экономическое, технологическое, культурное и другие измерения. Едва ли не впервые исследователи получают возможность в опоре на широкую документальную базу изучать внутреннюю «кухню» процесса принятия внешнеполитических решений в СССР в данный период. Широкий географический охват документов создает дополнительные возможности для написания глобальной истории холодной войны.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, <https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

Литература

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 2. Оп. 3. Д. 265.
2. РГАНИ. – Ф. 3. Оп. 23. Д. 117.
3. РГАНИ. – Ф. 3. Оп. 12. Д. 1002.
4. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. Д. 468.
5. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 64. Д. 37.
6. Юнгблюд, В.Т. Торгово-экономические и научно-технические связи США и СССР в годы разрядки (Обзор российских исследований 1972–2022 гг.) / В.Т. Юнгблюд, Д.В. Ильин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2023. – Т. 67, № 3. – С. 116–129.
7. РГАНИ. – Ф. 5. Оп. 60. Д. 468.
8. РГАНИ. – Ф. 52. Оп. 1. Д. 601.
9. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 90.
10. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 96.
11. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 91.
12. РГАНИ. – Ф. 80. Оп. 1. Д. 794.
13. РГАНИ. – Ф. 82. Оп. 1. Д. 36.

Поступила в редакцию 21.04.2023

Единоличное крестьянское хозяйство в системе аграрной политики КП(б)Б (1921–1928 гг.)

Пархимович Н.Н., Тимофеев Р.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируется политика КП(б)Б в отношении единоличных крестьянских хозяйств в годы новой экономической политики (нэп). На первом этапе нэпа (1921–1925 гг.) компартия соблюдала право крестьян на выбор форм хозяйствования. В 1927 году партийное руководство берёт курс на производственную кооперацию деревни. Этот факт можно считать решающим в уничтожении индивидуального крестьянского хозяйства как производственной единицы в БССР.

Цель данной публикации – показать роль индивидуального крестьянского хозяйства в аграрной политике КП(б)Б в 1920-е годы.

Материал и методы. Источниковой базой работы стали фонды Национального и государственных областных архивов Республики Беларусь, научные труды белорусских историков, затрагивающие проблемы аграрной политики КП(б)Б в 1920-х годах. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на ряд отрицательных моментов, экономическая политика Коммунистической партии в 1921–1925 гг. способствовала развитию предприимчивости крестьянина. Политика, ориентированная на единоличное хозяйство, вела к формированию слоя мелких собственников. Это был естественный процесс. Однако это не устраивало ни партийные, ни государственные органы. Уроки хлебозаготовок 1927–1928 гг. показали: если индивидуальные хозяйства окончательно сформируются и укрепятся как производители, то станут неуправляемы для рождающейся командно-административной системы. Парадокс состоял в том, что рождённый предыдущей политикой партии относительно свободный крестьянин стал уничтожаться той же партией.

Заключение. На первом этапе нэпа компартия оказывала вынужденное содействие становлению единоличных крестьянских хозяйств. На втором этапе нэпа (1926–1928 гг.) от поддержки КП(б)Б переходит к ограничению и ликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств. В социалистической экономике место единоличного хозяйства должно было занять коллективное производство.

Ключевые слова: КП(б)Б, единоличное крестьянское хозяйство, новая экономическая политика, хутор, отруб, коллективное производство.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 75–81)

Individual Peasant Economy in the System of Agrarian Policy of the CP(b)B (1921–1928)

Parkhimovich N.N., Timofeyev R.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article analyzes the policy of the Communist Party of the Bolsheviks of Belorussia in relation to individual peasant farms in the years of the New Economic Policy. In the first stage of the New Economic Policy (1921–1925), the Communist Party followed the right of peasants to choose forms of management. In 1927 the Party leadership took a course towards the production co-operation of the countryside. This fact can be considered decisive in the destruction of the individual peasant economy as a production unit in the Belorussian Soviet Socialist Republic.

The purpose of this study is to show the role of individual peasant farming in agrarian policy of the CP(b)B in the 1920 s.

Material and methods. The funds of the National and State Regional Archives of the Republic of Belarus, studies of Belarusian historians, which touched upon the problems of the agrarian policy of the CPB in the 1920s became the source basis of the study. The study was conducted based on a complex system of general scientific and special historical methods, the authors' generalizations and conclusions.

Findings and their discussion. Despite a number of negative aspects, the economic the policy of the Communist Party in the 1921–1925s contributed to the development of peasant entrepreneurship. The policy focused on individual farming led to the formation

of a layer of small owners. It was a natural process. However, this didn't suit either party or government agencies. The lessons of grain procurements in 1927/28 showed: if customized farms were finally formed and strengthened as producers, they would become uncontrollable for the emerging command-administrative system. The paradox was that the born by the previous policy of the Party, the relatively free peasant began to be destroyed by the same Party.

Conclusion. *At the first stage of the new economic policy, the Communist Party provided forced assistance to the formation of individual peasant farms. At the second stage of the NEP (1926–1928) from support of the CP(b)B it proceeds to the limitation and liquidation of individual peasant farms. In the socialist economy, the place of individual farming was to be taken by collective production.*

Key words: *CP(b)B, individual peasant economy, New Economic Policy, farm, cut, collective production.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 75–81)

В истории нашего государства 1920-е годы были временем поиска путей дальнейшего развития страны в условиях Советской власти, вся деятельность которой курировалась коммунистической партией. Именно на съезде компартии в 1921 году была провозглашена новая экономическая политика.

Особое место в системе нэп было отведено развитию аграрного сектора. В этой связи представляет научный интерес позиция КП(б)Б в отношении индивидуального крестьянского хозяйства в условиях реализации новой экономической политики в БССР. К сожалению, за последние годы в белорусской историографии не было научных работ, в которых рассматривалась политика КП(б)Б в отношении индивидуального крестьянского хозяйства в 1920-е годы.

Цель данной публикации – показать роль индивидуального крестьянского хозяйства в аграрной политике КП(б)Б в 1920-е годы.

Материал и методы. Источниковой базой работы стали фонды Национального и государственных областных архивов Республики Беларусь, исследования белорусских историков, затрагивающие проблемы аграрной политики КП(б)Б в 1920-х годах. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Первая мировая и гражданские войны, иностранная интервенция нанесли значительный урон сельскому хозяйству Беларуси. Не способствовала развитию аграрного сектора и политика «военного коммунизма», отдельные составляющие которой применялись и в других воевавших странах.

Возникшее в обществе социальное напряжение требовало от большевистской партии поиска выхода из кризисной ситуации.

В данных обстоятельствах лидеры большевиков предложили экономическую политику, начало которой положил в 1921 году X съезд РКП(б). В условиях послевоенной разрухи она должна была обеспечить «...правильное и спокойное ведение хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами для укрепления крестьянского хозяйства и повышения его производительности» [1, с. 608]. Таким образом, восстановление сельского хозяйства должно было идти на основе хозяйственной самостоятельности каждого крестьянского двора. Ставка делалась на предприимчивость, трудолюбие, хозяйственную сметку земледельцев.

Крестьяне республики положительно отнеслись к новой экономической политике. Однако, заложенные веками в психологию крестьянина степенность, рассудительность, недоверие к властям, стремление пожить-посмотреть, а также просчёты в работе советских и партийных организаций при проведении разъяснительной работы о сущности нэпа и её задачах вызывали озабоченность у жителей деревни. Ряд прошедших в 1921 г. беспартийных крестьянских конференций высказал опасения, что продналог только временная мера с целью агитации за расширение посева. На некоторых собраниях вносились предложения: для защиты своих интересов крестьянам необходимо создать профессиональный союз.

В сложившейся ситуации многое зависело от деятельности партийных и советских органов на местах – насколько последовательными будут их дальнейшие шаги в реализации нэпа. Показательным в этом отношении стал V съезд КП(б)Б, состоявшийся в октябре 1921 года. Решения съезда входили в противоречие с интересами крестьян, мечтавшими о земле. Получив её, земледелец надеялся, что государство позволит, наконец, самому выбирать форму её использования. К необходимости объединения в коллектив крестьянина могло привести только одно – сознание экономической выгоды.

Декабрьская (1921 г.) конференция РКП(б) и состоявшийся в то же время IX съезд Советов приняли решение о свободном выборе форм землепользования. Так, в резолюции конференции по аграрному вопросу говорилось, что очередными задачами партии являются предоставление крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования и создание условий, необходимых для правильного существования и развития крестьянского хозяйства.

Колебания в аграрной политике не остались незамеченными в крестьянской среде. Они вызвали обоснованные опасения в стабильности новой экономической политики. Дело в том, что шараханья из стороны в сторону в политике у большевиков в Беларуси носили не только теоретический характер, но и имели негативные практические последствия. Весной 1921 г. имение Вельяминово в Борисовском уезде было разделено среди 19 семей. Крестьяне возвели постройки, устроили усадьбы, обработали и засеяли земельные наделы. Однако осенью того же года местные власти решили создать на базе имения коллективное хозяйство.

Крестьяне обратились в Наркомзем БССР с жалобой, в которой указали, что не могут поверить в то,

чтобы одна и та же власть весной делала одно, а осенью того же года прямо противоположное. Они утверждали, что такие действия местных властей вызвали недовольство и опасение в стабильности принимаемых властью решений не только у тех, кого хотели лишить земли, но и у остальных жителей Борисовского уезда. Такими непродуманными шагами, уверяли земледельцы, Советская власть потеряет всех своих сторонников в деревне и даст козырь в руки своих противников [2, л. 212]. Рассмотрев жалобу, народный комиссариат земледелия отменил решение властей Борисовского уезда об устройстве колхоза в имении Вельяминово. Сделано это было только после решения IX съезда Советов РСФСР о свободном выборе форм землепользования.

Исходя из решений IX съезда Советов, президиум ЦИК БССР своим постановлением от 14 января 1922 г. разрешил свободный выбор форм хозяйствования в Беларуси. К этому решению присоединился VI съезд коммунистической партии Беларуси (март 1922 г.), изменив тем самым, решение предыдущего. Выступивший на съезде с отчётом Центрального Бюро В.Г. Кнорин не скрывал, что решение о свободе выбора форм землепользования было принято под влиянием Всероссийской декабрьской конференции 1921 г., а аналогичное решение ЦИК БССР – по прямому указанию ЦБ КП(б)Б.

В соответствии с принятыми партийными решениями президиум ЦИК республики в сентябре 1922 г. утвердил основной закон о трудовом землепользовании. За основу был взят аналогичный закон, принятый в мае 1922 г. ЦИК РСФСР. Закон о трудовом землепользовании конкретизировал формы хозяйствования и закреплял за крестьянином право на их выбор. В том числе и на ведение индивидуального хозяйства в форме отруба или хутора.

Разрешалось применение наёмного труда, правда, лишь в том случае, если все трудоспособные члены семьи нанимателя принимали участие в производственном процессе, либо возникала угроза гибели урожая. Появление такого положения в законе имело большое значение для развития предприимчивости крестьянина. Он мог теперь расширять посевы, создавать небольшие предприятия по переработке сырья, где требовалась дополнительная рабочая сила. Наконец, беднейшие хозяйства, имевшие проблемы с трудоустройством лишних рабочих рук, получали возможность решить их.

Итоги первого года хозяйствования в условиях нэп были обнадеживающими. На 62326 десятин по сравнению с 1921 г. увеличились посевные площади, было приостановлено падение численности животных основных групп: лошадей и крупного рогатого скота. Увеличение посева давало возможность расширить кормовую базу. Стабилизация поголовья скота позволила увеличить объём органических удобрений, что способствовала повышению урожайности. Эти изменения не принесли изобилия сельскохозяйственной продукции, но они свидетельствовали о том, что падение сельскохозяйственного производства остановлено.

В этом был главный итог первого года новой экономической политики в белорусской деревне.

Начинавшееся возрождение деревни было бы ещё заметнее при более продуманной системе налогообложения крестьянского хозяйства. Уплатив осенью продналог, крестьянин рассчитывал оставшимися средствами распорядиться по своему усмотрению. Вместе с тем власти не довольствовались лишь одним продналогом. Вводились дополнительные налоги. Денежные и натуральные повинности крестьян Беларуси в 1922/23 году состояли из натурального продовольственного налога; натурального трудгужналога; семи денежных налогов, взимавшихся на местные нужды; подворного имущественного налога; единовременного государственного налога в помощь голодающим, а затем на борьбу с последствиями голода. Уплатить такую значительную сумму было под силу только зажиточному хозяйству.

В марте 1923 г. ЦИК БССР принял закон, согласно которому в республике вводился единый налог. Он вносился в смешанной форме – денежной и натуральной. Замена множества налогов одним была выгодна крестьянину. Уплатив его, он мог теперь планировать дальнейшее распоряжение ресурсами. Это побуждало крестьянина к интенсификации производства, расширению посева и ассортимента культур.

Ожидания и расчёты крестьян были вскоре вновь перечёркнуты очередным неудачным ходом высшего партийного и государственного руководства. Дело в том, что стремление ускорить развитие промышленности за счёт сельского хозяйства привело к «ножницам» в ценах. На промышленные товары они выросли, а на сельскохозяйственные резко снизились. Если в январе 1922 г. пуд ржи стоил 2 золотых рубля, то в декабре 1923 года только 31 копейку. За пуд ржи в марте 1922 г. крестьянин мог купить 1,5 аршина ситца, а в сентябре 1923 г. уже только 4/5. Крестьянин не мог продавать свою продукцию по таким низким ценам, ибо это разоряло его. Терялся стимул к производству.

Правящая партия и правительство достаточно быстро ликвидировали сложившуюся диспропорцию цен. Сделано это было при помощи трёх основных мер: снижения цен на промышленные товары, что повлекло за собой снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции; введения твёрдой валюты; стимулирования крестьянина к улучшению производства собственными ресурсами (льготы культурно-показательным хозяйствам).

Положительную роль в стабилизации ситуации сыграл Земельный кодекс БССР, утверждённый ЦИК республики в марте 1923 г. Согласно этому документу за крестьянином закреплялось право на бессрочное пользование землёй для ведения хозяйства. Осуществляя преемственность с предшествующими ему законодательными актами, Земельный кодекс подтверждал право аренды земли и применения наёмного труда. Последнее разрешалось в том случае, когда крестьянин в силу складывающихся обстоятельств (недостаток инвентаря и рабочей силы) не мог справиться

с выращенным урожаем или выполнить другие сельскохозяйственные работы. Это дополнение не перечило закону 1922 г., а лишь уточняло и дополняло его.

Принятый документ подтверждал право земледельца на свободный выбор форм землепользования. Кодекс закреплял не только само право, но и юридическое равноправие различных форм хозяйствования. Не имело значения, сложились они до революции или возникли после неё. Для крестьянина это было важно, ибо теперь его способ хозяйствования, опробованный до революции, получал право на существование на законной основе. Это особенно значимо было для хуторских и отрубных хозяйств, так как давало им возможность избежать передела, крайне негативно сказывавшегося на эффективности хозяйствования.

Земельный кодекс 1923 г. имел основополагающее значение для судеб белорусского крестьянства. Он не только не перечеркнул законодательные акты, позволявшие крестьянину развивать предприимчивость, но и развил их. В таком виде Земельный кодекс просуществовал до 1925 г. В связи с укрупнением территории БССР был создан новый. Его положения соответствовали ранее существовавшему земельному кодексу. Однако при его составлении была учтена рекомендация пленума ЦК КП(б)Б, которая позволяла при наличии согласия 2/3 членов земельного общества проводить полное землеустройство для перехода к новым формам хозяйствования. Это дополнение поколебало право на свободу выбора форм землепользования той самой трети, которая не хотела переходить к другим формам ведения хозяйства.

Поправка эта была направлена против состоятельной части деревни, которая стремилась на хутора и отруба, официально не признававшиеся как лучшие формы хозяйствования. Но на практике собрать 2/3 желающих перехода к новым формам землепользования было непросто, и это смягчало последствия поправки.

Как наиболее целесообразную кодекс рекомендовал поселковую форму землепользования. Посёлки считались первым шагом для перехода в ближайшем будущем к колхозам. Этот факт предоставлял партийным и советским властям на местах навязывать крестьянам эту форму организации производства помимо их желания. В мае 1925 г. Минский окружком партии вынужден был принять специальное решение, в котором потребовал прекратить насильственное поселковое землеустройство.

Если крестьяне не хотели выходить на посёлки, то тем более они не помышляли о колхозах. Временной отрезок 1921–1925 гг. характеризовался всеобщим господством единоличного крестьянского хозяйства. Формы его были различными: подворная, хуторская, отрубная, выселки. В этот период крестьяне не только не хотели создавать колхозы, но в ряде мест враждебно относились к попыткам их организации. Каждое земельное общество было не таким уж большим, чтобы крестьяне не знали друг друга. Поэтому отношение любого из них к труду в личном хозяйстве было известно всем.

Несмотря на ряд отрицательных моментов экономической политика государства в 1921–1925 гг. способствовала развитию предприимчивости крестьянина. Они широко использовали эту возможность. Понимая, что создать хорошо функционирующее хозяйство невозможно без упорядочения землепользования, земледельцы стремились решить эту задачу как можно быстрее. Одни предпочитали устроить свои участки в рамках земельного общества, другие выбирали небольшой посёлок или хутор. Например, в 1925 г. в Шкловском районе Могилёвского округа существовали следующие виды землепользования: чересполосно хозяйствовали 43% крестьян, хуторами 25%, отрубями 3%, посёлками 29% [3, л. 198].

Процесс хуторизации успешнее всего шёл в Витебском округе. В 1924 году вышедшим на хутора принадлежало 30% всей земельной площади. Темпы хуторизации здесь были даже выше, чем до революции. Объяснить это можно тремя причинами. Географические условия местности позволяли вести относительно автономное хозяйство; крестьяне опробовали этот способ хозяйствования до революции (22,3% вышедших на хутора) и убедились в его эффективности; во главе земельного отдела в округе стоял Д.Ф. Прищепов, который не препятствовал хуторизации, считаясь с правом крестьянина на свободный выбор форм хозяйствования.

Невзирая на популярность данной системы землепользования среди крестьян коммунистическая партия не связывала будущее сельского хозяйства с данной формой хозяйствования, ибо она не считалась социалистической. Тем не менее в 1925 г. Апрельский пленум ЦК ВКП(б) потребовал не ставить административных преград желавшим вести хуторское или отрубное хозяйство. Строго соблюдать право свободы выбора форм хозяйствования. Следуя решениям Пленума, комиссариат земледелия республики разработал «Перспективный план развития сельского хозяйства БССР на 1925/26–1929/30 гг.», в котором предусматривалось дальнейшее создание хуторов и посёлков типа отрубов.

В 1925 г. этот план был утверждён ЦК КП(б)Б и СНК БССР. В декабре этого же года его одобрил IX съезд компартии республики. Хутора и отруба получали право на существование минимум ещё минимум на 5 лет. Компартия давала добро на «капиталистические формы хозяйствования». Это был курс на дальнейшую реализацию свободы выбора форм землепользования, заложенную в Земельном кодексе БССР.

Те, кто мог и хотел трудиться, использовали хуторскую и отрубную форму хозяйствования. Однако крестьянин боялся расширять производство, боялся богатеть. Причины этого явления объяснил секретарь ЦК КП(б)Б А.И. Криницкий, выступая на Майском 1925 г. Пленуме компартии Белоруссии: «...партия и советская власть накапливающего крестьянина, богатого крестьянина преследуют». Таким образом, одной рукой давая крестьянину добро на свободу хозяйствования, другой – компартия стремилась лишить её. Очевидна противоречивость аграрной политики.

В первой половине 1920-х годов, создавая законодательные условия для деятельности крестьянских хозяйств, государство стремилось оказывать им реальную материальную помощь. При этом учитывалось, что ведущая роль в экономике должна принадлежать промышленности, а основные расходы на восстановление сельского хозяйства должны взять на себя крестьяне. Такая постановка вопроса означала, что земледельцы не могли рассчитывать на крупные государственные субсидии.

В основу распределения дотаций был положен классовый принцип: основная часть предназначалась беднейшему крестьянству и середнякам. Лишь незначительная доля доставалась состоятельным слоям деревни. Богатому крестьянину приходилось прилагать немало усилий, чтобы получить соответствующие средства. В структуре материальных средств, выделяемых крестьянству, можно отметить две составляющие части: натуральную (зерно, инвентарь) и денежную. О размерах первой можно судить по следующему факту.

В 1922 г. крестьяне Белоруссии получили яровую ссуду в размере 16589 пудов овса, 10250 пудов ячменя, 3016 пудов гречихи. Если допустить, что вся она распределялась равномерно по всем уездам тогдашней БССР, то каждый из них получил примерно 2766 пудов (44 тонны) овса, 1700 пудов (27 тонн) ячменя, 502 пуда (8 тонн) гречихи. С помощью полученной ссуды можно было засеять 147 гектаров овсом, 90 гектаров ячменём, 27 гектаров гречихой. Такой объём субсидий не мог оказать существенного влияния на развитие крестьянского хозяйства. Предоставить большую величину государство в то время было не в состоянии.

Не высока была и эффективность использования получаемой помощи. Предоставляя денежную или натуральную помощь, государственные органы требовали документы, дающие право на её получение, но мало заботились о том, как она будет использована. Недостаточный размер пособия создавал трудности с его применением.

Например, один из крестьян Сенненского района для строительства дома получил денежную ссуду в размере 45 рублей. Всего же необходимо было 150. Не найдя недостающей суммы, имевшиеся 45 рублей были использованы не по назначению [4, л. 738]. Ряд хозяйств, воспользовавшихся ею, так и не смогли вернуть долг государству. СНК БССР постановлением от 12 апреля 1924 года вынужден был снять недоимки с крестьян, которые не смогли рассчитаться с государством.

Несмотря на эти негативные моменты, государственная помощь сыграла определённую роль в увеличении обеспеченности инвентарём, росте поголовья скота, строительстве жилых и подсобных помещений в крестьянских хозяйствах. Наибольшая отдача, от полученного у государства, была в состоятельных хозяйствах. Здесь государственная помощь сочеталась с собственными ресурсами и лучшей организацией труда.

Из года в год государство увеличивало помощь крестьянам. Например, общая сумма выплат с июня

1924 по июнь 1925 года выросла с 656 тыс. рублей до 5339 тыс. Такой значительный рост государственных средств стал результатом укрупнения БССР. В то же время процент крестьян, получавших ссуду, оставался невелик. В октябре 1924 г. он составлял лишь 5% от всех деревенских хозяйств. По социальным группам получившие помощь распределились следующим образом: бедняки – 41%, середняки – 54,5%, зажиточные – 4,5%. Эти цифры лишней раз подтверждают, что субсидии крестьянству носили классовый характер.

На IX съезде КП(б)Б, состоявшемся в декабре 1925 г., было подчёркнуто, что аграрная политика имеет верное направление. Это было признание того факта, что успехи в деревне стали возможны благодаря деятельности единоличных крестьянских хозяйств. В постановлении съезда были отмечены некоторые реальные достижения в аграрном секторе. Было обращено внимание на то, что тормозом развития сельского хозяйства оставался ряд объективных причин.

Таким образом, коммунистическая партия официально провозглашала, что никакого раскулачивания в ближайшее время не будет. Появление «советского» кулака, резюмировал съезд, результат экономической политики партии в деревне. Такое отношение высшего партийного органа Беларуси к состоятельной части сельского населения можно объяснить следующим. Во-первых, часть членов партии видела в зажиточном крестьянине не эксплуататора, а добротного хозяина. Во-вторых, это было время, когда крестьянина призывали обогащаться и высшие партийные руководители в Москве. К их мнению в Беларуси прислушивались. Наконец, в этот период в партии шла борьба с оппозицией, которая требовала жёстких мер в отношении зажиточных крестьян. Эта точка зрения большинством партии тогда признавалась ошибочной.

Принятый в 1925 г. пятилетний перспективный план развития сельского хозяйства также делал ставку на дальнейшее развитие единоличных крестьянских хозяйств. В этом документе подчёркивалось, что в ближайшие 5 лет сельское хозяйство не получит материальных средств, в достаточных объёмах [5, л. 9]. Следовательно, процесс восстановления аграрного сектора должен идти на основе интенсификации труда в индивидуальных хозяйствах. Это было продолжение ставки на трудолюбие и предприимчивость крестьянина.

Наиболее популярными формами устройства хозяйственной деятельности на земле оставались во второй половине 1920-х годов хутора и отруба. Число их неуклонно росло. Данный процесс наблюдался не только в отдельных районах или округах, но и в целом по республике. Так, в 1924 г. в Витебском округе вышедшим на хутора принадлежало 30% всех землеустроенных земель. В 1926 году это число составило уже 80%. Выросло и общее число таких хозяйств во всей республике. Например, в 1925/26 г. на хутора переселилось 24700 крестьянских семей. В 1927/28 г. переселившихся было уже 47370. Это были официальные данные. Однако в действительности таковых хозяйств было больше.

В официальных данных не были учтены так называемые «скрытые» хутора в виде небольших посёлков. В разных округах число дворов в таких посёлках было различным. В Полоцком и Оршанском их число равнялось 6–7 хозяйствам, в Слуцком и Мозырском 10–15. К сожалению, общее количество таких поселений в пределах Беларуси учтено не было, что не позволяет назвать точную цифру всех хуторских и отрубных хозяйств, созданных к 1927 г.

Разумеется, государство не должно было замыкаться лишь на хуторской системе землепользования. Но коль оно провозгласило в Земельном кодексе право крестьянина на выбор форм хозяйствования, то и помощь должна была оказываться всем.

Более рациональной в 1925–1927 гг. была политика в области сельскохозяйственного налога, его распределения среди различных групп крестьян. При исчислении сохранялся прогрессивный характер налога, льготы для беднейших крестьян. В то же время бедняк не освобождался полностью от его уплаты. Такой подход исключал формирование иждивенческих настроений. В данном случае был учтён опыт первой половины 1920-х гг., когда полное освобождение части беднейшего крестьянства от уплаты налога не способствовало повышению эффективности производства.

В течение 1925–1927 гг. шёл процесс совершенствования налогообложения. Партийные и государственные органы принимали меры к более качественной организации взимания налога, снижению его суммы для всех категорий крестьянства. Наиболее существенные изменения произошли в 1926 г. В предыдущем году налог оказался непосильным для земледельцев. Государственные органы после повторных расчётов признали факт завышения налоговых выплат и пошли на значительное снижение. К уровню 1925 г. они были уменьшены на 59,4% для бедняцких хозяйств, на 74% для середняцких и 66,2% для зажиточных крестьян [6, с. 650]. Таким образом, снижение затронуло все категории земледельцев.

В 1925–1927 гг. за крестьянами сохранялось право на применение наёмного труда и аренду земли. Из года в год число хозяйств, пользовавшихся этими возможностями, возрастало. В 1925 г. 4,3% всех земледельческих дворов применяли наёмный труд и 6,3% прибегали к аренде земли. В 1926 г. эти показатели равнялись соответственно 4,4 и 7,6%. Цифры эти, вероятно, не отражали истинного положения дел, ибо фиксировали договоры аренды и найма, официально утверждённые соответствующими земельными органами. Помимо этого существовали ещё устные сделки, которые не регистрировались государственными учреждениями.

Наём рабочей силы использовали различные категории крестьянства. Отличало их назначение применяемого труда. Малополевые хозяйства прибегали к найму в осеннее-весеннюю пахоту и сенокос. В среде среднеполевых наёмный труд был распространён в сенокос и уборку зерновых. В незначительных масштабах он использовался в пахоту. Состоятельные крестьяне использовали наёмную рабочую силу главным

образом при уборке урожая. Применение дополнительного труда позволяло среднеполевым и зажиточным крестьянам избежать потерь при уборке, а малополевым обработать свой участок. Таким образом, наёмный труд был выгоден всем категориям земледельцев.

Наряду с этим в деревне оставалось немало проблем. Велик был процент неземлеустроенных хозяйств. Малоземелье и излишки рабочей силы требовали своего разрешения. Недостаток инвентаря не позволял качественно обрабатывать землю. И всё же положительные тенденции доминировали. В этой ситуации логичным было бы продолжение осуществляемой политики с учётом накопленного опыта первых лет нэпа и корректировки в сторону решения существовавших проблем. События же стали развиваться в ином направлении.

В конце 1927 г. появились первые признаки изменения политики в аграрном секторе: прекращение кредитования состоятельных крестьян, ограничение выхода на хутора и отруба, сдерживание аренды и наёмного труда. На высоких партийных собраниях зазвучали речи о том, что социалистические идеалы важнее существующих законов. Выступая на XI съезде КП(б)Б с докладом «О работе в деревне», член ЦК И.П. Рыжов остановился на проблеме хуторов и отрубов. Он подчеркнул, что существующий Земельный кодекс с его правом свободы выбора форм землепользования позволял части партийных работников отстаивать хутора и отруба.

Далее И.П. Рыжов заявил, что в изменившихся условиях партия и её члены не должны обращать внимание на законодательные акты, если они препятствуют социалистическому строительству. Это был призыв в решении любого вопроса аграрной политики на первое место ставить не закон, а идеологию. Данное высказывание не имело бы большого значения, если бы было сделано на рядовом партийном собрании, но это прозвучало с трибуны партийного съезда.

Две причины делали реальным крутое изменение курса в деревне. Сокращение поставок хлеба на городской и деревенский рынок, что явилось следствием допущенных в аграрной политике ошибок, но не свидетельствовало о кризисе индивидуального крестьянского хозяйства. Вторая причина состояла в том, что левая оппозиция была разгромлена, и принятие какой-то части её платформы не грозило возвратом к власти политических соперников.

Недостаток хлеба на рынке вовсе не означал, что его не было у крестьян. Земледельца не устраивали цены, по которым государство покупало у них зерно. Средняк, который стал основным поставщиком хлеба, предпочёл лучше питаться сам, чем отдавать по низким ценам хлеб государству. Это вовсе не означало, что кулак вот-вот начнёт шантажировать Советскую власть. Не означало это и того, что за выросшими аппетитами середняков скрываются какие-то политические мотивы. Ведь грозившая городу острая нехватка продовольствия давала возможность утверждать обратное. Подготовленное таким образом общественное мнение облегчало задачу изменения политики в аграрном секторе.

В конце 1927 года ЦК ВКП(б) разослал директивы партийным работникам с требованием энергичных мер в области хлебозаготовок. Вероятно, эти директивы не возымели должного действия, ибо в январе 1928 г. из Москвы уже грозили партийным руководителям партийными взысканиями, если они не добьются решительного перелома в деле хлебозаготовок. Речь шла о более решительном нажиме на состоятельного крестьянина, который располагал хлебом. Многие работники на местах не могли резко переключиться на новый курс, против которого они недавно боролись с оппозицией. Всё же ЦК ВКП(б) был настроен решительно. В феврале была проведена чистка местных партийных органов. Те, кто медлил в проведении новой линии, получили взыскания.

Чрезвычайные меры против крестьян ещё не были свидетельством крутого поворота генеральной линии партии в деревне. В сложившейся ситуации они были подчинены одному – взять хлеб в деревне, так как угроза голода в городах создавала угрозу масштабных выступлений, способных свергнуть действующую власть. Но именно они стали началом нового курса. На XV съезде ВКП(б) И.В. Сталин и В.М. Молотов говорили о коренном изменении отношений к зажиточному крестьянству. Правда, в резолюции съезда подчёркивалось, что крестьян не будут силой загонять в колхоз, а единоличные хозяйства будут сохраняться длительное время [7].

Только уже следующая часть данного постановления заставляла сомневаться в постепенном становлении колхозов и сохранении индивидуального хозяйства. В ней говорилось о необходимости «...всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (посёлки, выселки и т.п), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов». Подвести каждое хуторское хозяйство под «рост кулацких элементов» было несложно.

Деятельность компартии Беларуси, государственных органов после этого съезда была подчинена форсированию темпов коллективизации сельского хозяйства. Этапным в определении окончательного курса КП(б)Б на коллективное производство в деревне явился февральский Пленум 1928 года. В его резолюции ставилась задача принять самые энергичные меры к созданию колхозов на надельной крестьянской земле. Наконец, впервые в истории БССР объявлялась «...специальная кампания за переход бедняцко-средняцкого крестьянства к коллективной форме землепользования» [8, л. 43].

Свобода выбора форм землепользования продолжала существовать юридически, но потеряла своё практическое значение. Кампания по созданию колхозов в 1928 г. не стала масштабной. Но решения всех последующих после февраля 1928 г. пленумов ЦК КП(б)Б были подчинены одному – приданию процессу создания

коллективного производства, или, как его называли, социалистической реконструкции сельского хозяйства, необратимого характера. Новый импульс эта кампания получила в 1929 г. и привела к всеобщей насильственной коллективизации крестьянских хозяйств республики.

Заключение. Таким образом, партийные и государственные деятели Беларуси вынуждены были проводить в 1921–1927 гг. политику, направленную на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Отдельные элементы проводимой аграрной политики (налоги, кредит, свобода выбора форм землепользования), даже при их несовершенстве, позволяли крестьянам развивать единоличное хозяйство. Вопреки утверждениям тогдашних государственных и партийных лидеров, крестьянский двор не исчерпал своих возможностей. Он сохранял потенциальные силы к дальнейшему развитию. Тем не менее политика, направленная на развитие единоличного крестьянского хозяйства как основы аграрного сектора, прекратила своё существование в 1928 году.

Партия и государство стремились поставить сельскохозяйственное производство под свой контроль, ибо остро нуждались в получении из деревни максимума продовольствия и сырья. Внедрить плановое производство в условия господства индивидуального земледельческого хозяйства было невозможно. У государства не было необходимых сил и средств, чтобы подчинить себе каждого сельского производителя. При коллективном производстве планировать хозяйственную деятельность было гораздо проще. В колхозах выдвинулась новая модель подразвёрстки.

Политика, ориентированная на единоличное хозяйство, вела к формированию слоя мелких собственников. Это был естественный процесс. Однако это не устраивало ни партийные, ни государственные органы. Уроки хлебозаготовок 1927/28 гг. показали: если индивидуальные хозяйства окончательно сформируются и укрепятся как производители, то станут неуправляемы для рождающейся командно-административной системы. Парадокс состоял в том, что рождённый предыдущей политикой партии относительно свободный крестьянин стал уничтожаться той же партией.

Литература

1. Стенографический отчёт X съезда РКП(б). – Москва, 1963. – С. 608.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 92.
3. НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 862.
4. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 2. Д. 50.
5. НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 517.
6. Попельшко, Л. Денежный баланс крестьянского хозяйства / Л. Попельшко // Совет. строительство. – 1927. – № 11. – С. 650.
7. Стенографический отчёт XV съезда РКП(б). – М., 1962. – Т. 2. – С. 1459.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 20. Д. 49.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Развитие ракетного оружия в СССР (1945–1962 гг.)

Марданов А.В.

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», Гомель

Развитие военных технологий в ракетной области в Советском Союзе в 1945–1962 гг. обеспечило безопасность СССР в условиях резкого обострения отношений с США в годы холодной войны.

Цель статьи – определить основные направления создания и развития ракетно-ядерного оружия СССР, учитывая совокупность объективных и субъективных факторов, повлиявших на специфику данного процесса.

Материал и методы. Материалом является анализ и обобщение развития военных технологий в ракетной области СССР. Источники исследования представлены решениями и постановлениями КПСС и Совета Министров СССР, официальными документами в исследуемой области. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция).

Результаты и их обсуждение. Освещается ядерная стратегия США в отношении СССР, вынужденной втянуться в гонку ракетно-ядерных вооружений. Проводится анализ проблемы создания советского ядерного оружия и средств его доставки с точки зрения автора. Показаны основные направления развития советской ракетной техники в первые послевоенные десятилетия XX в.

Заключение. Создание ракетно-ядерной триады в СССР сорвало планы США и их союзников по НАТО по уничтожению и расчленению СССР, обеспечив безопасность страны на многие десятилетия.

Ключевые слова: ядерная мощь, «атомная дипломатия», ракетно-ядерное оружие, ядерная триада, ракетные технологии, средства доставки, военные доктрины, военный потенциал.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 82–87)

Development of Missile Weapons in USSR (1945–1962)

Mardanov A.V.

Education Establishment "Belarusian State University of Transport", Gomel

Development of military technologies in the missile field in the Soviet Union in 1945–1962 ensured the security of the USSR in the face of a sharp aggravation of relations with the United States during the Cold War.

The purpose of the article is to identify the main directions for the creation and development of nuclear missile weapons in the USSR, taking into account the totality of objective and subjective factors that determined the specifics of this process.

Materials and methods. The material of the study was the analysis and generalization of the development of military technologies in the missile field in the USSR. The sources of the study were the decisions and resolutions of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, official documents in the field under study. The main principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction) were used.

Findings and their discussion. The article highlights the US nuclear strategy towards the USSR, which was forced to get involved in the nuclear-missile arms race. The author analyzes the problem of creating Soviet nuclear weapons and their means of delivery from the point of view of the author. The main directions of the development of Soviet missile technology in the first post-war decades of the 20th century are shown.

Conclusion. The creation of a nuclear-missile triad in the USSR thwarted the plans of the United States and its NATO allies to destroy and dismember the USSR, by ensuring the country's security for many decades.

Key words: nuclear power, "atomic diplomacy", nuclear missile weapons, nuclear triad, missile technologies, delivery vehicles, military doctrines, military potential.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 82–87)

Окончание Второй мировой войны, завершившейся капитуляцией Японии, 2 сентября 1945 г. не означало установления раз и навсегда прочного мира, это было связано с тем, что на смену союза СССР, США и Великобритании в борьбе с фашизмом пришла эпоха холодной войны, которая при определенных условиях могла вновь перерасти в третью мировую войну.

США, извлекая максимальные выгоды из Второй мировой войны, превратившись в супердержаву, вынашивали планы разгрома противостоящего им нового лагеря – лагеря социализма во главе с СССР. Обладание ядерным оружием, первое испытание которого Соединенные Штаты произвели 16 июля 1945 г. в районе Аламогордо (Штат Нью Мексико), породило у американской политической элиты стремление диктовать свою волю всему миру, используя «ядерный шантаж». В истории дипломатии такая позиция во внешней политике получила название «атомной дипломатии», но по мнению ряда американских ученых, в США недооценили возможности СССР в области науки и техники [1, с. 13–32].

Советское руководство хорошо осознавало исходящие со стороны США угрозы, тем более что Соединенные Штаты во внешней политике постоянно демонстрировали стремление к мировой гегемонии, развязывая локальные военные конфликты и усиливая военное противостояние за пределами своей территории.

Примером может служить война в Корее 1950–1953 гг., когда президент Д. Эйзенхауэр угрожал применить атомное оружие на корейском фронте, а также против промышленных центров Маньчжурии, если Китайская сторона будет усиливать свое активное участие в конфликте [2, с. 9–10].

Цель статьи – определить основные направления создания и развития ракетно-ядерного оружия СССР, учитывая совокупность объективных и субъективных факторов, определивших специфику данного процесса.

Материал и методы. Материалом исследования является анализ и обобщение развития военных технологий в ракетной области СССР. Источники работы представлены решениями и постановлениями КПСС и Совета Министров СССР, официальными документами в исследуемой области. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция).

Результаты и их обсуждение. Известный американский политик Г. Киссинджер, долгие годы возглавлявший госдепартамент США, в своей книге «Ядерное оружие и внешняя политика» признает, что США «никогда не удавалось превратить... военное преимущество в политическое преимущество» [3]. Автор с сожалением замечает, что утрата американцами атомной монополии обеспечила СССР стратегическое равновесие с США [3, с. 52–55]. Успешные испытания

ядерного оружия в СССР в 1949 г. и развитие средств доставки ядерных боеприпасов советской стратегической авиацией и ракетной техникой не привели американскую политическую элиту к столу переговоров о взаимной безопасности и сокращению вооружений. Напротив, США форсировали гонку ядерных вооружений, стремясь добиться военного преимущества путем создания большого количества бомбардировщиков стратегической авиации. До середины 50-х гг. XX в. именно стратегическая авиация США являлась главной угрозой безопасности СССР, так как обе стороны еще не обладали межконтинентальными баллистическими ракетами (далее – МБР).

В середине 50-х гг. XX в. Соединенные Штаты располагали почти 2000 стратегическими бомбардировщиками: 386 типа В-36; более 1000 – В-47 и 600 В-52. Это суммарно превосходило стратегическую авиацию СССР в 15–17 раз [4, с. 55].

Создание термоядерного оружия и МБР как его носителей привело военных и политических деятелей США к новой концепции стратегического противостояния с СССР. Эта концепция конца 50-х гг. XX в. заключалась в возможности введения «ограниченной ядерной войны» с применением тактического ядерного оружия. Правящие круги США при этом исходили из понимания невозможности применения стратегических ядерных сил, что грозило бы взаимным уничтожением как двух супердержав, так и их союзников. По мнению известного американского политика Г. Моргентау, сверхразрушительные свойства ядерного оружия «делают такую рационализацию ядерной войны, как бы не старались безнадежным предприятием» [2, с. 12].

Советское руководство отдавало себе отчет о реальности угрозы применения ядерного оружия со стороны США. На первом этапе военно-стратегического противостояния – с 1945 г. до середины 50-х гг. XX в. приоритет отдавался развитию средств противовоздушной обороны (далее – ПВО) в виду отсутствия у обеих сторон МБР. Их основными задачами являлись:

- контроль воздушного пространства и обнаружение воздушного нападения;
- обеспечение отражения воздушного нападения зенитно-ракетными войсками;
- уничтожение в воздухе летательных аппаратов противника истребительной авиации ПВО.

Составными частями войск ПВО в 40–60 гг. XX в. являлись радиотехнические, зенитно-ракетные войска и истребительная авиация ПВО.

Вторая половина 40-х гг. XX в. характеризовалась бурным развитием военной и гражданской реактивной авиации. Резко возросшие скоростные и высотные характеристики стратегической бомбардировочной авиации вероятного противника потребовали от руководства СССР ускорить разработку средств поражения этих высотных и маневренных целей. Первые советские зенитные ракеты Р-101 и Р-102, летные испытания которых были начаты в 1948 г.,

являлись аналогами немецких ракет «Вассерфаль», и ракеты Р-110 – аналог неуправляемой ракеты «Тайфун» [5, с. 83].

Политбюро ЦК КПСС весной 1949 г. приняло решение о начале работ по созданию зенитно-ракетной системы ПВО Москвы. Главным требованием, предъявляемым к создаваемой системе, было обеспечение возможности отражением налета, в котором принимало бы участие до 1000 бомбардировщиков. 9 августа 1950 г. было создано Третье главное управление при Совете министров СССР, курирующее работы по созданию системы ПВО. Контроль за ходом работ на уровне Политбюро осуществлял Специальный комитет во главе с Л.П. Берией [6, с. 5].

Разработчиками проекта зональной системы ПВО под кодовым названием «Беркут» являлась группа П.Д. Грушина в конструкторском бюро (далее – КБ) С.А. Лавочкина и отделы А.А. Расплетина, Г.В. Кисунько и А.Л. Минца в КБ-1, которые разрабатывали радиолокационные системы дальнего обнаружения. В борьбе с воздушными целями в системе «Беркут» использовались одноступенчатые жидкостные зенитные управляемые ракеты (далее – ЗУР) В-300, наводимые на цели многоканальными по цели и ракете радиолокационными системам (далее – РЛС) наведения Б-200 [7, с. 348].

Первое успешное испытание зенитного комплекса по реальной цели состоялось 25 мая 1953 г. на полигоне «Капустин Яр». Ракетой Б-300 был сбит беспилотный бомбардировщик-мишень ТУ-4. С успешным испытанием было связано принятие решения о начале строительства зенитно-ракетной системы зональной ПВО Москвы и Московского промышленного района [8, с. 267–268].

Развертывание зенитных ракетных комплексов (далее – ЗРК) в системе ПВО Москвы началось осенью 1953 г. Эта система была переименована в С-25.

Система С-25 была принята на вооружение 7 мая 1955 г., а на постоянное боевое дежурство она вступила в июне 1956 г. и состояла на вооружении, с учетом модернизации, до 1987 г. [9, с. 4].

В системе ПВО страны особую роль сыграл мобильный ЗРК под обозначением С-75 «Двина», решение о создании которого было принято в 1954 г. Модификации этого комплекса СА-75 «Десна» и С-75М «Волхов» принятые на вооружение соответственно в 1957, 1959 и 1961 гг., оставались самыми массовыми ЗРК войск ПВО СССР. Комплекс обеспечивал перехват самолетов на предельно больших высотах до 30000 м, однако не обеспечивал борьбу с низколетящими целями. С этой задачей справился ЗРК С-125 «Нева», перехватывая цели с 300 м. Модернизированный в 1964 г. ЗРК под обозначением С-125М «Печора» имел зону поражения до 50 м, а его модификации позволяли перехватывать цели в диапазонах от 20 до 18000 м [10, с. 194].

Комплексы большой дальности С-500 и С-200, начало работ над которыми – это конец 50-х гг. XX в.,

были приняты на вооружение в середине 60-х гг., что выходит за рамки нашего исследования.

Создание и испытание в СССР 28 августа 1949 г. первой атомной бомбы РДС-1 означало конец монополии США на ядерное оружие. Однако значительной проблемой была разработка ракетного носителя советских атомных боезарядов. Американцы, используя опыт немецких разработчиков ракетных технологий во главе с Вернером фон Брауном, смогли на рубеже 40–50-х гг. XX в. значительно вырваться вперед в создании ракетной техники. В этих условиях советское руководство концентрирует усилие на преодолении отставания от вероятного противника. Захваченные американцами в конце войны Вернер – фон Браун и его сотрудники общим числом 492 человека и несколько тонн технической документации по ракетной тематике были отправлены в США. В этих условиях на территории советской зоны оккупации Германии был создан институт «Нордхаузен», начальником которого стал генерал Л.М. Гайдуков. В свою очередь на заводе «Монтанья» предусматривалось восстановить технологии ракетного производства.

В мае 1946 г. появилось и правительственное постановление о развертывании работ по ракетной технике. Ответственность за разработку баллистических и зенитных управляемых ракет Постановлением ЦК ВКПБ(б) и Совета Министров СССР № 1017-419сс от 13 мая 1946 г. возлагалось на Министерство вооружений, которым руководил Д.Ф. Устинов. Специальный комитет по реактивной технике при Совете Министров СССР во главе с Г.М. Маленковым был создан для координации деятельности научно-исследовательской и производственных организаций [11, с. 216–224].

Первая советская баллистическая ракета получила индекс Р-1. Она была испытана в 1948 г., а в ноябре 1950 г. данный комплекс был принят на вооружение. В разработке ракеты Р-1 принимали участие организации, возглавляемые С.П. Королевым (ракета, комплекс), В.П. Глушко (двигатель), Н.А. Пилюгиным (система управления), В.П. Барминым (наземное, стартовое и заправочное и другое оборудование), В.И. Кузнецовым (командные приборы) [12, с. 17].

Для первой советской баллистической ракеты Р-1 по отечественной технологии в ОКБ-456 и на заводе № 456 были разработаны первые экземпляры двигателя РД-100. Параллельно создавался двигатель Р-101 для ракет Р-2 с дальностью 600 км. После успешных летных испытаний этой ракеты в 1951 г. она была принята на вооружение [13, с. 9].

Возможности СССР в создании ракетно-ядерного оружия в конце 40-х – начале 50-х гг. были весьма ограниченными в силу ряда имевших в то время причин объективного и субъективного характера. Подробнее остановимся, на наш взгляд, на наиболее важных из них. Опыт Великой Отечественной войны ряд советских маршалов, генералов и генералиссимус И.В. Сталин трактовали в ряде случаев неверно. Они не в полной мере понимали растущее значение

ракетной реактивной техники в возможной в будущем войне, исходя из приоритета роли танковых соединений, артиллерии и авиации на поле боя. Советские специалисты, привлекаемые к созданию ракетной техники и технологий, не имели достаточного опыта в этих областях, тем более часть из них в свое время были репрессированы. В некоторых ведущих инженерно-технических вузах страны только начали создаваться профильные кафедры и факультеты в области ракетостроения. Относительно низкий технологический уровень в ряде ключевых отраслей экономики по сравнению на то время с США сдерживал развитие ракетных технологий. Серьезной проблемой являлось крайне ограниченное в СССР количество ядерного расщепляющегося материала для оснащения боевой части ядерных ракет. На рубеже 40–50-х гг. с большими трудностями решалась задача компактного ядерного боеприпаса, имелись серьезные проблемы в процессе производства ракетного топлива, которого явно не хватало для заправки планируемого числа носителей ядерного оружия.

С приходом к власти нового советского руководства во главе с Н.С. Хрущевым ситуация с развитием ракетостроения поменялась в лучшую сторону. Ракетно-ядерное оружие было признано главным сдерживающим фактором в противостоянии двух супердержав США и СССР. Поэтому руководство страны придавало его развитию и совершенствованию приоритетное значение.

Первой советской баллистической ракетой, которая преодолевала расстояние свыше 1000 км (1200 км), стала ракета Р-5 с двигателем РД-103 разработки ОКБ-456 (с тягой 500 кН), с отделяющейся головной частью. Успешный пуск ракеты Р-5 состоялся 19 апреля 1953 г. Ее модернизация под индексом Р-5М с ядерным зарядом была испытана 2 февраля 1956 г. Ракетный комплекс Р-5М стал первым в серии наземных баллистических ракет стратегическим, так как дальность пуска 1200 км позволяла ракете достигать стратегические цели на территории Европы [7, с. 160].

Однако ракеты средней дальности не являлись средством поражения главного вероятного противника СССР – США, поэтому в октябре 1953 г., после испытания первого советского термоядерного устройства 20 мая 1954 г. было принято постановление о разработке двухступенчатой баллистической ракеты, получившее обозначение Р-7 с индексом 8К71. Ракета Р-7, испытанная 4 октября 1957 г. (первый советский спутник), стала первой отечественной МБР. На вооружение она поступила в 1960 г. в модификации Р-7А. Ракетный комплекс и сама ракета были созданы в ОКБ-1 под руководством С.П. Королева.

Ведущие конструкторы МБР – В.П. Глушко и С.П. Королев в 1958 г. были удостоены Ленинской премии и избраны академиками АН СССР.

Параллельно над созданием ракеты Р-7 шла работа по созданию более перспективной ракеты Р-16 в двухступенчатом исполнении. Решение о создании

данной ракеты было принято Советом Министров СССР в декабре 1956 г., а летные испытания запланированы на июнь 1961 г. Р-16 имела возможность до 30 суток находиться в полной боевой готовности с полными баками жидкого топлива. Удачная конструкция ракеты, более дешевая в изготовлении, чем Р-7А обеспечили ее постановку на боевое дежурство уже в 1961 г. Ракета Р-16 стала основой Ракетных войск стратегического назначения СССР и самой массовой МБР в 60-х гг. XX в. [14, с. 38–40].

Ракетные комплексы стратегического назначения средней дальности разрабатывались в Советском Союзе с середины 50-х гг. Наиболее массовыми и удачными из них стали ракеты типа Р-12 и Р-14. Ракета Р-12, обладавшая дальностью в 2000 км, оснащалась мощным термоядерным зарядом в 2,3 Мт.

После испытаний, проходивших с июня 1957 г. по декабрь 1958 г., комплекс с ракетой Р-12 был принят на вооружение в марте 1959 г. Первые пять полков с ракетными комплексами Р-12 наземного базирования заступили на боевое дежурство в мае 1960 г., первый полк с комплексом шахтного типа – в январе 1963 г. [7, с. 165].

Совершенствование ракет средней дальности стратегического назначения воплотилось в создании ракетного комплекса Р-14. Задание на его производство было принято в июле 1958 г. и предусматривало вдвое большую дальность, чем у ракеты Р-12, т.е. 4000 км вместо 2000 км. ОКБ-586 М.К. Янгеля явилось головным разработчиком данного типа ракеты. Ракета Р-14, по существу, была демонстрацией максимальных возможностей одноступенчатой схемы баллистической ракеты. Круговое вероятное отклонение (далее – КВО) от цели данного комплекса было таким же, как у ракеты Р-12, несмотря на большую дальность поражения цели. В апреле 1961 г. ракета Р-14 была принята на вооружение. Ракеты Р-12 и Р-14 в количестве 40 единиц, размещенные на Кубе в 1962 г., обеспечили советскому руководству возможность отстоять суверенитет Острова Свободы и в конце концов найти приемлемое разрешение Карибского кризиса с учетом взаимных интересов СССР и США [7, с. 167].

Составной частью ядерной триады РСН СССР на рубеже 50–60-х гг. XX в. стало создание ракетно-ядерного подводного флота, входившего в состав военно-морского флота (далее – ВМФ) СССР. Первой в истории подводной лодкой с ядерным оружием на борту стала американская субмарина «Наутилус», спущенная на воду в январе 1954 г. Ответ СССР не заставил себя долго ждать и советские разработки по размещению ядерного оружия на подводных лодках начались в середине 50-х гг. XX в. Первое поколение советских кораблей, как впрочем и американских, оснащались тактическим ядерным оружием, предназначенным для применения в военно-морских операциях. Совершенствование ядерных зарядов к середине 50-х гг. позволило значительно снизить их вес и габариты, что обеспечивало его размещение на подводных лодках. При этом у конструкторов

морского-ядерного вооружения возникла проблема – какой тип носителя ядерного боезаряда предпочтительней использовать: торпеду, крылатую или баллистическую ракету [15, с. 22].

Развитие ракетной техники подтолкнуло конструкторов и военных к выбору в пользу баллистических ракет, размещаемых на подводных лодках. В январе 1954 г. вышло Постановление Совета Министров СССР № 136-75 «О проведении проектно-экспериментальных работ по вооружению подводных лодок ракетами дальнего действия и разработке на базе этих работ технического проекта большой подводной лодки с реактивным вооружением». Главным конструктором подводной лодки был назначен Н.Н. Исанин, а главным конструктором ракеты – С.П. Королев.

Первая ракета для подводных лодок была сделана на базе армейской ракеты Р-11 (8А61), принятой на вооружение в июле 1955 года. Ее морской вариант Р-11ФМ (8А61ФМ) был предназначен для размещения на подводных лодках проекта 611-АВ. В феврале 1959 г. ракетный комплекс Д-1 с морской баллистической ракетой Р-11ФМ был принят на вооружение. Эта ракета являлась первой в мире стратегической корабельной ракетой, способной нанести ядерный удар по большинству городов и объектов стран НАТО. Мощность ядерного заряда «РДС-4» составлял 10 кт.

К 1960 г. в составе советского ВМФ находилось более 10 подводных лодок проектов 611-АВ и 629, вооруженных баллистическими ракетами Р-11ФМ. Следует отметить тот факт, что в 1960 г. в СССР на боевом дежурстве не было ни одной МБР сухопутного базирования. Первой баллистической ракетой, специально предназначенной для размещения на дизельных и первых атомных подводных лодках, стала ракета Р-13 комплекса Д-2, принятой на вооружение в октябре 1961 г. Дизельные подводные лодки проектов 629Б и первая атомная подводная лодка К-19 (далее – АПЛ) имели на вооружении 3 ракеты шахтного базирования. Ракета Р-13 имела максимальную дальность 2050 км, а наивысшую точку траектории полета – 145 км [16, с. 506–510].

Первым ракетным комплексом подводного старта стал комплекс Д-4 с ракетой Р-21, носитель которого подводная лодка К-142 проекта 620-Б была введена в боевой состав ВМФ СССР в декабре 1962 г. В двух-носовых шахтах подводных лодок этого типа размещались жидкостные ракеты Р-21, а третья была предусмотрена для установки ракетного комплекса Д-6 с твердотопливной ракетой. Старт ракеты производился с глубины 30–50 м при волнении моря до 5 баллов. Успешно испытанный комплекс Д-4 с ракетой Р21 был принят на вооружение в мае 1963 г. [16, с. 514].

Новое поколение подводных ракетносцев, принятых на вооружение в конце 60-х. – в начале 70-х гг. XX в., имели на вооружении баллистические ракеты межконтинентальной дальности.

Советская стратегическая авиация, являясь составной частью ядерной триады СССР, в силу ряда причин

на рубеже 40–50-х гг. XX в. значительно отставала в техническом и количественном планах от США и даже от Великобритании. В годы Второй мировой войны единственным типом советского стратегического бомбардировщика являлся Пе-8. Несколько десятков этих самолетов (от 32 до 93) не использовались для решения стратегических задач [17, с. 61].

С окончанием Второй мировой войны США из союзника СССР превратился в его потенциального противника. Послевоенные президенты США – Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, правившие с 1945 по 1961 г. активно наращивали ядерный потенциал прежде всего стратегической авиации. Ведь до конца 50-х гг. XX в. МБР не располагали ни США, ни СССР.

США на рубеже 50–60-х гг. XX в. располагали армадой стратегических бомбардировщиков различных типов, превышающих 2000 боевых единиц. В этом отношении они более чем десятикратно превосходили число «стратегов» бывших у СССР. Главная опасность со стороны стратегической авиации США обуславливалось наличием многих десятков американских авиабаз, расположенных по периметру Советского Союза. Данное позволяло американской авиации иметь незначительное подлетное время для нанесения ракетно-бомбового удара по крупнейшим экономическим и военным центрам Советского Союза.

Первый опыт в создании современной отечественной авиации стратегического назначения был связан с копированием американского самолета В-29, получившего в советском варианте Ту-4. В мае 1947 г. Ту-4 был принят на вооружение и отличался от своего прототипа наличием советского двигателя и более мощного стрелково-пушечного вооружения. Часть бомбардировщиков Ту-4 была переоборудована в носители ядерного оружия Ту-4А. С 1947 по 1952 г. было построено 847 таких самолетов [18, с. 62].

Технические требования, разработанные Военно-воздушными силами (далее – ВВС) в конце 40-х гг. XX в., предполагали создание самолета с дальностью 10000 км и максимальной скоростью 850 км/ч. При этом одним из требований стало оснащение бомбардировщика турбореактивными двигателями. Конструкторское бюро (далее – КБ) А.Н. Туполева изучило возможности имевшихся в то время в СССР, а также проектируемых турбореактивных двигателей и сделало вывод о том, что их технические характеристики не позволяют создать самолет с необходимой дальностью полета. В то же время стало ясно, что подобным требованиям удовлетворяют турбовинтовые двигатели, разработка которых и была начата в КБ Туполева в это же году. Конкурент А.Н. Туполева по авиастроению В.М. Мясищев смог убедить правительство в возможности создания турбореактивного бомбардировщика с дальностью полета 12000 км. В марте 1951 г. для производства работ по этому самолету было создано ОКБ-23, которое возглавил В.М. Мясищев. Несколько позже в июле 1951 г. было принято и решение о начале опытно-конструкторской разработке самолета «95»,

предложенного А.Н. Туполевым турбовинтового межконтинентального бомбардировщика. Бомбардировщик М-4, созданный в КБ В.М. Мясищева, совершил первый полет в январе 1953 г. и был принят на вооружение, а с 1954 г. стал поступать в части дальней авиации. Более удачным самолетом оказался бомбардировщик «95/2», оснащенный штатными двигателями НК-12. В 1956 г. под обозначением Ту-95 начал поступать в войска [7, с. 294].

В 1956 г. КБ В.М. Мясищева закончило работы по созданию бомбардировщика ЗМ, который представлял собой развитие схемы М4 и был оснащен более мощным и экономичным двигателем. Серийное производство этого типа самолетов было начато в конце 1956 года. Бомбардировщики ЗМ и Ту-95 стали первыми межконтинентальными средствами доставки, которыми обладал Советский Союз. К концу 50-х гг. XX в. в составе дальней авиации имелось около 60 самолетов ЗМ и около 60 самолетов Ту-95, которые были способны доставить ядерные боеприпасы на территорию США. Бомбардировщики размещались на аэродромах в глубине на территории СССР и несли постоянное боевое дежурство [17, с. 23].

Параллельно с созданием бомбардировщиков с межконтинентальной дальностью полета во второй половине 40-х гг. XX в. была начата разработка стратегического бомбардировщика средней дальности. В начале 1954 г. под обозначением Ту-16 он стал поступать в строевые части [7, с. 295].

Сверхзвуковой бомбардировщик средней дальности получил обозначение Ту-22 и в 1962 г. был принят на вооружение [18, с. 10–15].

С самого начала создания стратегической авиации в первой половине 50-х гг. возникла потребность в оснащении бомбардировщиков крылатыми ракетами, которые позволяли самолетам Дальней авиации не заходить в зону ПВО противника и избегать атак истребителей перехватчиков. Первой разработанной ракетой воздушного базирования стала КС-1, созданная в КБ А.И. Микояна. Этими противокорабельными ракетами оснащались Ту-4 и Ту-16КС, находившиеся в составе авиации ВМФ. С 1960 г. Ту-16К-11-16 имел на вооружении ракеты типа К-10С, КСР-2, К-11. Для бомбардировщиков стратегической авиации в середине 50-х гг. была разработана сверхзвуковая крылатая ракета Х-20 с дальностью 350–400 км. В 1959 г. Ту-95К с этим типом ракеты начал поступать в войска. Ракета Х-20 оказалась в силу своих габаритов непригодной для использования на бомбардировщиках ЗМ [7, с. 296].

Заключение. Развитие и совершенствование ракетно-ядерного оружия СССР в рассматриваемый период, темпы его наращивания и приоритетное внимание со стороны руководства страны были в первую очередь обусловлены сложной геополитической ситуацией конца 40-х – начала 60-х гг. XX в. Она характеризовалась нарастающей угрозой со стороны США

и их союзников по блоку НАТО, ведущими форсированную гонку всех видов вооружений и прежде всего ядерного. Поэтому создание на рубеже 50–60-х гг. XX в. в СССР ядерной триады позволило обеспечить суверенитет и безопасность страны и не дать реализоваться планам США по разгрому СССР путем нанесения внезапного массированного ядерного удара.

Литература

1. Lieber, K. The Rise of U.S. Nuclear Primacy / K. Lieber, D. Press // J. Foreign Affairs. – 2006. – Vol. 85, № 2. – P. 42–55.
2. Игнатъев, Л.Н. Ядерное оружие и американская внешняя политика / Л.Н. Игнатъев // Вопросы истории. – 1971. – № 5. – С. 80–90.
3. Kissinger, H.A. Nuclear weapons and foreign policy / H.A. Kissinger. – New York: Hark Harper, 1957. – 455 p.
4. Буянов, Е.В. История ракетно-ядерной гонки США и СССР / Е.В. Буянов. – Москва: Родина, 2021. – 470 с.
5. Российское ракетное оружие, 1943–1993 гг.: справочник / ред.-сост. А.В. Карпенко. – СПб.: Пика, 1993. – 180 с.
6. Докучаев, А.П. Гордая тайна Алмаза / А.П. Докучаев // Красная звезда. – 1992. – 12 сент. – С. 5.
7. Подвиг, П.Л. Стратегическое ядерное вооружение России: сборник / П.Л. Подвиг, О.А. Бухарин; под ред. П.Л. Подвига. – Москва: ИзДАТ, 1998. – 492 с.; ил.
8. Кисулько, Г.В. Секретная зона: Исповедь генерального конструктора / Г.В. Кисулько. – Москва: Современник, 1996. – 510 с.
9. Гаравский, А.П. Легендарная С-25 / А.П. Гаравский // Красная звезда. – 1995. – 27 мая. – С. 4.
10. Новичков, Н.Н. Московский авиационно-космический салон / Н.Н. Новичков. – Москва: Афрус, ИПТК Логос, 1995. – 271 с.
11. Дела о развертывании работ по ракетной технике // ГА РФ. – Ф. 5446. Оп. 3. Д. 23. Л. 216–224.
12. Иванов, С.Н. Лекции по истории развития баллистических ракет и ракет-носителей. Ракетные комплексы РВСН: учеб. пособие / С.Н. Иванов. – МФТИ. – Долгопрудный, 1999. – 112 с.
13. Колесников, С.Г. Стратегическое ракетно-ядерное оружие / С.Г. Колесников. – Москва: Арсенал-Пресс, 1996. – 31 с.
14. Дела о ходе разработки изделия Р-7 // АП РФ. – Ф. 3. Оп. 47. Д. 207. Л. 38–40. Завер. копия. Заверена печатью «Управление Делами Совета Министров СССР. Протокольная часть».
15. Широкопад, А.Б. Энциклопедия отечественного ракетного оружия (1917–2002) / А.Б. Широкопад. – М.: АСТ, Минск: Харвест: Энциклопедия, 2003. – 544 с.
16. Ильин, В.Е. Бомбардировщики / В.Е. Ильин, М.А. Левин; под ред. В.Н. Рыбакова. – Москва: Виктория-АСТ, 1996. – 272 с.
17. Ригмант, Р. В-29, Ту-4 – стратегические близнецы – как это было / Р. Ригмант // Науч.-попул. журн. ВВС. Авиация и космонавтика. – 1996. – № 17. – С. 62.
18. Ригмант, Р. Ту-22: первый серийный сверхзвуковой дальний / Р. Ригмант, А. Маташук // Науч.-попул. журн. ВВС. Авиация и космонавтика. – 1993. – № 11. – С. 10–15.

Поступила в редакцию 12.05.2023

Учебно-воспитательная работа в церковных школах белорусских православных епархий на начальном этапе Первой мировой войны (1914–1915)

Попеленко Е.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Во второй половине 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны функционирование православных церковно-приходских школ (ЦПШ) белорусских губерний приобрело особый тип и характер.

Цель статьи – определить основные направления деятельности церковных школ Российской империи, раскрыть специфику формирования педагогического состава, оценить роль духовенства Православной церкви в учебно-воспитательной деятельности ЦПШ.

***Материал и методы.** Исследование подготовлено на основе содержащихся в Национальном историческом архиве епархиальных отчетов, а также неопубликованных сведений из «Епархиальных ведомостей» (Полоцких, Минских, Могилевских). В работе использованы историко-описательный, историко-системный и историко-сравнительный методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Анализ источников свидетельствует, что в начальный период Первой мировой войны (1914–1915) образовательные учреждения белорусских православных епархий продолжили осуществлять принятую ранее учебную программу в полном объеме. Однако условия военного времени внесли в ее деятельность ряд особенностей: нехватка из-за мобилизации педагогических кадров и восполнение персонала священнослужителями из местных приходов; корректировка учебных программ военного времени носила помимо обучающего характера, воспитательный; повсеместная организация мероприятий с целью поддержания патриотизма в обществе усиливало духовно-нравственный уровень населения.*

***Заключение.** Все вышеперечисленные обстоятельства положительно сказались на результатах учебно-воспитательной работы православного священства в духовных школах, но негативно повлияли на пастырскую деятельность в приходе в военное время.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Православная церковь, Святейший Синод, духовенство, церковно-приходская школа, патриотическое воспитание.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 88–92)

Academic and Education Work in Church Schools of Belarusian Orthodox Dioceses at the Initial Stage of the First World War (1914–1915)

Popelenko E.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In the late 1914 due to the beginning of World War I functioning of Orthodox church schools acquired a special kind and character.

The purpose of the article is to identify main directions of functioning Orthodox parish schools of the Russian empire, to reveal the specificity of shaping their teaching staff, to evaluate the role of Orthodox clergy in the academic and education activities of parish schools.

***Material and methods.** The study is based on diocese reports available at the National Historical Archive as well as on unpublished data from "Diocese News" (Polotsk, Minsk, Mogilev). The historical descriptive, the historical system and the historical comparative methods were used.*

Findings and their discussion. The source analysis demonstrates that at the initial stage of World War I (1914–1915) education establishments of Belarusian Orthodox dioceses continued working according to the previously existing curricula. However, in the War conditions some changes were made: shortage of teaching staff due to mobilization of teachers and employing clergymen from local parishes. The adaptation of the War time curricula was of educational character, not only academic; holding patriotic events strengthened the spiritual moral level of the population.

Conclusion. All the above mentioned resulted in positive changes in the academic and education work of Orthodox clergy in parish schools. However, the War time negatively influenced the clerical work in the parishes.

Key words: World War I, Orthodox Church, Holy Synod, clergy, parish school, patriotic education.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 88–92)

Все церковные школы Российской империи, организованные на основании Положения о церковных школах ведомства Православного Исповедания 1 апреля 1902 г., состояли под высшим управлением Св. Синода и в ближайшем ведении Училищного при Синоде Совета. В последние десятилетия перед Первой мировой войной церковные школы для обучения детей разделялись на церковно-приходские одноклассные, двухклассные и школы грамоты [1, с. 297].

В конце июля 1914 г. Св. Синод, «в виду получаемых запросов от начальств духовно-учебных заведений, признавая весьма нежелательным без особой нужды нарушать правильное течение учебной жизни, определил начать занятия во всех духовно-учебных заведениях в определенное уставами сих учебных заведений время, в местностях же, находящихся в районе военных действий, учебные занятия начинать только по сношении с военным начальством» [2]. Данное же распоряжение было сделано и в отношении церковных школ Училищными Советам. Для белорусских губерний в виду нахождения их в прифронтовой территории к концу 1914 г. такие условия складывались повсеместно.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основе содержащихся в Национальном историческом архиве епархиальных отчетов, а также неопубликованных сведений из «Епархиальных ведомостей» (Полоцких, Минских, Могилевских). В работе использованы историко-описательный, историко-системный и историко-сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Согласно утвержденными Св. Синодом от 11.01.1906 г. № 104 и № 2637, по предварительному соглашению с Министерством Просвещения правилами, преподавание Закона Божия в начальных церковных школах для детей велось приходскими священниками, в некоторых школах эти обязанности исполнялись другими членами причта – диаконами и псаломщиками, которые имели богословское образование. В 1914 г. законоучителей в начальных школах Российской империи было 38634, в том числе: священников – 31245, диаконов – 1911, псаломщиков – 281, преподавателей светских – 5197.

Общеобразовательные предметы в начальных церковных школах преподавались обычно лицами светского звания – учителями и учительницами. Их количество составило 47272 человека. Кроме того, обязанности учителей исполняли 226 священников,

710 диаконов и 570 псаломщиков. Общее число педагогических работников было 48718 человек [1, с. 251].

Белорусские губернии по количеству церковных школ занимали второе место в Российской империи. В Минской епархии их насчитывалось 912 (на 1913 г.), в Полоцкой епархии – 425 школ с 18383 учениками (на 1913 г.), в Могилевской епархии – 1017 (на 1912 г.). родненская епархия насчитывала 122 ЦПШ и 1099 школы грамоты (на 1909 г.) [3, с. 251].

В начале XX в. обучение в церковно-приходских школах производилось по утвержденным Св. Синодом программам, учебным руководствам и пособиям. В меру возможности программы выполнялись, и успехи учащихся по всем предметам были удовлетворительны. Однако учебные занятия, проходившие в первой половине 1914 г. при обычных условиях мирного времени, во второй половине года приобрели особый тип и характер.

Одной из проблем, с которой столкнулась церковная школа, стала мобилизация. С объявлением войны были призваны в армию учителя церковных школ. Из православных епархий количество призванных составило 4962 человека. На примере изученных документов по Витебской губернии можно проследить сложившуюся ситуацию. В некоторых школах «...по случаю мобилизации войск в текущем июле месяце призваны на военную службу все учителя церковно-приходских школ и один учитель из школы грамоты», – доклад с таким содержанием в Епархиальный Училищный Совет Полоцкой епархии предоставило Отделение Невельского и Лепельского уездов Витебской губернии [4, л. 32].

В связи со сложившимся положением отсутствия учителей в церковных школах возникло множество нерешенных вопросов, в том числе вопрос оплаты и замены пустующих вакансий. Так, например, Невельское отделение Полоцкого Епархиального Училищного Совета просило «...дать указания – имеют ли право учителя, призванные на фронт, на получение жалования к 1 сентября и сохраняются ли за ними учительские места в школе, или в эти школы должны быть замещены новыми учителями с начала нового учебного года. Возможно ли допустить в эти школы временных исполнителей учительских обязанностей правоспособных лиц, в каком размере выплачивать жалование, 30 руб. в месяц (полное жалование педагога) или половину, а вторую половину выдавать учителям, которых призвали на военную службу» [4, л. 29].

В короткие сроки были созданы специальные комиссии, которые разработали программу финансирования и кредитования школ с целью замены мобилизованных педагогов и выплаты им жалования. В октябре 1914 г. Полоцкий Епархиальный училищный совет получил распоряжение Училищного Совета при Св. Синоде № 10462 об открытии по Витебской Казенной Палате в распоряжение сверхсметного кредита по особому отделу чрезвычайных расходов сметы Св. Синода на выплату пособия мобилизованным, а также вознаграждение заместителей призванных на действительную военную службу учителей церковно-приходских школ Полоцкой епархии за сентябрь месяц 1640 рублей [4, л.103]. Однако постановлением № 91 от 27 сентября 1914 г. Полоцкий Епархиальный Училищный Совет сообщил, что в случае, когда в качестве сестер-милосердия женщины-учителя прерывали учебный процесс и преступали к работе в госпиталях, они не должны быть уволены, а лишь временно освобождены от учительских должностей, но с прекращением им содержания, и с назначением заместителей за счет положенного по данной школе кредита [4, л. 41]. Таким образом, замена учителей и выплата пособий решалась на усмотрение руководства епархии.

Призыв на воинскую службу педагогов привел к тому, что работа по религиозно-нравственному просвещению, образованию и воспитанию в еще большей мере легла на приходское духовенство, что в результате негативно сказалось на их профессиональной (пастырской) деятельности. В начале 1916 г. благочинный Витебских городских церквей в отчете за полугодие писал: «...витебское приходское духовенство переобременено законоучительством не только в церковно-приходских школах и приходских училищах, но и в средних учебных заведениях и в высших училищах в ущерб своим прямым обязанностям по приходу» [5, л. 31].

На начальном этапе Первой мировой войны Православная церковь, а вместе с ней и церковная школа, стремилась в детях, а через них и в родителях, усилить религиозно-нравственное чувство, поддержать патриотический подъем. С этой целью Св. Синод через епархиальное духовенство рекомендовал увеличить учебное время на патриотическое и духовно-нравственное воспитание, а директор народных училищ Смоленской губернии И.А. Самойлович разработал специальную программу, которая была опубликована в епархиальных ведомостях и использована в том числе и в белорусских епархиях:

1. «Известно, что дети и подростки невольно проникаются тем настроением и теми воззрениями, которыми проникнуты окружающие их взрослые. Они весьма часто принимают предметы и явления под тем углом зрения и в том освящении, которое дают им взрослые. Этой особенностью нужно воспользоваться для того, чтобы то, что они слышали о войне и военных действиях, оказывало на них наиболее благотворное влияние».

2. Епархиальному духовенству в своих обучающих программах, рекомендуется «кроме молитвы домашней, следует привлекать детей и подростков к молитве общественной, в церкви. Каждый ищет себе помощи или утешения в молитве, каждый более живо чувствует свою зависимость от Промыслителя, Вседержителя. Это благотворное условие, что бы в юном поколении внедрялось религиозное чувство».

3. «Само собой разумеется, что лица, имеющие своей задачей воспитательно и образовательно влиять на детей, должны раскрыть им глубокий смысл молитв о даровании Императору победы над врагами (например молитвы: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего...»)

4. «Видя, что сотни, тысячи воинов в полном вооружении куда-то отправляются, дети и подростки естественно спрашивают: куда и зачем они отправляются. Если отвечая на вопрос их, родители или учителя скажут им в доступной форме, что войска отправляются защищать Россию от нападений врагов, решившихся унижить ее, причинить ей, а следовательно, и всем нам, большой вред, что каждый обязан служить своему отечеству, защищать соотечественников от врагов, что велика заслуга тех, кто полагает свою душу за ближних».

5. «Пример заразителен. Замечая, что взрослые готовят белье и теплую одежду, собирают пожертвования деньгами и вещами и отсылают все это воинам, дети и подростки сами выражают желание сделать что-либо для тех же воинов. Они отказываются от дорогих игрушек, чтобы тем самым иметь возможность внести и свою лепту в кружку для сбора пожертвований в пользу воинов».

6. «Слушание подходящих сообщений о героических подвигах наших воинов на поле брани не может не возбуждать в детях желания подражать этим воинам».

7. «Также настоящая война может служить фактором и для нравственного усовершенствования подрастающего поколения. Нравственные проявления состоят в бескорыстном служении ближним. Такое служение дети видят во взрослых – уход за больными и ранеными в лазаретах, попечение о детях-сиротах, оказание помощи семьям, кормильцы которых ушли на войну».

8. «Таким образом, настоящая война может служить значительным фактором в деле религиозно-нравственного, патриотического воспитания и образования подрастающего поколения» [6, с. 532–537].

Интерес к войне охватил все население. И дети, и взрослые хотели иметь больше сведений. Пользуясь этим, законоучители (духовенство) и учителя разъясняли смысл настоящей войны, ее причины, характер и задачи, характеризовали врагов и союзников, и особенно внушали детям, что эту войну нужно мужественно и терпеливо переживать подвигами молитвы, милосердия и упорного труда. Удовлетворяя интерес к текущим событиям, учителя знакомили детей с ходом военных действий по надежным правительственным

сообщениям. По свидетельству наблюдателей, дети при этом прекрасно разбирались по карте театра военных действий с границами союзных, враждебных и нейтральных государств, их столицами и важнейшими городами [1, с. 288].

На уроках русского языка и литературы в ЦПШ разучивались стихотворения патриотического характера: «Русь» Никитина, отрывок из «Полтавы» и «Медного всадника» А. Пушкина, «Москва» М. Глинки, «Киев» А. Хомякова, «Смерть Ивана Сусанина» К. Рылеева, «Кто он» А. Майкова, «Бородино» и «Два великана» М. Лермонтова, басня «Волк и Кот» И. Крылова. Читались отрывки из произведений русских писателей, посвященные войне: «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Л. Толстого, исторические хроники А. Островского [6, с. 532–537].

На уроках пения звучали гимны, военные марши и песни: «Было дело под Полтавой», «Многи лета, многи лета», «Ездил белый русский Царь», «Шумел, горел пожар Московский», «Мы дружно на врагов» и т.д. Отличались и уроки гимнастики, которые в военное время должны были состоять из строевых упражнений, маршировки под барабан. «Потешным» необходимо внушить, что они – будущая армия, с которой они связаны общностью изучаемого и дисциплины.

По стенам класса рекомендовалось развешивать таблицы с изображением славных для русского оружия сражений: «Ледовое побоище», «Невская битва», «Куликовская битва», «Взятие Казани», «Полтавский бой», «Переход Суворова через Альпы», «Взятие Плевны» и т.д. При чтении теоретических статей, выбирались такие, в которых повествовалось о событиях, аналогичных переживаемой эпохи, например статьи, относящиеся к Отечественной войне 1812 г. По географии больше внимания уделялось очеркам тех стран, в которых шла война [6, с. 532–537].

Кроме того, в школах устраивали чтения, на которые приходили вместе с детьми и взрослые. На этих чтениях разбирали те же темы, что и на уроках. 9 октября 1914 г. под председательством епископа Гомельского Варлаама (Ряшенцева) состоялось собрание членов Совета Братства и Комитета по устройству в г. Могилеве религиозно-нравственных чтений для народа. Результатом встречи было решение о проведении в зале Городской управы еженедельных чтений религиозного характера. Ближайшие беседы провели епископ Варлаам на тему «Война с христианской точки зрения» и законоучитель мужской гимназии протоиерей Павел Подвысоцкий с научно-исторической темой «История Галиции и Галицкой церкви». Все вечера сопровождалось песнопениями братского хора [7, с. 637–643]. С октября подобные «патриотические вечера» были организованы в Мстиславском духовном училище. Первые темы также носили историческую направленность: «Славянство, Россия и современная война», авторами которых стали смотритель училища священник

М. Свицерский, инспектор училища В.А. Альбицкий и преподаватель П.П. Судаков [8, с. 12–13].

30 декабря 1914 г. в г. Новогрудке Минской епархии учащимися Вселюбской женской церковно-приходской школы был дан литературно-вокальный вечер в пользу Красного Креста. Хор, состоящий из 45 учениц, под управлением учительницы Н.И. Квятковской исполнил 20 номеров патриотических народных песен. Особенно удачной была декламация. Присутствующие на вечере предводитель дворянства, городская интеллигенция и духовенство особенно подчеркнули колоссальный труд учительницы, серьезную подготовку учениц, дисциплину и выдержанность [9, с. 240–244].

В школах программа «патриотических вечеров» была очень разнообразной. Например, в м. Захаринно Мстиславского уезда благодаря многодневному труду местного художника В.И. Стародубкина, зал школы превратили в театр, где было представлено поле сражения. При участии учителей близлежащих школ К.И. Максимовой, В.М. Петрашень, Е.И. Титовой и др. были поставлены спектакли «Союз трех держав», «Уход солдата из деревни». Самой сильной картиной стала пьеса «Умирающий на поле сражения» о солдате, которому является ангел и которого сменяет сестра милосердия, возвращая солдата к жизни [10, с. 216].

В школах находили себе сочувственное ободрение жены и родные воинов, когда приходили с просьбами прочесть полученное с фронта письмо. Школа превращалась в почтовое отделение, посредством которого воины с родными поддерживали связь. Многие учителя были членами местных попечительских комитетов, приходских, сельских, волостных, земских.

Учителя водили детей в лазареты для общения с ранеными и больными военными. Это имело глубокое воспитательное влияние на детей. Они часто носили при этом свои подарки раненым. В лазаретах ученики пели и читали при совершении богослужений. Нередко учащиеся в церковных школах давали концерты, устраивали литературно-музыкальные вечера. Были случаи, когда учителя и старшие воспитанницы учительских школ бесплатно занимались обучением грамоте неграмотных из числа раненых и больных.

Широко применялась практика поощрения учителей и священнослужителей за ответственное отношение к делу обучения и духовно-нравственного воспитания. Так, Бобруйское Уездное Отделение в лице протоиерея А. Рыбцевича представило в Епархиальный Училищный Совет журнал Школьной Комиссии от 5 января о награждении набедренником заведующего Тальской церковно-приходской школой, священника Константина Воронца [11, л. 7]. В феврале 1915 г.: «Представляя ходатайства заведующего Языльскими церковными школами и послужные списки учительниц названных школ: Александры

Птулевской и Марии Андреевой, Бобруйское Уездное Отделение просит Епархиальный Училищный Совет о награждении учительниц за продолжительную и усердную службу на пользу церковно-приходской школы и труды по изготовлению белья для действующей армии медалями «За усердие»» [11, л. 3]. Таким образом, в военное время увеличиваются масштабы поощрения представителей духовенства за ответственную работу в деле просвещения и образования. На основе просмотренных дел, видно, что в связи с особым положением Православной церкви в период Первой мировой войны сроки между очередными наградами за выслугу лет уменьшаются.

Заключение. Таким образом, в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.) образовательные учреждения белорусских православных епархий продолжили осуществлять принятую ранее учебную программу в полном объеме. Тем не менее условия военного времени внесли в ее деятельность ряд особенностей. Во-первых, из-за призыва на фронт учителей, церковные школы столкнулись с нехваткой педагогических кадров. Дефицит восполнили священнослужители местных приходов, нередко в ущерб своим прямым обязанностям на приходе. Во-вторых, учебная программа военного времени была скорректирована и, в значительно большей степени, чем ранее, носила помимо обучающего характера, воспитательный. В-третьих, в ответ на патриотический запрос населения, церковно-приходские школы начали организовывать мероприятия с целью его поддержания: религиозно-нравственные чтения, музыкальные и театральные вечера, посещение лазаретов детьми и обучение начальной грамоте раненых. Эти мероприятия духовенства положительно сказались на результатах учебно-воспитательной работы в духовных школах.

Литература

1. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания / Россия. Синод. Обер-прокурор. – СПб.: Синод. тип., 1886–1916. – Загл. отчетов за 1884–1901 гг.: Всеподданнейш. отчет Обер-прокурора Святейш. синода К. Победоносцева по ведомству православ. исповедания. – 1916. – X, 328, 144 с.
2. Рункевич, С.Г. Распоряжения и действия Священного Синода в 1914–1915 гг. / С.Г. Рункевич. – Петроград, 1916. – С. 231.
3. Полоцкая епархия (1833–1917): документы говорят / сост.: В.А. Теплова, О. Алекаев; науч. ред. В.А. Теплова. – Минск: Медиал, 2020. – 688 с.: портр.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2536. Оп. 1. Д. 94 Дело о замене учителей церковно-приходских школ призванных на войну.
5. НИАБ. – Ф. 2531. Оп.1. Д. 96 Донесение благочинных епархии о состоянии церквей за 1916 год.
6. Самойлович И., директор народных училищ Смоленской губ. Война и начальная школа. (Обращение к учащим) // Смоленские епархиальные ведомости. – 1914. – № 17 неофиц. – С. 532–537.
7. Летопись епархиальной жизни // Могилевские епархиальные ведомости. – 1915. – № 23 (отдел неофициальный). – С. 637–643.
8. Летопись епархиальной жизни // Могилевские епархиальные ведомости. – 1915. – № 1 (отдел неофициальный). – С. 12–13.
9. Война как фактор воспитания // Минские епархиальные ведомости. – 1915. – № 9 (отдел неофициальный). – С. 240–244.
10. Летопись епархиальной жизни // Могилевские епархиальные ведомости. – 1915. – № 7 (отдел неофициальный). – С. 216–217.
11. НИАБ. – Ф. 461, Оп. 1, Д. 330 Дело о предоставлении к награде учителей ЦПШ.

Поступила в редакцию 15.05.2023

Особенности агитационно-разъяснительной работы Наркомпроса, связанной с укрупнением БССР

Баталко Т.И.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»», Витебск

В статье проведен анализ мероприятий Наркомпроса БССР по строительству белорусской национальной школы в сложных условиях присоединения восточных белорусских территорий, ранее входивших в состав РСФСР, рассмотрены вопросы выработки государственной программы национального культурного возрождения в области образования.

Цель работы – анализ причин тех трудностей, с которыми столкнулись работники республиканского Народного комиссариата просвещения.

Материал и методы. *Источниковедческую базу статьи составили архивные материалы, публикации по данной теме. Использовались общенаучные методы, а также специальные исторические методы – историко-системный, ретроспективный.*

Результаты и их обсуждение. *На основании архивных материалов центрального и местного значения проанализированы объективные и субъективные причины неприятия рядом учителей и жителей присоединенных восточных территорий позиции возрождения белорусского языка и открытия школ с белорусским языком обучения.*

Заключение. *Автор приходит к выводу, что трудности в проводимой агитационно-разъяснительной работе Наркомпроса республики были связаны как с объективными (отсутствие научно разработанных норм белорусского языка, недостаточность белорусских учебников в силу слабо развитого печатного дела в БССР, недостаточная квалификация учителей для белорусских школ), так и с субъективными причинами (проявление национального нигилизма у значительной части населения восточных районов республики, слабое понимание значения проводимой политики национально-культурного возрождения среди большинства членов коммунистической партии).*

Ключевые слова: *БССР, укрупнение, строительство белорусской национальной школы, политика Народного комиссариата просвещения, национальный нигилизм белорусов.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 93–97)

Features of the Propaganda and Explanatory Work of the People's Commissariat of Education Related to the Enlargement of the BSSR

Batalko T.I.

Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus
"International University «MITSO»", Vitebsk

The article analyzes the activities of the People's Commissariat of Education of the BSSR for the construction of the Belarusian national school in the difficult conditions of annexation of the eastern Belarusian territories that were previously part of the RSFSR, and considers the development of the state program of national cultural revival in the field of education.

The purpose of the article is to analyze the causes of the difficulties faced by the workers of the Republican People's Commissariat of Education.

Material and methods. *The source base of the article was made up of archival materials, publications on this topic. To achieve the set topic, general scientific methods were used, as well as special historical methods – the historical-systemic, the retrospective method.*

Findings and their discussion. *On the basis of archival materials of central and local importance, the author analyzes the objective and subjective reasons for the rejection by a number of teachers and residents of the annexed eastern territories of the position of reviving the Belarusian language and opening schools with the Belarusian language teaching.*

Conclusion. *The author comes to the conclusion that the difficulties in the campaigning and explanatory work of the People's Commissariat of Education of the Republic were related both to objective reasons (lack of scientifically developed norms of the Belarusian language, insufficiency of Belarusian textbooks due to poorly developed printing in the BSSR, insufficient qualifications of teachers for Belarusian schools), and to subjective ones (the manifestation of national nihilism among a significant part of the population of the eastern regions of the Republic, a poor understanding of the significance of the ongoing policy of national-cultural revival among a significant part of the members of the Communist Party).*

Key words: *the BSSR, consolidation, construction of the Belarusian national school, policy of the People's Commissariat of Education, national nihilism of Belarusians.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 93–97)

Утвержденная июльской сессией ЦИК республики 1924 года политика белорусизации получила право на официальное существование. Воодушевленный решениями сессии на национальному вопросу, Наркомпрос развернул работу по созданию национальной системы образования. Следует отметить, что эта работа была сопряжена со спецификой осуществления национальной политики в республике в конкретных условиях середины 20-х годов. Одной из таких немаловажных особенностей был многонациональный состав населения. Так, по переписи населения 1926 года в БССР проживало 4 017 301 белорусов, или 80,62% от всех жителей республики; русских – 383 806 человек, или 7,7%; евреев – 407 089 человек, или 8,19%; поляков – 2%; украинцев – 0,7%; латышей – 0,3%, литовцев, немцев и татар – по 0,1%; всех других – 0,2% [1].

Сельское население среди белорусов насчитывало 89,1%, а среди горожан – только 39,26%. Такое положение объяснялось тем, что процесс становления белорусского рабочего класса находился в начальной стадии, а существование в Российской империи «черты оседлости» евреев заставляло последних сосредотачиваться в городах и местечках, составляя порой до 60–80% численности их жителей. Остальные национальные меньшинства жили как в деревне, так и в городах. Такое расселение способствовало процессу некоей национальной дифференциации между городом и деревней, внося специфику и в языковую ситуацию – русскоязычный город и белорусскоязычная деревня.

Низкий уровень национального самосознания большинства населения республики объяснялся тем, что до Октябрьской революции белорусы не успели сформироваться в качестве современной буржуазной нации и вместе с недостаточной социальной мобильностью (особенно крестьянских масс) это явилось объективной причиной тех трудностей, которые возникли при осуществлении национально-культурной политики белорусизации.

Война, оккупация, разруха способствовали тому, что физические и производительные силы народа оказались значительно подорванными. Слой рабочего класса и до того малочисленный, резко сократился. Низкому уровню экономического развития республики соответствовал нищенский уровень благосостояния и быта народа.

А это, как справедливо отмечал в своем исследовании белорусский историк А. Король, «в сочетании с вековой, вначале колонизаторской политикой правящих классов Польши, а затем, после ее раздела, русификаторской политики царизма имело своим следствием неразвитость национальных форм культуры, сформировало в сознании белорусского крестьянства комплекс неполноценности родного языка как языка “холопского”, не дающего никаких прав, вызывающего только насмешки» [2].

Значительная часть белорусских служащих денационализировалась от белорусского языка, отказалась,

предав его забвению как язык «мужицкий». Объявление белорусского языка государственным и требования его знания и пользования им служащими государственных, партийных, профсоюзных кооперативных организаций и учреждений не могло не вызвать активного и пассивного сопротивления русифицированных слоев населения. Особенно сильно подобные настроения были в недавно присоединенных восточных районах, где национальный нигилизм пустил глубокие корни.

Цель статьи – проанализировать причины трудностей, с которыми столкнулись работники Наркомпроса республики при проведении национальной политики в области образования на присоединенных восточных областях.

Материал и методы. В белорусской советской историографии вопросы строительства национальной белорусской школы рассматривались с позиций острой идеологической борьбы вокруг самых коренных вопросов национального строительства, перспектив развития белорусского языка, характеристики национальных движений в БССР, обстоятельств создания БНР. Авторами таких работ были В.Г. Кнорин, А.И. Криницкий, А.Г. Червяков, Д.Ф. Жилунович, А. Цвикевич [3]. К вышеназванным трудам современные историки подходят с двух позиций: как к первым опытам теоретических исторических исследований и как к историческим источникам. Хотя большинство историков указывает на то, что эти работы сложно рассматривать как пример исторического анализа, так как объективность – одно из главных условий исторического исследования – в них подчинена узкопартийной позиции и политической конъюнктуре того времени.

Источниковедческую базу статьи составили архивные материалы, публикации по данной теме.

Для достижения поставленной темы использовались общенаучные методы, а также специальные исторические методы – историко-системный, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Укрупнение БССР поставило перед работниками Наркомпроса новые задачи. Дело в том, что существующая система народного образования в БССР значительно отличалась от системы РСФСР, которой придерживались присоединенные районы. Сущность этого различия состояла в последовательности типовых учебных заведений, ведущих к получению высшего образования: в БССР – семилетняя школа, профтехническая школа, техникум и институт; в РСФСР – школа I и II ступени, вуз или школа I ступени, профтехническая школа, техникум, вуз. Другая особенность заключалась в различном проведении национальной политики. В учебных заведениях БССР основополагающим был принцип родного языка, перевод школ, обслуживающих белорусское население, на их родной язык обучения, введение белорусского языка как предмета обучения в других школах, независимо от языка, на котором та или другая школа работает. В учебных же заведениях присоединившихся районов дело обстоит иначе: полное

отсутствие культурно-просветительных учреждений, работающих на белорусском языке, отсутствие учителей, культпросветработников, знающих белорусский язык, нехватка белорусской литературы и средств на ее приобретение, а также сопротивление населения и значительной части учителей введению белорусского языка в учебно-воспитательный процесс школ. Вновь перед аппаратом Наркомпроса встали те задачи, которые им пришлось решать на территории доукрупненной Беларуси в 1921–1923 годах.

В марте 1924 года в Минске состоялась Первая Всебелорусская конференция заведующих отделами народного образования совместно с коллегией Наркомпроса, которая отметила, что «укрупнение... нарушило обычный нормальный ход работы различных отраслей советского и культурного строительства. Оно вызвало в жизнь целый ряд новых задач, многие из которых еще не осознаны вполне и выявятся только в процессе самой работы» [4].

Рассмотрев вопрос о выработке государственной политики в области народного образования в присоединенных частях Беларуси, конференция приняла постановление, основные тезисы которого сводились к следующему: констатируя разное состояние систем народного образования в укрупненной республике, взять курс на выравнивание как в области идеологической (путем постепенного разъяснения и решения национально-культурной политики в присоединенных областях теми же способами, что и на старой территории), так и в области организационной (путем составления единого плана и методов работы, определения сети народного образования, темпов и принципов ее дальнейшего развития, организации переподготовки школьных работников, создания программно-методических комиссий, краткосрочных политико-педагогических и периодических долгосрочных курсов) [4].

Конференция выработала и определила конкретные мероприятия, способствующие политике выравнивания: ознакомление учителей и культурно-просветительных работников с белорусским языком, рассылка в школы учебной литературы на белорусском языке, подготовка школьных работников для белорусских учебных заведений путем определенного отбора из наличного состава педагогических работников, знающих белорусский язык, ежегодных выпусков новых кадров из педагогических учебных заведений, обязательного введения белорусского языка, истории, географии и литературы Беларуси как предметов преподавания во всех типах школ, полный переход на белорусский язык всех культпросветучреждений, обслуживающих белорусскоязычное население [4].

2 мая 1924 года в Минске начал работу V Всебелорусский съезд работников просвещения. Доклад А. Балицкого, наркома просвещения БССР, о системе народного образования в Беларуси, политике в национальном вопросе, материальных условиях

работы учителя вызвал оживленные прения, в которых приняли участие представители с мест. Так, учитель Шашалевич из Климович говорил о том, что «белорусский язык прививается быстро, население им интересуется, но нет книг для ознакомления с ним» [4]. Его поддержали и другие выступающие, указывая, что принцип создания школы на родном языке является единственно правильным. В выступлении школьного учителя Бурвеля прозвучал упрек в адрес Компартии и ее представителей на местах, которые «не осознавали важность национальной белорусской школы и тем самым тормозили работу по ее созданию» [4]. Съезд единогласно проголосовал за резолюцию, в которой предлагалось «введение новых методов преподавания проводить на основании учета степени подготовленности и наличия подходящей обстановки в той или школе», «разработать детальный и конкретный план проведения национальной политики во всей укрупненной Белоруссии, руководствуясь при этом принципом материнского языка. Белорусский язык как язык большинства населения должен быть введен как обязательный предмет обучения во всех учебных заведениях» [4].

Вооружившись решениями и поддержкой учительских конференций, съездов Наркомпрос приступил к агитационно-разъяснительной работе среди белорусского населения присоединенных областей по созданию школ, функционирующих на родном языке. Основная тяжесть в проведении этой кампании легла на плечи работников отделов народного образования присоединенных губерний, белорусских бюро при губоно, губкомх партии. Суть проводимой работы заключалась в разъяснении крестьянам необходимости и важности обучения детей на родном языке. Трудности, с которыми столкнулись участники проводимой кампании, встречались двоякого рода. С одной стороны, из-за многовековой колонизаторской политики, направленной сначала на ополячивание, затем на русификацию коренного белорусского населения, вопрос национальной идентификации был для крестьянства очень сложен. Почти повсеместно представителям приходилось проводить учет национального состава населения, изучая перспективы открытия белорусских школ. Нередко на просьбу поднять руки, «кто здесь белорусы» белорусскоязычное крестьянство отвечало категорическим отказом и разъясняло, что «мы – не белорусы, мы – тутэйшыя». Белорусский отдел Гомельского губоно информировал губком партии, что «желания и стремления у населения к переводу работы в школе на белорусский язык не наблюдается, что выражается в отказе населения ходатайствовать об открытии белорусских школ» [5]. Выезжающим в деревни работникам Гомельского губоно крестьяне говорили о «насилии при присоединении Гомельщины к Белоруссии, спрашивали, что нам даст Белоруссия? Она бесхлебна, небрита, не острижена. Нельзя ли перейти под Украину? Почему не спросили мнения кре-

стьян, прежде чем решать вопрос о присоединении?» [6]. Отмечая, что «хоть белорусский язык и родной и детям учиться на нем легче, но лучше в школе учиться “панскому”, “городскому” российскому языку» [6], крестьяне высказывали опасение, что дети их, окончив белорусскую школу, могут остаться на бездорожье, так как все советские учреждения, средние и высшие учебные заведения Гомельщины работают на русском языке. Итоги поездок работников местного отдела народного образования по деревням и проведенных собраний с местным населением по поводу открытия белорусских школ были темой обсуждения на волостном собрании школьных работников. Выступающие отмечали негативное отношение населения в ряде деревень Гомельщины, поднимали вопрос об отношении самих учителей к белорусскому языку. Из общего числа учителей волости (430 человек) знали литературный белорусский язык лишь 15 человек. Основная масса учителей и школьных работников относилась скептически к переводу школ на белорусский язык. Собрание заслушало и учителей, которые изложили опыт работы школ на белорусском языке. В качестве трудностей этой работы они назвали острую нехватку учебников и необходимость подготовки школьных работников.

То же происходило и на крестьянских сходках Витебщины, где по поводу введения белорусского языка в учебный процесс школ население высказывало недовольство. Крестьяне говорили, что это некультурный язык, что учителя сами его хорошо не знают. И только грамотно проведенное собрание, без нажима и администрирования давало свои результаты – крестьяне соглашались, что свой язык лучше, чем чужой, высказывались за открытие в селах белорусских школ.

Из-за целого ряда причин исторического характера и путаницы в национально-религиозных вопросах в польских школах обучались дети белорусов-католиков. Из-за постоянных раздоров, происходивших среди населения на этой почве, то тут, то там вспыхивали конфликты, нередко приобретающие крайне оскорбительные для сторон формы. По этому поводу ЦК КП(б)Б принял решение рекомендовать Народному комиссариату просвещения Белоруссии «при обучении детей белорусского католического населения с сильным тяготением к польскому языку руководствоваться методами материнского языка (т.е. белорусским), с введением польского языка как предмета обучения» [7].

Наркомпрос разработал и разослал заведующим окроно специальный циркуляр, в котором с целью предотвращения недовольства и недоразумений в вопросе о языке, на котором ведется учебный процесс, предлагалось на место выезжать комиссии в составе инспектора белорусского отдела Наркомпроса (председателя комиссии), инспектора польской секции окроно (члена партии), заведующего районо. Комиссии вменялось в обязанность проведение бесед

с учащимися с той целью, чтобы в индивидуальном порядке определить соответствующий язык для обучения для каждой семьи. В тех случаях, когда население по тем или иным причинам считало себя польским и к переводу школы на белорусский язык относилось враждебно, необходимо было сохранить польскую школу, усилив разъяснительную работу среди населения. Во своей работе комиссии предлагалось руководствоваться в первую очередь «политической целесообразностью, внимательно учитывать настроение населения и обращать внимание в каждом отдельном случае на то, как отразится перевод школы с польского языка обучения на белорусский на отношение населения к Советской власти».

С другой стороны, разъяснительная работа, проводимая среди населения, страдала формализмом. Неподготовленные работники, не знающие белорусского языка, созывали собрание, казенно ставили «галочку» вне зависимости от результатов такого собрания, что «работа среди населения проделана». Нередки были случаи, когда работники, ставя вопрос о переводе школ на белорусский язык, не учитывали настроения населения, сами плохо ориентировались в вопросах национальной политики и задачах культурного строительства, не могли ответить на многие вопросы крестьян. С мест приходили сообщения о том, что «докладчики еще и возьмут белорусскую книжку, которую никогда раньше не читали и не видели и начинали читать крестьянам по-белорусски, “для примера” [8]. Нетрудно представить себе реакцию населения на подобную разъяснительную работу.

Бюро ЦК КП(б)Б в мае 1925 года рассматривало заявление полоцких граждан в ЦИК СССР и статью «Вражда из-за языка», подписанную псевдонимом Белорус, в которых, кроме протеста против «насильственного навязывания населению чуждого им белорусского языка», содержались совершенно справедливые упреки против формализма в проводимой работе [9].

О фактах недопустимо формального отношения к белорусизации гомельских школ говорилось на губернском совещании работников просвещения в сентябре 1926 года. Выступавшие указывали, что «ненормальное и невнимательное отношение к белорусской работе, отсутствие разъяснительной работы на местах» привело к тому, что «белорусский учитель был предоставлен самому себе». Распоряжения уездных циркуляров ОНО непременно требовали, чтобы «переводили школы на белорусский язык только после постановления общих сходов», причем эти сходы должны быть «полные», в противном случае учителям грозили дисциплинарным взысканием. Но поскольку никакое собрание никогда почти не бывает «полным», без каких-либо нареканий со стороны недовольных, то такие требования парализовывали инициативу учителей, запугивали их, тем самым «загоняя белорусскую работу в подполье» [10]. Как свидетельствуют документы, дело перевода школ на белорусский

язык нередко проваливалось. Даже те немногочисленные школы, которые удалось перевести на родной язык обучения, закрывались ответственными работниками. Так, на совещании указывалось, что Ивольскую белорусскую школу закрыл заведующий налоговым отделом РИКа Уваров, сказав, что «белорусский язык – допотопный язык». Весной 1925 года белорусскую школу в Засне закрыл инспектор уездного ОНО, так и не объяснив причины. Белорусские школы Юревичского уезда до зимних каникул не получили белорусских учебников. Занятия в школах срывались, что вело к компрометации работы и недовольству ею среди крестьян [11].

Заключение. Таким образом, в тогдашних непростых социально-политических условиях сторонникам строительства белорусской национальной школы, руководителям Наркомпроса приходилось не полагаться на сиюминутные предпочтения населения, а исходить из интересов и перспектив всего белорусского народа. Трудности в проводимой агитационно-разъяснительной работе Наркомпроса республики были связаны как с объективными (отсутствие научно разработанных норм белорусского языка, недостаточность белорусских учебников в силу слабого печатного дела в БССР, недостаточная квалификация учителей для белорусских школ), так и с субъективными причинами (проявление национального нигилизма у значительной части населения восточных районов республики, слабое понимание значения проводимой политики национально-культурного возрождения среди значительной части членов коммунистической партии).

В заслугу проводимой политики перевода школ на белорусский язык необходимо отнести достижение идентичности в языке учебно-воспитательного процесса школ сельской и городской местности, чем обеспечивалось формирование единства национального идеала у подрастающего поколения. К сожалению, начиная с 30-х годов этот принцип был предан забвению. И если сельские школы в большинстве своем продолжали до 60-х годов работать на белорус-

ском языке, то почти все городские начальные школы вели процесс обучения на русском языке. В результате такого дифференцированного языкового подхода вносился разброд в сознание молодого белоруса, ведя к формированию комплекса неполноценности у деревенской части молодежи.

Литература

1. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. – Мн., 1928. – Ч. 1. Беларусізацыя. Выданне Нацыянальнай Камісіі ЦВК БССР. – С. 12–15.
2. Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; сост. Ю.П. Смирнов [и др.]; под ред. Р.П. Платонова. – Минск: Университетское, 1990. – 446 с.
3. Кнорин, В.Г. За культурную рэвалюцыю: зб. арт. / В.Г. Кнорын. – Мінск, 1929. – 450 с.; Крыніцкі, А.І. Чарговыя пытанні нацыянальнай палітыкі КП(б)Б / А.І. Крыніцкі. – Мінск, 1926. – 360 с.; Чарвякоў, А.Р. За Савецкую Беларусь / А.Р. Чарвякоў. – Мінск, 1927. – 135 с.; Жылуновіч, Д.Ф. Два бакі беларускага руху / Д.Ф. Жылуновіч // Польшча. – 1923. – № 3–4. – С. 4–7; Цвікевіч, А.І. Адраджэнне Беларусі і Польшчы / А.І. Цвікевіч. – Мінск: Выд-ва “Вызваленне”, 1921. – 134 с.; Соколов, Н.К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием научно-педагогических кадров. 1936–1961 (на материалах Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н.К. Соколов. – Москва, 1988. – 25 с.; Новик, К.И. Деятельность КПБ по развитию народного образования (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.И. Новик. – Минск, 1975. – 19 с.
4. Асвета. – 1924. – № 1. – С. 10–15.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 117–122.
6. ГАГО. – Ф. 151. Оп. 1 Д. 2 Л. 149–160.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 3, Д. 13, Л. 703.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 709.
9. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 3. Д. 15. Л. 135.
10. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2193. Л. 27.
11. ГАГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2193. Л. 29–31.

Поступила в редакцию 12.05.2023

Дипломатические источники
в изучении «восточного вопроса»
внешней политики Российской Империи
в конце XIX – начале XX в. (на материалах
секретных сообщений дипломатов
А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева)

Амбарцумян К.Р.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Традиционность подходов в изучении истории международных отношений позволила итальянскому исследователю Э. ди Нольфо обозначить проблему отграничения истории международных отношений и истории дипломатии.

Целью статьи является исследование информационных возможностей дипломатических документов в связи с применением к ним возможностей интеллектуальной истории.

Материал и методы. *В качестве источниковой базы в работе использованы дипломатические донесения российских послов в Константинополе – А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева. Методология определена подходом интеллектуальной истории.*

Результаты и обсуждение. *В исследовании дипломатическая переписка рассматривается как нарратив лично наполненный, что подразумевает автора с биографией и включенностью в определенный исторический контекст. В конце XIX – начале XX в. актуальным для российской внешней политики был «восточный вопрос», в рамках которого сформировался армянский, ставший местом столкновения интересов великих держав. Будучи послом в период «гамидовской резни» армянского населения, которая началась в 1894 г., А.И. Нелидов видел в этом кризисе опасность того, что англичане, используя погромы как повод, могут занять Черноморские проливы. И.А. Зиновьева волновал больше Кавказ, нежели проливы. Именно туда хлынул поток армянских беженцев, спасавшихся от турецких погромов.*

Заключение. *Таким образом, проведенное исследование позволило восстановить не цепь событий, а скорее представления двух российских дипломатов о приоритетах своей работы и российской внешней политики.*

Ключевые слова: *интеллектуальная история, дипломатические документы, история международных отношений, источниковедение.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 98–101)

Diplomatic Sources in the Study
of the “Eastern Question” of the Foreign Policy
of the Russian Empire in the Late XIX – Early XX Centuries
(Based on the Materials of Secret Messages
of Diplomats A.I. Nelidov and I.A. Zinoviev)

Ambartsumyan K.R.

North Caucasus Federal University, Stavropol

The tradition of research approaches to the history of international relations allowed the Italian historian Ennio di Nolfo to identify the problem of distinguishing the history of international relations and the history of diplomacy.

The research purpose is to study information possibilities of diplomatic papers in terms of applying intellectual history possibilities to them.

Materials and methods. *The article uses diplomatic reports of the Russian ambassadors in Constantinople A.I. Nelidov and I.A. Zinoviev as a source base. The methodology is determined by the approach of intellectual history.*

Findings and their discussion. *In the study, diplomatic correspondence is considered as a narrative filled with personality, which implies an author with a biography and involvement in a certain historical context. At the end of the XIX – beginning of the XX century,*

Адрес для корреспонденции: e-mail: karina-best21@mail.ru – К.Р. Амбарцумян

the “Eastern issue” was relevant for Russian foreign policy, within the framework of which the Armenian one was formed, which became a place of collision of the interests of the great powers. As an ambassador during the “Hamid massacre” of the Armenian population, which began in 1894, A.I. Nelidov saw in this crisis the danger that the British, using pogroms as an excuse, could occupy the Black Sea Straits. I.A. Zinoviev was more concerned about the Caucasus than the Straits. It was there that the flow of Armenian refugees fleeing from the Turkish pogroms poured in.

Conclusion. Thus, the conducted research allowed us to reconstruct not the chain of events, but rather the ideas of the two Russian diplomats about the priorities of their work and Russian foreign policy.

Key words: intellectual history, diplomatic documents, history of international relations, source studies.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 98–101)

В исторической науке история международных отношений с точки зрения теории и методологии исследования по-прежнему остается наиболее консервативным направлением. Греческий историк К. Колиопулос полагает, что весь XX в. и по сей день существует проблема отделения истории от международных отношений и проведения границы между двумя профессиональными сферами [1]. Итальянский историк-международник Э. ди Нольфо считает, что история международных отношений часто понимается как история дипломатии, и это ограничивает исследовательские возможности ученых. Однако Э. ди Нольфо не призывает маргинализировать в этой связи дипломатические источники, они также являются документами большой значимости для реконструкции прошлого. К данного рода документам можно отнести не только соглашения или нотную переписку, но и донесения дипломатических работников. Более того, дипломатические документы начиная с XVII в. и до начала Первой мировой войны он предлагает смело причислять к литературному жанру, а не к бюрократическому, к которому скорее относится более поздняя документация. Данное свойство особенно значимо в свете методологии, так как расширяются возможности исследовательской работы с источником. Дело в том, что жанр претерпел ряд изменений в связи с общественным и технологическим прогрессом и там уже нет аналитического описания стран пребывания [2]. Российская исследовательница О.Б. Бокарева относит к дипломатическим источникам проекты договоров и переписку. Но с точки зрения принятой видовой классификации договоры и проекты – это акты, а переписка может быть отнесена и к эпистолярным источникам [3, с. 160]. Надо сказать, что дипломатическая история в зарубежном сегменте исторической науки вполне состоявшаяся и институализированная наука. Например, в США с 1970-х гг. издается журнал «Дипломатическая история», посвященный сугубо американской внешней политике и международным связям. Вместе с тем понимание иллюзорности статичности дипломатии и международных отношений происходит именно благодаря источниковедческому анализу дипломатических источников.

Целью статьи является исследование на примере конкретных сообщений послов Российской империи в Константинополе информационных возможностей дипломатических источников и расширение представлений о методах, которые могут быть к ним применены. В частности, в соответствии с утверждением Э. ди Нольфо о том, что дипломатические документы

данного периода могут быть отнесены к литературному жанру, представляется возможным адаптация к ним подхода интеллектуальной истории.

Материал и методы. В исследовании осуществляется попытка имплементации подхода интеллектуальной истории применительно к дипломатическим документам. Помещение данной группы исторических источников в контекст интеллектуальной истории позволяет расширить возможности истории международных отношений, которая в большинстве случаев воспринимается как линейная история событий. Однако при этом вне исследовательского внимания остается личность дипломатов, политиков и других участников. Для анализа выбраны донесения двух российских послов в Константинополе А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики Российской империи.

Результаты и обсуждение. Безусловно, дипломатические документы по-прежнему являются основным источником для реконструкции различных событий истории международных отношений. С точки зрения внешней критики они имеют менее строгую форму, чем те же акты, к которым относятся международные договоры. Это важное свойство порождает некоторую свободу изложения информации, мыслей и идей в дипломатической переписке. Традиционно, влияние личности рассматривается как неотъемлемое свойство эго-источников. Все же официальная дипломатическая переписка может представлять собой не менее лично наполненный нарратив, чем мемуары или письма. В рамках интеллектуальной истории, которая позволяет выявить скрытые аспекты мышления людей былых эпох, возможно посмотреть на реконструируемые исторические события с нового ракурса. Речь идет о том, что можно не просто последовательно излагать ход событий международной жизни, но и обратиться к точкам зрения, идеям и взглядам участников событий, влияющих на внешнеполитические практики. Послы, консулы, министры и сотрудники министерств являются людьми со своими особенностями мнений и жизненного пути, и при этом еще продукт своей эпохи. Поэтому в источнике довольно субъективном и личностном неизбежно отразится контекст, который также является предметом изучения интеллектуальной истории. Ричард Уотмор, историк Сен-Эндрюсского университета, справедливо полагает, что интеллектуальная история имеет дело с идеями, включенными в контекст своего времени [4].

Прежде чем перейти к анализу конкретной исторической документации, касающейся внешней политики Российской империи, следует обратить внимание на некоторые особенности, которые в дипломатических нотах и рапортах выявляет Э. ди Нольфо. Эти документы – основные в дипломатической деятельности и наиболее информативные в своем роде. Исследователь должен понимать, что за документом стоит человек, который принадлежит к определенной политической системе. Так, в условиях диктатуры, дипломат стремится доносить ту информацию, которая нравится адресатам и не станет навязывать свою точку зрения. Однако конкретная личность может и не вписываться в эту модель поведения и это тоже нужно учитывать [2]. Дипломатические документы логичные и имеют четкую структуру, эти обстоятельства могут увлечь исследователя идти легким путем и смотреть на события международной жизни под сугубо политическим углом [3, с. 30].

Одной из активных областей европейской международной жизни в конце XIX – начале XX в. был «восточный вопрос», возникший в связи с процессом дряхления Османской империи, прямо пропорционально к которому усиливалось национально-освободительное движение, в том числе в армянских вилайетах Турции. Дипломатические документы российских послов в Константинополе неизбежно включают в себя этот аспект, так как в пределах Российской империи на Кавказе компактно проживало армянское население, поэтому армянский вопрос напрямую касался стабильности российского государства.

А.И. Нелидов был назначен послом в Константинополь в 1883 г., до этого короткий период занимал должность управляющего делами в посольстве. Период его дипслужбы в Османской империи стал наиболее значительным во всей его карьере, именно на этом поприще он себя реализовал в большей степени [5]. Его донесения начала 1880-х, адресованные в МИД, содержат не только конкретные факты и информацию о текущих событиях, но целые геополитические проекты, согласно которым Россия должна занять Босфор, вопреки желаниям не только Порты, но и великих держав [6]. Личность дипломата и его взгляды диктовали определенную расстановку акцентов на проливах. В этой связи дипломатические донесения дают материал для реконструкции не только внешней политики государства, но и оценок конкретного посла реализуемого внешнеполитического курса, что важно для понимания функционирования дипломатических институтов. Геополитические взгляды А.И. Нелидова обусловили то, что его секретные сообщения В.Н. Ламздорфу содержат как свершившиеся события, так и идеальные представления о том, какое место должна занять Россия в Малой Азии. Конечно, в полной мере они реализоваться не могли, но нужно понимать, что идеальные представления в той или иной степени влияют на реальную внешнюю политику государства.

Как показывает анализ отдельных донесений, А.И. Нелидов мыслил на дальнюю перспективу. Одним из важных инструментов поддержания интересов России в Малой Азии было решение в какой-либо степени армянского вопроса. А.И. Нелидов был сторонником максимального сближения «русских и турецких армян», через влияние тем, что сегодня принято называть «мягкой силой» – культуру и образование. Он призывал вести такую политику, которая сможет убедить турецких армян в том, что в России есть все условия для их самостоятельного культурного развития и что только она и есть избавление от турецкого гнета [6, л. 5–7].

Взгляд изнутри на страну пребывания предполагает оценки ее политического состояния. А.И. Нелидов в 1896 г. уже накануне своего ухода с должности российского посла в Константинополе предлагал возможные сценарии развития событий в Османской империи в связи с обострением армянского вопроса на фоне «гамидовской резни», которая теперь уже разворачивалась не в отдаленных вилайетах, а в столице империи на глазах всего дипломатического корпуса. «Зерном все восточной задачи» он считал вопрос о проливах и текущие события предлагал использовать для окончательного его разрешения. При следующем всплеске массовых убийств христиан возникала угроза того, что Великобритания может воспользоваться ситуацией и занять черноморские проливы стоящим неподалеку флотом или что еще хуже – сделать это совместно с другими «великими державами». Появление иностранного флота скорее всего не вызвало бы сопротивления турецкого гарнизона. Возможность такого сценария для А.И. Нелидова была очевидной, поэтому он полагал, что пресечь английские намерения должна Черноморская эскадра, заняв верхний Босфор [7, л. 2–9]. Подробный пересказ ситуации здесь необходим для того, чтобы показать целесообразность критического отношения к дипломатическим документам, которые могут нести в себе не только действительное, но и видение желаемого исхода событий. Важна и рефлексия самого российского дипломата, который признает смелость предлагаемого решения и понимает, что выходит за пределы возложенной на него ответственности [7, л. 9–10].

А.И. Нелидов полагал необходимым установить контроль над Черноморскими проливами, используя сложившуюся в турецкой столице ситуацию. При этом существование Османской империи рассматривалось как политическая необходимость [7, л. Зоб.], это определяло и осторожное отношение к армянскому вопросу. Любые волнения в Османской империи рассматривались как провокация для вмешательства иностранных держав, что было бы пессимистичным сценарием для российской внешней политики. Увеличение иностранных морских сил, которое могло быть следствием потрясений, считалось самым нежелательным исходом.

Подобного рода суждения следует понимать как полностью личное видение, но и отражение позиции государства, так как все-таки А.И. Нелидов был имперским чиновником. В дальнейшем большевиками в издании

«Красный архив» была опубликована записка А.И. Нелидова «О занятии проливов» [8] от 1882 г., в которой подтверждается устойчивость геополитических воззрений относительно проливов и «восточного вопроса», что сформировались еще задолго до «гамидовской резни».

В 1897 г. А.И. Нелидова на посту сменил И.А. Зиновьев. Деловая переписка последнего отражает усугубление ситуации в Османской империи и усложнение задач, стоявших перед российским посольством в Константинополе. Он прослужил на этом посту до 1909 г., важной вехой в его дипломатической биографии стала младотурецкая революция, которую И.А. Зиновьев не принял. С.Ю. Витте характеризовал его как «почтенного выдающегося дипломата, прекрасно знающего дела ближнего Востока». О ситуации с отставкой он писал следующее: «Было не ясно, почему именно потребовалось взятие из Константинополя такого выдающегося и компетентного человека, как бывший посол Зиновьев, и назначение такого – во всех отношениях ниже посредственности, как Чарыков» [9, с. 423].

Дипломатические документы авторства И.А. Зиновьева снова отражают политическую ситуацию в государстве пребывания посла. Кризис в Османской империи, о котором писал А.И. Нелидов, еще в 1882 г. продолжал прогрессировать. Давно предрекавшийся распад империи оказался продолжительным и мучительным. Однако кризисное состояние в Турции документируется с учетом влияния на российскую политику. Содержание дипломатической переписки И.А. Зиновьева гораздо больше сфокусировано на Кавказе. «Гамидовские погромы» спровоцировали отток армянского населения из турецких пределов на Кавказ. Смена исторического контекста отразилась на содержании дипломатических источников. Проблема стабильности кавказских территорий империи стала внешнеполитической задачей, в решение которой был вовлечен российский посол.

Его переписка с Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе Г.С. Голицыным, с чиновниками Порты, с министром иностранных дел М.Н. Муравьевым и др. показывают одну из граней восточного вопроса, который был связан с кавказской политикой [10]. Опираясь на данные источники, мы можем реконструировать многообразие позиций относительно армянского вопроса, занимаемых разными российскими чиновниками, Портой и конкретно И.А. Зиновьевым. При всем различии А.И. Нелидова и И.А. Зиновьева следует обратить внимание на преемственность позиций в отношении турецких армян, которую иллюстрируют источники. Он также призывал не допускать усиления влияния западных обществ на население и максимально участвовать в судьбе, в том числе и выдворяемых с Кавказа армянских беженцев: «Я имею основание предполагать, что западно-европейские благотворительные общества, снабжающие и ныне турецких армян пособиями, позаботятся впоследствии об участии и эмигрантов. Но мне, казалось бы, в высшей степени желательным, чтобы со стороны наших состоятельных

армян были заблаговременно приняты меры к оказанию пособий их единоверцам тотчас по прибытии их в прежние места их жительства. Как само собою разумеется, самая раздача пособий, если бы средства на то могли быть собраны в России, должна быть возложена на наших консульских агентов» [10, л. 16].

Заключение. Таким образом, дипломатические источники изучаемого периода содержат не только событийную часть восточного вопроса во внешней политике России в конце XIX – начале XX в. К данным источникам могут быть применены подходы исторической импедологии и интеллектуальной истории. Дипломатические документы, несмотря на официальную форму, имеют много граней, подсветить которые помогает разнообразие методов исторического исследования. Так, наряду с реконструкцией событий международной жизни в пределах конкретной территории или страны пребывания, можно вычленивать представления отдельного дипломата. Многое будет из области видения чиновником ситуации, что антропологизирует историю международных отношений и избавляет от чрезмерной схематичности и сухости. При изучении внешней политики имеет значение реконструкция не только свершившихся событий, но идей и оценок, носителями которых являются конкретные исторические фигуры.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (20-59-05002 Арм_а) – рук. И.В. Крючков.

Литература

1. Koliopoulos, C. International Relations and the Study of Historyfree [Electronic resource] / C. Koliopoulos. – Mode of access: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-242/version/0> – Date of access: 21.01.2023.
2. Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы / Э. ди Нольфо // Урал. вестн. междунар. исследований. – 2003. – Вып. 1. – С. 9–34.
3. Бокарева, О.Б. Классификации дипломатических источников по связям Россией и Персией за 1588–1607 гг. Из фонда-коллекции РГАДА / О.Б. Бокарева // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – Vol. 3. – № 2(54). – С. 160–165.
4. Уотмор, Р. Что такое интеллектуальная история? / Р. Уотмор. – М.: Новое лит. обозрение, 2023. – 200 с.
5. Рыбаченок, И.С. Александр Иванович Нелидов: судьба и карьера русского дипломата / И.С. Рыбаченок // Вопросы истории. – 2021. – № 10–1. – С. 16–35.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 568. Оп. 1. Д. 157.
7. ГАРФ. – Ф. 568. Оп. 1. Д. 159.
8. Нелидов, А.И. О занятии проливов / А.И. Нелидов // Красный архив. – 1931. – Т. 3(46). – С. 179–187.
9. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II: в 3 т. / С.Ю. Витте. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924. – Т. 2. – 534 с.
10. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). – Ф. Турецкий стол. Оп. 502 б. Д. 2479.

Поступила в редакцию 22.05.2023

ФИЛОСОФИЯ

Информационное общество и гуманистические ценности

Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В условиях глобализации существенно наполняются новым содержанием социокультурные процессы.

Цель статьи – анализ трансформации гуманистических ценностей в информационном обществе.

Материал и методы. Материалом исследования явились атрибутивные характеристики информационного общества, трансгрессия ценностных ориентаций людей, включая гуманистические ценности. В ходе работы использованы общепринятые методы теоретического познания, а также общелогические методы.

Результаты и их обсуждение. Информационные технологии являются мощным средством взаимоотношения культур, их диалога. Происходит рост эмпатии в понимании иных духовных ценностей. В то же время наблюдается процесс вестернизации культуры, культивирование нетрадиционных ценностей, девальвация идеала духовно богатой личности. Созданные обществом гуманистические ценности нуждаются в уходе и усвоении. Важно учитывать, что гуманизм – это не только философское понятие, включающее социально-экономическую и политическую сферы бытия. Другими словами, можно говорить о социальном гуманизме. Нарастающий технологический оптимизм автоматически не ведет к гуманизации сознания личности.

Заключение. Гуманистический фактор не может быть заменен экономическим и технологическим факторами. Он выдвигает на первый план творческую свободу и ответственность человека, значение его моральных ценностей и творческих способностей. Важную роль в сохранении гуманистических ценностей играют социально-гуманитарное знание, идеологические ориентиры, которые являются защитой от возникающих угроз глобализирующегося мира.

Ключевые слова: информационное общество, гуманизм, духовные ценности, идеология, социализация личности.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 103–106)

Information Society and Humanistic Value

Rudkovski E.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In the conditions of globalization social and cultural processes acquire new contents.

The purpose of the article is an analysis of the transformation of humanistic values in information society.

Material and methods. The research material was attributive characteristics of information society, transgression of people's value orientations including humanistic values. Generally accepted methods of theoretical cognition were used in the work as well as general logical methods.

Findings and their discussion. Information technologies are a powerful means of the interaction of cultures, their dialogue. Growth of empathy in the understanding of other spiritual values takes place. At the same time the process of culture westernization is observed as well as cultivating non-traditional values, devaluation of the spiritually rich personality ideal. Humanistic values created by the society need taking care of and mastering. It is important to take into consideration that humanism is not only a philosophic concept which includes social and economic as well as the political sphere of being. In other words, social humanism can be spoken about. The growing technological optimism does not automatically result in the humanization of the personality consciousness.

Conclusion. The humanistic factor can not be substituted with the economic and the technological factors. It puts forward the creative freedom and the person's responsibility, the significance of his moral values and creative abilities. An important role in preserving humanistic values is played by the social and humanitarian knowledge, ideological landmarks which are a protection from the emerging threats of the globalizing world.

Key words: information society, humanism, spiritual values, ideology, socialization of the personality.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 103–106)

Процессы глобальной культурной унификации, включая отказ от традиционных гуманистических ценностей, ставят под угрозу основы бытия человека, высшие моральные принципы, исконные духовные основания восточнославянской цивилизации.

Цель статьи – анализ трансформации гуманистических ценностей в условиях информационного общества.

Материал и методы. Материалом исследования выступают сущностные характеристики информационного общества, порожденные им изменения жизнедеятельности людей, включая ценностные ориентации. Используются общелогические методы и общепринятые методы теоретического исследования. В статье применены материалы, ранее опубликованные автором [1].

Результаты и их обсуждение. Формирование духовного мира личности, ее ценностных ориентаций, включая ценности гуманизма, в информационном обществе имеет свои особенности. Сегодня молодые люди являются не просто гражданами конкретной страны, но членами глобального сообщества. Они сталкиваются с целым рядом проблем.

Существует проблема отбора и распространения проверенной, верифицированной информации. Без должного социального контроля информационные технологии могут оказывать разрушительное влияние на общественные процессы и личную жизнь человека.

Информационные процессы часто становятся мощным средством манипулирования сознанием молодых людей, формирования клипового мышления. Вот почему нельзя полностью согласиться с позицией, что «глобальные интернет-ресурсы не смогли преодолеть устоявшиеся национальные и региональные границы» [2, с. 9]. Может, полностью этот процесс и не завершился, но он нарастает с большой скоростью и таит в себе не только позитивные последствия, но и негативные вызовы в сфере ценностных ориентаций молодого поколения.

Молодежь так или иначе пользуется всемирной сетью, что не может не оказывать влияния на процесс ее социализации. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) несут с собой новый образ жизни: новую культуру, существенно влияют на сохранение и воспроизводство гуманистических ценностей, которые, как известно, призваны интегрировать, сплачивать общество. Созданные обществом, они нуждаются в уходе и усвоении. В противном случае человек отчуждается от них, чувствует себя одиноким, покинутым, утратившим свою самость.

Гуманность – это тип поведения, сущностной чертой которого является установка на признание человека высшей ценностью, целью, а не средством (И. Кант). Гуманизм включает в себя важнейшие ценности: свободу, равенство и справедливость, человечность, достоинство человека, ценность каждого вне зависимости от пола, происхождения, религиозных взглядов и т.п. Гуманизм имеет целый ряд предпосылок: экономических, политических, социальных, духовных и идеологических. Возникает вопрос: возрастают ли возможности сохранения, трансляции и презентации гуманистических ценностей в информационном

обществе? ИКТ, безусловно, способствуют увеличению знаний, доступа к достижениям различных стран и народов, развитию способностей людей, свободы выбора жизненных приоритетов. Некоторые авторы говорят о становлении «цифрового гуманизма» [3, с. 88].

Вместе с тем нельзя не видеть возникающих проблем. Р. Адольфи отмечает: «В связи с глобализацией под вопросом оказывается все наше прошлое мышление и осмысленность общества, морали и политики, а также модели и идеальные представления, с помощью которых мы понятийно схватывали до этого “действия”, общественные “институты” и рациональные “нормы” [4, с. 53].

Среди проблем гуманистики в информационном обществе можно выделить следующие: бурное развитие технологий манипуляции сознанием людей; обострение проблемы цифрового неравенства в современном мире. Интернет вовсе не исключает иерархию. Остается существенное различие тех, кто поставляет информацию, и тех, кто пользуется ею, владельцев сетей и обычных граждан; широкое распространение псевдонаучных взглядов, «теорий»; уход от письменной культуры; отказ от традиционных ценностей, их размывание.

Неоспоримо, ИКТ являются мощным средством, влияющим на диалог культур. Однако и здесь мы встречаемся с противоречивыми тенденциями. Происходит взаимообогащение культур, рост терпимости, эмпатии в понимании иных духовных ценностей. В то же время наблюдается процесс вестернизации культуры, культивирование среди молодежи нетрадиционных ценностей, девальвация идеала образованной, духовно развитой личности.

Важно учитывать, что гуманизм – это не только философское, этическое понятие. Он включает также экономическую и политическую сферы бытия, т.е. речь идет о социальном гуманизме. Как ценность «социальный гуманизм ориентирован на духовное, культурное и нравственное развитие граждан, на бережное отношение к историческому наследию и сохранение самобытности национальных традиций» [5, с. 73].

Обозначенная здесь проблема является чрезвычайно важной.

Молодежь сегодня интегрирована не только в глобальные информационные потоки, но и, как следствие, в глобальное общество потребления и производства духовных ценностей. Интернет превратился в своеобразную среду обитания молодежи, используется Западом для атак на традиционные ценности, ценности гуманизма, которыми руководствовался социум на протяжении многих столетий. Молодым людям доносят, навязывают установку, что есть «небинарные, трансгендерные, транссексуальные» люди. Если кто-то не согласен – он гомофоб или трансфоб. А это в Европе признак расизма. «Запретить запрещать» – вот лозунг современных радетелей демократии. Извращения и пороки превратились в норму. Исчезли слова «мать» и «отец» в школьных программах и даже в медицинских документах. О каком гуманизме можно говорить? У ребенка вырваны с корнем две основные

жизненные опоры. Придерживаться традиционных семейных ценностей – это, по мысли современных идеологов, старомодно и реакционно. Господствует культура расчеловечивания. Современный Запад – это атомарный социум, в котором гуманизм и ответственность не предусмотрены, предусмотрен лишь гедонизм.

Террор меньшинств на Западе становится все жестче, а так называемая политкорректность превзошла все строгости цензуры. Перед нами мощная система разрушения природы, сущности человека. Уничтожить человека оказывается легко – надо изменить оценочное отношение ко всему, что стало привычным в жизни, что составляет сущность бытия. Парадоксально, что делается это под флагом не просто гуманных, а сверхгуманных соображений, соображений согласия в обществе, так как ничего нельзя запрещать. Либерализм и культура отмены торжествуют.

В этой связи вряд ли можно слишком оптимистично оценивать влияние информационных технологий на духовный мир человека, полагать, что «смарт-общество будет обществом непрерывных, выведенных на дисплей, открытых в науке и искусстве, обществом нравственных людей» [6, с. 96]. Человек информационного общества, согласно Э. Тоффлеру, является «одноразовым человеком». Для него нет нужды в сохранении исторической памяти, этнических и культурных особенностей. Он лишается культурной индивидуальности.

Информационные потоки существенно влияют на процесс социализации человека. Можно и нужно говорить о медиасоциализации. В отличие от традиционных СМИ социальные сети и блоги носят интерактивный, двусторонний характер. Формирование ценностей также носит интерактивный характер. Человек читающий постепенно уступает свое место в выработке и трансляции ценностей человеку кликающему. Виртуальные связи создают новую основу формирования личности. Социальные сети часто являются убежищем для человека, который не может реализовать себя в реальной жизни. Они создают предпосылки для трансформации традиционных ценностей, включая гуманистические ценности. Процесс этот сопровождается прагматической, утилитаристской окраской формирующегося духовного мира.

Перспективы компьютеризации зависят во многом от господствующих в обществе ценностных ориентаций. Вот почему в информационном обществе возрастает роль социально-гуманитарных наук (СГН), и в частности философии, важнейшая функция которой со времен Платона – поиск идеальных форм, целей и норм человеческого бытия. Социально-гуманитарное знание – это определенное «броня» от попыток замены базовых духовных ценностей суррогатами, определенными мифами, иллюзорной информацией, которую порой невозможно проверить. Как следствие этого, недопустим технократический подход к определению целей развития информационных технологий. За человеком, будем надеяться, останется функция целеполагания и контроля за ИКТ. Гуманистический фактор не может быть заменен фактором технологическим. Именно он выдвигает

на первый план творческую свободу и ответственность человека, знания, моральные ценности и креативные способности человека, его информационную культуру. Очень часто под информационной культурой понимается ее технологический контекст: как ликвидация компьютерной неграмотности, доступность любой информации, благодаря созданию компьютерных сетей. Некоторые авторы полагают, что под информационной культурой следует понимать прежде всего правовое регулирование между отправителем (производителем) и получателем информации [7]. На наш взгляд, такой технократический или только правовой подход должен быть дополнен гуманитарным аспектом информационной культуры. Нарастающий технологический детерминизм автоматически не ведет к гуманизации сознания личности. Нарастание ритма жизнедеятельности под влиянием ИКТ не способствует росту интереса человека к экзистенциальным проблемам. Ж.Ф. Лиотар в книге «Состояние постмодерна» справедливо отмечает, что быстро меняющийся мир, обрывая корни, традиции, устои общества, делая социальные связи мимолетными, с одной стороны, объединяет людей в одном социальном пространстве, а, с другой – изолирует, отчуждает от человеческой природы. Вот почему информационная культура должна иметь важные социальные черты, духовно-нравственное измерение, умение отсеивать низкопробную информацию, фейковые новости, имеющие целью манипулятивное воздействие на человека.

Важную роль в процессе социализации личности играет, как известно, общение. Но оно в информационном обществе претерпевает существенные изменения. Информационные технологии воспроизводят привязанное к компьютеру, гаджетам «поколение с опущенной головой». Живое общение между людьми заменяется общением в виртуальном мире. В конечном счете, это оборачивается неспособностью решать насущные жизненные проблемы. Отсутствие опыта общения аукается затем во взрослой жизни. Выходя в реальный мир, такие молодые люди испытывают беспокойство и замешательство. Более того, пребывание в виртуальной среде оборачивается опасностью попадания в капкан чуждых духовных ценностей, т.к. возможности манипулирования сознанием, как уже отмечалось, здесь чрезвычайно велики. Одним из следствий интернет-зависимости является и такой феномен, как одиночество. Стремясь его преодолеть, обращаются к социальным сетям. Но здесь круг замыкается. Следствие начинают лечить причиной, это следствие вызвавшей. Посредством виртуального общения невозможно выразить и передать всю теплоту человеческих чувств, без которых нельзя говорить и о гуманных отношениях в подлинном смысле этого слова. Дистанция между реальным и виртуальным гуманизмом все-таки существует.

Не может быть гуманным общество, если оно атомизировано раздираемо внутренними противоречиями, если у него нет прочного идейного стержня. Вот почему важно, чтобы у социума была своя идеология. В свое время К. Мангейм в работе «Идеология и утопия» отмечал, что в будущем в принципе можно

достигнуть абсолютного отсутствия идеологии для мира, где все завершено. Общество с исчезновением всех форм идеологии утратит волю к созданию истории и способность понимать [8, с. 169].

Постмодернизм, как известно, отрицает возможность представления об обществе как целостном организме, осуществляет деконструкцию общественных отношений, заменяет социум чем-то виртуальным и фрагментарным, эклектичным (симулякром). В таком представлении и идеология приобретает характер симулякра, который не имеет ничего общего с реальностью. Создатели и пользователи интернет-ресурсов заявляют о времени постидеологии, что на поверку оказывается ничем иным, как идеологией неолиберализма. Когда говорят о ненужности идеологии – это и есть своеобразная идеология [9, с. 100].

Ж. Бодрийяр подчеркивает, что современное потребление – это потребление знаков и символов. «У потребления нет пределов потому, что это полностью идеальная практика. Следовательно, желание укротить потребление или выработать нормы системы потребностей есть наивный морализм» [10, с. 43]. В обществе постмодерна универсальная мораль перестает существовать. Однако если нет морального стандарта, идеологических ориентиров, общество перестает быть единым организмом, атомизируется. Расхожим является утверждение, что только тоталитарному обществу присуща крайняя идеологизация общественной жизни. Практика последнего времени показывает, что страны Запада также являются чрезвычайно идеологизированными. Любая позиция, которая не укладывается в господствующий мейнстрим, объявляется враждебной или, в лучшем случае, замалчивается. Но тот духовный продукт, который предлагают западные неолиберальные СМИ, не может стать приоритетом развития человеческой и, в первую очередь, восточнославянской цивилизации.

Следует помнить, что деидеологизированных обществ в современном мире просто не существует. Идеология всегда рассматривалась как фактор, способствующий объединению и устойчивому развитию общества. Без идеологии нет смыслов, нет определяющих ценностей, а без них невозможно установить и реализовать жизненно значимую стратегию развития общества. Она является детерминантой человеческой активности, стимулирует и направляет человеческую деятельность на достижение определенных целей. Важно, чтобы эти цели, как и содержание самой идеологии, были наполнены гуманистическим содержанием. На наш взгляд, это возможно, если стержень идеологии государства будут составлять общечеловеческие ценности, патриотизм, социальная справедливость, а человек будет рассматриваться как цель, но не средство.

Духовные ценности и ориентиры, социальные связи в современном мире подвержены хаотическим трансформациям. Идеология определяет варианты развития общества, средства их реализации. Это способ презентации социального организма, его воспроизводства в современном динамично меняющемся мире. Идеологические ориентиры – это преграда

и иммунитет от возникающих социальных, политических, духовных угроз глобализующегося мира.

Заключение. Современная молодежь находится в качественно новом социальном и информационном пространстве. Изменяются не только технологические процессы в сфере экономики, но и весь уклад жизни людей, система ценностных ориентаций, включая такие, которые направлены на реализацию ценностей гуманизма. Важная задача сегодня – формирование у молодежи способности противостоять гуманитарной и идеологической интервенции. Общество не может жить в состоянии «без завтра» и «без вчера».

Литература

1. Рудковский, Э.И. Гуманистические ценности и молодежь в информационном обществе / Э.И. Рудковский // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 75-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников, аспирантов, Витебск, 3 марта 2023 г. / ВГУ; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 179–181. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/1230> (дата обращения: 23.03.2023)
2. Донских, С.В. Между «Галактикой Интернет» и региональными границами: опыт анализа виртуальных практик современной белорусской молодежи / С.В. Донских // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. – Мн.: РИВШ, 2021. – Вып. 9. – С. 4–10.
3. Цветкова, И.В. Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании / И.В. Цветкова // Вестн. ВГУ. Сер.: Философия. – 2021. – № 2. – С. 88–97.
4. Адольфи, Р. Эпоха глобализации и проблема гуманистических ценностей / Р. Адольфи // Философия и социальные науки: науч. журн. – 2010. – № 1. – С. 51–55.
5. Орлов, И.Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика / И.Б. Орлов // Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2008 г. / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Науч. эксперт, 2008. – С. 61–73.
6. Кугай, А.И. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации / А.И. Кугай, В.В. Михайлова // Управл. консультирование. – 2019. – № 7(127). – С. 90–99.
7. Мельник, Г.С. Актуальные проблемы современности и журналистика: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – Режим доступа : https://ozlib.com/888221/zhurnalistika/informatsionnaya_kultura_tsennosti_perspektivy_razvitiya – Дата доступа: 23.03.2023
8. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы; сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 113–169.
9. Рудковский, Э.И. Трансгрессия политических и социокультурных ценностей в условиях информационного общества / Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – Т. 33. – С. 97–100.
10. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика. Культурная революция, 2006. – 269 с.

Поступила в редакцию 10.05.2023

Диктатура как социально-политический феномен Востока XX века: социально-философский анализ

Чикиндин М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Политика – искусство, в рамках которого политические акторы чувствуют себя творцами.

Цель статьи – анализ феномена диктатуры на Востоке XX века, ее влияние на восприятие образа того или иного лидера среди местного населения.

Материал и методы. Материалом исследования являются исторические данные, фиксирующие процесс становления диктаторских режимов на территории стран Востока. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются феномен диктатуры, ее социально-политическая и ментально-этическая обусловленность в рамках исторического процесса развития стран Востока. Обсуждается феномен ситуативной обоснованности возникновения диктатуры, проанализированы социальные и этические факторы нахождения такого типа лидера у власти на протяжении длительного времени.

Заключение. Появление диктатуры имеет ситуативную обусловленность, наличие необходимых ментальных характеристик у народных масс, образованных на основе религии и исторического прошлого данного региона, сопровождаемую появлением харизматичных лидеров в странах Востока. Социум приносится в жертву властителю и именно в ней обретает самого себя, персонализируя себя с конкретным политическим лидером, которому необходимо иметь сверхширокие полномочия для претворения всего этого в жизненную реальность. Лидер воспринимается как сверхчеловек, люди верят его высказываниям, безоговорочно выполняют его директивы, выказывают неизъяснимую эмоциональную преданность.

Ключевые слова: диктатура, политика, религия, власть, харизма, Восток.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 107–112)

Dictatorship as a Social and Political Phenomenon of the 20th Century East: Social and Philosophical Analysis

Chikindin M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Politics is an art in which political actors feel like creators. In the article we analyze the phenomenon of dictatorship in the 20th century East, its influence on the perception of the image of a particular leader among the local population.

Materials and methods. The material of the study is historical data that fixes the process of the maturation of dictatorial regimes on the territory of the countries of the East. The main methods are analysis, synthesis, interpretation, comparison, typology.

Findings and their discussion. The article deals with the phenomenon of dictatorship, its social and political as well as mental and ethical conditionality within the framework of the historical process of development of the countries in the East. The phenomenon of situational validity of the emergence of the dictatorship is discussed; social and ethical factors of this type of long-time leader in power for are analyzed.

Conclusion. The emergence of a dictatorship is situational, the presence of the necessary mental characteristics of the masses, formed on the basis of religion and the historical past of the region, is accompanied by the emergence of charismatic leaders in the countries of the East. The society is sacrificed to the ruler and finds itself in this sacrifice, personifying itself with this political leader who needs broad powers to implement all this into reality. The leader is perceived as a superhuman, people blindly believe his statements, unconditionally fulfill his directives, show emotional devotion and support.

Key words: dictatorship, politics, religion, power, charisma, the East.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 107–112)

Политическая власть представляет собой зеркало общества, которым она руководит. При чем зеркало не обычное, а смогшее сконцентрировать в центре энергетику социума и представив ее в виде одного человека, являющегося лидером. Власть выражает волю властвующего субъекта с воздействием на волю подчиняющегося объекта. Еще М. Вебер утверждал, что следует различать власть и господство. Он изучал проявление того или иного типа легитимного господства и взаимодействия в рамках социума. Вот как он это описывает: «Господством называется возможность встречать повиновение определенных групп людей специфическим (или всем) приказам... Каждое господство старается возбудить веру в свою “легитимность” и позаботиться о ней. В зависимости от вида легитимности различается и тип повиновения, тип обеспечивающего его штаба управления, характер осуществления господства, его эффективность. Следовательно, виды господства целесообразно различать по типичной для них претензии на легитимность» [1, с. 10]. Власть – это способность навязывать свою волю по отношению к другим людям, заставлять их что-то делать, вопреки их желанию и сопротивлению, в то время, как господство, более характерное для диктатуры, имеет шанс встретить повиновение у граждан. Если обратиться к трактовке Ф. Ницше, который исследовал властные отношения под ракурсом философско-психологического феномена, власть – это исключительно проекция природы властвующего, которая не нуждается в подвластном. Именно подвластный нуждается в управляющем, который дает волю в качестве способности бытия. Власть – самолюбование, нарциссизм, все – зеркала изменчивости и всеисилия власти [2]. Цель данной публикации – выявить наиболее яркие черты диктаторских режимов XX века азиатского региона с анализом причин их возникновения, влиянием ситуационного фактора на формирование образа диктатора в глазах народа, а также обусловленности его восприятия.

Материал и методы. Материалом исследования являются исторические данные, фиксирующие процесс возникновения и развития диктаторских режимов на территории стран Востока. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. Диктатура – форма правления, известная еще со времен Античности. Диктатура подразумевала изначально неограниченные полномочия, которые получал правитель в Римской Республике для исполнения особых поручений по устранению определенных чрезвычайных положений. Она имела временный характер, а после окончания срока либо после исполнения поручения Сената диктатор слагал с себя полномочия. Впоследствии под диктатурой стали понимать форму осуществления государственной власти, при которой вся полнота власти принадлежит одной политической позиции, олицетворяющейся одним человеком либо правящей груп-

пой лиц. В Средневековье диктатура устанавливалась в городах-комуннах и торговых республиках в результате нежелания нанятых на время войны кондотьеров терять власть, которые, опираясь на наемные войска, становились диктаторами. В период Нового времени диктатура тесно связана с политической борьбой буржуазии и аристократии, результатом которой явились буржуазные революции, наиболее известными из которых стали в Англии и Франции. И хотя их и разделило почти полтора столетия, но они имели схожие следствия, когда первоначальное свободное народное движение закончилось диктатурой, которая исполнялась здесь не отдельными людьми, а определенными группами и не по поручению, а из собственной полноты власти, опираясь на религиозные мотивы или право народного суверенитета. Также здесь диктатура рассматривалась как временное мероприятие для подготовки нового поколения и искоренения старого, испорченного поколения, тем не менее она закончилась единовластием О. Кромвеля или Наполеона. Диктатура – это также регулярно тоталитарное государство, напротив, в современности она только редко бывает абсолютистским государством; скорее преобладает конституционная диктатура. Согласно концепции К. Шмитта, выделяется «суверенная» и «уполномоченная» диктатура [3]. Суверенная диктатура стремится свергнуть существующую систему власти с заменой ее на новую, более соответствующую «идеологической истине». Уполномоченная диктатура стремится сохранить основу существующего конституционного строя (или создать видимость этого), имея основную цель – противостоять кризису и восстановить нормальные условия существования. В этом случае во главу угла ставится суверенная власть, обладающая неограниченными полномочиями и объявляющая стремление к максимальному благу. Впоследствии уполномоченная диктатура может переходить в суверенную. Диктатура имеет схожие онтологические корни с такими формами, как тирания и деспотия. Среди схожих признаков можно выделить: тоталитарный или авторитарный характер осуществления властных полномочий, идеократию, монополизацию общественного мнения и социально-политической системы. Но есть и существенные различия: деспотия предполагает восточный жесткий вариант осуществления властных полномочий, тирания – узурпацию властных полномочий и ситуацию, когда воля тирана ставится выше существующих законов. Но, как правило, термины «тирания» и «деспотия» применяются к монархической форме правления, в то время как диктатура – это порождение республиканского строя, при котором власть осуществляется прямым директивным путем, сопровождается радикальными или репрессивными мерами, не сдерживается какими-либо общественными или политическими институтами либо влияние последних на политику сведено к минимуму.

Несмотря на разницу между временем, локацией возникновения, эволюции и существования диктаторских режимов, мы можем сказать, что большинство

будущих диктаторов приходили в переломный для своего государства момент. Стабильное и неспешное течение внутри- и внешнеполитической жизни практически крайне редко приводило к необходимости возникновения диктатуры. Они брали власть в обществе, наполненном реваншистскими или анархическими настроениями. Реваншистские настроения позволяли с помощью лозунгов возбудить эмоциональную составляющую сограждан и направить их энергию на повышение общественной поддержки и уровня обожествления нового лидера. Анархические настроения, напротив, вызывали страх в обществе и желание иметь «сильную руку» у власти, которая «железным кулаком» наведет порядок в стране. При этом в XX веке практически никто не приходил к власти с лозунгом «Установить диктатуру в стране», но, получая эту власть и постепенно увеличивая ее объемы в своих руках, амбиции росли, а страх потерять эту власть становился все больше. Внутреннее желание тотального контроля всего и вся, вытекающее из потребности власти в человеке, вера в собственную непогрешимость и приводило к возникновению диктатуры. Если мы рассматриваем лидера как фокус групповых интересов и централизацию усилий в одной личности как выражение власти всех, то диктатор может восприниматься как олицетворение темной стороны, которая есть в любом человеке и обществе. Таким образом, по мысли И.А. Ильина, «процесс олицетворения (персонификации) состоит в том, что нечто неличное (в данном случае – государственная власть), или сверхличное (родина-отечество), или многоличное (народ, объединенный в государство) – переживается как личное существо» [4, с. 457].

Для античного Востока был свойственен принцип «неперсонифицированного» правления, используемый еще китайскими императорами, так как считалось, что власть императора настолько велика и всеобъемлюща, что он может управлять, практически не появляясь на публике. Очень часто даже ближайшее окружение императора не знало, в каком из своих многочисленных дворцов он находится в данный момент. Этот принцип будет опираться на конфуцианское и даосское учение, где Конфуций и Лао-Цзы сходились во мнении, что Сын Неба, выступающий образцом для подданных, может проявляться только в свое отсутствие, а пока он жив и правит, воля должна идти с Небес и правление сочетаться с принципом «У-Вэй», подчиняясь естественному ходу вещей, исключая целерациональное поведение. Образ отсутствующего правителя очень точно соответствовал древнекитайскому мировосприятию, которому была слабо свойственна публичность. Тем не менее этот принцип не особо характерен для диктаторов XX века, которые, наоборот, стремились к персонификации деятельности образа правителя с последующим слиянием или подменой в нем воли всего народонаселения в целом с обязательной актуализацией в своем ореоле власти.

Большое значение имеет образ внутреннего или внешнего врага, который диктатор использует в своих

интересах. В XX веке у азиатских лидеров это были антиамериканские и антикапиталистические настроения населения, а внутренним врагом выступала сама система государства, сложившаяся на тот момент на территории страны. Большинство диктаторов изначально выступали с идеалистическими тенденциями с точки зрения социального типа личности, стремясь разрушить имеющуюся систему, создав на ее основе что-то новое, что будет ассоциироваться исключительно с ними и закрепив это созидание с помощью своей власти. Диктатор Камбоджи П. Пот выступал как проповедник строительства кхмерского, буддийского, королевского социализма. Данное направление он называл Сангкум (Народно-социалистическое общество), выстраиваемое на основе применения буддизма в аспекте его борьбы против социальных бед, несправедливости, неравенства. Превозносился дух братства и взаимопомощи, сопровождаемый жертвенностью и совершенствованию личности во имя коллективного начала. Наибольшего отклика эти идеи добились в среде крестьянства, где отношение к правителю на протяжении длительного промежутка времени выстраивалось по принципу долженствования ограничения вседозволенности богачей и поддержки простых людей. Консервативный характер мировоззрения данного региона обуславливал восприятие мироздания как навсегда данного с установкой привычного распределения имеющихся ресурсов для обеспечения жизнедеятельности. П. Пот смог воспользоваться этой стереотипизацией социальных отношений и внедрить ее в свою систему. Взаимодействие с крестьянством осуществлялось с помощью упрощенных, но выразительных лозунгов с расчетом на мобилизацию максимального уровня поддержки среди данного наиболее многочисленного и обездоленного слоя населения. П. Пот говорил сам: «С точки зрения нереволуционного мировоззрения жизнь дается, чтобы иметь дом, достояние, делать карьеру, вкусно есть и веселиться. С точки же зрения революционного мировоззрения, жизнь дана для революции. Если не бороться за революционные идеи, то жизнь не имеет смысла» [5, с. 206]. Все эти предпосылки были реорганизованы в идею уравнительного социализма, осуществляемого с помощью революционного насилия, сопровождаемого воспеванием всеобщей бедности (по принципу «чтобы не было богатых») и лозунгом «опоры на собственные силы», что вводило страну в режим изоляции от всего остального мира, ликвидацией денег, иностранной техники строительного, транспортного и бытового предназначения, СМИ и национализацией частной собственности. Официально это объяснялось нежеланием попадать в экономическую кабалу от более развитых стран. Введенная система военнизированного управления гражданским населением Камбоджи с принудительным переселением народа из городов в сельскую местность, создание сельских коммун позволило еще больше наладить процесс контроля над собственным населением в период осуществления диктаторского правления.

Схожими идеями будет обладать и северокорейское направление Чучхе, предложенное Ким Ир Сенном, также основывающееся на мифологической стереотипизации, марксизме и национализме. Династия Кимов – уникальна. Еще никому в новой и новейшей истории не удавалось установить династию в рамках республиканской формы правления. Ким Ир Сен (а впоследствии и его сын смогли это сделать), воспользовавшись идеей «незавершенной революции». Желание передать власть по наследству своему сыну было обусловлено, прежде всего, желанием Ким Ир Сена сохранить прежний курс власти и не разрушить достигнутого. Дни рождения Ким Ир Сена, его сына и внука праздновались в Северной Корее и имели статус национального праздника, с проведением обязательного собрания трудовых коллективов и чествованием наиболее отличившихся работников. Даже после своей смерти Ким Ир Сен продолжал руководить государством – ему был дарован сыном титул «вечного президента». Его образ продолжает олицетворять власть в Северной Корее, любые парады и праздничные шествия сопровождаются плакатами с его изображением, лозунгами в его честь. Северокорейский вариант марксизма смог войти в симбиоз с монархическими традициями корейского общества и на основе этого синтеза возникла современная структура управления, сложившаяся еще 75 лет назад, но практически не изменившаяся до сегодняшнего дня. Ким Ир Сен практически приравнивался к Богу. При том, что сам он отнюдь не являлся набожным человеком, придерживался материалистических взглядов, чем был похож на вождя советского коммунизма В.И. Ленина, которого называли «дедушка» (хотя он умер в 53 года, не имея детей и внуков), был материалистом и атеистом, но, по иронии судьбы, сам стал объектом религиозного культа. Северокорейский народ отличает преданность вождю, готовность идти за ним до конца. Все это закладывается еще в детстве. Лидер является символом самого государства, что выступает ключевым отличием от западного восприятия власти, где лидер государства тоже может быть достаточно харизматичным и его правление может символизировать целую эпоху, но воспринимается он все равно как служащий менеджер, нанятый народом на определенный срок. В восточном восприятии лидер фактически подменяет собой государство. Например, северокорейская газета пишет: «Родина – это великий вождь», лозунг «Ничему на свете не завидовать», размещенный на денежной купюре, призыв «Жить по-нашему!» [6, с. 515] во многом схожи с идеями полпотовского социализма и восприятия окружающей действительности. В большинстве случаев эти позиции были обусловлены этикой конфуцианства и дзэн-буддизма, которые по-прежнему имеют большое влияние в Северной Корее. Золотое правило нравственности, стремление, прежде всего, принести пользу обществу (в северокорейском восприятии – вождю-государству), а потом уже забота об удовлетворении личных потребностей, чувство долга, традиционализм и консерватизм. Синтез дзэн-буддизма

с конфуцианством повышает уровень ответственности за порученное дело, дисциплинированность, готовность подчиняться, воспринимать текущее положение дел как данность и отсутствие стремления что-то резко изменить в сочетании с приверженностью к аскетизму. Круговорот жизни Ким Ир Сена, псевдоним которого можно перевести как «стать Солнцем», подобен видимому движению небесного светила, где закаты небесного светила сменяются его восходами, но звезда не гаснет никогда, выступая источником света для всей нации. В Северной Корее учение вождя стало и продолжает оставаться даже после его смерти, по сути своей, принципом жизни целой нации. Придя к власти, ему пришлось несколько видоизменить свою биографию, придав ей аутентичность, мифологизацию и патриотичность. Учение Чучхе, основанное на идеалах марксизма, национализма конфуцианства и самобытности северокорейского народа стало идеологической основой его личной власти. Субъектом общественного движения выступают народные массы; вооруженная нация, обладающая высоким чувством национального революционного достоинства и гордости непобедима в своем государстве-крепости. Чувство беззаветной преданности лидеру, вождизм, милитаризм и изоляционизм долгое время определяют внутреннюю и внешнюю политику КНДР. Эпитеты, которыми одаривала пропаганда своего лидера, указывали на метафоричность и гиперболизацию создаваемого ему имиджу в стране: Великий вождь, Солнце нации, Железный всепобеждающий полководец, Маршал могучей Республики, Залог освобождения человечества. Культ личности, выстраиваемый на теории сверхчеловеческие качества, презентация себя в качестве спасителя нации, завораживая публику, добиваясь обожания и преклонения, обладая ореолом святости, сопровождаемый многочисленными митингами и восхвалениями, иконизацией образа.

В китайском обществе режим правления Красного императора олицетворяет Мао Цзэдун. Вот как его описывал Г. Киссинджер: «Высокий и тучный для китайца, Мао устремлял на посетителя свой взор с улыбкой проницательной и в то же время насмешливой, словно предупреждал его всем своим видом, что бессмысленно пытаться обманывать этого знатока человеческих слабостей и двуличия. Он словно излучал непреодолимую тягу властвовать» [5, с. 241]. Мао Цзэдун выступил колоколом, разбудившим китайский народ. Китайцы традиционно консервативны в своем миропонимании и мировоззрении, обусловленном незыблемостью знаний, догматическим характером социальных истин, наличием конфуцианской этики с ее приверженностью ритуалам, слабым уровнем мобильности населения в то время, сочетавшимся с устойчивым жизненным укладом. И все это определяло слабую предрасположенность китайского общества к переменам. Идея «культурной революции» и «большого скачка», реализовавшиеся с разной долей успеха в курсе «Трех красных знамен» имели под собой базовые элементы перестройки китайского общества.

Культ личности и обожествление Великого кормчего, его влияние на народные массы оказались в определенный период исторического времени сильнее китайского традиционализма. Его портреты были развешены всюду, на него буквально молились, повсеместно в Китае цитировались произведения основоположника китайского коммунизма. Мао считал Азию более прогрессивным регионом, с точки зрения революционных перемен, так как азиаты жили намного хуже западноевропейцев и американцев, что способствовало прогрессу революционной борьбы именно на Востоке, а не на Западе. Это сопровождалось уравнилельным коммунизмом, классовой борьбой, революционная социалистическая сознательность и идеологическая составляющая подменяли объективные экономические законы. Ли Чжисуй в своей книге пишет: «После хрущевской атаки на Сталина китайский вождь стал панически бояться, что его тоже обвинят в навязывании массам культа своей личности. Великому китайскому народу, считал Мао, необходим великий вождь, созерцание которого должно вдохновлять жителей Поднебесной на новые трудовые подвиги. Однако при этом нужно было создать иллюзию, что массы сами вознесли Мао на трон. Тогда его власть над страной стала бы несокрушимой и никто даже заикнуться не посмел бы о каком-то там культе» [5, с. 286]. При этом Вождь должен вести народ верным курсом, и только он знает, что нужно делать. Культ Мао также отождествлялся с культом Солнца, и не случайно на многих плакатах времен Китайской революции Мао изображался на фоне восходящего солнца, метафорически указывающего на пробуждение китайского народа, наступление которого ознаменовало попытку уйти от традиционализма и стагнации. Воля вождя, которой должны следовать все, пропагандой изображалась как фокус желаний и чаяний всего китайского народа. Мао, как опытный управленец, знал, что руководя большим государством и осуществляя диктаторское управление, нужно, прежде всего, опираться на толпу. Следовательно, необходимо руководствоваться чаяниями толпы, ее настроениями, подключать эмоциональную составляющую, вместо рациональной, используя лозунги, призывы, коллективное бессознательное. Вести народ должны чувство, эмоции, импульс, а не разум. Цитаты Мао, сопровождавшие любые виды деятельности, становились коллективными заклинаниями и не подвергались сомнению. Религиозное чувства идолопоклонства переносилось в политическую сферу, становясь светской религией.

Саддам Хуссейн – лидер, который взлетел на волне противостояния суннитов и шиитов в арабском мире. Сам он принадлежал к суннитам, как и большинство населения Ирака, ведущего недружественную политику по отношению к соседнему шиитскому Ирану. Кроме того, Хуссейн стремился объединить под своей властью весь арабский Восток, что выльется впоследствии в войну в Персидском заливе. Само имя Саддам в буквальном переводе означает «наносющий

удар». В своей политической биографии он сравнивал себя с царем Навухадносором и знаменитым полководцем Салладином, имевшего ореол победителя рыцарей-крестоносцев. Что примечательно, Хуссейн и Салладин были родом из одного города, что тоже часто преподносилось иракскими газетами как некое божественное предзнаменование и использовалось в пропагандистских целях. Саддам придерживался позиций, которые свойственны многим диктаторам. Тезисно это может быть выражено следующим образом: «Идеи не существуют сами по себе, они живут в головах людей, потому окончательно устранить их можно только одним способом: физически устраняя носителей этих идей». Саддам Хуссейн понимал, что диктаторов часто свергали из-за переворотов – следовательно, нужно внимательно контролировать элиту и, по необходимости, применять методы террора по отношению к ней. При этом необходимо помнить, что диктатору стоит бояться и толпы. С одной стороны, он заигрывает с ней, черпает в ней необходимую энергию, выступает ребенком толпы, но с другой – толпа любит диктатора до определенного момента, после чего она будет безжалостна к нему и не будет помнить своего долга. Г. Лебон, исследовавший феномен толпы, отмечал: «Масса легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество»; «Доказательством того, что успех составляет одну из главных основ обаяния, является одновременное исчезновение обаяния с исчезновением успеха. Герой, которого толпа превозносила только накануне, может быть на другой день осмеян ею, если его постигла неудача. Реакция будет тем сильнее, чем больше было обаяние. Толпа смотрит тогда на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь» [7].

Диктаторы часто выступают покровителями искусства, они в нем нуждаются, а часто и сами создают. Наличие харизмы и языковые могущество способствуют установлению связи между правителем и народом. Феномен харизматичной личности очень важен для изучения, хотя бы потому, что такой лидер не оставляет массы равнодушными. Его можно любить или ненавидеть, преклоняться или проклинать, но быть нейтральным невозможно. Появление харизматического лидера, как правило, социально и ситуативно обусловлено. Исторический опыт демонстрирует, что период перестройки политической системы, возникающих кризисов и проявления нестабильности является положительной основой для проявления различных случайных факторов, в том числе и возникновение лидера-харизматика, которого рождает те или иные исторические обстоятельства. Как мы видим, обстоятельства очень схожи с условиями возникновения диктатуры. Политическая харизма – это нормативный атрибут любой социальной системы. По мнению О.В. Данилевской, «политическая харизма служит лишь признаком кризиса традиционных структур, агонии традиционной психологии, она отражает движение части утративших

психологическую стабильность масс и является попыткой примирить непримиримое – объективную потребность в модернизации общества с сохранением и искусственным оживлением традиционных социальных институтов» [8].

Ораторские способности лидера способные завести толпу и повести ее за собой. Стремление к своему обожествлению и признания другими своей непогрешимости было свойственно многим диктаторам. Язык способен играть страхами и мечтами людей. Очень важно было создать необходимый образ у народа, предлагать нужные слова, так как сила слова способна зажечь людей и повести их за собой. Применение тавтологий и повторяющихся конструкций выступали необходимыми элементами тоталитарного мышления. Американский социолог Роберт С. Линд говорил: «Легче поверить лжи, которую слышал сто раз, чем правде, которую никогда еще не слышал». Власть отдельного доминирующего класса (гегемона) сменяется властью масс, идеологически и политически манипулируемых и умело направляемых лидером.

Заключение. Таким образом, проанализировав условия становления диктаторских режимов в Камбодже, Китае, Северной Корее и Ираке мы видим, что реализация их потенциального проявления в Восточном регионе в XX веке имела под собой, прежде всего, ситуативную обусловленность, наличие необходимых ментальных характеристик у народных масс, образованных на фундаменте религии и исторического прошлого данного региона, сопровождаемую появлением харизматичных лидеров, с разной долей успеха реализовавших свои проекты. Приход к власти катализировался неоднозначными обстоятельствами и бедностью крестьянства в данном регионе, которое и стало движущей силой радикальных изменений с последующим установлением диктатуры. Социум приносился в жертву властителю и именно в этой жертвенности обретал самого себя, персонифицируя себя и свои желания, чаяния и надежды с конкретным политическим лидером, которому необходимо иметь сверхширокие полномочия для претворения всего этого в жизненную реальность. Согласно «героическому» подходу в рамках исторических концепций, история – это биография великих людей, обладающих властью над телами народных масс, над их душами и над их духом, а потому и несущих громадную, сверхчеловеческую, героическую ответственность. Появление «Героев» влечет за собой наступление новой эпохи, часто сопровождаемой установлением жестких режимов, ввиду необходимости аккумулировать энергию народных масс в лидере. В исторической проекции это реализовывалось в форме диктатуры, тирании, деспотии. Данные формы проявления власти имеют схожие онтологические корни. Общим у них является: тоталитарный или авторитарный характер осуществления властных полномочий, идеократия, монополизация общественного мнения и социально-политической системы. Но есть и существенные различия: деспотия

предполагает восточный жесткий вариант осуществления властных полномочий, тирания – узурпацию властных полномочий и ситуацию, когда воля тирана ставится выше существующих законов. Вместе с тем термины «тирания» и «деспотия» применяются к монархической форме правления, в то время как диктатура – это порождение республиканского строя, при котором власть осуществляется прямым директивным путем, сопровождается радикальными или репрессивными мерами, не сдерживается какими-либо общественными или политическими институтами, либо влияние последних на политику сведено к минимуму. Лидер воспринимается как сверхчеловек, люди слепо верят его высказываниям, безоговорочно выполняют его директивы, выказывают неизъяснимую эмоциональную преданность. Он преисполнен чувством миссии радикального изменения или особого предназначения спасти нацию и должен быть притягательным для масс. Во время ускоренных изменений люди больше склонны к состоянию культурной аномии, утрате ценностей, чувства социальной принадлежности, маргинализации. В подавляющем большинстве случаев диктатура базируется на личности лидера, поддержке силовых ведомств (прежде всего, армии), терроре, радикальных реформах в экономической сфере и опоре на народные массы, несмотря на попираемые принципы народовластия, с выделением необходимого в качестве опоры слоя населения. Его представители, испытывая вакуум идентичности, оказываются открытыми для влечения к лидерам, предлагающим радикальные идеологические альтернативы. Сложные события могут настроить людей к поиску утешения в вере в сильного лидера, способного контролировать мощные силы и гарантировать спасение и изменения.

Литература

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. школы экономики, 2016–2019. – Т. 4. – 2019. – 542 с.
2. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Мысль. – 1996. – Т. 2. – 892 с.
3. Шмитт, К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт; пер. с нем.; под ред. Д.В. Кузницына. – СПб.: Наука, 2005. – 326 с.
4. Ильин, И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / И.А. Ильин; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга. – Т. 4. – 1994. – 624 с.
5. Шевелев, В.Н. Диктаторы и боги / В.Н. Шевелев. – Ростов на/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. – 320 с.
6. Млечин, Л.М. Мои друзья-диктаторы / Л.М. Млечин. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 590 с.
7. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; пер. с фр.; пер.: Э.К. Пименов. – М.: АСТ, 2016. – 321 с.
8. Данилевская, О.В. Теория и практика харизматического лидерства. Опыт двадцатого века: дис. ... канд. полит. наук / О.В. Данилевская. – СПб., 1999. – 185 с.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Реформа системы Институтов Конфуция в контексте переосмысления целей международного академического сотрудничества

Костеева Н.В.

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Целью статьи является изучение условий и задач реформирования Институтов Конфуция в рамках теоретического переосмысления глобального образовательного взаимодействия от «культурной дипломатии» к «интернационализации высшего образования» и «дипломатии знаний».

Новое видение роли Институтов Конфуция предполагает обращение к широкому кругу образовательного и научного взаимодействия, где центральную роль играет развитие академической среды безотносительно языкового или культурного влияния.

Материал и методы. *Материалом работы выступает деятельность Институтов Конфуция, рассматриваемая сквозь призму трех универсальных концептов «культурной дипломатии», «дипломатии знаний» и «интернационализации» в структуре глобального образовательного сотрудничества. Исследование выполнялось с опорой на общепhilosophические и общенаучные методы: сравнительный, структурно-функциональный и системный виды анализа, синтез, обобщение и прогнозирование.*

Результаты и их обсуждение. *На пресечении критики и предложений по переосмыслению работы сети Институтов Конфуция китайское правительство приняло решение о реформатировании проекта, сменив вектор его деятельности из пространства распространения китайского языка и культуры в сторону универсальных академических целей и задач.*

Заключение. *Перенаправление работы Институтов Конфуция с целей китайской дипломатии на академические задачи существенно улучшает среду международного взаимодействия, во многом обеспечивая дальнейший успех проекта в глобальном масштабе.*

Ключевые слова: *Институты Конфуция, дипломатия знаний, культурная дипломатия, интернационализация высшего образования, международное гуманитарное сотрудничество.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 113–117)

Reform of the System of Confucius Institutes in the Context of Rethinking the Goals of International Academic Cooperation

Kosteyeva N.V.

State Scientific Institution “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The article is devoted to the study of the conditions and goals of reforming the Confucius Institutes within the framework of a theoretical rethinking of global educational interaction from “cultural diplomacy” to “internationalization of higher education” and “knowledge diplomacy”.

The new vision of the role of Confucius Institutes involves addressing a wide range of educational and scientific interactions, where the development of the academic environment plays a central role, regardless of linguistic or cultural influence.

Material and methods. *The material of the study is the activities of Confucius Institutes, viewed through the prism of three universal concepts of “cultural diplomacy”, “knowledge diplomacy” and “internationalization” in the structure of global educational cooperation. The study was carried out based on general philosophical and general scientific methods: comparative, structural-functional and systemic types of analysis, synthesis, generalization and forecasting.*

Findings and their discussion. *In response to criticism and proposals to rethink the work of the network of Confucius Institutes, the Chinese government decided to reformat the project, changing the vector of its activities from the space of spreading the Chinese language and culture towards universal academic goals and objectives.*

Conclusion. *Redirecting the work of Confucius Institutes from the goals of Chinese diplomacy to academic tasks significantly improves the environment for international interaction, largely ensuring further success of the project on a global scale.*

Key words: *Confucius Institutes, knowledge diplomacy, cultural diplomacy, internationalization of higher education, international humanitarian cooperation.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 113–117)

Развитие международного измерения в сфере образования является одной из важнейших тенденций, характеризующих развитие мировой цивилизации на современном этапе. Между тем теоретическое обоснование целей, задач и инструментов международного сотрудничества в сфере образования за последние сто лет претерпело значительные изменения, соразмерные тектоническим сдвигам, которые пережила мировая цивилизация в XX в. Преимущественной тенденцией, повлиявшей на архитектуру международного образовательного взаимодействия, являлось разрушение глобальной империалистической повестки, где главенствующим процессом следует назвать деколонизацию. В результате возник новый глобализированный мир, в рамках которого на основе взаимного уважения на равных взаимодействуют бывшие метрополии и колонии. Описанное перестроение мировой архитектуры потребовало новых теоретических подходов к обоснованию и продвижению международного образовательного сотрудничества.

Одной из наиболее вовлеченных в указанные процессы стран является Китай, который демонстрирует все большую заинтересованность в глобальном взаимодействии, уделяя особое внимание развитию образовательного направления. Масштабной инициативой Китая последнего времени, безусловно, является проект «Один пояс, один путь», направленный на улучшение международной интеграции в глобальном масштабе. В сфере образования значимой инициативой показал себя проект Институтов Конфуция – прямая интенция Китая играть более активную роль в решении проблем мирового сообщества.

Вместе с тем за 20 лет поступательного развития Институтов Конфуция накопился ряд концептуальных проблем, потребовавших новых подходов к определению их целей, задач и организационной структуры. Изменения последнего времени напрямую увязаны с теоретическим переосмыслением роли Институтов Конфуция в системе международного взаимодействия и глобальной связанности мирового сообщества. Если на ранних этапах развития проект скорее рассматривался в традиционной парадигме гуманитарного инструмента китайской дипломатии, то в настоящее время проект все в большей мере становится институционально самооценным, обретая свои собственные цели и задачи.

Как впоследствии выяснилось, уже в 2010-х гг. ориентация на традиционное восприятие такого рода инструментов, как форм «культурной дипломатии» или «мягкой силы» породила ряд проблем, препятствовавших и дальнейшему масштабированию проекта,

и его операционной деятельности в ряде ключевых для Китая стран. Возникла необходимость в оперативном переосмыслении видения и миссии Институтов Конфуция с учетом реалий современного мира, включая внедрение таких важных концептов, как «дипломатия знаний» или даже интернационализация высшего образования. Целью стояла концептуальная трансформация Институтов Конфуция из инструмента дипломатического влияния в механизм институционального развития международного взаимодействия в области образования и науки. Новое видение предполагало обращение к широкому кругу вопросов образовательного и научного взаимодействия, в центре которого находилось уже не распространение китайского языка и культуры, но построение устойчивых международных образовательных институтов, способствовавших расширению академического сотрудничества. Таким образом, целью данной статьи является изучение условий и задач реформирования Институтов Конфуция в контексте эволюции концептуального обоснования международного академического сотрудничества и теоретического переосмысления значения и структуры глобального гуманитарного взаимодействия.

Материал и методы. Теоретическое описание международного измерения образования, как правило, базируется на трех универсальных концептах «культурной дипломатии», «дипломатии знаний» и «интернационализации». Термин «культурная дипломатия», наиболее ранний из них, был введен в научный оборот в 1930-х годах американским исследователем Ф. Баргхорном, под которым понималась «манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [1]. В дальнейшем термин обрел фундаментальный статус в теории международного гуманитарного сотрудничества, став концептуальной основой понятия «культурная политика», введенного в дипломатический оборот на круглом столе ЮНЕСКО в Монако в 1967 г. [2].

В международной интеллектуальной традиции культурная дипломатия непременно увязывалась с концептом национального влияния. Впоследствии гуманитарная перспектива обосновывается в рамках концепта «мягкой силы», под которым начинают пониматься гуманитарные средства обеспечения дипломатических усилий одного государства по отношению к другому [3]. Одновременно с инструменталистской парадигмой развивается и гуманистический взгляд на культурную дипломатию как одно из направлений межнационального взаимодействия, способствующего смягчению межгосударственных противоречий силами культуры, искусства и образования [4].

В последние 30 лет в результате завершения деколонизации культурная дипломатия все больше подвергается критическому осмыслению, особенно в рамках развития постимпериалистического мироощущения современной философии и науки. Основной задачей критического осмысления «дипломатии знаний» виделся концептуальный переход от целей и задач государства в лице его дипломатии к целям и задачам культуры и науки самих по себе. Решение данной задачи предполагалось достичь за счет исключения парадигмы внешнего влияния в лице «мягкой силы» при усилении значения глобального обмена знаниями как самоценного явления. В результате формируется концепт «дипломатии знаний», под которым сначала понимается политика государств в отношении интеллектуальной собственности [5], а в дальнейшем – усиление межнациональных связей посредством сотрудничества в областях международного высшего образования, исследований и инноваций [6].

Смена вектора дипломатических усилий с элемента культурного влияния к инструменту образовательного взаимодействия быстро нашла поддержку в рамках китайской гуманитарной науки. В частности, такие авторитетные авторы, как Чжан Мэнци и Лю Баоцунь использовали именно концепт дипломатии знаний в рамках философского обоснования продвижения гуманитарного измерения инициативы «Один пояс, один путь» [7]. В то же время все еще отмечается недостаточная проработанность данного концепта в рамках продвижения китайских инициатив, что затрудняет международное понимание целей и задач глобальных проектов, предложенных и реализуемых Китаем [8].

Под недостаточной проработанностью концепта понимается генетическая связанность дипломатии знаний с культурной дипломатией. Как замечает ведущий белорусский исследователь в данной области Д.А. Смоляков, постепенное смещение дипломатических усилий из пространства культурно-языковой реальности в область естественно-научной проблематики в некоторой степени снимает элемент давления «чужой» идентичности, но вместе с тем цели и задачи такого взаимодействия все еще обосновываются национальными интересами государств и их безопасностью [9]. В связи с этим, несмотря на серьезное переосмысление концепта «мягкой силы» в структуре глобального гуманитарного сотрудничества, внешнее целеполагание все еще довлеет над академическим сотрудничеством. Таким образом, задача состоит в том, чтобы обеспечить независимость международного академического сотрудничества, дав ему возможность самостоятельно определять свои цели, задачи и перспективы. В качестве решения видится модель интернационализации, которая во главу угла ставит сотрудничество, предполагающее достижение собственно образовательных, а не дипломатических целей.

Результаты и их обсуждение. Анализ концептуального аппарата международного академического взаимодействия показал прямой эволюционный вектор от культурной дипломатии к дипломатии знаний и интернационализации, который реализуется посредством замещения целей дипломатической повестки целями академического сотрудничества. За 20 лет деятельности система Институтов Конфуция претерпела сходное переосмысление своих целей и задач.

С момента запуска проекта в 2004 г. Институты Конфуция строились по устаревшим европейским образцам XX в. как гуманитарный инструмент китайской дипломатии. Несмотря на это, особое внимание к проекту со стороны КНР привело к быстрому достижению лидерства в области глобального продвижения собственного языка и культуры. По состоянию на конец 2019 года в 162 странах и регионах мира был создан 541 Институт Конфуция и 1170 Классов Конфуция [10], что существенно превосходило масштаб более ранних европейских проектов, таких как немецкий Гёте-Институт или французский Альянс [11]. В результате быстрого роста китайский язык на постоянной основе начал изучаться 100 миллионами человек в более чем 170 странах мира [10].

Одновременно с интенсивным ростом влияния Институтов Конфуция начало проявляться отставание в концептуальном обосновании проекта. В результате усилилась критика Институтов Конфуция как инструмента «мягкой силы» Китая, что привело к возникновению прочной ассоциативной связи между целями работы Институтов Конфуция и китайской дипломатии. В то же время чрезмерная централизация управления сетью Институтов Конфуция добавила аргументов в пользу недостаточной развитости академической свободы [12]. Описанные тенденции породили вопрос относительно целей и задач работы Институтов Конфуция, который можно сформулировать таким образом: является ли целью сотрудничества развитие академического взаимодействия, или же во главу угла поставлены директивы китайского правительства?

Среди других проблем, сдерживающих работу Институтов, можно было назвать недостаточную интеграцию и локализацию, ограниченность учебных программ и инновационных подходов, слабые гарантии софинансирования, большую преподавательскую мобильность, нехватку иностранных специалистов, владеющих китайским языком, основную направленность китайских специалистов на преподавание китайского языка и их слабую, не слишком профессиональную подготовленность к выстраиванию международного диалога с иностранными студентами. Также не была отработана система управления специализированными Институтами и Классами Конфуция, актуальность и необходимость деятельности которых были очевидны университетам-партнерам в условиях изменяющегося международного образовательного взаимодействия. У китайских университетов

не было достаточных полномочий для использования кадровых, управленческих и финансовых механизмов (инструментов), а их участие в деятельности Институтов часто сводилось к выполнению контрольно-отчетных задач для Ханьбань.

Последние 5 лет критика проекта с точки зрения «мягкой силы» только нарастала. В результате озвученных опасений был закрыт первый в Европе Институт Конфуция при Стокгольмском университете. В течение 2020–2022 гг. Швеция закрыла все Институты и Классы Конфуция. Одновременно прекратили работу Институты в университетах Осаки, Макмэстера, Лиона, Чикаго и Пенсильвании. За это время только США объявили о закрытии более 70 Институтов Конфуция на своей территории. В апреле 2021 г. за Швецией последовала Норвегия, которая также объявила о полной остановке проекта. В октябре 2021 года с аналогичной инициативой выступила уже Германия.

Наравне с критикой «мягкой силы» и культурной дипломатии раздавались и голоса о необходимости смены подхода к концептуальному обоснованию целей и задач работы Институтов Конфуция. Некоторые члены академического сообщества выступали против превентивного закрытия Институтов [11], высказав мнение, что право на изучение иностранного языка является также одним из прав человека. Данная позиция согласовывалась с новым направлением развития международной гуманитарной повестки, основанной на принятых ООН всеобщей декларации «О культурном разнообразии» и Конвенции об охране нематериального культурного наследия [10].

На пресечении критики и предложений по переосмыслению работы сети Институтов Конфуция китайское правительство приняло решение о реформатировании проекта, сменив вектор его деятельности из пространства распространения китайского языка и культуры в сторону универсальных академических целей и задач, как, например, сотрудничества человеческой цивилизации и развития образования как единственного пути достижения глобальной гармонии. Развитие Институтов показало, что направленности их деятельности на улучшение внешней лояльности к китайской политике недостаточно в современной международной обстановке, а потому требуется предпринять новые усилия для адаптации данного проекта к решению актуальных проблем современности.

В 2020-х гг. стало очевидно, что для устойчивого развития Институтов Конфуция необходимо решить ряд проблем в области академических свобод, переосмыслив их миссию и существенно повысив качество преподавания и взаимодействия между университетами-партнерами.

С 2020 г. система Институтов Конфуция прошла стадию деполитизации и децентрализации. С этого времени операционная деятельность Институтов Конфуция ложится на плечи университетов-партнеров, а стратегия их деятельности отказывается

от культурной дипломатии в пользу дипломатии знаний и интернационализации. В рамках реформ упраздняется Штаб-квартира Институтов Конфуция и создается некоммерческая общественная организация «Китайский международный образовательный фонд», среди основателей которой 27 университетов, предприятий и общественных организаций. Целями работы организации объявляются укрепление международного взаимопонимания и содействие взаимному обучению путем поддержки китайских образовательных проектов по всему миру. Также создается некоммерческий профессиональный учебный «Центр обмена и сотрудничества китайского и иностранных языков», аффилированный с Министерством образования КНР, взявший на себя функции контроля качества образовательной работы Институтов Конфуция.

Данные меры, с одной стороны, в определенной степени смягчили беспокойство ряда стран в отношении Институтов Конфуция как инструмента «мягкой силы» Китая, однако не изменили ситуацию принципиально. С другой – позиционирование Институтов Конфуция как открытого негосударственного просветительского проекта, деятельность которого направлена на равноправное содействие взаимному обмену, взаимопониманию и сотрудничеству, создала независимую академическую среду для дальнейшего развития проекта, в том числе и благодаря более рациональному использованию ресурсов [10]. Развитие Институтов Конфуция по модели фонда позволило включить в их деятельность разноплановые партнерские организации, такие как общественные организации, университеты, предприятия, международные центры, исследовательские институты, фонды, профессиональные ассоциации, неправительственные организации, государственные учреждения, школы, федерации, обеспечило перенаправление работы с целей дипломатии, на цели этих организаций и общества в целом. Одновременно это дало возможность Институтам Конфуция сфокусироваться на развитии международного высшего образования, исследований и инноваций. Реализуя программу «Китайский +» наряду с процессом обучения китайскому языку, Институты Конфуция трансформируются в научно-образовательные платформы и центры, участвуют в альянсах университетов. Знания стали для Институтов сферой взаимодействия между иностранными студентами, обществом и государствами.

Заключение. Таким образом эволюция концептуального обоснования международного образовательного взаимодействия оказывает прямое влияние на структуру и цели реформирования Институтов Конфуция. Переход от задач «мягкой силы» к целям и задачам академических организаций самих по себе стимулирует к дальнейшей деполитизации и децентрализации Институтов Конфуция в рамках прямого междууниверситетского сотрудничества. Перенаправление работы Институтов Конфуция

с целей китайской дипломатии на академические задачи существенно улучшает среду международного взаимодействия, во многом обеспечивая дальнейший успех проекта в глобальном масштабе. Дальнейшая ориентация на концепции дипломатии знаний и интернационализации высшего образования обеспечит развитие качества обучения, а также расширит институциональные возможности для развития прямого междууниверситетского сотрудничества между университетами-партнерами.

Литература

1. Barghoorn, F.C. *The Soviet Cultural Offensive: The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy* / F.C. Barghoorn. – Princeton, 1960. – 353 p.
2. Цвык, Г.И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) / Г.И. Цвык // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов*. – 2018. – Т. 10, № 5. – С. 135–144.
3. Clarke, D. Theorising the role of cultural products in cultural diplomacy from a Cultural Studies perspective / D. Clarke // *International Journal of Cultural Policy*. – 2016. – V. 22, Issue 2. – P. 147–163.
4. Каширина, Т.В. Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики / Т.В. Каширина, К.Е. Федотова // *Дипломат. служба*. – 2017. – № 2. – С. 22–27.
5. Ryan, M.P. *Knowledge diplomacy: Global competition and the politics of intellectual property* / M.P. Ryan. – Brookings Institution Press, 1998. – 249 p.
6. Knight, J. *Knowledge Diplomacy in Action*. British Council [Electronic resource] / J. Knight. – Access mode: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/research-knowledge-diplomacy-in-action.pdf> – Access date: 25.03.2022.
7. Чжан, М. Теоретическая дилемма и практический выход из международного сотрудничества в сфере высшего образования – продвижение инициативы «Один пояс, один путь». Перспектива дизайна / М. Чжан, Б. Лю // *Журн. Нац. академии управления образованием*. – 2019. – № 8. – С. 39–45.
8. Ли, Ш. Исследование интернационализации высшего образования / Ш. Ли // *Beijing Science Press*. – 2019. – С. 30–46.
9. Смоляков, Д.А. Проблема внешнего влияния в контексте международного образовательного сотрудничества: социально-философский аспект / Д.А. Смоляков // *Вестн. Гродз. дзярж. ўн-та імя Янкі Купалы*. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 95–101.
10. Лю, Х. Проблемы и ответы на участие Китая в международном управлении китайским образованием / Х. Лю // *Информация об образовании в мире*. – 2021. – № 7. – С. 2–12.
11. Ронг, В. Размышления о плане строительства Института Конфуция под руководством кросскультурной теории / В. Ронг, Ч. Лу, С. Юань // *Журн. Второго пед. ун-та*. – 2022. – Т. 39, № 6. – С. 71–77.
12. Peterson, R. *American Universities Are Welcoming China's Trojan Horse* [Electronic resource] / R. Peterson. – Access mode: <https://foreignpolicy.com/2017/05/09/american-universities-are-welcoming-chinas-trojan-horse-confucius-institutes/>. – Access date: 25.03.2021.

Поступила в редакцию 26.04.2023

«Дух предпринимательства» конфуцианской философии как основа концепции корпоративной социальной ответственности современных китайских предприятий

Шэнь Цзинюй

Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Актуальность выбранной темы обусловлена особенностями практического применения «духа предпринимательства» конфуцианской философии в контексте развития концепции корпоративной социальной ответственности.

Цель публикации заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом и почему «дух предпринимательства» стал основой концепции корпоративной социальной ответственности.

Материал и методы. Автор основывается в своей работе на анализе принципов конфуцианской философии в контексте их возможного применения в бизнес-практиках.

Результаты и их обсуждение. Исследуются сильные и слабые стороны «духа предпринимательства», определяется, как западная философия повлияла на формирование концепции человечности в контексте конфуцианской философии и ее отношения к бизнесу. Изучается практическое применение «духа предпринимательства» по отношению к КСО в Китае, разрабатываются принципы управления, ориентированного на человека, защиты окружающей среды и устойчивого развития, а также создания системы корпоративной этики.

Заключение. Принципы конфуцианского духа очень эффективны для современной практики реализации концепции корпоративной социальной ответственности.

Ключевые слова: «дух предпринимательства», «конфуцианский предприниматель», социальная ответственность корпораций в Китае, философия бизнеса, корпоративное устойчивое развитие.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 118–121)

“Confucian Merchant Spirit” as the Basis of the Concept of Corporate Social Responsibility of Modern Chinese Enterprises

Shen Jingyu

State Scientific Institution “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The relevance of the chosen topic is determined by the peculiarities of the practical application of “entrepreneurial spirit” of Confucian philosophy in the context of the development of the concept of corporate social responsibility.

The purpose of the paper is to demonstrate how and why “entrepreneurial spirit” has become the basis of the concept of corporate social responsibility.

Material and methods. The author bases his article on the analysis of the principles of Confucian philosophy in the context of their possible application in business practices.

Findings and their discussion. The author examines strengths and weaknesses of the “spirit of entrepreneurship”, determines how Western philosophy influenced the formation of the concept of humanity in the context of Confucian philosophy and its attitude towards business. Practical application of “entrepreneurial spirit” towards CSR in China is examined, principles of human-centered management, environmental protection and sustainable development, as well as the creation of system of corporate ethics are developed.

Conclusion. Principles of Confucian spirit are very effective for the modern practice of implementing the concept of corporate social responsibility.

Key words: Confucian merchant spirit, Confucian entrepreneur, corporate social responsibility in China, business philosophy, corporate sustainable development.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 118–121)

Адрес для корреспонденции: e-mail: shenjy998@gmail.com – Шэнь Цзинюй

История «духа «предпринимательства» («жу шан») уходит своими корнями в древнекитайский период развития коммерции, когда синтез конфуцианской философии и коммерческой культуры способствовали развитию бизнеса и его укреплению [1]. Тем не менее конфуцианская философия настаивала на том, что личное поведение должно соответствовать моральным нормам, которые не только удовлетворяют материальный интерес, но и позволяют стать частью социальной гармонии. Таким образом, конфуцианская философия оказала положительное влияние на признание бизнесменов в обществе и развитие бизнеса. Бизнесмены начали обращать внимание на свою моральную культуру и социальную ответственность, интегрировали конфуцианскую философию в свой бизнес, создавая новую бизнес-культуру – культуру «конфуцианского предпринимателя» или «духа предпринимательства» («жу шан»). Культура мудрых предпринимателей заключается в формировании этики бизнеса и социальной ответственности, уважении ценности «приоритета человека» и «взаимовыгодной гармонии» в бизнес-моделировании и является важной движущей силой для развития бизнеса в Китае. Цель нашей статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом и почему «дух предпринимательства» стал основой концепции корпоративной социальной ответственности.

Материал и методы. Ключевыми элементами концепции «духа предпринимательства» выступают традиционные конфуцианские ценности, такие как добродетель, социальная ответственность, уважение к традициям и обществу, а также справедливость и равенство, основанные на принципах справедливости и равенства и идеи «такого же обращения, какое Вы хотели бы для себя» и «не делайте другим того, что Вы не хотели бы, чтобы сделали Вам» [2]. Еще один принцип «духа предпринимательства» – это принцип сочувствия или «сопереживания», который предполагает, что предприниматели должны проявлять заботу и сочувствие к своим работникам, партнерам, клиентам и обществу в целом. В контексте бизнеса все перечисленные принципы означают соблюдение нравственных норм, обеспечивающих не только экономическую выгоду, но и социальную благоприятность и развитие материального и морального благополучия.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) – это концепция, согласно которой компании должны учитывать влияние своих действий на общество и окружающую среду, и принимать меры для снижения их негативных последствий. КСО охватывает не только законное поведение компании, но и ее этические стандарты и вклад в благосостояние общества [3]. Важность КСО заключается в том, что она способствует гармонизации отношений между компаниями и обществом, повышению качества жизни людей и улучшению экологических условий. КСО также может привести к изменению имиджа компании и повышению ее конкурентоспособности на рынке.

Компании, которые принимают на себя социальную ответственность, получают поддержку и лояльность со стороны своих клиентов и сотрудников. В целом КСО является неотъемлемой частью устойчивого развития современного общества и компаний.

Моральные принципы конфуцианской культуры акцентируют внимание на ценностях, связанных с уважением к людям и обществу. Эти принципы служат основой для того, чтобы ориентировать бизнес-практики на благоприятное воздействие на общество, а не только на получение прибыли. Идея социальной ответственности лежит в основе концепции морали, призывающей предпринимателей брать на себя ответственность за воздействие своих бизнес-практик на окружающую среду и социальную справедливость [4, с. 52]. Кроме того, конфуцианские ценности и принципы помогают бизнес-лидерам поднимать мораль и этическую ответственность на более высокий уровень. Таким образом, конфуцианская философия с ее концепцией «конфуцианского предпринимателя» служит важным руководством для бизнес-лидеров, стремящихся к созданию более ответственных и устойчивых бизнес-моделей.

Результаты и обсуждение. В прошлом веке были изданы две книги известного социолога и философа Макса Вебера: «Протестантская этика и дух капитализма» и «Хозяйственная этика мировых религий: конфуцианство и даосизм». В этих книгах он использовал один и тот же подход для изучения влияния религии и культуры на экономическое развитие и сделал два вывода. Один из них состоит в том, что протестантская этика западного общества породила дух капитализма и стимулировала развитие западной капиталистической экономики. Он рассмотрел этот вопрос с позиций религиоведения, социологии и философии, найдя ключ к развитию капиталистической рыночной экономики в духе капитализма, выведенном из «труда, умеренности, предназначения» как основной доктрины протестантской этики. «Эта культура стала основой современной капиталистической экономики», – считал он. Он уверен, что «этот дух капитализма стимулировал развитие капитализма» [5, с. 125]. Другой вывод состоит в том, что китайская конфуцианская этика имеет огромные различия в ценностных ориентациях по сравнению с протестантской этикой, что стало препятствием для роста капитализма в древней Китае. Первый вывод, находящий все большее признание и похвалу у зарубежных и китайских ученых, опровергает второй вывод, который вызывает много вопросов и критики у китайских и зарубежных ученых, особенно после того, как в период реформ и открытия Китая достиг впечатляющих экономических результатов и стал второй крупнейшей экономикой в мире.

Следует сказать, что вывод, сделанный в свое время из общественной реальности Китая Максом Вебером, имеет свою логику. Однако, к сожалению, он просто сравнил различные культурные модели Китая

и Запада, не углубившись в духовное наследие и ценности их истории и культуры. Исследователь не смог в полной мере и точно оценить «историческую духовность», которую несут в себе китайская культура и традиции конфуцианства, не говоря уже о том, что он не имел возможности увидеть, какие потрясающие изменения произошли в Китае за последние годы. Сегодня мы можем сказать, что исторический эволюционный процесс в течение тысячелетий подтверждает ограниченность взглядов М. Вебера.

Его первый вывод основан на том, что он видел духовное влияние, порожденное духом капитализма, связанное с новоевропейской этикой протестантизма и способностью внедрять инновации. В его понимании, протестантизм содержал в себе дух непрерывного саморазрушения, в то время как конфуцианская культура имела консервативный путь и нежелание двигаться вперед. Это противоречит духу «творческого разрушения», необходимому для современной рыночной экономики, и поэтому такой тип экономики не может быть успешно развит в Китае. Тогда вопрос заключается в том, каким образом конфуцианская культура сопоставляется с выводом Вебера. Фактически, тезис Вебера поставил вопрос о ценностном и инструментальном рационализме. С начала двадцатого века мы восхищались западным инструментальным рационализмом, потому что он принес китайцам много эмпирических, практических и научных вещей, таких как социальное разделение труда, «рациональный экономический человек» и т.д., которые, по-видимому, привели к совершенной структуре западной экономической теории. Однако Вебер именно с точки зрения ценностного рационализма предложил новый анализ динамических факторов развития западного капитализма, что дало нам полезную методологию для изучения культурных генов китайского экономического развития. Точно так же за огромными экономическими успехами Китая после реформ и открытия стоит огромный вклад китайских предпринимателей, которые при этом сильно подвержены влиянию китайской традиционной культуры, особенно конфуцианской мысли. Поэтому исследование конфуцианства, духа конфуцианских предпринимателей и их взаимосвязи становится крайне необходимым.

Современная теория предпринимательства и дух предпринимательства возникли на Западе и были экспортированы во все уголки мира вместе с западной товарной торговлей. Макс Вебер считал, что протестантская этика является культурным фактором капиталистического духа, а Карл Маркс утверждал, что предпринимательский дух капитализма тесно связан с еврейским духом. В своей книге «Американский миф, американская действительность» (Robertson G.O. American myth, American reality) американский историк Джеймс Робертсон описал современный западный предпринимательский дух, утверждая, что «промышленность» в глазах американцев означает высокую

эффективность, огромные и сложные организации и строгий централизованный контроль [6]. «Многофункциональная супермашина, созданная гениальными людьми и контролируемая безличным центром, с щупами, простирающимися в каждый уголок, с производимыми товарами, которые текут рекой, где цены ниже, а качество выше, а количество больше...» – данный образ капиталистической промышленности стал своеобразным мифом, обретая те черты, которыми в реальности даже не обладал. «В этом мифе компания – это индивидуум, действующий в национальном масштабе, а порой и международном, с большой властью, жестоким, эффективным, жадным, амбициозным контролем, и компания становится метафорой для индивидуума».

Благодаря тезисам Джеймса Робертсона о предпринимательском духе западного мира можно сделать следующие выводы:

Во-первых, индивидуализм является его духовным ядром. Индивидуализм – это центральный элемент западной культуры, он проник в экономическую и предпринимательскую области на ранней стадии капитализма, существенно влияя на западный предпринимательский дух и придавая ему такие яркие черты, как «беспощадность», «амбициозность» и «строгий контроль».

Во-вторых, у западных предпринимателей присутствует стремление к путешествиям, к инновациям и к риску. Этот дух проявляется в их предпринимательской деятельности, в неустанной работе на будущее, в интересе к неизведанным областям и будущему миру, а также в сильном желании открытий и завоеваний.

В-третьих, существенное значение в западной деловой деятельности придается научно-рациональному взгляду. Управление, основанное на научных принципах, известное как научное управление Тейлора, до сих пор считается одним из ключевых подходов в бизнес-сфере. В западной культуре, где индивидуализм выдвигает на первый план науку и рационализм, это тоже важно для западных предпринимателей. Однако с развитием общества и наращиванием показателей современности, западный дух предпринимательства, основанный на технологии и экономических принципах, может способствовать отклонению от целей развития человека, приводящих к негативным последствиям и вызовам современности, таким как индустриальная психология, поверхностные межличностные отношения, истощение ресурсов, ухудшение экологии, усиление региональных конфликтов и т.д.

Одним из ключевых аспектов морали идеологии конфуцианства является уважение к личности и акцент на ценности человеческой жизни. Эта философия также отражает традиционное понимание, что управление организацией должно быть основано на человечности и этических принципах. Такое понимание заключено в концепции «Ставить людей на первое место» (китайский: 以人为本, пиньинь: yǐ rén wéi

bēn), и означает, что организация должна быть основана на уважении к индивидуальным потребностям и ценностям, а также на создании благоприятной рабочей среды, чтобы помочь каждому сотруднику развиваться и реализовывать свой потенциал.

Многие китайские компании в настоящее время используют концепцию “以人为本” в своей практике социальной ответственности, уделяя большое внимание заботе о своих сотрудниках и локальных сообществах. Например, они предоставляют различные социальные льготы, такие как медицинское страхование и пенсионные программы, создают условия для профессионального развития и обучения сотрудников и активно участвуют в благотворительных и общественных мероприятиях.

Конфуцианская философия выступает за гармоничное сосуществование и придает значение охране окружающей среды и устойчивому развитию [7]. Китайские предприятия в своей практике социальной ответственности активно откликаются на экологическую политику правительства, стремятся снижать собственное загрязнение окружающей среды и расход ресурсов, осуществляют действия по защите окружающей среды, сокращению энергопотребления и выбросов, например, проект Муравейник (китайский: 蚂蚁森林, пиньинь: Mǎyǐ sēnlín) от компании Alibaba, в котором каждое низкоуглеродное действие отдельного человека может быть засчитано как «зеленая энергия». Когда «зеленая энергия» достигнет определенного уровня, можно подать заявку через мобильный телефон и посадить настоящее дерево на местности, где требуется восстановление экосистемы.

Китайская философия конфуцианства подчеркивает значение честности, преданности, справедливости и чувства ответственности, оказывающих важное влияние на создание системы доверия в китайских компаниях. В Китае многие компании активно пропагандируют культуру честности, создают и совершенствуют системы управления честностью в организациях, чтобы обеспечить доверие между партнерами.

Например, компания Huawei придерживается принципа честного бизнеса и соблюдения правил, создавая строгую систему соответствия и контроля; China Ping An Group активно пропагандирует общественную ответственность, обращает внимание на проблемы социального развития и стремится создать честную финансовую систему обслуживания. Благодаря таким мерам, китайские компании сохраняют и реализуют дух конфуцианства, повышают свой имидж, укрепляют доверие в обществе и создают более благоприятную среду для устойчивого развития.

Заключение. Таким образом отметим, что «дух предпринимательства» оказал значительное влияние на китайскую корпоративную культуру и социальную ответственность предприятий. Этот дух объединяет такие ценности, как честность, ответственность, справедливость и уважение к людям, являющиеся ключевыми элементами корпоративной социальной ответственности. В рамках этой культуры китайские предприниматели активно участвуют в социально значимых проектах и стремятся к устойчивому развитию своих предприятий, уделяя особое внимание охране окружающей среды и корпоративной этике.

Несмотря на некоторые недостатки концепции «духа предпринимательства» и влияния западной философии на представления о природе человека и его связи с бизнесом, принципы конфуцианского духа остаются актуальными и эффективными в современной практике китайской корпоративной социальной ответственности. Концепция «духа предпринимательства» играет важную роль в формировании корпоративной культуры и социальной ответственности в современном Китае, и его применение выступает как необходимое условие создания стабильной и устойчивой экономической среды.

Литература

1. 裴磊. 明代商人商业崛起与社会环境转变的互动关系分析 – 以商人社会地位与基层社会控制体系、士大夫价值观为中心[J].天津: 经营与管理 = Пей Лэй. Анализ взаимодействия между подъемом купеческой торговли и трансформацией социальной среды в эпоху династии Мин – в центре внимания социальный статус купцов и низовая система социального контроля, а также ценности ши дайфу / Пей Лэй // Экономика и управление. – 2020. – № 7. – С. 64–67.
2. 刘甲朋. 论儒商精神的界定[J].湖北: 湖北经济学院学报 = Лю Цзяпэн. Об определении конфуцианского предпринимательства / Лю Цзяпэн // Журн. Ин-та экономика Хубэй. – 2013. – № 11. – С. 5–10.
3. Ismail, M. Corporate social responsibility and its role in community development: An international perspective [J] / M. Ismail. – Journal of International social research. – 2009. – № 2(9).
4. 萧惑之. 论企业家的“社会责任”[J].北京: 中关村期刊= Сяо Хуочжи. О социальной ответственности предпринимателей / Сяо Хуочжи // Журн. Чжунгуаньцунь. – 2008. – № 7. – С. 52–60.
5. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; пер. Я. Кевена. – Шанхай: Шанх. нар. изд-во, 2018. – 455 с.
6. Robertson, J.O. American myth, American reality / J.O. Robertson. – Hill & Wang; First Edition, 1980. – С. 26.
7. 吴颖. “以人为本”的管理智慧及其现代价值研究[D].苏州大学 = У Ин. Исследование мудрости ставить людей на первое место менеджмента и его современного значения / У Ин. – Сучжоу: Сучжоус. ун-т, 2003.

Поступила в редакцию 26.04.2023

ФИЛОЛОГИЯ

Семантические признаки в составе значений названий животных на материале словарных дефиниций

Мяховский А.А.

Учреждение образования

«Минский государственный лингвистический университет», Минск

Статья посвящена установлению компонентного состава значений названий животных в современном английском языке, выделению наиболее значимых (ядерных) и второстепенных (периферийных) признаков.

Цель работы – выявить как можно более полный спектр признаков и затем установить их значимость в составе значения лексико-семантической группы (ЛСГ) «названия животных».

Материал и методы. *Исследование проведено на материале дефиниций, взятых из лексической базы современного английского языка WordNet. Основной метод работы – компонентный анализ, позволивший выделить все ядерные и периферийные компоненты значения в составе дефиниций названий животных в лексической базе WordNet.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование подтверждает достоверность приведенного А. Вежибицкой семантического описания ЛСГ «названия животных», но помимо компонентов, составляющих семантический стержень, позволяет выделить также не столь частотные и регулярные признаки, такие как оценка, пол, возраст, внутреннее устройство животного, происхождение вида, тем самым дополняет и уточняет состав значения рассматриваемой ЛСГ.*

Заключение. *Исследование раскрывает новые закономерности, касающиеся частотности и регулярности компонентов значения. Так, ядерные признаки (классификационные, перцептивные, поведенческие признаки, место обитания и связь с человеком) отличаются наибольшей регулярностью. Второстепенные признаки, как правило, составляют периферию значения ЛСГ «названия животных» и отличаются гораздо меньшей регулярностью.*

Ключевые слова: семантика, значение, признак, компонентный анализ, семантический стержень.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 123–126)

Semantic Features in the Meaning of Animal Designators According to Dictionary Definitions

Miakhovski A.A.

Education Establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

In the article an attempt is made to establish the semantic component structure of animal designators in present-day English, i.e., to determine its most significant (core) and secondary (peripheral) characteristics.

The purpose of the research is to identify the fullest possible range of features and to establish their weight in the meaning of the lexical and semantic group (LSG) of "animal designators".

Material and methods. *The research was based on the definitions derived from WordNet, a lexical database for English. The main research method was componential analysis, which allowed us to determine all the major (core) and minor (peripheral) components of meaning in the definitions of animal designators taken from WordNet database.*

Finding and their discussion. *The study not only confirms the validity of A. Vierzhbitskaya's semantic description of the LSG of "animal designators", but also determines the less frequent and regular semantic features such as evaluation, gender, age, internal body structure and the origin of species, and thereby refines the meaning of the respective LSG.*

Conclusion. *The study has revealed new regularities concerning the frequency and regularity of meaning components. Thus, the core features (classifying, perceptual features, habitat, behaviour and relation to people) are distinguished by the highest regularity, while secondary features constitute the periphery of meaning of animal designators and are less regular.*

Key words: semantics, meaning, feature, componential analysis, semantic core.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 123–126)

Вопрос о репрезентации знаний человека о мире в языковых значениях ставился многими учеными (Б. Берлин, А. Вежбицкая, Р. Джекендофф, Ф. Кайль, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Е.В. Рахилина и др.). Ведь выявление компонентов значения, характерных для определенного класса слов, позволяет установить, какая именно информация обязательная для выражения в той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ) (составляет ядро значения), какая информация частотная, но необязательная (характерные свойства категории) и какие типы информации вовсе не входят в значение члена той или иной ЛСГ.

Важным этапом в исследовании семантики стало выявление устойчивых совокупностей признаков, характерных для определенных ЛСГ, за которым последовало установление закономерностей, присущих отдельным языкам, а также группам языков, что открывает перспективу выявления семантических универсалий [1; 2]. Иными словами, можно говорить о существовании семантического стержня на разных уровнях языковой организации: у отдельных ЛСГ есть компоненты значения, которые обязательно должны присутствовать в их составе [2, р. 232], также существует определенный набор компонентов значения, которые составляют минисловарь отдельного языка [3, р. 3], и, наконец, всеобщие универсальные компоненты значения, представленные в семантической системе всех языков мира [4, с. 77].

Одной из наиболее активно и давно изучаемых является ЛСГ «названия животных». Хотя некоторые авторы считают, что названия животных недифинируемы, то есть не подлежат компонентному анализу и лексикографическому описанию (*doctrine of indefinability*) [5; 6], в ряде работ можно найти подробный и детально проработанный семантический анализ данной ЛСГ [2; 7; 8; 9; 10; 11]. Поэтому корректнее говорить не о недифинируемости, а о трудности лексикографического описания животных ввиду изобилия составляющих их значение признаков. Благодаря богатству заключенной в них информации названия животных были и остаются привлекательным объектом исследования.

Среди всего многообразия признаков, составляющих значение ЛСГ «названия животных», А. Вежбицкая смогла выделить наиболее важные компоненты, составляющие семантический стержень – ядро значения – данной ЛСГ. К ним относятся: среда обитания, размер, внешние особенности, поведение и отношение к человеку [1; 2]. Однако в состав значения ЛСГ «названия животных» входят не только ядерные, но и периферийные компоненты значения. Так, результаты исследования О.Ю. Гавриловой позволяют с уверенностью утверждать, что состав значения ЛСГ «названия животных» гораздо шире, чем список признаков, вошедших в семантический стержень: значение ЛСГ «названия животных» охватывает широкий спектр, насчитывающий 14 типов признаков [12, с. 40–41].

Цель данной статьи – выявить как можно более полный спектр признаков и затем установить их значимость в составе значения ЛСГ «названия живот-

ных». Основанием для определения значимости признаков послужили такие параметры, как частотность (общее число употреблений признака в составе дефиниций) и регулярность (соответствует проценту слов, в значениях которых содержится признак).

Материал и методы. Исследование проведено на материале дефиниций, взятых из лексической базы современного английского языка WordNet, состав которой весьма разнообразен: в нее вошли данные традиционных и электронных словарей, энциклопедические и психолингвистические данные [13]. Основной метод проведенного исследования – компонентный анализ, который позволил выделить все ядерные и периферийные компоненты значения в составе дефиниций названий животных в лексической базе WordNet. В качестве дополнительных использовались математические методы: с их помощью установлено точное количественное соотношение признаков, вошедших в состав значения названий животных, выявлены параметры разных типов признаков, такие как частотность и регулярность.

Результаты и их обсуждение. Общее число единиц в ЛСГ «названия животных», полученной на материале WordNet, составило 3944. В сумме на них приходится 12979 признаков, все многообразие которых сводится к ограниченному числу основных типов, которые в зависимости от специфики заключенной в них информации распадаются на ряд более частных подтипов признаков. Все выявленные типы и подтипы приводятся ниже.

Классифицирующие признаки. Большая часть классифицирующих признаков в дефинициях представлены общеупотребительными словами, соответствующими фолк-таксономическим жизненным формам (*bird* ‘птица’, *fish* ‘рыба’, *snake* ‘змея’) [7] и базовым категориям Э. Рош (*dog* ‘собака’, *wolf* ‘волк’, *bear* ‘медведь’) [14]. Такие признаки называются нами **общекатегориальными**. Важно отметить, что помимо общекатегориальных классифицирующих признаков в дефинициях также выявлены научные термины, указывающие на точную родо-видовую принадлежность животного в таксономии – научной биологической классификации. Вышеуказанные признаки мы относим к **таксономическим** классификационным. Согласно нашим данным, таксономические признаки чаще всего имеют латинское происхождение (*bivalve* ‘двустворчатый моллюск’ от *Bivalvia* = *bi* ‘двойной’ + *valva* ‘створка двери’), однако в дефинициях встречаются также и прямые латинские включения (*Myrmecia* – род «муравьи-бульдоги»).

Перцептивные признаки. К перцептивным относятся такие признаки животного, как **размер** (*large* ‘большое’, *medium-sized* ‘среднего размера’, *small* ‘маленькое’), **форма** (*cylindrical* ‘цилиндрическое’, *tapering* ‘конической формы’, *oval* ‘овальное’), **цвет** (*black-and-white* ‘черно-белое’, *dull brown* ‘темно-коричневое’, *light-coloured* ‘светлого цвета’), **вес** (*heavy* ‘тяжелое’, *lightweight* ‘легковесное’), **покров** (*feathered* ‘покрытое перьями’, *smooth-coated* ‘гладкошерстное’, *softshell* ‘в мягкой раковине), **запах** (*ill-smelling* ‘дурно пахнет’) и **вкус** (*has an unpleasant taste* ‘имеет

неприятный вкус'). Примечательно, что лишь четыре признака – размер, форма, цвет и покров – могут соотноситься не только с животным в целом, но и с отдельными частями его тела: *large-footed* 'с большими лапами', *fork-tailed* 'вилохвостый', *has a bright blue breast* 'с ярко-синей грудкой', *tufted ears* 'уши с кисточками'.

Поведенческие признаки. В число поведенческих вошли такие признаки животных, как **особенности локомоции** (*hovers* 'парит, зависает', *leaping* 'прыгающее'), **издаваемые звуки** (*has a loud whistling cry* 'громко свистит'), **способы добычи пропитания** (*carnivore* 'плотоядное', *ground-feeding* 'кормится подножным кормом'), **время наибольшей активности** (*nocturnal* 'активны ночью', *diurnal* 'активны днем'), **социальное поведение** (*schooling fish* 'стайная рыба', *hunt in packs* 'охотится в стае'), **половое поведение** (*has elaborate courtship* 'сложные ритуалы ухаживания', *puffs chest* 'раздувает грудь') и **забота о потомстве** (*builds a nest* 'строит гнездо', *cares for the larvae* 'заботится о личинках').

Место обитания. Признаки данного типа могут содержать весьма широкий спектр информации, а именно: о **биоме** (*aquatic* 'водное', *from desert regions* 'животное из пустынных регионов'), о **временных местах обитания и миграции** (*salmon* 'лосось' – *migrates from salt to fresh water to spawn* 'мигрирует из соленых вод в пресные на время нереста'), о **географических регионах, где обитает животное** (*common in southern Asia and the East Indies* 'распространен в южной Азии и Ост-Индии'). Иначе говоря, точность указания на место обитания животного может варьироваться.

Связь с человеком. К данному типу относятся признаки, указывающие на то, насколько животное близко человеку, например: **одомашненность** (*wild* 'дикое', *domesticated* 'одомашненное'), признаки, содержащие информацию о **вреде и опасности**, которые животное представляет для человека (*serious pest* 'серьезный вредитель', *venomous* 'ядовитое'), о **пользе и функции животного** (*destroys injurious insects* 'уничтожает вредных насекомых', *used as bait* 'используется в качестве наживки').

Оценочные признаки. В дефинициях заключена информация об отношении человека к животному, которая выражается в том, что человек приписывает животному некоторую **оценку**. Она может касаться как **физических**, так и **психологических** характеристик животного: *hardy sheep* 'выносливая овца', *sluggish snake* 'медлительная змея', *intelligent dog* 'умная собака', *ill-tempered honeybee* 'раздражительная медоносная пчела'.

Пол и возраст. Чаще всего **пол** и **возраст** не выступают как самостоятельные признаки, а дополняют другие. Мы выявили такие возможные сочетания признаков, как перцептивный признак + пол (*male having bright orange on sides and wings and tail* 'у самца ярко-оранжевые бока, крылья и хвост'), поведенческий признак + пол (*male makes chirping noises by rubbing the forewings together* 'самец издает стрекочущие звуки, потирая передние крылья друг о друга'), функция + пол (*eider duck* 'обыкновенная гага' – *valued for the fine*

soft down of the females 'ценится за нежный мягкий пух самок'), пол + возраст (*young cow* 'молодая корова', *two-year-old sheep* 'двухлетняя овца'). Примечательно, что в дефинициях обычно характеризуются молодые животные и гораздо реже – возрастны, такие как *hack* 'старая лошадь, кляча'.

Научная информация. В дефинициях WordNet встречаются признаки, которые содержат специфическую научную информацию о животном, как, например, **особенности анатомического устройства** (*having five pairs of locomotor appendages each joined to a segment of the thorax* 'имеет пять пар опорно-двигательных придатков, каждая из которых соединена с сегментом грудной клетки'), **время и место возникновения вида** (*of the Jurassic period* 'юрского периода', *Pliocene* 'плиоценового периода', *American breed* 'американская порода', *developed in Germany* 'выведен в Германии'). Включение научной информации в состав словарных дефиниций может служить свидетельством того, что между общим и научным знанием нет четкой границы [15, p. 35], или же быть следствием увеличения объемов научного знания, доступного среднестатистическому носителю языка [12].

В итоге нам удалось установить частотность и регулярность всех указанных типов признаков. Результаты приведены в таблице.

Как видно из таблицы, перцептивные признаки являются наиболее многочисленными, что должно быть связано с многообразием доступной человеку информации о внешнем виде животного. Кроме того, тот факт, что ряд **перцептивных** признаков, таких как **размер, форма, цвет и покров**, могут соотноситься не только с животным как таковым, но и с отдельными частями его тела, позволяет характеризовать животных более точно и вариативно по сравнению с другими типами признаков. Тем не менее перцептивные признаки уступают по регулярности **классифицирующим**. Это свидетельствует о том, что перцептивная информация, несмотря на ее значимость, вряд ли исполняет основную организующую роль в классификации названий животных. Несмотря на то, что классифицирующие признаки немного уступают перцептивным в плане частотности, их регулярность гораздо выше, поскольку почти нет таких названий животных, которые бы не содержали информации об их категориальной принадлежности.

Остальные признаки уступают классифицирующим и перцептивным как в плане частотности, так и регулярности. Как правило, на дефиницию приходится не более одного-двух **оценочных, поведенческих**, а также признаков, раскрывающих **связь** животного с **человеком**, и не более одного **полового** или **возрастного признака**: *harness horse* 'упряжная лошадь' – *horse used for pulling vehicles* 'лошадь, используемая для передвижения транспортных средств' (один признак, раскрывающий связь с человеком), *bullock* 'бычок' – *young bull* 'молодой бык' (один возрастной признак), *peccary* 'пекари' – *nocturnal gregarious pig-like wild animals of North America and South America* 'ночные стадные дикие животные Северной Америки и Южной Америки,

Частотность и регулярность признаков в составе значений названий животных на основании данных WordNet

Типы признаков	Частотность признаков	Регулярность признаков
Перцептивные	4715	61,29
Классифицирующие	4012	98,40
Место обитания	1875	47,54
Поведенческие	1027	26,01
Связь с человеком	810	20,54
Оценочные	203	5,15
Возраст	182	4,61
Происхождение вида	175	4,44
Пол	96	2,43
Внутреннее устройство	66	1,67

похожие на свиней' (указание на время активности и социальное поведение).

Заключение. Полученные результаты не только подтверждают структуру значения названий животных, описанную А. Вежбицкой, но и уточняют ее. С опорой на частотность и регулярность признаков можно судить о значимости компонентов значения названий животных. Анализ показал, что ядро значения – семантический стержень – ЛСГ «названия животных» в английском языке составляют многочисленные и регулярно встречающиеся в дефинициях признаки: классифицирующие, перцептивные, поведенческие, а также такие признаки, как место обитания и связь с человеком. Также нами были выделены менее частотные и не столь регулярные признаки, которые тяготеют к периферии значения ЛСГ «названия животных», к которым относятся оценка, происхождение, возраст, пол и внутреннее устройство животного. Примечательно, что ядерные признаки также отличаются между собой по регулярности: признаки связь с человеком и поведенческие признаки имеют более низкую регулярность по сравнению с другими ядерными. Это может быть связано с тем, что данные типы признаков обычно фиксируются для тех животных, которые имеют для человека практическое значение (съедобные, ядовитые, вредные, опасные) и/или вызывают у него интерес (животные, напоминающие человека сложным социальным поведением, тем, что заботятся о партнере и потомстве и т.д.). Также важно отметить, что признаки с низкой частотностью и регулярностью чаще всего дополняют и уточняют ядерные признаки. Например, признаки **оценка, пол и возраст** обычно встречаются в дефинициях домашних животных (мясной и молочный скот, лошади), а также диких животных, важных для человека (птица-дичь, промысловая рыба).

Литература

1. Wierzbicka, A. *Lingua Mentalis: The Semantics of the Natural Language* / A. Wierzbicka. – Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.

2. Wierzbicka, A. *Lexicography and Conceptual Analysis* / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma, 1985. – 368 p.

3. Goddard, C. *Natural Semantic Metalanguage: The state of the art* / C. Goddard // *Cross-Linguistic Semantics*; ed.: C. Goddard. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 1–34.

4. Олейник, М.И. Семантика предметных имен: (на материале соврем. англ. яз.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 л.

5. Putnam, H. *The meaning of 'meaning'* / H. Putnam // *Studies in the Philosophy of Science*, vol.VII; ed.: K. Gunderson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. – P. 131–193.

6. Kripke, S. *Naming and Necessity* / S. Kripke. – Cambridge: Harvard University Press, 1980. – 192 p.

7. Berlin, B. *Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies* / B. Berlin. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 364 p.

8. Keil, F. *Concepts, Kinds and Cognitive Development* / F. Keil. – Cambridge: MIT Press, 1992. – 345 p.

9. Goddard, C. *Natural Semantic Metalanguage: The state of the art* / C. Goddard // *Cross-Linguistic Semantics*; ed.: C. Goddard. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 1–34.

10. Goddard, C.A. *Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories* / C. Goddard // *Russian Journal of Linguistics*. – 2018. – № 22(3). – P. 539–559.

11. Smith, E.E. *Categories and Concepts* / E.E. Smith, D.L. Medin. – Cambridge; London: Harvard University Press, 1981. – 203 p.

12. Гаврилова, О.Ю. Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Ю. Гаврилова. – Минск, 2008. – 143 л.

13. WordNet [Electronic Resource]: a Lexical Database for English // Princeton University. – Mode of Access: <https://wordnet.princeton.edu/>. – Date of access: 10.09.2021.

14. Rosch, E. *Principles of Categorization* / E. Rosch // *Foundations of cognitive psychology: Core readings*; ed. D. Levitin. – Cambridge: MIT Press, 2002. – P. 251–270.

15. Langacker, R.W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton De Gryter, 1991. – 395 p.

Поступила в редакцию 30.11.2022

«Взрослое» творчество Маины Максимовны Боборико

Пасютина Ю.Н.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», Витебск

В статье рассматриваются рассказы и стихи о Витебске и его жителях белорусской писательницы Маины Максимовны Боборико.

Ввиду отсутствия сегодня серьезных исследований творческого пути и отдельных произведений автора данная тема представляется достаточно актуальной.

Цель работы – проанализировать некоторые рассказы и стихи из сборника «Витебский витраж», выявить важнейшие темы и мотивы творчества М. Боборико.

Материал и методы. *В качестве материала исследования выбраны рассказы «Загадка александрита», «Базарчик», «Человек на скамейке», «Капля осени», «Дорога на холсте», «Грустный новый год», «Паучок», а также стихи из сборника «Витебский витраж». Использовались описательный метод и метод анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Творчество М. Боборико многообразно и многолико. Прежде всего она известна своими произведениями для детей, однако многие ее «взрослые» рассказы, повести, притчи также заслуживают пристального внимания. Особенное значение для литературного Витебска имеет сборник стихов писательницы, который послужил своеобразной летописью нашего родного города.*

Заключение. *В ходе работы был выявлен философский характер рассказов М. Боборико. Грусть, одиночество наряду с верой в лучшее будущее и надеждой стали ключевыми их мотивами. В стихах описывается старый и новый Витебск, его достопримечательности, люди различных профессий, ремесло писателя, а также расцвет и закат жизни.*

Ключевые слова: белорусская писательница, Маина Боборико, рассказ, стихи, Витебск, тема.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 127–131)

“Adult” Works by Maina Maksimovna Boboriko

Pasiutina Yu.N.

Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»”, Vitebsk

The article deals with stories and poems about Vitebsk and its inhabitants written by Belarusian author Maina Maksimovna Boboriko.

Due to the lack of serious research on the creative path and individual works of the writer, this topic seems to be quite relevant today.

The aim of the article is to analyze some stories and poems from the collection “Vitebsk Stained Glass Window”, to identify the most important themes and motives of M. Boboriko’s work.

Material and methods. *The material of this study is stories “The Mystery of Alexandrite”, “The Bazaar”, “The Man on the Bench”, “A Drop of Autumn”, “The Road on Canvas”, “A Sad New Year”, “Spider”, as well as poems from the collection “Vitebsk Stained Glass Window”. The descriptive method and the method of analysis were used in our research.*

Findings and their discussion. *The work of M. Boboriko is diverse and many-sided. First of all, she is known for her works for children, but many of her “adult” stories, novels, and parables also deserve close attention. The collection of poems written by the author is of particular importance for the literary Vitebsk. It is a kind of chronicle of our native city.*

Conclusion. *In the course of the work, the philosophical nature of M. Boboriko’s stories was revealed. Sadness, loneliness, along with faith in a better future and hope, became their key motives. The poems describe old and new Vitebsk, its sights, people of various professions, the writer’s craft, as well as the rise and fall of life.*

Key words: Belarusian writer, Maina Boboriko, story, poetry, Vitebsk, theme.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 127–131)

Маина Максимовна Боборико (21.03.1930 – 01.11.2021) – белорусская русскоязычная писательница, член Союза писателей, обладательница множества литературных наград, большую часть жизни прожившая в Витебске и посвятившая ему и его жителям свои произведения. Она известна прежде всего своими детскими стихами, повестями, рассказами, сказками, на которых выросло ни одно поколение детей. Так, читатели, наверняка, знакомы с ее книгами «Про Светку и ее друзей», «За круглым оконцем», «А у нас во дворе» и др.

Актуальность данной статьи связана с недостаточностью исследовательского интереса к произведениям М. Боборико, что кажется значительным упущением, так как ее творчество обладает определенной глубиной, наполнено житейским смыслом, а по некоторым ее произведениям можно изучать Витебск, его историю, характер проживающих в нем людей.

Цель работы – проанализировать некоторые рассказы и стихи из сборника «Витебский витраж», выявить важнейшие темы и мотивы творчества М. Боборико.

Материал и методы. Материалом исследования послужили рассказы «Загадка александрита», «Базарчик», «Человек на скамейке», «Капля осени», «Дорога на холсте», «Грустный новый год», «Паучок», а также стихи из сборника «Витебский витраж». Использовались описательный метод и метод анализа.

Результаты и их обсуждение. Судьба не всегда была благосклонна к Маине Максимовне Боборико: трудное детство, военные годы, голод, неудачи во взрослой жизни, однако это не убило в ней то творческое начало, которое всегда присутствовало. М. Боборико начала писать после рождения детей, потом работала на телевидении в редакции детских программ, что повлияло на ее развитие в качестве детской писательницы. К сожалению, из-за финансовых трудностей многие ее притчи, новеллы, рассказы, стихи не были опубликованы, что чрезвычайно расстраивало Маину Максимовну, но несмотря ни на что, она продолжала творить до последнего дня своей жизни.

Рассказы М. Боборико носят философский характер. В них – быстротечность жизни, одиночество, упущенные возможности, ушедшая любовь и ценность каждого момента нашего присутствия в этом мире, а вместе со всем этим надежда. В них – через детали, недосказанность раскрывается смысл жизни, а через легкие намеки – пути решения проблем. Емко, точно писательница описывает всевозможные аспекты нашего пребывания на земле, раскрывает красоту природы и мудрость мироустройства. Примечательно, что в рассказах нет имен и фамилий, нет привязанности к какой-то конкретной личности. Главный герой – это «он», «она», «человек», сама автор или же люди различных профессий: продавец, художник и др. Рассказы М. Боборико, с одной стороны, очень интимны, правдивы, когда безусловно

веришь и сочувствуешь автору, полностью погружаешься в повествование, а с другой – читатель понимает, что описываемые ситуации довольно распространены, в них могут оказаться тысячи людей независимо от места проживания и времени, именно поэтому творчество писательницы трогает душу.

В нашей исследовательской работе мы рассмотрим некоторые из рассказов Маины Максимовны Боборико, раскроем основные темы и мотивы.

Так, рассказ «Загадка александрита» о наших предубеждениях, о боязни сделать шаг навстречу своей судьбе, о том, что мы перекладываем ответственность за наши несчастья на все что угодно, но не на нас самих. На этот раз виновником неудач стал магический камень александрит. «Может быть, в этом камне хранится заколдованное счастье, и нужно только подобрать ключик или заветное слово, чтобы чары рассеялись и оно, это кольцо с александритом, перестало быть предвестником беды? Или просто так совпало, что, покрасовавшись на пальце, оно притягивало к его хозяйке одни неприятности? А может, все-таки дело не в нем, а в суеверии...», – думала героиня рассказа [1]. Она вспоминает зависть коллег и те неприятности, которые обрушились на нее после того злосчастного дня, когда надела колечко с дорогим камнем (допустила ошибку в отчете, разбила горшок с цветком, потеряла ключ от квартиры, все валилось из рук). Женщина спрятала украшение подальше от глаз как бы оправдываясь тем, что «где-то она слышала, что александрит играет с людьми злые шутки, пока не найдешь ему пару» [1]. Ей было это вполне понятно, так как и «людей хороших вокруг много, но, чтобы кто-то к сердцу прирос...», и она тоже, как этот удивительный камень, «ждет свою половинку – может, она где-то рядом, стучится в соседние двери?» [1]. Рассказ заканчивается случайной встречей: у нового сотрудника серо-голубой взгляд, как у александрита, и зовут Александром. Маина Боборико будто намекает: вот она надежда на новый этап жизни, только протяни руку, не упусти.

В рассказе «Базарчик» описывается суета на мини-рынке, разговоры, толкотня, бойкая торговля, одним словом, жизнь, которая кипит вокруг нас, «как овощи в мультиварке, приправленная ароматом трав, цветущей сирени и остротой отношений, порой грустных, порой радостных, и мы дегустируем с удовольствием это варево, которое называем жизнью» [2]. Для автора это не просто базарчик, его обитатели, но прежде всего – впечатления, которыми она спешит «накормить» свою записную книжку, место вдохновения. Маина Боборико мастерски изображает соседку, «базарную элиту», «бесхозную кошку», «рыжую псину» [2]. И пусть тетя Зина считает автора бездельницей, «которая от нечего делать приходит сюда неизвестно зачем, ничего не продает и почти ничего не покупает», то, что писательница уносит отсюда, не продается: это впечатления, которые радуют или огорчают Маину Максимовну, и она прячет их

«на память» [2]. Базарчик – это своеобразная мастерская М. Боборико, где рождаются слова, складываются в предложения и превращаются в очередной шедевр.

Рассказ «Человек на скамейке» пропитан грустью о неудавшейся жизни, об упущенных возможностях, об утраченной любви, о потерянной связи с людьми, о непонимании и невнимательности друг к другу, об одиночестве. Сидя около музыкального училища и слушая льющисся звуки из его окон, человек осознает, что все, что осталось значимое в его жизни – это его питомцы змеи и музыка. С горечью он называет людей «трусливыми», «не умеющими ценить истинную красоту», когда понимает, что его близкие не признают его увлечения прекраснейшими созданиями – змеями [3]. Что касается музыки, то она «расслабляла, очищала душу от горечи и сомнений, пряча его от самого себя – того, каким он был всю свою жизнь. И ничего уже не вернешь» [3]. Глядя на шумящих подростков, герой вспоминает, что и он кричал в свое время, «но его крик, упав камнем, застыл на дороге, и люди обходили его, не желая услышать застывшие звуки» [3]. Маина Максимовна как бы намекает, что каждый из нас сочиняет свою судьбу, и только нам решать, какая она будет: яркая, наполненная важными событиями, или же как у человека на соседней скамейке, который «пытался удалить фальшивые ноты из симфонии своей жизни, переписать ее на новый лист» [3]. К сожалению, безрезультатно.

М. Боборико удивительно точно подмечает и передает на бумаге красоту природы, которая будто оживает и предстает перед нашими глазами. Вот и рассказ «Капля осени» наполнен изящным, удивительным описанием всего того, что нас окружает: сказочное название станции «Лужки» умиляет, «работяга-поезд» восхищает, лесные богатства поражают. Маина Максимовна с любовью говорит о лисичках «рассыпавшихся, словно девчушки на переменке в школе в рыжих панамках, которые кто-то только что выстирал, но не успел погладить», о пшеничном поле, похожем на «рыжего отдыхающего ежа», о «проголодавшейся электричке», «крутлобых боровиках», «веснушчатых» курочках и «розовых пушистых волнушках» [4]. С помощью М. Боборико мы видим и чувствуем всю мощь и силу природы, учимся у нее умиротворению и спокойствию.

Рассказ «Дорога на холсте» полон воспоминаний. Образ дороги символичен и неслучаен в сознании славянских народов: бесконечная, утомительная, вызывающая тревогу и боль, боязнь неизвестности. Мотив дороги сопровождается мотивами грусти, тоски, одиночества. Так, главный герой, художник, любит рисовать дорогу, и она же – источник тяжелых мыслей, непростых переживаний. Военное время, трудное детство, побег по этой самой дороге в иную жизнь, память о родителях и их трудной судьбе переплетены между собой, и все это, что не «отсеклось» за годы жизни, «не горит, не тонет, а остается в подсознании, причиняя боль» [5]. Свою боль художник хранил глу-

боко и не хотел делиться ею ни с кем, так как «его дороги оставались его дорогами», но, как верно пишет Маина Боборико, «жизнь продолжается» [5]. Рассказ заставляет задуматься о нашем месте на земле, о смысле существования, о ценности жизни.

Рассказ «Грустный новый год» звучит в такой же тональности, как и предыдущий. Кроме того, необходимо отметить его некоторую автобиографичность: тяжелая небогатая жизнь, отец детей «который уже месяц не появляется дома ни трезвым, ни пьяным», его увлечение жетонами для автомата с водкой, горечь от былой любви, оплакивание своей неудавшейся семейной жизни – все это роднит героиню рассказа с М. Боборико [6]. Действие рассказа разворачивается в особенный день – 31 декабря, и от этого происходящее приобретает особую значимость. Несмотря на неприятное событие для героини – потерю общественных денег, Маина Боборико уверена: «Завтра наступит новый год, и жизнь начнется с новой строки. Кто знает, что принесет ей новый год? Может быть, в его запасниках для нее припасены и радости, и удачи? Очень хотелось в это поверить» [6].

Следует отметить и жанр юмористического рассказа в творчестве М. Боборико. В рассказе «Паучок» Маина Максимовна изобразила случай из своей собственной жизни. По признаниям писательницы, она не выходила из дома в последние десять лет жизни, а общение с внешней средой сводилось к общению через окно и балкон, поэтому Маина Максимовна Боборико начала оживать все окружающие ее предметы, природу, разговаривать с деревом, представлять, как оно отвечает шелестом листьев, наклоном веток. М. Боборико ощущала себя в природе, ее частью, поэтому происшествие с наглым паучком легло в основу ее юмористического рассказа. «Мой балкон – моя приемная, – пишет писательница, – а тощий длинноногий паучок, которого в народе презрительно обозвали “коси сено” – посетитель» [7]. Паучок ведет себя смело: не растерялся, шагнул на кресло, «будто хочет подсидеть» писательницу, а потом и на плед, в вазон с цветами, где «бродит там как агроном по полю, только сапог резиновых не хватает» [7]. Маина Максимовна с любовью описывает все живое и, ненароком обидев паука, ждет его снова в гости.

Маина Максимовна Боборико прославилась и своими великолепными стихами. Огромное значение для понимания ее творчества имеет сборник стихов «Витебский витраж», который пропитан любовью, нежностью к родному Витебску, его улицам, площадям, людям. Это своеобразный итог всего творческого пути писательницы, ведь в сборнике собраны все воспоминания, боль утрат и разочарований, тихая грусть и робкая радость. Благодаря стихам мы можем проследить те изменения, которым подвергся Витебск, это своеобразная летопись нашего города.

Удивительно, как мастерски Маина Боборико «рисует стихами» и город, и «проспекты новые», и фонтаны, и «деревья с зелеными кронами» [8, с. 5].

Писательница подчеркивает, что в Витебск «влечет история», а также «легенды, долетевшие до нынешнего дня» [8, с. 9].

В стихотворении «Провинция» М. Боборико поднимает одну из важнейших проблем нашего времени: переезд молодых людей из маленьких городов и деревень в мегаполисы, сетует на то, что тем самым мы теряем свою индивидуальность, лицемерим, пытаемся прижиться на новом месте:

Красивый город, хоть и не столица,
Любовь к нему ни взвесить, ни измерить,
Как жаль, что кто-то из него стремится,
Чтоб жизнь столичную к себе примерить.
Пусть где-то жмёт и не к лицу фасон,
Готов стать пуговицей, только бы пришить.
«Эх, люди, люди, это ж моветон», –
Сказала бы из прошлого девица [8, с. 13].

Прожив долгую жизнь в Витебске, видя его рост, перемены в облике (не всегда в лучшую сторону), разрушения, в душе Майны Максимовны вновь и вновь всплывают воспоминания, сожаления о старом Витебске:

И костел Святого Антония
Рассыпался в прах со стоном.
Вижу холм за Витьбой ссутулился –
Как мне жаль нашей старой улицы!...»
«По живому режут душу – потерпи,
Память сердца сохрани и укрепи [8, с. 19].

М. Боборико не забывает рассказать и о значимых архитектурных достопримечательностях Витебска. Например, известному и любимому всеми жителями Витебска «синему» дому, ставшему уже своеобразным символом нашего города, посвящено одно из ее стихотворений:

Для нас же был, стоял и есть
Огромный синий баклажан,
Какой не спрячешь в чемодан –
Такой солидный весь
То наш известный Синий дом,
И жизнь кипит, клокочет в нем.
Ты сам узнаешь, что почём,
Лишь дверь толкнешь плечом [8, с. 45].

В сборнике представлена целая вереница людей разнообразных профессий «Актриса», «Старьевщик», «Парикмахер», «Рыночный сапожник» и другие. Так, говоря о старьевщике, Майна Боборико утверждает, что:

У каждого своя судьба и вера.
Старьевщик свой, что в нас самих живет.
Он видит мир в изношенном и сером,
Что вдруг мелькнет и пеплом упадет [8, с. 21].
А работа парикмахера заключается в том, чтобы:
Побрить, подстричь, усы подправить
Про брильянтин не позабыть,
Чтоб очаровывать красавиц,
С которыми по жизни плыть [8, с. 22].

Метко высказывается Майна Максимовна о сути человеческой, о том, что делает человека человеком. Она строга к себе и другим, требовательна и сурова, уверенная в том, что люди не должны растерять своих высоких моральных качеств. В стихотворении «Сужу о людях по поступку» писательница утверждает, что:

Нам всем присуще раздвоенье.
В нас двое борются хитро.
И тот, кто черный на мгновенье,
Вдруг явит подлое нутро [8, с. 95].

М. Боборико сомневается, имеет ли право осуждать других, ведь, возможно, оступившемуся человеку нужно помочь «укрепить» приступки, «и руку протянуть», и доброе слово сказать, и тогда «добрая основа вновь прорастет, как суждено» [8, с. 95].

И на еще одно обязательное качество человека указывает писательница – справедливость:

Оценивая сам себя,
Ломбарду сущность не предложишь.
Любя себя иль не любя,
Будь справедливым, если сможешь [8, с. 102].

Мотив уходящей молодости и наступающей старости пронизывает весь сборник. Писательница то и дело вспоминает о юности, о стремительно бегущих годах, сожалеет о так быстро и неумолимо проходящей жизни. В стихотворении «Бег времени» М. Боборико и «грустно», и «тревожно» от того, что «за временем, бегущим, не угнаться», а ей так хотелось бы «в сегодняшнем остаться» [8, с. 37]. В стихотворении «Часы» Майна Максимовна напоминает о том, что часики нашей жизни тикают от первого нашего вздоха, и:

Как много надобно успеть,
Но сутки все сужаются.
Ох, как не хочется стареть,
А старость не прощается [8, с. 81].

Мудрое, философское отношение ко времени слышится в следующих строках:

Время – это утренний рассвет,
Шелест желтых листьев под ногами,
Не поймать ни мыслью, ни руками,
Есть оно, а вроде бы и нет [8, с. 92].

Примечательно, что Майна Максимовна отмечает не только свое старение, но и замечает старение своего собственного стиха:

Стих постарел, как я, почти уже не может
Ромашками засеивать строфу,
Пробившись сквозь бурьян.
Но жизнь всегда поможет,
Букет ромашек бросив на строку [8, с. 162].

Нельзя не согласиться с М. Боборико, которая утверждает, что, чтобы принять свой возраст, нужно все «правильно понять», и тогда становится оче-

---

видным, что «он и мудростью богат», «и сединою приукрашен», а потому нужно ли считать годы? [8, с. 100]

Маина Боборико принимает с кротостью и благодарностью все, что послано ей судьбой. Она полностью берет на себя ответственность за то, что с ней когда-то произошло, хорошее или плохое, а потому со знанием дела заявляет:

Я жизни полотно соткала,
Каким смогла его соткать.
И грустных нитей в нем немало,
И радостных не сосчитать [8, с. 100].

В сборнике стихов «Витебский витраж» мы находим стихи и на другие темы: времена года, пробуждение и угасание природы, послевоенный Витебск, расцвет и закат жизни и др. Во всех стихотворениях сосредоточена любовь Маины Максимовны Боборико к своему детищу. Как обобщение всего творчества, звучат ее слова:

Я рисую свои стихи,
Подскажи, где штришок неточен.
Карандаш мой всегда отточен,
Но случаются и грехи [8, с. 161].

Заключение. Таким образом, в рассказах, стихах Маины Максимовны Боборико заключена вся наша жизнь: радость и горе, успехи и падения, победы и разочарования, грусть и сожаления, но и надежда на светлое будущее, на исполнение желаний. Вера

проходит сквозной темой всего творчества писательницы. Любовь ко всему живому, трепетное отношение к слову, философское восприятие и понимание всего происходящего помогает М. Боборико доносить ценные идеи до нашего сознания, тем самым заставляя своего читателя жить по совести.

Литература

1. Боборико, М.М. Загадка александрита // М. Боборико // Витьбичи. – 2015. – 3 янв. – С. 16.
2. Боборико, М.М. Базарчик [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1888>. – Дата доступа: 18.12.2022.
3. Боборико, М.М. Человек на скамейке [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1862>. – Дата доступа: 18.12.2022.
4. Боборико, М.М. Капля осени [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1858>. – Дата доступа: 18.12.2022.
5. Боборико, М.М. Дорога на холсте [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1850>. – Дата доступа: 18.12.2022.
6. Боборико, М.М. Грустный новый год [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1796>. – Дата доступа: 18.12.2022.
7. Боборико, М.М. Паучок [Электронный ресурс] / М.М. Боборико. – Режим доступа: <https://proza.ru/2017/01/29/1830>. – Дата доступа: 18.12.2022.
8. Боборико, М.М. Витебский витраж: поэтический сборник / М.М. Боборико. – Минск: Медисонт, 2017. – 168 с.

Поступила в редакцию 19.12.2022

Концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе (на материале сказок о Емеле)

Шаколо А.В.

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследования дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира. В основе сказочного дискурса – противопоставление дома и леса. «Дом» является ключевым концептом сказочного дискурса, чем обусловлена актуальность его сравнительного анализа в волшебных сказках.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе на материале сказок о Емеле («По щучьему веленью»).

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны русские, белорусские и польские волшебные сказки, записанные А.Н. Афанасьевым, Л.Г. Барагом и К.Я. Эрбеном. В ходе работы использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Нами был проведен сравнительный анализ концепта «дом» в русской волшебной сказке «Емеля-дурак», польской «О глупом Пецивале» и белорусской волшебной сказке «Искарка-парубак Дзевічы сын». В русском и польском текстах были выявлены схожие сюжет и композиция и в равной степени важное значение концепта «дом», что не исключило наличия идиоэтнических особенностей в обоих случаях. В белорусском варианте сказки отмечено особенно трепетное отношение героя к родному дому, а также совмещение двух сюжетов: о щуче и о богатырях.

Заключение. Наряду с общими чертами, концепт «дом» обретает национальную специфику, свойственную той или иной лингвокультуре. Выделенные нами идиоэтнические и универсальные черты подтверждают необходимость дальнейшего анализа ключевых концептов сказочного дискурса восточных и западных славян, объединенных схожим сюжетом либо образом главного героя и не утративших актуальность в наше время.

Ключевые слова: концепт «дом», сказочный дискурс, русские, белорусские, польские волшебные сказки.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 132–136)

The Concept of Home in Russian, Belarusian and Polish Fairy-Tale Discourse (Based on the Material of Fairy Tales about Emelya)

Shakolo A.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Researches of the discourse analysis of the text have become more and more significant for linguists all over the world. In the basis of the fairy tale discourse is the contrast between the home and the forest. Home is a key concept of fairy tale discourse, which explains the relevance of its comparative analysis in fairy tales.

The purpose of the article is to analyze the concept of home in Russian, Belarusian and Polish fairy tale discourse on the material of fairy tales about Emelya ("At the Pike's Behest").

Material and methods. Russian, Belarusian and Polish fairy tales collected by A.N. Afanasyev, L.G. Barag and K.J. Erben were selected as the research material. To solve the set tasks, descriptive, inductive, comparative methods and the method of discourse analysis were used.

Findings and their discussion. We have conducted a comparative analysis of the concept of home in the Russian fairy tale "Emelya the Simpleton", in the Polish fairy tale "About the Stupid Petsival" and in the Belarusian fairy tale "Iskarka-Young Man, the Son of Princess". In the Russian and Polish texts, similar plot and composition were revealed, as well as the equally important meaning of the concept of home, which did not exclude the presence of idioethnic features in both cases. In the Belarusian variant of the fairy tale, the protagonist's especially reverent attitude to his family home is noted, as well as the combination of two plots: about the pike and about epic heroes.

Conclusion. Along with the common features, the concept of home acquires specific national features, which are typical for various linguistic cultures. The idioethnic and universal features highlighted by us confirm the need for further analysis

of the key concepts of the fairy tale discourse of the Eastern and Western Slavs, which are united by a similar plot or the image of the main character and have not lost their relevance to this day.

Key words: the concept of home, fairy tale discourse, Russian, Belarusian, Polish fairy tales.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 132–136)

Дискурс, будучи языковым выражением определенной общественной практики и вместе с тем ситуативным контекстом в сочетании с самим текстом [1, с. 230–232], является многозначным понятием с множеством вариантов трактовок. Исследования в области дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуального анализа рассматриваются в трудах таких ученых, как В.А. Маслова, А.Ю. Брицына, В.В. Иванов, В.И. Коваль, С.Ю. Неклюдов, В.Я. Пропп, М.В. Пименова. Поскольку вопрос дискурса и его составляющих остается открытым, особенно актуально выделение его важнейших компонентов. В нашем исследовании таковым выступает концепт «дом» как один из ключевых концептов сказочного дискурса.

В дискурсе волшебных сказок действие, как правило, охватывает две локации: дом и лес. К ним могут добавляться также сторонние, однако две вышеназванные являются основными, реализуя оппозицию «свой–чужой», лежащую в основе любой культуры. Под ключевым концептом мы понимаем концепт, который служит неотъемлемым элементом дискурса и присутствует в большей части волшебных сказок, а также играет важную роль в каждой из них (ср. «дом» как близкое, дорогое для главных героев место, куда они возвращаются в конце сказки, – за исключением случаев обретения нового дома в виде, например, дворца или замка).

С учетом названных признаков «дом» – ключевой концепт сказочного дискурса. Ключевым он является также и потому, что универсален как место, в котором начинается действие сказок. В доме проходит детство главных героев, с ним же, как правило, связана их семья. Этот же дом они по той или иной причине вынуждены покинуть в дальнейшем, чтобы впоследствии вернуться или найти новый дом. Тот, в свою очередь, обретает функции прежнего дома. Следовательно, можно утверждать, что концепт «дом» олицетворяет первую часть оппозиции «свой–чужой» в сказочном дискурсе, так как именно в нем находит свое воплощение все близкое, родное, безопасное для протагониста (главного героя или героини сказки) – в противовес непредсказуемости лесной стихии.

В нашей работе мы проанализируем концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе как воплощение «своего», сравним отношение к дому в фольклоре русских, белорусов и поляков как представителей восточно- и западнославянской лингвокультур соответственно.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе, материалом при этом нам послужили варианты сказок о Емеле («По щучьему веленью»).

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны русские, белорусские и польские волшебные сказки, записанные А.Н. Афанасьевым, Л.Г. Барагом и К.Я. Эрбеном соответственно. В ходе исследования использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведем сравнительный анализ концепта «дом» в русской волшебной сказке «Емеля-дурак» из сборника А.Н. Афанасьева [2, с. 314–322], польской «О глупом Пецивале», записанной К.Я. Эрбеном [3, с. 134–140], [4, с. 53–60], и белорусской волшебной сказке «Искарка-парубак Дзевічы сын» из сборника Л.Г. Барага [5, с. 85–96]. Для сравнения нами взяты два варианта русской сказки о Емеле, текст польской сказки о Пецивале (дословно: «печном лежебоке»), записанной К.Я. Эрбеном на чешском языке, и его перевод на русский язык, а также текст белорусской волшебной сказки о сыне царевны, в первой части которой также представлен сюжет о дураке и щуке.

Поскольку в сюжетном и композиционном плане русская и польская сказки более схожи (белорусская сказка отличается особенной композицией и наличием новых сюжетных линий), проанализируем параллельно русский и польский варианты, а затем – белорусский.

Завязка в русской и польской сказках практически идентичная: отец оставляет троим сыновьям в наследство по сто рублей (в польском варианте – сто злотых) каждому. Далее двое более предприимчивых братьев отправляются на заработки, обещая привезти младшему кафтан либо рубаху (в польском тексте – пояс), шапку и сапоги красного цвета, если тот отдаст им свою долю наследства и будет помогать по хозяйству их женам (сам Емеля-Пецивал не женат).

Главный герой соглашается, однако и в русском, и в польском вариантах неохотно выполняет свое обещание относительно помощи невесткам. В польском варианте есть дополнительное уточнение касательно гастрономических пристрастий Пецивала: «Больше всего ему нравились квас, лук и подливка из поджаренной муки» [3, с. 135] – “Za to však nade všecko mu chutnával kvas, cibule a zaprážky” [4, с. 53]. Как отмечает В.А. Маслова, выделяют целый ряд кодов культуры, и гастрономический – один из них [6, с. 316]. В русской версии невестки в морозный день отправляют Емелю за водой, мотивируя это тем, что без воды ничего нельзя будет приготовить, в том числе и для него. Также они грозят Емеле тем, что тот останется без подарка от братьев.

В польском тексте невестки также мотивируют Пецивала угрозой остаться без подарка. Более того, они обещают приготовить ему квас, подливку и лук, если тот принесет воды. В тексте польской сказки также подчеркивается холодное время года: «Было это

зимой, на улице морозно...» [3, с. 135] – “Bylo to v zimě, venku mrzlo” [4, с. 53].

Далее сюжет развивается похоже в обоих вариантах: Емеля (Пецивал) ловит щуку. Первым желанием польского Пецивала становятся его любимые лук, квас и подливка, а только затем – чтобы бидоны с водой сами шли домой [3, с. 135–136].

После этого в русской и польской сказках следует эпизод с дровами, когда Емеля (Пецивал) отправляется за ними в лес на санях, по пути передавив множество людей. Польский текст также уточняет, что Пецивал взял с собой тарелку с луком и подливкой, а по дороге не только переехал многих людей, но и «опрокинул много возов, а женщин и детей напугал» [3, с. 137] – “Mnoho vozů zporážel, a žen i děti polekal” [4, с. 55]. В русской поясняется, что Емелю пытались догнать (чтобы с ним тотчас расквитаться, судя по всему), но не смогли [2, с. 315, 321].

Когда польский Пецивал возвращается домой тем же путем, жители города начинают его бить, но его глупость подчеркивается тем, что изначально главный герой принимает агрессию горожан за желание его пощекотать и лишь потом принимает меры. В русском варианте Емеля сразу отбивается от нападавших с помощью очередного желания.

Далее в обоих вариантах домой к главному герою царь (король) отправляет своего посланника, чтобы пригласить ко двору, иными словами, в царский или королевский дом, Емелю (Пецивала). В обоих вариантах первая попытка диалога с протагонистом оказывается неудачной, первый парламентар уходит ни с чем, униженный и избитый по желанию Емели (Пецивала), который так ответил на грубость своего гостя.

Далее царь (король) отправляет второго посланца, более осторожного. В русском варианте тот обещает Емеле уже упомянутые красные кафтан, шапку (рубашу) и сапоги, в польском – красные шапку, пояс и сапоги.

Главный герой и в русском, и в польском текстах при дворе царя (короля) видит его прекрасную дочь, и следующим его желанием становится любовь дочери правителя. Царь (король) не может с этим смириться и в обоих вариантах приказывает запереть молодых людей в бочке, а бочку – выбросить в море (в русском тексте), в польском – пустить по ветру.

Более того, в польской сказке бочка была стеклянной, а, чтобы осуществить задуманное, король звал к себе чернокнижника [3, с. 139]. В русском – это большая бочка с железными обручами, которую засмолили и бросили в воду; помощь чернокнижника не упоминается [2, с. 319, 322].

Схожий сюжет, с одной стороны, имеет место в сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане» и афанасьевской «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», параллели между которыми проводил В.П. Аникин [2, с. 659–671; 7], с другой – восходит еще к древнегреческой мифологии. Первоисточником сюжета с выбрасыванием ящика (или бочки) в море, в котором (которой) запирают двух человек (изначально – мать и сына) по приказу правителя является миф о Данае

и Персее [8, с. 572]. Более того, миф о Персее также повествует о трех артефактах, обретших в дальнейшем воплощение в волшебных сказках: шапка-невидимка, крылатые сандалии, заплечная сумка [8, с. 572]. Например, крылатые сандалии в волшебных сказках известны как сапоги-скороходы или семимильные сапоги.

Освободившись из бочки, Емеля-Пецивал и его невеста оказываются на острове. В польской версии дочь короля знает об острове заранее и просит Пецивала загадать желание, чтобы они оказались на «острове угощений» [3, с. 139] – “hostinný ostrov” [4, с. 57]. В русском варианте бочку по желанию Емели выбрасывает на берег [2, с. 319, 322]. Затем Емеля загадывает строительство мраморного дворца с хрустальным мостом [2, с. 320, 322]. В польском варианте изображен сначала сам остров угощений: «остров был волшебный, исполнявший все желания; глупец с королевной могли есть и пить, чего только ни пожелали» [3, с. 139] – “a ten ostrov byl takový, kdo na něm byl a něco chtěl, že všechno dostal; hlupec s královnou měli jíst a pít, co hrdlo ráčilo” [4, с. 57]. Дворец описывается более детально: «мраморный дворец с хрустальными окнами, золоченой мебелью и янтарной крышей» [3, с. 139] – “mramorový palác, s okny křišťálovými, pozlaceným nábytkem a jantarovou střechou” [4, с. 57]. Мост также «хрустальный на золотых сваях, с алмазными перилами, такой длинный, что шел прямо ко дворцу отца королевны» [3, с. 140] – “křišťálový most na zlatých bloucích, s diamantovým zábradlím, a to tak dlouhý, že dosahoval až ku paláci královnina otce” [4, с. 58].

Завершаются и польский, и русский варианты последним желанием главного героя: стать умным [2, с. 320; 3, с. 140]. Под таким желанием подразумеваются как интеллектуальные способности, так и знание хороших манер. В обоих вариантах молодой человек делает это не по просьбе дочери правителя, а по собственной инициативе.

Следует отметить, что сюжет с бочкой восходит не только к древнегреческой мифологии, но и имеет реальную историческую подоплеку. Дж. Фрэйзер в своей фундаментальной работе «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» посвящает отдельную главу такой практике, как принесение правителями древних времен в жертву своих сыновей (в некоторых случаях – дочерей), что было обусловлено предсказаниями Дельфийского оракула, желанием продлить себе жизнь, спасти свой народ от опасности и другими схожими причинами [9, с. 373–377]. Вероятно, данный сюжет в несколько измененном виде перекочевал в мифы и волшебные сказки, что отразилось в русской и польской версиях проанализированного нами сказочного текста.

У В.Я. Проппа в труде «Исторические корни волшебной сказки» находим вероятные истоки образа стеклянной бочки из польского варианта сказки и хрустального моста, фигурирующего и в польском, и в русском текстах. В.Я. Пропп отмечает, что мотив хрустальной (стеклянной) горы и хрусталя в целом в русских, немецких сказках, в фольклоре индейцев и австралийских аборигенов напрямую связан с представлениями о потустороннем мире, – том свете [10, с. 532–535]. Хрусталь (а также кварц) является в сказках «очень

ранней формой волшебного средства, добываемого в ином мире и применяемого для всяких видов волшебных действий» [10, с. 535]. Подтверждением этому в нашем случае служит, например, тот факт, что в польском варианте сказки стеклянную бочку создает по велению короля чернокнижник, о чем было сказано выше.

В.Я. Проппом также проанализированы мотивы враждебности тестя по отношению к главному герою. В случае со сказкой о Емеле (Пецивале) наиболее очевидна следующая причина враждебности царя (короля): «Иногда враждебность мотивируется тем, что герой – солдат или мужик и что он неровня царевне» [10, с. 561]. Подтверждается это текстом обоих вариантов, русского и польского. В польской сказке: «Король всячески отговаривал дочь от замужества» [3, с. 139] – “Král jí to všelijak vumlouval“ [4, с. 57]. В русской: «Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку» [2, с. 319, 322].

Гнев отца невесты в обоих случаях был вызван низким социальным статусом героя, а также тем, что Емеля (Пецивал) слыл в народе дураком. В финале же обеих сказок (и русской, и польской) тесть доволен главным героем, который становится умным и обходительным [2, с. 321, 322; 3, с. 140]. Более того, если в польском тексте король благословляет молодых и объявляет зятя преемником [3, с. 140], в русском варианте тесть даже просит прощения у Емели [2, с. 321]. Так главный герой обретает новый дом и воцаряется.

В белорусской волшебной сказке «Іскарка-парубак Дзевічы сын» [5, с. 85–96] имеет место совмещение двух сюжетов: сказку условно можно разделить на две части. Сюжет первой [5, с. 85–86] практически идентичен сюжету русской сказки о Емеле и польской – о Пецивале.

Один из трех сыновей – дурак, и в то время, когда двое «умных» братьев едут в лес, главный герой остается дома с невестками. Те испекли блинов и просят дурака сходить за водой. Дурак соглашается, и недалеко от колодца, у реки, находит застрявшую щуку. За освобождение щука обещает выполнить любое желание белорусского Емели. Первым его желанием становится, чтобы ведра сами черпали воду и сами вернулись домой. Вторым – чтобы сани ехали в лес своим ходом (так как дурак перед этим убил лошадь, не желавшую его слушаться). Третье желание – чтобы дрова рубились сами: дурак «з атрада тапара не дзяржаў у руках» [5, с. 86].

По возвращении домой дурак едет мимо озера и видит рыбу, которую словили крестьяне, и произносит пророчество: «Вось рыбіна дарагая, хто яе з’есць, той сына родзіць... Будуць тры сыны і ўсе багатыры» [5, с. 86]. Так начинается вторая часть сказки, сюжетно ничем, помимо данного пророчества, не связанная с первой [5, с. 86–96]. У царицы, царевны и собаки после того, как те съели упомянутую рыбу, рождаются сыновья-богатыри. Когда им исполняется семнадцать лет, приходит время решить, кто из богатырей самый сильный. Сильнейшим признают сына царевны, которому удалось расщепить мечом камень надвое [5, с. 87]. «Іскарка-парубак Дзевічы сын», сын царевны и заглавный герой сказки, отправляется на бой с чудовищем («Юда з трыма галавамі»).

Отметим, что борьба с чудовищем, согласно тексту сказки, – личная инициатива братьев-богатырей, а не выполнение царского задания; они сами просят царя дать им три меча, по пятнадцать пудов каждый [5, с. 86], однако в сражении с Юдой участвует только сын царевны. Герой «на вараным кані» убивает Юду в первый же день, во второй день на мосту появляется чудовище уже с шестью головами, но богатырь побеждает и его [5, с. 88]. На третий день является чудовище с двенадцатью головами, и сыну царевны также удается его одолеть.

В дальнейшем братья-богатыри сталкиваются с вдовами убитых чудовищ (ср. месть матери Гренделя – чудовища из англосаксонского эпоса «Беовульф» [11, с. 88–94]), но главный герой спасает братьев от гибели, однако те предают его, бросая в беде [5, с. 91–92]. Сын царевны спасается благодаря кузнецу, в доме которого богатырь остался жить и работать на три года. Затем три года главный герой прожил у другого кузнеца, так как нарушил запрет первого кузнеца нигде не останавливаться [5, с. 93]. Примечательно, что в белорусской сказке подчеркивается тоска героя по дому. Богатырь нарушает запрет второго кузнеца не подниматься на гору и не смотреть на свой дом, мать и отца во дворе, и по этой причине вынужден скитаться еще три года [5, с. 93].

Третий дом, в котором останавливается протагонист, оказывается царским, хозяин дома дает богатырю задание привезти ему невесту, а в дорогу взять с собой сватов. Помимо двенадцати сватов, попутчиками сына царевны становятся сказочные персонажи с неординарными способностями, которые заключаются, как правило, в выполнении какой-либо функции, зачастую ясной уже по имени героя: «Аб’явала» (мог выпить всю воду из реки), «Аб’ядала» (ел в огромных количествах), «Гуныка» (не боялся огня), «Даўгашост» (быстро преодолевал огромные расстояния), «Лысая Муха» (укусила богатыря, предупредив тем самым о победе царевны-невесты) [5, с. 94–95].

По возвращении богатыря царь, давший ему задание, собирается убить главного героя, но его планам мешает царевна-невеста; более того, она способствует гибели царя и выходит замуж за богатыря (ср. финал сказки «Жар-птица и Василиса-царевна») [5, с. 96; 2, с. 333–338].

Как видим, вторая часть белорусской сказки представляет собой героический сюжет с элементами волшебства (победа над чудовищем, выполнение заданий, женитьба на царской дочери). В целом довольно показательным является сам факт совмещения двух разных сюжетов (о дураке и щуке, и о богатыре) в белорусском варианте сказки, чего не наблюдалось ни в русском, ни в польском текстах.

Отметим, что в русской, белорусской и польской сказках концепт «дом» тесно связан с родным домом Емели (дурака, Пецивала). В русской и польской – также с его любовью к красивой одежде (подарки братьев), в дальнейшем доме для главного героя становятся бочка (номинально на время изгнания) и дворец. В польском варианте дом вызывает также гастрономические ассоциации (квас, подливка и лук, приготовленные невестками) [3, с. 135]. В белорусском – вни-

мание акцентируется на тоске героя по дому, имеющей место, однако, во второй (богатырской) части сказки.

На основе анализа русской, белорусской и польской версий сказки о Емеле (Пецивале) можем сделать вывод, что во всех трех вариантах схожи сюжет, персонажи и их отношение к дому. При этом есть ряд специфических особенностей, как, например, уточнение гастрономических предпочтений Пецивала в польском тексте и там же – стеклянная (а не деревянная) бочка, в которой запирают главных героев. В русском варианте – просьба о прощении прежде враждебного тестя, а также меньший гротеск в изображении глупости главного героя (в польской сказке, когда Пецивала быют, он вначале принимает это за щекотку, в русской – сразу же отвечает на агрессию). Общим для русского и польского вариантов является также восхождение сюжета с бочкой к древнегреческой мифологии, а также общая цветовая символика – красный цвет одежды, о которой мечтает главный герой.

В белорусском варианте можно проследить отсылки к англосаксонскому эпосу в эпизоде, где вдовы чудовищ пытаются отомстить богатырям за погибших мужей (в поэме «Беовульф» мать убитого чудовища Гренделя мстила главному герою за сына). Более того, как нами уже было отмечено, братья-богатыри в белорусской сказке сами вызываются помочь простым людям избавиться от чудовищ [5, с. 86], что также сближает их с героем древнеанглийского эпоса Беовульфом [11, с. 38–39, с. 115].

Проанализируем также имена главных героев в русском, белорусском и польском текстах. Имя «Емеля» используется не только в сказках, но и в русских поговорках (ср. «Мели Емеля, твоя неделя» – о лжеце). Данное имя имеет латинское либо греческое происхождение. В первом случае Емельян – «соперник, участник соревнования», во втором – «льстец» [12, с. 131]. Латинское значение имени более актуально для проанализированной нами волшебной сказки, в которой, безусловно, имеет место некое соревнование (за сердце царевны, например, а также за новый дом – царский), поэтому в некоторой степени Емеля – говорящее имя, не отражающее, однако, образ жизни главного героя на момент завязки так однозначно, как имя «Пецивал» в польской версии.

Имя белорусского Емели в изученном нами тексте вовсе отсутствует (он зовется дураком), а заглавным героем выступает богатырь, сын царевны, что и отражено в его имени (Искарка-парубак Дзевічы сын).

Имя главного героя в польском варианте является говорящим: «Пецивал», при дословном переводе с польского означает «печной лежебока» [3, с. 134].

Заключение. Таким образом, проанализировав русский, белорусский и польский варианты сказки о Емеле, приходим к следующему выводу. Наряду с общими чертами, в каждом из вариантов концепт «дом» обретает национальную специфику, свойственную той или иной лингвокультуре. К общим чертам отнесем: важность родного дома для главного героя; смена героем места проживания (отцовский дом, собственный дворец, царский дворец); изгнание героев из дома как способ

наказания (эпизод с бочкой в русской и польской сказках и скитания богатыря в белорусской сказке). К идиоэтническим чертам следует отнести такие особенности, как: в русской сказке – приписываемые главному герою глупость и лень не гиперболизируются, что делает его трепетное отношение к дому более искренним; в польской сказке – уточнение гастрономических предпочтений главного героя, дополняющее образ родного дома; в белорусской сказке – совмещение сюжета о дураке и щуке с богатырским сюжетом, а также наиболее ярко выраженный мотив тоски героя по родному дому, которому посвящается отдельный эпизод. Выделенные нами идиоэтнические и универсальные черты подтверждают необходимость дальнейшего анализа ключевых концептов сказочного дискурса восточных и западных славян, объединенных схожим сюжетом либо образом главного героя и не утративших актуальность в наше время.

Литература

1. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина; под науч. ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
2. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки. Полное собрание в одном томе / А.Н. Афанасьев; под ред. Е.Г. Басовой. – М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
3. Предания, сказки и мифы западных славян / Г.М. Лифшиц-Артемьева [и др.]; под общ. ред. Г.М. Лифшиц-Артемьевой. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.
4. Erben, K.J. Vybrané báje a pověsti národní jiných větvi slovanských / K.J. Erben. – Praha: Východní slovanské, 2013. – 223 s.
5. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад. К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – Ч. 1. – 639 с.
6. Маслова, В.А. Духовный код в русской лингвокультуре / В.А. Маслова // Chrzescijanski dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Język. Literatura. Kultura. Historia. – Białystok, 2016. – Т. 1. – С. 315–324. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26217> (дата обращения: 25.09.2022).
7. А.Н. Афанасьев и его фольклорные сборники / Российские универсальные и тематические энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://narodnye-russkie-skazki.gatchina3000.ru/afanasiev-i-folklore.htm>. – Дата доступа: 05.08.2022.
8. Кондрашов, А.П. Большой новейший справочник необходимых знаний / А.П. Кондрашов. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1088 с.
9. Фрэйзер, Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж.Дж. Фрэйзер. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
10. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
11. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах / С.Е. Шлапоберская [и др.]; под общ. ред. С.Е. Шлапоберской. – М.: Худож. литература, 1975. – 751 с.
12. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц / Н.А. Петровский. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 477 с.

Поступила в редакцию 25.11.2022

Параметры классификации лексем, выражающих положительную и отрицательную этические оценки

Азарченко Г.Ю.

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследование развивает идеи лингвистической аксиологии. Особое внимание в нем уделяется анализу значений этических предикатов.

Цель данной работы – выделение ряда параметров для отбора лексики, выражающей положительную и отрицательную этические оценки в русском языке.

Материал и методы. *Материалом исследования являются русскоязычные предикаты этической оценки, отобранные из лексикографических источников. Применяются описательный метод и метод словарных дефиниций.*

Результаты и их обсуждение. *В статье охарактеризованы достоинства и недостатки различных подходов к классификации этических предикатов. Важным аспектом исследования является определение параметров классификации лексем, выражающих этическую оценку.*

Заключение. *Словарные пометы не обладают достаточным уровнем надежности для исследования этических предикатов из-за отсутствия единообразия словарей, толкования стилистических и оценочных помет, наличия амбивалентных словарных помет и т.д. Основным критерием для классификации этических предикатов является наличие в составе словарной дефиниции ключевых слов положительной и отрицательной этических оценок. Положительную этическую оценку передают ключевые слова невинный, милосердный, нравственный и др., отрицательную – злой, аморальный, незаконный и др. Большую часть выявленных ключевых слов составляют лексемы, используемые для описания личностных качеств с позиций нравственности.*

Ключевые слова: *оценка, этическая оценка, лексема, предикат, словарная помета, дефиниция.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 137–142)

Classification Parameters of Lexical Units Which Express Positive and Negative Ethical Evaluation

Azarchenko G.Yu.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The research develops the ideas of linguistic axiology. Special attention is paid to an analysis of the parameters of lexical units which express ethical evaluation.

The research objective is to identify the selection parameters for lexemes expressing positive and negative ethical evaluations in the Russian language.

Material and methods. *The research material is constituted by Russian-language lexemes which express ethical evaluation selected from lexicographic sources. The descriptive method and the method of dictionary definitions are used.*

Findings and their discussion. *This article analyzes the advantages and disadvantages of various approaches to the classification of ethical predicates. An important aspect of this study is the identification of the parameters, which classify lexemes expressing ethical evaluation.*

Conclusion. *Usage labels are not reliable enough to help carry out a study of ethical predicates due to the lack of dictionary uniformity, interpretation of stylistic and evaluative labels, the presence of ambivalent vocabulary labels, etc. The main criterion for classification of ethical predicates is the presence of key words expressing positive and negative ethical evaluations in a dictionary definition. Positive ethical evaluation is expressed by the key words невинный, милосердный, нравственный etc., the negative one – by the words злой, аморальный, незаконный, etc. Most of the identified key words are lexemes used to describe personal qualities from the perspective of morality.*

Key words: *evaluation, ethical evaluation, lexeme, predicate, usage label, definition.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 137–142)

Данная статья развивает идеи лингвистической аксиологии, а именно, теории частных оценок. Большой вклад в формирование теории оценки, особенно в описание обще- и частнооценочных значений, внесли такие ученые, как Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, В.И. Карасик, Н.А. Лукьянова, Т.В. Маркелова, Л.Г. Смирнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Д.Н. Шмелёв, Ч. Моррис и др. Так, осуществлялось как сопоставительное изучение оценки на материале нескольких языков (работы З.Е. Фоминой, В.А. Манза, Н.В. Зиминной и др.), так и изучение на материале одного языка в определенный период его развития (Н.С. Ковалёв, А.В. Межжерина, З.И. Слыхова и др.), а также диахроническое изучение оценки (М.В. Пименова, В.В. Колесов, А.Д. Васильев и др.). Данное исследование опирается на работы вышеуказанных лингвистов, при этом особое внимание в нем уделяется анализу значений этических предикатов.

Цель работы – выделение ряда параметров для отбора лексики, выражающей положительную и отрицательную этические оценки в русском языке.

Материал и методы. Материалом исследования являются русскоязычные лексические единицы, выражающие этическую оценку, отобранные из следующих лексикографических источников: «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (2000), «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (1999), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940).

Основными методами, применяемыми в данной работе, являются описательный метод и метод словарных дефиниций.

Результаты и их обсуждение. С позиции философии оценка – категория, обозначающая аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения [1, с. 631].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный*, *превосходный*, *великолепный*, *отличный*, *замечательный*, *скверный*, *нехороший*, *дурной*, *поганый*, *худой* и др.). Эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог. Вторая группа описывает значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения [2, с. 74].

В классификации Н.Д. Арутюновой [2, с. 75–76] в зависимости от основания мотивации оценки выделяются следующие типы частнооценочных значений: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный* – *неприятный*, *вкусный* – *невкусный*, *привлекательный* – *непривлекательный* и др.); 2) психологические оценки: а) интеллектуальные оценки

(*интересный*, *увлекательный*, *умный* – *неинтересный*, *скучный*, *глупый*), б) эмоциональные оценки (*радостный* – *печальный*, *желанный* – *нежеланный*, *нежелательный*, *приятный* – *неприятный*), 3) эстетические оценки (*красивый* – *некрасивый*, *прекрасный* – *безобразный*, *уродливый*), 4) этические оценки (*моральный* – *аморальный*, *нравственный* – *безнравственный*, *добрый* – *злой*, *добродетельный* – *порочный* и др.), 5) утилитарные оценки (*полезный* – *вредный*, *благоприятный* – *неблагоприятный*), 6) нормативные оценки (*правильный* – *неправильный*, *нормальный* – *ненормальный*; *стандартный* – *нестандартный*, *бракованный*; *здоровый* – *больной*), 7) телеологические оценки (*эффективный* – *неэффективный*, *целесообразный* – *нецелесообразный*, *удачный* – *неудачный*). В целом, как отмечает В.И. Жданова, 46% от общего числа частнооценочных лексем составляют слова со значением этической оценки [3, с. 16], понятие которой будет охарактеризовано в данной работе более подробно.

Этическая оценка – одобрение или осуждение различных явлений социальной действительности и поступков людей в зависимости от того, какое нравственное значение они имеют [4, с. 16–17]. В отличие от моральной нормы, которая предписывает людям совершение определенных нравственных поступков, этическая оценка связана с установлением соответствия или несоответствия поступков требованиям нравственности и с удовлетворением нравственного чувства. Поскольку в основе этической оценки лежит определение социального значения действий и поступков людей, с ее помощью можно регулировать поведение людей, что делает ее дидактичной.

Оценка определяется общепринятыми в человеческом коллективе эталонами в сфере социальных, интеллектуальных и моральных явлений, общественно сложившимися нормами представления о хорошем или плохом. Этическая оценка по своей сути является телеологической, так как она подчиняется целям отдельных социальных групп и национально-культурных сообществ в целом и ориентирована на духовно-практическую деятельность человека. Соответствующая оценка также детерминирована мировоззрением народа – носителя языка, историей его развития, системой существующих в данном языковом коллективе критериев оценки.

Кроме того, основой этической оценки являются ценности народа. Как указывает В.А. Маслова, ориентация на ценности – важнейшая характеристика познания мира человеком, а сами ценности составляют основу человеческого мировоззрения, т.к. они становятся для сознания главными ориентирами в культуре и обществе, а потому занимают значительное место в структуре языковой личности [5, с. 38]. Соответственно, ценности сообщества людей определяют их понимание морального и аморального.

По мнению Н.Д. Арутюновой, этическая оценка вместе с эстетической составляет ядро духовного

начала человека, моделируемое, в соответствии с его телесной ориентацией, по вертикали. Этическая оценка относится к сублимированным и, соответственно, не безразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту [2, с. 75]. Развивая теоретическое положение Н.Д. Арутюновой, Т.В. Писанова отмечает, что сублимированные оценки, являясь в высшей степени гуманизированной формой восприятия действительности, возвышаются над всеми видами оценок, так как они подразумевают познание объективной действительности на более высоком уровне осмысления [6].

В отличие от эстетической оценки, где в качестве ее объекта могут выступать явления природы, произведения искусства, человек, представители растительного и животного миров, то есть любая зрительная или чувственно воспринимаемая и/или мысленно созерцаемая сущность, предмет этической оценки бывает сложно установить. К объектам этических оценок разные авторы относят действия, мотивы, намерения, решения, чувства, характеры, а также самих людей. На наш взгляд, единственным объектом этической оценки является личность или сообщество людей. С помощью предикатов ‘морально’ – ‘аморально’, ‘нравственно’ – ‘безнравственно’, ‘этично’ – ‘неэтично’ и подобных им оцениваются действия на основе критерия соответствия качеств, поступков, поведения определенным нормам морали, принятым в обществе, хотя несомненно, что при этом косвенно оценивается человек, совершивший это действие. Таким образом, специфика этических оценок состоит в том, что субъектом и объектом оценки являются представители человеческого общества, поэтому данная оценка всегда социальна и антропологична.

Этическая оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, т.е. большего или меньшего количества правил и заповедей. Отрицательная этическая оценка связана с указанием на то, что говорящий признает что-то плохим, относится к кому-либо/чему-либо с осуждением, порицает кого-либо [4, с. 37]. Традиционно соответствие поступков человека социальным нормам рассматривается как положительная этическая оценка, то есть нечто нравственное. Отклонение от нормы в худшую сторону выражается с помощью отрицательной этической оценки и обосновывается как нечто безнравственное.

Согласно классификации Ю. Подгурецки, слова, содержащие положительную/отрицательную этическую оценку, подразделяются на три категории в зависимости от их функциональной семантики, от того, что определяют эти слова: 1) поведение людей и результаты этого поведения (*кража, преступление*); 2) человеческие черты и установки (*благородный, лживый*); 3) номинация людей – носителей определенных черт/отличающихся установкой/поведением (*подлец, подлиза*) [7, с. 8]. Внутри данных категорий

можно выделить и более мелкие группы. Так, внутри второй и третьей групп отрицательную этическую оценку могут приобретать черты и качества, связанные с: а) безнравственным времяпрепровождением (*бездельник, кутила* и др.); б) порочными режимами жизни (*неряшливый, халатный, безвольный, развратный* и др.); в) удовлетворением корыстных потребностей (*скупой, продажный, мелочный* и др.); г) аморальным социально-коммуникативным поведением (*льстивый, завистливый, высокомерный, лицемерный, грубиян, нахал, болтун* и др.); д) порочными видами занятий (*вор, мошенник* и др.). Положительная этическая оценка присуща а) социально-коммуникативному поведению, отвечающему этическим нормам (*вежливый, честный, смелый* и др.); б) режимам жизни, которые соответствуют нравственным нормам (*трудолюбивый, бережливый, добросовестный*). Указанные лексические единицы не только сами выражают этическую оценку, но и нередко являются ключевыми словами в составе словарных дефиниций, по которым можно определить иные лексемы подобного рода.

Довольно часто оценочные предикаты в зависимости от контекста могут выражать аксиологический итог (что делает их общеоценочными), так и выражать этическую оценку. Так, к примеру, лексема *мерзавец* как этическая характеристика человека должна выражать отрицательную этическую оценку. Однако в «Большем толковом словаре русского языка» (БТС) под редакцией С.А. Кузнецова мы находим помету *бранно* и следующую дефиницию: *мерзавец* ‘о ком-л., вызывающем неудовольствие, раздражение, гнев’. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой представлена иная помета – *разг.-сниж.*: *мерзавец* (разг.-сниж.) – безнравственный, мерзкий, подлый человек; негодяй. В «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) под редакцией Д.Н. Ушакова видим двойную помету: *мерзавец* (разг. бран.) ‘подлый, безнравственный человек, негодяй’. Очевидно, что данные дефиниции и пометы *разг.-сниж.*, *бранно* указывают на большую субъективность оценки, что указывает на общеоценочный тип значения. Согласно «Национальному корпусу русского языка» (НКРЯ) данный факт подтверждается контекстом употребления, в котором лексема функционирует как ругательство: *Сколько крови он мне, мерзавец, попортил! – вдруг на тебе: согласился*. В НКРЯ в то же время лексема может употребляться как характеристика человека с позиций нравственности: *Иной мерзавец, – делался он заветным с Войтинским, – может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец*.

Как правило, при затруднении в определении оценочного предиката лингвисты рекомендуют прибегать к следующим способам экспликации оценочного значения: 1) использование диагностического контекста и 2) сопоставление непосредственно оценочного слова с его нейтральными соответствиями [3]. Теми же приемами можно руководствоваться и для определения лексем, выражающих этическую

оценку. Для достижения цели нашего исследования более целесообразно руководствоваться одним из следующих подходов:

1) семантический подход, основанный на определении (с помощью методов лексико-семантического и компонентного анализа словарных дефиниций) наличия отрицательно-оценочного компонента в составе денотативного значения лексических единиц;

2) лексикографический подход заключается в поиске (с помощью методов лингвостилистического и компонентного анализа словарных дефиниций) таких лексических единиц, оценочный компонент значения которых зафиксирован как в толковании, так и с помощью словарных помет.

Основным вопросом, связанным с толкованием оценочной лексики в словарях, является проблема унификации и четкой систематизации стилистических и оценочных помет.

Как указывает М.А. Тихонова, основная сложность лексикографической ситуации состоит в: [9, с. 84] 1) корреляции пометы и коннотации; 2) отсутствии одного из этих явлений; 3) разночтениях: в каждом словаре используется своя система стилистических и оценочных помет, которая далека от логического совершенства.

Особая проблема – отсутствие единообразия словарных помет в различных словарях. Например, проанализируем словарные статьи лексемы *благочестивый*, выражающей положительную этическую оценку, в различных словарях. Так в ТСРЯ представлены пометы *книжн., церк.: благочестивый* (книжн., церк.) – ‘соблюдающий предписания религии’. В «Словаре русского языка» (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой находим иную помету – *устар.: благочестивый* (устар.) – ‘соблюдающий предписания религии; набожный’. В БТС помета отсутствует: *благочестивый* – ‘отличающийся благочестием; религиозный, набожный. Выражающий религиозность, набожность; свидетельствующий о таком качестве’.

Схожие результаты получаем при анализе лексемы *белоручка*, выражающей отрицательную этическую оценку. В БТС мы находим оценочную помету *неодобр.: белоручка* (неодобр.) ‘тот (та), кто избегает физического труда, трудной или грязной работы’. В МАС представлена иная помета – *разг.: белоручка* (разг.) – ‘тот (или та), кто избегает грязной, грубой работы, физического труда или не привык к серьезному труду. В «Толковом словаре русского языка» двойную помету: *белоручка* (разг. неод.) ‘человек, чуждающийся физического труда, грубой или грязной работы’.

Очевидно, как оценочные, так и стилистические словарные пометы одной и той же лексической единицы в различных словарях отличаются, а в некоторых лексикографических источниках вообще отсутствуют, из-за чего ход лингвистического исследования во многом определяется выбором конкретного словаря.

Кроме того, необходимо отметить, что оценочные пометы тесно связаны с пометами стилистиче-

скими, что достаточно часто приводит к неточности в определении предиката и отсутствию единообразия. Так, нередко используются словарные пометы *разг., прост.*, что обусловлено наличием элементов резкой негативной этической оценки в стилистически сниженной лексике. Например, в БТС лексическая единица *вороватый* имеет помету *разг.* и следующую дефиницию: ‘склонный к воровству; плутоватый, хитрый’ БТС. Несмотря на то, что в данной лексеме присутствует негативная этическая оценочность, вызванная нравственным осуждением воровства как социального явления, соответствующей пометой данный факт не подтвержден. М.А. Тихонова, анализируя проблему несоответствия стилистического и оценочного компонентов значения, рекомендует в таких случаях использовать двойную помету, например, *разг. пренебр.; прост. презр.* и т.п., уточняющую стилистическую и оценочную характеристику слова с целью наиболее точного словоупотребления для достижения успешной коммуникации [9, с. 107].

В большинстве случаев в словарях не дается детальное описание значений тех или иных помет, что нередко приводит к смешению понятий. Однако встречаются и исключения. Таким образом, к примеру, «Большой толковый словарь русского языка» дает подробное толкование словарных помет: *одобр.* – для слов, содержащих одобрение, похвалу; *ласк.* – для слов, которые передают ласковое, доброе отношение; *пренебр.* – для слов, содержащих оценку, снисходительное порицание с оттенком высокомерия; *уничиж.* – для слов, значение которых имеет оттенок крайней пренебрежительности; *презрит.* – для слов, содержащих резкое порицание, презрение. Такие описания эмоционально-экспрессивных помет способствуют их более четкой дифференциации и уточняют значение слова, возможности его использования в письменной и устной речи.

Нередко отрицательную и положительную этические оценки несет метафорическое значение слова (к примеру, *барыня, ангел, акула, лев* и др.).

Огромное значение в таком случае приобретает семантический принцип и, в частности, анализ толкований лексических единиц.

В результате проведенного анализа словарных дефиниций в нашем исследовании был определен перечень наиболее частотных ключевых слов, связанных с выражением положительной и отрицательной этической оценок (здесь и далее дефиниции предикатов даны по БТС).

К ключевым словам, выражающим отрицательную этическую оценку, относятся:

(1) **агрессивный, злой, жестокий:** *безжалостный* ‘не испытывающий жалости, сострадания; жестокий’;

(2) **аморальный:** *разврат* ‘испорченность нравов, аморальность поведения, отношений’;

(3) **беззащитный, бессовестный, бездушный:** *шарлатанство* ‘бессовестный обман, основанный на невежестве окружающих’;

(4) **безответственный, безрассудный:** *взбалмошный* (разг.) ‘сумасбродный, неуравновешенный, с причудами; невероятный, нелепый, безрассудный’;

(5) **вульгарный, пошлый:** *дрянной* (разг.) ‘пошлый, ничтожный, скверный (о моральных качествах человека)’;

(6) **высокомерный, гордый, заносчивый:** *куражиться* (разг.) ‘вести себя заносчиво, нагло, хвастаться’;

(7) **грешный:** *неправедный* (книжн.) ‘противоречащий, не соответствующий справедливости; грешный, греховный’;

(8) **грубый:** *бесчинство* ‘грубое нарушение порядка, общепринятых норм поведения (хулиганство, насилие и т.п.)’;

(9) **жадный:** *живодер* (разг.-сниж.) ‘о жестоком человеке, мучителе; о жадном, наживающемся за счет других человеке’;

(10) **корыстный:** *меркантильный* ‘мелочно-расчетливый, своекорыстный’;

(11) **легкомысленный:** *вертихвостка* (неодобр.) ‘о ветреной, легкомысленной, кокетливой женщине’;

(12) **лживый:** *нахвастать* (разг.) ‘хвастая, наговорить чего-л. (часто лживого, преувеличивая достоинства, возможности и т.п.)’;

(13) **лицемерный, показной:** *льстить* ‘лицемерно хвалить кого-л. в корыстных целях’;

(14) **наглый, дерзкий:** *беззастенчивый* ‘действующий безо всякого стеснения, стыда; бесцеремонный, наглый’;

(15) **недобросовестный, нечестный:** *махинация* ‘недобросовестный способ достижения цели; нечестная проделка, жульничество’;

(16) **ничтожный, никчемный:** *опошлиться* ‘стать пошлым, нравственно ничтожным (о человеке)’;

(17) **оскорбительный:** *унизительный* ‘оскорбительный для чьего-л. достоинства, самолюбия’;

(18) **преступный, незаконный, хулиганский:** *сброд* (пренебр.) ‘люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам’;

(19) **слабохарактерный:** *мякотелый* (разг.) ‘слабохарактерный; легко поддающийся чьему-л. влиянию’;

(20) **упрямый:** *доктринер* ‘человек, который слепо и упрямо следует какой-л. определенной доктрине; схоласт, начетчик’;

(21) **эгоистичный:** *единоличник* (неодобр.) ‘об эгоистичном человеке, заботящемся только о себе и своем благе’.

Положительная этическая оценка выражается следующими ключевыми словами:

(1) **бескорыстный:** *безрасчетный* ‘не основанный на расчете, совершаемый без него; бескорыстный’;

(2) **верный, преданный:** *усердный* (книжн.) ‘сердечно расположенный, горячо преданный, приверженный кому-, чему-л.’;

(3) **воспитанный, обладающий хорошими манерами:** *благовоспитанный* (книжн.) ‘умеющий держать себя в обществе, обладающий хорошими манерами’;

(4) **добрый, добродушный, доброжелательный:** *благостный* (книжн.) ‘проникнутый благостью; доброжелательный, кроткий (о человеке)’;

(5) **кроткий:** *незлобивый* (книжн.) ‘не имеющий, не проявляющий злобы; кроткий, добродушный’;

(6) **милосердный:** *пощадить* ‘дать пощаду, проявив милосердие; не погубить’;

(7) **мужественный:** *негнувшийся* ‘стойкий, мужественный, способный выдерживать большие трудности, испытания (о человеке)’;

(8) **невинный, целомудренный:** *безгрешный* ‘не совершивший греха, проступка; ни в чем не повинный; не содержащий ничего предосудительного; чистый, невинный’;

(9) **нравственный, моральный:** *благородство* ‘высокая нравственность, самоотверженность и честность’;

(10) **положительный:** *добродетель* ‘положительное нравственное качество человека; высокая нравственность, моральная чистота’;

(11) **религиозный:** *благочестивый* ‘отличающийся благочестием; религиозный, набожный; выражающий религиозность, набожность; свидетельствующий о таком качестве’;

(12) **справедливый:** *праведник* ‘человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-л. религии; тот, кто во всем руководствуется принципами справедливости, честности, не нарушает правил нравственности’;

(13) **трудолюбивый:** *работяга* (разг.) ‘работящий, трудолюбивый человек (употр. обычно как похвала)’;

(14) **честный, простодушный:** *добросовестный* ‘честно, старательно выполняющий свои обязанности, обязательства (о человеке)’.

Как видим, перечень ключевых слов во многом связан с описанием нравственных и безнравственных качеств личности или группы людей. Кроме того, очевидно, что перечень ключевых слов, выражающих отрицательную этическую оценку, количественно превышает группу положительно-оценочных лексических единиц.

Нередко в словарной дефиниции присутствуют элементы, несущие отрицание (*отсутствие, лишенный/лишающий/лишившийся, без, не, мало, чуждый, нарушающий нормы*), которые в сочетании, к примеру, с ключевым словом, выражающим положительную этическую оценку, обуславливают принадлежность слова к противоположной категории слов (в данном случае, слов с отрицательной этической оценкой). Проанализируем следующие словарные дефиниции:

(1) *безгрешный* ‘не совершивший греха, проступка, ни в чем не повинный; не содержащий ничего предосудительного; чистый, невинный’;

(2) *бесчувственный* ‘чуждый отзывчивости, сострадания; безучастный, равнодушный. Проникнутый безучастностью, равнодушием’.

Довольно часто оценочность эксплицируется посредством анализа сложных слов. Для лексем с эти-

ческой оценкой характерно наличие в составе таких основ, как *благо-* (*благоразумный* ‘отличающийся благоразумием; рассудительный, осмотрительный (о человеке)’), *добро-* (*добрососедский* ‘дружественный (о взаимных отношениях между соседями, пограничными государствами, землями и т.п.)’), *велико-* (*великодушный* ‘обнаруживающий великодушие’), *высоко-* (*высоконравственный* ‘отличающийся высокой нравственностью’), *зло-* (*зловредный* ‘причиняющий большой вред’), *мздо-* (*мздоимствовать* (устар.) ‘брать мзду, взятки’) и т.д.

Заключение. Для отбора лексики, выражающей положительную и отрицательную этические оценки в русском языке, необходимо руководствоваться семантическим подходом, а также методом анализа словарных дефиниций. Словарные пометы не обладают достаточным уровнем надежности для проведения исследования лексики, выражающей этическую оценку, из-за отсутствия единообразия словарей, толкования стилистических и оценочных помет, наличия амбивалентных словарных помет и т.д.

Этическая может эксплицироваться в основном и переносном значении слова, однако так или иначе направлена на характеристику личности или группы людей. Главным критерием, по которому возможно определить лексемы, выражающие этическую оценку, является наличие в составе словарной дефиниции ключевых слов, которые, как правило, связаны с оценкой качеств человека с позиций нравственности. Так, отрицательная этическая оценка представлена следующими наиболее частотными ключевыми словами: *злой, жестокий, аморальный, бессовестный, бездушный, безответственный, безрассудный, вульгарный, высокомерный, гордый, грешный, грубый, жадный, корыстный, легкомысленный, лживый, лицемерный, наглый, нечестный, ничтожный, оскорбительный, незаконный, хулиганский, слабохарактерный, упрямый, эгоистичный* и т.д. В то же время положительная этическая оценка связана со словами *бескорыстный, верный, воспитанный, добрый, кроткий, милосердный, мужествен-*

ный, невинный, нравственный, положительный, религиозный, справедливый, трудолюбивый, честный и др. Перечень ключевых слов, выражающих отрицательную этическую оценку, количественно превышает группу положительно-оценочных лексем.

Литература

1. Кемеров, В.Е. Современный философский словарь / В.Е. Кемеров. – Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. – 1064 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Жданова, В.И. Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.И. Жданова. – Уфа, 2004. – 389 с.
4. Миронова, М.В. Конструкции неодобрения и порицания в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.В. Миронова. – Ярославль, 2016. – 188 с.
5. Маслова, В.А. Образы языка как главной национальной ценности / В.А. Маслова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 15–17 окт. 2019 г. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 38–40. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/30984> (дата обращения: 21.10.2022).
6. Писанова, Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики. Эстетические и этические оценки / Т.В. Писанова. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. – 320 с.
7. Подгурецки, Ю. Семантическое поле термина «моральный» / Ю. Подгурецки. – М.: МГУ, 1993. – 26 с.
8. Пашаева, И.В. Этическая оценка в парадигме антропологической лингвистики / И.В. Пашаева // Вестн. ИрГТУ. – 2011. – № 7(54). – С. 250–257.
9. Тихонова, М.А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.А. Тихонова. – М., 2016. – 200 с.
10. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 261 с.

Поступила в редакцию 25.11.2022

Вобраз Эміліі Плятэр у мастацкай літаратуры

Гладкова Г.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны даследаванню мастацкіх інтэрпрэтацый вобраза Эміліі Плятэр у літаратуры.

Мэта даследавання – на матэрыяле літаратурных твораў розных жанраў мастацкай літаратуры выявіць адметнасці індывідуальна-аўтарскай інтэрпрэтацыі асобы і дзейнасці ўдзельніцы Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. Эміліі Плятэр.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для кампаратыўнага аналізу паслужылі творы беларускіх і польскіх пісьменнікаў (апаਵяданне Н. Мацейчык “Графіня”, верш А. Міцкевіча “Смерць палкоўніка”, раман В. Гансяроўскага “Эмілія Плятэр”). Метадалогія даследавання абумоўлена выкарыстаннем агульнанавуковых метадаў аналізу і сінтэзу, а таксама прыёмаў канкрэтна-гістарычнага метаду, метаду параўнальнага аналізу, герменеўтычнага метаду.

Вынікі і іх абмеркаванне. Эмілія Плятэр не была адзінай прадстаўніцай жаночага полу ў радах паўстанцаў, аднак яе асоба набыла рысы міфалагізацыі, легенда пра дзяўчыну-воіна атрымала шырокае распаўсюджванне і ўвасабленне ў розных відах мастацтва. У прыватнасці, польскія і беларускія пісьменнікі асэнсоўвалі дзейнасць і ролю Э. Плятэр у розных жанрах (А. Міцкевіч “Смерць палкоўніка”, В. Гансяроўскі “Эмілія Плятэр”, Н. Мацейчык “Графіня” і інш.).

Заклучэнне. Кампаратыўны аналіз выбраных твораў мастацкай літаратуры дазваляе сцвярджаць, што асоба Эміліі Плятэр выклікала зацікаўленасць у пісьменніцкіх колах XX–XXI стст., аднак інтэрпрэтацыя рэальнай гістарычнай асобы адрозніваецца глыбінёй і дакладнасцю факталогіі.

Ключавыя словы: Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг., гістарычная проза, жанр, мастацкі вобраз, ідэалізацыя, кампазіцыя, паэтыка, стыль.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 143–146)

The Image of Emilia Plater in Fiction

Gladkova G.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is devoted to the study of artistic interpretations of the image of Emilia Plater in fiction literature.

The purpose of the study is to identify the features of the individual author's interpretation of the personality and activities of the participant of the November Uprising of 1830–1831, Emilia Plater, based on the material of artistic works of different genres of Belarusian and Polish literature.

Material and methods. The material for comparative analysis was the works of Belarusian and Polish writers (N. Matseichyk's short story “The Countess”, A. Mitskievich's poem “The Death of the Colonel”, V. Ganserovsky's novel “Emilia Plater”). The methodology of the research is determined by the use of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as techniques of the concrete historical method, the method of comparative analysis, the hermeneutic method.

Findings and their discussion. Emilia Plater was not the only female representative in the ranks of the rebels, but her personality acquired the features of mythologization; the legend of the warrior girl became widespread and embodied in various forms of art. In particular, Polish and Belarusian writers comprehended the activity and role of E. Plyater in different genres (A. Mitskievich “The Death of the Colonel”, V. Ganserovsky “Emilia Plyater”, N. Matseichyk “The Countess”, etc.).

Conclusion. A comparative analysis of the selected works of fiction suggests that the personality of Emilia Plater aroused interest in the literary circles of the XX–XXI century, however, the interpretation of the real historical personality is distinguished by depth and accuracy of factual.

Key words: November Uprising of 1830–1831, historical prose, genre, artistic image, idealization, composition, poetics, style.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 143–146)

Эмілія Плятэр – вядомая асоба нацыянальнай гісторыі. Названая “беларускай Жаннай д’Арк”, яна пражыла кароткае жыццё, авеянае рамантыкай подзвігу ў імя айчыны. Біяграфічныя звесткі пра Э. Плятэр і сёння становяцца падставай для дыскусій наконт яе этнічнай прыналежнасці. Як вядома, Эмілія нарадзілася ў Вільні і паходзіла са старажытнага графскага роду з нямецкімі каранямі (па бацьку), а па мацярынскай лініі – з браслаўскай шляхты. Плятэры прытрымліваліся каталіцкага веравызнання, а не лютэранскага, што сведчыць пра ўваходжанне роду ў мясцовую этнічную супольнасць. Юнацтва паненкі прайшло ў наддзвінскай Ліксне (тагачасн. Віцебск. губ., сучасн. Літва) ў маёнтку дзядзькі Міхала Плятэра і яго жонкі Ізабэлы. З дзяцінства Эмілія была надзеленая моцным характарам, яе мала цікавілі жаночыя забавы. Захапленне подзвігамі Жанны д’Арк і Ласкарыны Бубуліны (гераніні грэчаскага паўстання ў 1821 г. супраць Асманскай імперыі) паўплывалі на сталенне дзяўчыны і ў некаторай ступені прадвызначылі яе лёс. Успаміны пра Э. Плятэр занатаваныя ў польскай, беларускай і рускай літаратурах, дзейнасці паненкі прысвечаны шэраг прац [1, с. 10–13]. Аднак грунтоўнага вывучэння мастацкага вобраза Эміліі Плятэр, які створаны ў беларускай і іншых літаратурах свету, не праводзілася.

Мэта даследавання – на матэрыяле мастацкіх твораў розных жанраў беларускай і польскай літаратуры выявіць адметнасці індывідуальна-аўтарскай інтэрпрэтацыі асобы і дзейнасці ўдзельніцы Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. Эміліі Плятэр.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для кампаратываўнага аналізу паслужылі творы беларускіх і польскіх пісьменнікаў (апавяданне Н. Мацейчык “Графіня”, верш А. Міцкевіча “Смерць палкоўніка”, раман В. Гансяроўскага “Эмілія Плятэр”), у якіх асэнсоўваецца дзейнасць гераніні Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. У цэнтры даследчыцкай увагі – літаратурныя прыёмы, выкарыстаныя аўтарамі для стварэння мастацкага вобраза Э. Плятэр. Метадалогія даследавання абумоўлена выкарыстаннем агульнанавуковых метадаў аналізу і сінтэзу, а таксама прыёмаў канкрэтна-гістарычнага метаду, метаду параўнальнага аналізу, герменеўтычнага метаду.

Вынікі і іх абмеркаванне. Як адзначае беларуская даследчыца гістарычнай прозы Г.В. Навасельцава, “зварот да гістарычна аддаленых часоў, выяўленне вечнага ў плыні часу вымагаюць шырокага ахопу мінулага. Для гэтага пісьменнікам выкарыстоўваюцца легендарныя і летапісныя крыніцы, пэўныя гістарычныя звесткі. Легендарная або летапісная асоба, набліжаная да сучаснікаў пісьменніка, геранізуецца і паэтызуецца, чалавечыя ўчынкі на гістарычным фоне асэнсоўваюцца як гістарычныя дзеі, ідэйна-эстэтычнай дамінантай асэнсавання мінулага выступае патрыятычны нафас, геранічная тэматыка выяўляецца як нацыянальна арыентаваная” [2, с. 207]. Імя Эміліі Плятэр узгаданае на старонках шматлікіх гістарычных выданняў. Напрыклад, у падручніку па гісторыі Беларусі (М.А. Плавінскі,

2017) адносна Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. адзначана: “Адным з камандзіраў дзісенскіх паўстанцаў была Эмілія Плятэр, вобраз якой трывала ўвайшоў у беларускую літаратуру як сімвал дзяўчыны-змагаркі за незалежнасць” [3, с. 61]. Беларускі гісторык В. Швед у грунтоўнай манаграфіі, прысвечанай гісторыі Беларусі XVIII–XIX ст. ст., адносна дзейнасці Э. Плятэр зазначаў: “29 сакавіка ў м. Дусяты Віцебскай губ. падняла паўстанне Э. Плятэр, якая за кароткі час здолела арганізаваць партызанскі атрад колькасцю ў 280 стралкоў, 60 коннікаў і некалькі соцен касінераў” [4, с. 315]. Пісьменнік У. Арлоў заўважаў пра Э. Плятэр: “Характарам, тэмпераментам, ахвярнасцю яна вельмі нагадала сваю сястру па духу з пачатку XX стагоддзя – Алаізу Паішкевіч (Цётку)” [5, с. 36].

У беларускай літаратуры дзейнасць знакамітай змагаркі знайшла ўвасабленне ў апавяданні Наталлі Мацейчык “Графіня”. Пачынаецца твор з абмалёўкі апошніх эпізодаў жыцця Эміліі Плятэр, калі яна, як адзначае аўтар, не першы месяц хавалася ад царскіх атрадаў у доме спачувваючых паўстанцам людзей. Пры пабудове апавядання Н. Мацейчык карыстаецца прыёмам рэтраспекцыі: успаміны хворай Эміліі датычацца розных этапаў яе жыцця. З пераліку рэтраспектыўных эпізодаў заслугоўваюць увагі ўспаміны, звязаныя з юнацтвам, – перыядам выпрацоўкі характару. Менавіта там “засталіся частыя верхавыя прагулкі, урокі фехтавання, летнія чаянціцы на балконе, доўгія гадзіны, праведзеныя ў бібліятэцы за кнігамі...” [6, с. 11].

Акрамя звычайных для шляхецкага дому падзей прыватнага жыцця пісьменніца згадала зацікаўленасць Эміліі народнымі песнямі і, у прыватнасці, галашэннямі. Тэкст апавядання дазваляе сцвярджаць, што пры стварэнні вобраза Плятэр пісьменніца абапіралася на вядомыя біяграфічныя звесткі пра гераніню. Так, факт зацікаўленасці фальклорам маладой паненкай пацверджаны мемуарамі жыхара Віцебска Максіміліяна Маркса [1]. Мемуарыст узгадваў пра Эмілію: “Яна першай [...] з запалам, уласцівым чулым і шляхетным сэрцам, душой аддалася беларускаму люду, вывучала яго беды і спачувала яму, імкнучыся, па магчымасці, аблегчыць яго лёс, збірала і спявала яго песні, добра плаціла за іх дастаўку і спрабавала сваё пярэ ў наследаванні ім. На фартэп’яна яна магла вельмі падобна перадаць і радасць, і сум народных матываў, і нават тэмбры сапрана-жалейкі і баса-дуды” [1, с. 143]. Гэту здольнасць адчуваць народную паэзію, эмацыянальнасць, чуласць, экспрэсію Н. Мацейчык падкрэсліла пры абмалёўцы гераніні апавядання.

Адзначым, што вобраз Эміліі Плятэр у беларускай пісьменніцы адрозніваецца ад традыцыйнага бачання іншымі аўтарамі. У першую чаргу, Н. Мацейчык надала ўвагу жаночасці маладой паненкі. На думку аўтара, стройная і далікатная Эмілія “у доўгай шаўковай сукенцы з ружай у валасах” танцавала на балі ў Вільні. Думаецца, пры стварэнні гэтага эпізода-успаміна пісьменніца кіравалася традыцыйным, шаблонным прыёмам: дэталі эпохі рамантызму (ружа ў валасах, доўгая

бальная сукенка, мрамуровыя калоны бальнай салі, вальс і г.д.) ствараюць добра пазнавальны чытачом вобраз дзяўчыны “à la Natalie Rostova”. Прыехаўшы дадому, Эмілія коратка абрэзала валасы, што сімвалізуе яе адыход ад жаночай сутнасці і першы крок да змагання. Як вядома, мастацкая дэталі (апісанне інтэр’ера, пейзажа, знешнасці героя, яго маўлення) дапамагае дакладна асэнсаваць вобраз і ідэю твора. У дадзеным выпадку змена бальнай сукенкі на вайсковы мундзір сімвалізуе змену шляху для гераіні. Мэта яе жыцця – служыць айчыне, менавіта да гэтага Эмілія рыхтавалася з юнацтва.

Наступныя падзеі Н. Мацейчык перадае блізка да гісторыі паўстання (згадваецца атака на паштовую станцыю Даўгель, далучэнне атрада Эміліі да войска генерала Хлапоўскага, атрыманне вайсковага звання капітана). Аўтар не спыніўся толькі на абмалёўцы змагарскай дзейнасці Э. Плятэр, у апавяданне ўключаны эпизод запрашэння княгіняй Ганнай Кавальскай Эміліі на бал у гонар апошняй. Зноў пісьменніца падкрэслівае жаночасць вобраза: перад Эміліяй некалькі дзясяткаў бальных сукенак, сярод якіх яна выбірае сабе адзенне. Дэталі, якія выкарыстоўвае Н. Мацейчык, датычацца сэнсарнага ўспрымання: дотык шаўковай тканіны колеру “*няспелай алівы*” да скуры, святло і гук утульнай залы, бесперапыннае кружэнне пад музыку вальса. “*Дзяўчыну ахапіла бесклапотнасць, ёй здавалася, што гэты бал будзе доўжыцца вечна*”, – так пазначае псіхалагічны стан гераіні пісьменніца. Прыём кантрасту эпизодаў дапаўняе мастацкі інструментарый аўтара, эпизод “міру” змяняецца ваенным (чарговая бітва, атрыманае раненне). Верны спадарожнік графіні Люцыян суправаджае непрытомную Эмілію ў дом Марыі Абламовіч, які стане апошнім прытулкам Плятэр.

Сыходзячы з вобразнага, а таксама сюжэтна-кампазіцыйнага аналізу апавядання Н. Мацейчык “Графіня”, можна сцвярджаць, што вобраз Эміліі Плятэр быў распрацаваны аўтарам у традыцый рамантычнай эстэтыкі. Асноўны прыём, выкарыстаны пісьменніцай, – кантраст падзей, дэталей, псіхалагічнага стану гераіні. Адчуваецца, што абставіны *прымусілі* Эмілію забыцца на звычайныя для жанчыны паводзіны, паўстанне нібы *вымагае* гераіню адмовіцца ад сваёй прыроды, што можа разумецца як творчая фантазія аўтара.

Класікай беларускай і польскай літаратуры стаў твор А. Міцкевіча “Смерць палкоўніка”, прысвечаны падзеям Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. У вершы апісана развітанне паўстанца атрада з загінуўшым камандзірам, аднак напрыканцы твора становіцца зразумелым, што кіраўніком паўстанцаў была дзяўчына. Абапіраючыся на тэорыю архетыпаў К. Юнга, У. Жылко выказала меркаванне пра выяўленне ў вершы А. Міцкевіча “Смерць палкоўніка” архетыпу анімус – “*унутранага вобразу мужчыны ў жанчыне, яе несвядомага маскуліннага боку*” [7, с. 41]. Даследчыца лічыць, што як і іншыя архетыпы, анімус бярэ пачатак у глыбінных структурах псіхікі чалавека, калі мужчыны і жанчыны засвойвалі эмацыянальны вопыт і паводзіны супрацьлеглага полу. Адзначым, што у вершы А. Міцкевіча Эмілія названа

ліцеінкай, яна паказана перш за ўсё ваяром, мужную смерць якога аплакваюць нават мужчыны.

Польскі празаік Вацлаў Гансяроўскі прысвяціў асэнсаванню асобы Эміліі Плятэр аднайменны раман [8], які стаў першым у польскай літаратуры гістарычным белетрызаваным выкладам падзей, звязаных з лёсам Плятэр. Паказальна, што першае выданне 1910 г. [8] якасна адрозніваецца ад другога выдання 1929 года [9]. Так, аўтар пашырыў твор, далучыўшы да яго апісанне паўстання ў Ашмянах і жорсткай расправы з ашмянцамі (часткі XIII–XVI). У 1908 г. В. Гансяроўскі правёў значную працу па зборы звестак пра Эмілію Плятэр, пералік асоб, якія дапамаглі пісьменніку факталагічнай інфармацыяй, размешчаны напрыканцы першага выдання кнігі.

Як адзначыў аўтар, з дзяцінства Эмілія вылучалася чулай душой, эмпатыяй, была не па гадах сур’ёзнай, шмат чытала, займалася матэматыкай. Паказальна сяброўства паненкі са старым салдатам Мурашкам, які шмат апавядаў дзяўчыне пра вайсковыя падзеі, у якіх браў удзел. Дэталёва паказаны характар Плятэр у стасунках з маладым шляхцічам Гружэўскім. Першае з’яўленне Эміліі ў творы аздоблена арэолам рамантаў і эстэтызацыі: лёгкая непрыкметная постаць дзяўчыны, утвораная нібы з пылка сонечных промяняў, плыве над натоўпам, які, падобна жытнёвым хвалям, кратнутым ветрам, расступаецца перад ёю [8, с. 38].

Пісьменнік дэталізуе партрэт гераіні, акцэнтуючы ўвагу на знешнасці (*зграбны стройны стан амазонкі, залаціста-папялістыя валасы*) і апісанні вачэй Эміліі (*вялікія, сумныя, задумненыя*). У той жа час з вуснаў аднаго з герояў гучыць іранічная характарыстыка гераіні: “*Панна Эмілія Плятэр, дачка графа Плятэра, афіцэрская змейка! Чатырох паручнікаў засушыла, зрабіла трубадурам генерала, каменданта крэпасці, прывабіла ўвесь штаб другой дывізіі. А цяпер артылерыйскага капітана, барона, гатуе сабе, галубочка, на мужа*” (тут і далей пераклад наш. – Г.Г.) [8, с. 39]. Сімвалічным бачыцца эпизод сустрэчы пана Гружэўскага і лікснянскай паненкі: конь Эміліі зрываецца ў водную віхуру Дзвіны, і малады паніч ратуе дзяўчыну. Сутыкненне са смяротнай небяспекай будзе суправаджаць Эмілію да канца жыцця, ахвяраванне сабой дзеля іншых, дзеля высакароднай мэты прадвызначыць далейшы лёс гераіні.

В. Гансяроўскі матываваў выбар Эміліяй шляху барацьбы характарам дзяўчыны, якая вольны час прысвячала кнігам, музыцы, вывучэнню гісторыі, верхавым паездкам, наведванню сялянскіх хат: “*Пад чарамі таго таямнічага закліку абуджалася цікавасць да спраў айчыны, апантанасць мужнасцю, адраджэннем, геройствам. Гэты покліч схіляў калені графіні перад выявай Арлеанскай Дзевы...*” [8, с. 184]. Пісьменнік улічыў розныя аспекты сталення асобы Эміліі. Так, аўтару бачыцца важным не толькі самаадукацыя графіні, але і той факт, што Эмілія не мела апоры ў асобе бацькі, які рана пакінуў сям’ю і жыў з другой жонкай. Глыбока схаваныя перажыванні не маглі не адбіцца на светаразумеці Эміліі, пасля су-

стрэчы з бацькам непрыемна ўражаная дзяўчына траціць на момант сілу духа і толькі весткі пра пачатак паўстання ў Варшаве вяртаюць геранію да дзейнасці.

Падзеі на Літве актывізуюцца напрыканцы студзеня 1831 г., род Плятэраў з'яўдаецца на фамільны з'езд, на якім старэйшыя прадстаўнікі дынастыі раяцца асобна ад моладзі, гатовай да актыўнага ўдзелу ў паўстанні.

Адзначым, што ў рамане Гансяроўскага галоўная геранія паступова вырастае да вобраза-сімвала прагрэсіўна настроенай патрыёткі, для якой галоўнае не амбіцыі, а шчасце народа, надыход лепшых часоў, калі будзе *“менш нядолі і менш сірот”*. Эмілія адчувае хуткае здзяйсненне самых неверагодных мар, калі *“пасля гадоў змроку ёсць магчымасць абудзіцца да волі, мець перад сабой неахопныя прасторы для плённай працы”* [8, с. 233]. Кульмінацыйным эпізодам рамана становіцца прыняцце Эміліяй рашэння не спадзявацца на дапамогу знешніх сіл, а распачынаць змаганне самастойна: *“Мы тут на ўскрайку Літвы не ведаем, што робіцца пад Коўна, Гродна, Наваградкам”* [8, с. 259]. За такім выбарам бачыцца не стыхійная гарачнасць, рашэнне было абдуманым і прынятым пасля таго, як зніклі спадзяванні на знешнюю падтрымку.

Як паведамляе аўтар, Эмілія не была фармальнай фігурай у паўстанцкім атрадзе, яна кантралявала пытанні, якія датычыліся зброі, фуражу, аховы атрада, разведкі, практыкаванняў і інш. Праз успрыманне аднаго з герояў Эмілія бачыцца вопытным ваяром: *“Перад ім была не дзяўчына – палкоўнік. Не ўздрыгне, сыце, як з рукава, інструкцыямі, памятае пра кожную дробязь, рыхтуецца да паходу, клапаціцца пра параненых, коней, намячае бліжэйшыя пункты для разведкі, камандуе, хто ідзе сярод першых, хто ў ар'ергардзе, разлічвае склад атрадаў і ведае кожнага паўстанца па імені і прозвішчу”* [9, с. 276]. Эмілія разумела сур'ёзны недахоп паўстання – яго раздробленасць. Таму на нарадзе прымала рашэнне пра злучэнне атрада з іншымі паўстанцкімі сіламі ашмянскага краю.

Высакароднасць гераніі дэманструе яе рашэнне адпусіць палонных пад слова гонару не ваяваць супраць паўстанцаў. Патэтыкай насычаны адказ Эміліі Дальвігу на пытанне пра пагрозу смерці: *“Калі не суджана нам здабыць свабоду, хай з крыві і попелу нашага народзяцца новыя сілы, каб з магіл ішоў да людзей заклік да вызвалення”* [8, с. 304]. Эмілія назвала сябе адарванай кветкай, якой суджана завянуць на прыступках да помніка свабоды. Сімволіка параўнання відавочная: жыццё ахвяруецца дзеля найвышэйшай каштоўнасці – свабоды айчыны.

Паказальна, што ў рамане закранаецца праблема стаўлення да жанчыны ў тагачасным грамадстве. Успрыманне яе ролі (нарачоная, жонка, гаспадыня, маці і г.д.) было традыцыйным, таму вылучэнне Эміліі за межы свайго жаночага стану не ўсімі разумелася і прымалася.

Заканчвае раман апавед пра пахаванне лікснянскай паненкі Эміліі Плятэр у вайсковай вопратцы з палашом.

Заклучэнне. Вобраз Эміліі Плятэр быў ідэалізаваны ў літаратуры і іншых відах мастацтва. З параўнальнага

аналізу вобраза гераніі ў творах беларускай і польскай літаратуры вынікае, што польскія пісьменнікі бачылі ў асобе Плятэр сімвал адраджэння, насычалі апісанні рамантычнымі дэталямі, падкрэслівалі ў характары гераніі патрыятызм і самаахвярнасць. Разам з гэтым назіраецца розная ступень мастацкай інтэрпрэтацыі фактаў біяграфіі і ходу паўстання. Так, у апавяданні Н. Мацейчык “Графіня” заўважаны адыход ад факталогіі ў фінале твора: Эмілія памірае, так і не даведаўшыся пра паражэнне паўстанцаў, аднак, як сведчаць гістарычныя і біяграфічныя крыніцы, менавіта вестка пра разгром апошніх паўстанцкіх атрадаў канчаткова падарвала сілы Плятэр. Н. Мацейчык зрабіла вобраз Эміліі больш вытанчаным, далікатным, геранія бачыцца дзяўчынай, якую абставіны *вымушаюць* змяніць лінію паводзін. У творах А. Міцкевіча і В. Гансяроўскага “жаноцкасць” вобраза зводзіцца да мінімуму, на першы план выходзяць прафесійныя навыкі і ваенны вопыт гераніі. Акрамя гэтага, польскі празаік Гансяроўскі грунтоўна абапіраўся на дакументы, яго твор вылучаецца большай блізкасцю да фактаў, акрамя Эміліі, у рамане дзейнічаюць і іншыя рэальныя асобы – Юліўш Гружэўскі, Марыя Рашановіч і інш.

Асоба Эміліі Плятэр працягвае асэнсоўвацца сучаснымі пісьменнікамі, што даказвае, напрыклад, публікацыя гістарычнага рамана М. Галдзянкова “Я – Эмілія Плятэр” (2019). Гэта сведчыць пра ўзбагачэнне нацыянальнай гістарычнай літаратуры новымі варыянтамі мастацкага асэнсавання беларускай мінуўшчыны.

Літаратура

1. Маркс, М. Эмілія Плятэр / М. Маркс // Віцебскі сшытак: гіст. навук.-папул. часоп.; гал. рэд. Л. Хмяльніцкая. – Віцебск. – 2017. – Вып. 5. – С. 143–144.
2. Навасельцава, Г.В. Мастацкае ўвасабленне мінулага ў творчасці рускамоўных пісьменнікаў / Г.В. Навасельцава // Учённыя запіскі. – 2011. – № 12. – С. 205–210. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/5035/5/t12pub205.pdf> (дата звароту: 09.09.2022).
3. Плавінскі, М.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: вучэб.-метад. дапаможнік / М.А. Плавінскі. – Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2017. – 107 с.
4. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863) / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 416 с.
5. Арлоў, У. Імёны свабоды / У. Арлоў. – Радыё Свабода, 2007. – С. 36–37.
6. Мацейчык, Н. Графіня / Н. Мацейчык // Маладосць. – 2012. – № 2. – С. 10–13.
7. Жылко, У. Рэпрэзентацыя архетыпаў у жаночых вобразах беларускай мастацкай культуры XIX стагоддзя (на прыкладзе літаратуры і жывапісу) / У. Жылко // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. – Пинск, 2017. – Вып. 2. – С. 33–41.
8. Gąsiorowski, W. Emilia Plater: powieść historyczna z XIX wieku / W. Gąsiorowski. – Warszawa: Druk i nakład Tow. Akc. S. Orgelbranda S-ów, 1910. – 366 s.
9. Gąsiorowski, W. Emilia Plater: powieść historyczna z XIX wieku / W. Gąsiorowski. – Warszawa: Dom książki polskiej, 1929. – 398 s.

Паступіў у рэдакцыю 08.09.2022

Канстанты нацыянальнай літаратурнай ідэнтычнасці: традыцыі, наватарства, рэцэпцыя

Бараноўскі А.А.

ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
НАН Беларусі”, Мінск

“Нацыянальная літаратурная ідэнтычнасць” – сацыякультурны феномен, які выражае прыналежнаць аўтара да пэўнай творчай супольнасці – самабытнай па сваёй спецыфіцы.

Мэта артыкула – вывучыць генезіс паняцця “нацыянальная літаратурная ідэнтычнасць” у яго суадносінах з традыцыяй, наватарствам і рэцэпцыяй.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам для даследавання паслужылі гуманітарныя канцэпцыі, якія дазваляюць рэканструяваць эвалюцыю літаратуразнаўчай і феноменалагічнай думак у святле заяўленай намі тэмы. Выкарыстоўваліся метады гістырычнага, рэцэптыўнага і апісальна-генетычнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Аналіз тэарэтычнай базы па даследаванні дазволіў зрабіць выснову, што традыцыя – велічыня непастаянная, здольная на розных тэмпаральных адрэзках рэгуляваць як асаблівасці напісання твора, так і яго ўспрыняцця чытачом. “Самабытнасць” і “навізна”, маючы агульнае семантычнае ядро, разам з тым не тоесныя паняцці: не ўсё новае – навізна, не любая навізна – рэфэрэнтная рыса нацыі.*

Заклучэнне. *Традыцыя – рэгулятар спарадычнага сэнсаўтварэння – задае стратэгію нацыянальнага развіцця ў цэлым і літаратуры ў прыватнасці.*

Ключавыя словы: *літаратуразнаўства, нацыянальная ідэнтычнасць, феноменалогія, лінгвістыка, мастацкія кірункі.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 147–151)

Constants of National Literary Identity: Traditions, Innovation, Reception

Baranouski A.A.

SSI “Research Center of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

“National literary identity” is a social and cultural phenomenon that expresses the author's belonging to a certain creative community – original in its specificity.

The purpose of the article is to study the genesis of the concept of “national literary identity” in its relationship with tradition, innovation and reception.

Material and methods. *The material for the research was humanitarian concepts that allow us to reconstruct the evolution of literary and phenomenological thoughts within the limits of our stated topic. Methods of historical, receptive and descriptive genetic analysis were used.*

Findings and their discussion. *The analysis of the theoretical basis of the research allowed us to conclude that tradition is a non-constant quantity, it can regulate both the features of the writing of the work and its perception by the reader at different temporal intervals. “Originality” and “novelty”, having a common semantic core, are at the same time non-identical concepts: not everything new is novelty, not any novelty is a reference feature of a nation.*

Conclusion. *Tradition, the regulator of sporadic meaning-making, sets the strategy of national development in general and literature in particular.*

Key words: *literary studies, national identity, phenomenology, linguistics, artistic directions.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 147–151)

Чытачы розных эпох успрымаюць адзін і той жа твор па-свойму. Ды не толькі храналагічныя акалічнасці дыстанцуюць іх у пунктах поглядаў на мастацтва. Літаратура – з’ява метафарычная, але не адарваная ад будзённасці – апасродкуе аксіялагічнае вымярэнне рэцыпіентаў, накладваючы асабліва-сці іх рэцэпцыі на тэкставыя стратэгіі аўтараў. Роля мастацкага слова ў працэсе ідэнтычнасці пэўнага народа ўзрастае па меры ідэалагічнай легітымізацыі касмапалітызму ў свеце. Пры гэтым традыцыя як модус нацыянальнай карціны свету забяспечвае міжгенерацыйныя адносіны – становіцца глебай індывідуальнай і калектыўнай памяці. Узнікнуўшы аднойчы, традыцыя выступае неабходнай умовай існавання разнастайных культурных сістэм, у тым ліку славеснасці. У ланцугу агульнапрыдатных да сусветнай словатворчасці атрыбуцый ёсць, так бы мовіць, “канстантныя” – тыя, якія ідэнтыфікуюць лакальныя літаратуры на ўзроўні іх нацыянальнай прыналежнасці. Гэтыя паняцці карэлююць з дэфініцыяй “унікальнасць” і, набываючы вагу праз пераемнасць пакаленняў, цесна звязаны з этнакалектыўнымі знамянальнікамі: гісторыяй, тэрыторыяй, рэлігіяй, мовай і інш.

XX ст. дало немалы імпульс вывучэнню феноменаў нацый, адкрыўшы панараму іх тэарэтычнага асэнсавання (прэмардыялізм, этнасімвалізм, гамеастатызм і інш.). Грунтоўную працу па пашырэнні і тыпалагізацыі гэтых тэорый зрабілі заходнія даследчыкі Джон Армстрэнг, Ван дэн Берге, Кліфард Гірц, Энтані Сміт, Эдвард Шылз і інш. Цягам дзесяцігоддзяў яны імкнуліся вынайсці дакладныя фактары нацыянальнага развіцця – праз недвухсэнсоўныя структуралагічныя мадэлі. Аспрэчваючы тым самым любя “сінтэтычныя” мерапрыемствы на шляху да іх разумення.

Савецкая тэорыя нацый, у сваю чаргу, мела кампелятыўны, эклектычны характар. Запасычыўшы некаторыя высновы Карла Каўцкага (нацыя вынікае з агульнасці мовы, тэрыторыі і поглядаў на капіталізм), Іосіф Сталін дапоўніў іх чацвёртай прыкметай – агульнасцю псіхічнага складу. Пазней Мікалаем Бярдзевым у кнізе “Русская идея” (1971) гэтая думка паглыбілася сентэнцыяй аб братэрстве людзей і народаў. А сам тэрмін “руская ідэя” з падачы пісьменніка і рэлігійнага мысляра Уладзіміра Салаўёва перакачаваў у філасофію для інтэрпрэтацыі этнічнай самасвадомасці і культуры.

Беларуская нацыянальная ідэя XX ст. набыла чарговае дыханне (хоць і не надоўга) ў часы беларусізацыі, якая легалізавалася з дазволу КПСС і ў 1924 г. стала дзяржаўнай палітыкай БССР. Пісьменніцкая інтэлігенцыя рэтранслявала нацыянальную ідэю пасродках беларускай мовы, часам залішне катэгарычна. Творчае асяроддзе падзялялася на тых, хто падтрымліваў традыцыі, і тых, хто на іх рэштках марыў пабудаваць новую будучыню (ідэалогія “Маладняка”, 1923–1928 гг.).

Чым больш яскрава навукоўцы, літаратары, філосафы, сацыёлагі праводзілі мяжу паміж адрознымі тэорыямі нацый, тым больш умоўным здаваўся гэты

падзел. Разам з тым ніхто не абвяргаў наступнага: “Нацыянальная літаратурная ідэнтычнасць” – сацыякультурны феномен, які выражае прыналежнаць аўтара да пэўнай творчай супольнасці – самабытнай па сваёй спецыфіцы.

Мэта артыкула – вывучыць генезіс паняцця “нацыянальная літаратурная ідэнтычнасць” у яго суадносінах з традыцыяй, наватарствам і рэцэпцыяй.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі гуманітарныя канцэпцыі, якія дазваляюць рэканструяваць эвалюцыю літаратуразнаўчай і феноменалагічнай думак у святле заяўленай намі тэмы. Выкарыстоўваліся метады гістырычнага, рэцэптыўнага і апісальна-генетычнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аналіз тэарэтычнай базы па даследаванні дазволіў зрабіць выснову, што традыцыя – велічыня непастаянная, здольная на розных тэмпаральных адрэзках рэгуляваць як асабліва-сці напісання твора, так і яго ўспрыняцця чытачом. “Самабытнасць” і “навізна”, маючы агульнае семантычнае ядро, разам з тым не тоесныя паняцці: не ўсё новае – навізна, не любая навізна – рэфэрэнтная рыса нацыі. Сутнасць навуковых канцэпцый так ці інакш выстройваецца вакол рознапрыкметнай “агульнасці паходжання”.

У межах літаратурна-мастацкага поля партыкулярная рэалізацыя антропа-культуралагічных тэорый адбываецца праз карэляцыю “локус аўтарскага нараджэння – паэтыка твораў”: “Гой ты, Нёман, наша рэчка! / Поіш ты і корміш нас” [1, с. 12], – класік беларускай літаратуры Якуб Колас, “Потертый войлок юрт тоска дороги / И степи без единого огня” [2, с. 12], – казахскі паэт Абай Кунанбаеў, “Края Москвы, края родные” [3, с. 78] – рускі майстар слова Аляксандр Пушкін і інш. Кожны пісьменнік рэтранслюе найбольш характэрную для яго сукупнасць канцэптаў, што, з аднаго боку, служыць пазнавальнасці твораў, а з іншага, на архетыповым узроўні ілюструе ўспадкаванасць надіндывідуальных патэрнаў, якія не патрабуюць свядомай апрацоўкі. Гэта ў сваім архаічным сэнсе і ёсць традыцыя. Апошняя – працэс сімвалічны: зварот да каштоўнасцей мінулага з улікам іх актуальнага пераасэнсавання незнарок выражаецца ў канкрэтных прадуктах творчай дзейнасці. Фальклор, напрыклад, – сам па сабе традыцыя.

Паколькі ні адзін з відаў мастацтва не ізаляваны, творы (“старыя”/“новыя”) рэалізуюць падобныя алгарытмы ўзнікнення, сутыкаючыся са шматлікімі нормамаі, каштоўнасцямі, звычаямі, іншымі творамаі. Адбываецца ўзаемадзеянне культур, маштаб і форма “камунікацыі”, ад якіх (этнічная, нацыянальная, цывілізацыйная) залежыць не толькі ад месца ўзнікнення твора, але і ад яго сугестыўных магчымасцей (культура-донар, культура-рэцыпіент). На цывілізацыйным узроўні закладзены найбольш прадуктыўныя навуковыя, духоўныя, мастацкія абмены. Аўтарытэт вежавых агульначалавечых зрухаў не раз вызначаў лёс лакальных літаратур, якія хоць і развіваліся па ўласнай гіста-

рычнай спіралі, рана ці позна далучаліся да ідэйна-эстэтычных прынцыпаў лідараў меркаванняў, вядучых літаратурных кірункаў, выкарыстоўвалі папулярныя мастацкія метады і прыёмы.

Так, у еўрапейскай літаратуры эпохі Вялікай французскай рэвалюцыі (1789–1794 гг.) аформіўся тып “рэвалюцыйнага” класіцызму – строга рацыяналістычнага, падпарадкаванага непарушнасці эстэтычных нормаў. Ён адмаўляў сумяшчэнне антаганічных элементаў (трагічнага – камічнага, грамадска значнага – прыніжана бытавога і інш.), імкнуўся “ўціснуць” свет у рамкі канонаў ісціны і прыгажосці. Згодна з прынцыпамі роўнасці, незалежнасці прарыў у сферу грамадска-палітычнага жыцця гучаў у азначаным кірунку залішне дыдактычна, хоць не абвяргаў жыццёвай “праўды”, гістарычнай канкрэтыкі (Антуан-Венсан Арно, Ружэ дэ Ліль, Мары-Жозэф Шэнье і інш.).

Народжаны адной эпохай пад уплывам нацыянальных фактараў класіцызм займеў шэраг спецыфічных адмеснасцей: арыентацыя на гуманізм і эстэтычныя ідэалы антычнасці – германская школа “веймарскага класіцызму” (Іаган Вольфганг фон Гётэ, Фрыдрых Шылер, Крыстаф Марцін Віланд), вялікадзяржаўны класіцызм – Расійская імперыя (Антыёх Кантэмір, Міхаіл Ламаносаў, Аляксандр Сумарокаў і інш.). На беларускіх землях, па вызначэнні Адама Мальдзіса [1, с. 252], гэты напрамак стала аформіўся толькі ў 70–90-я гг. XVIII ст., найперш, у жывапісе і архітэктуры. Беларускамоўная плынь прыгожага пісьменства Рэчы Паспалітай не надта адпавядала класіцыстычнай нарматыўнай эстэтыцы: у асноўным была прадстаўлена творами парадыйна-бурлескных жанраў Каятана Марашэўскага, Міхала Цяцёрскага і інш.

Статус беларускай літаратуры на працягу яе існавання мяняўся неаднаразова, на што ўплывалі геапалітычныя фактары ў цэлым і формы дзяржаўнага строю ў прыватнасці (дамінантны ўплыў польскай і расійскай думкі). Польскамоўная класіцыстычная літаратура атрымала развіццё ў творах уражэнцаў Беларусі Адама Нарушэвіча, Юліяна Урсына Нямецэвіча і інш.

Наватары ад мастацтва заўсёды “пераўтвараюць” традыцыю. Тым не менш не ўсё новае можна назваць наватарствам. Апошняе мае ў падмурку прагрэсіўныя “відазмяненні” з улікам запатрабаванняў часу. Наватарскай, напрыклад, стала ўвага сентыменталістаў да духоўнага стану чалавека – прасторы яго пачуццяў. “Кульг” індывідуальнасці, абвешчаны рамантыкамі, дазволіў заглябіцца ў характар персанажаў, вымушаных жыць ва ўмовах дыхатаміі свету – рэальнага і ідэальнага (у супрацьвагу трыадзінству класіцызму – час, месца, дзеянне). На канфлікце маленькага чалавека і вялікага соцыуму пабудавана канцэпцыя рэалістаў. Пазнавальны прыём мадэрністаў – “плынь свядомасці”: унутраны план больш важны, чым знешні, а мастакоўскае адчуванне жыцця прэваліруе над яго фармальна-аб’ектыўным увасабленнем. Паступова мастацтва слова станавілася сродкам пераа-

долення рэальнасці – канструяваннем (авангардысты) і рэканструяваннем (постмадэрністы).

Асіміляцыя традыцыі пацвярджаецца таксама іншымі літаратурнаўчымі прыкладамі – з гісторыі цвёрдых форм (праблема жанравай спецыфікацыі ў артыкуле не ўздымаецца). Так, санет, які ў абывацельскім разуменні стала асацыюецца з творчасцю Уільяма Шэкспіра, сягае сваімі каранямі ў італьянскае Сярэднявечча. Па некаторых згадках яго з’яўленню мы абавязаны сіцылійскаму натарусу VIII ст. Джакама Ленціні. Папулярнасць да санетнай формы прыйшла ў эпоху Рэнесансу, што звязана з імёнамі Джавані Бакачча, Мігеля дэ Сервантэса, Лопе дэ Вега і інш. У рускай літаратуры да згаданай формы звярталася Ганна Ахматава, Мікалай Гумілёў, Аляксандр Пушкін і інш. У беларускай – Максім Багдановіч, Змітрок Бядуля, Якуб Колас, Янка Купала, Паўлюк Трус і інш. Вянок вяноў санетаў (двядзема) належыць праму сучаснай беларускай паэтыцы – Соф’і Шах. Новыя паэтычныя школы адаптавалі схемы рыфмоўкі санетаў: французская – АББА АББА ВВГ ДДГ, англійская – АБАБ ВГВГ ДЕДЕ ЖЖ, італьянская – АБАБ АБАБ ВГД ВГД і інш.

Акрэсліць канстанты нацыянальнай літаратурнай ідэнтычнасці – значыць правесці тэарэтычную мяжу паміж традыцыяй і наватарствам, вылучыўшы ў семантычным полі абодвух азначэнняў агульнае, адрознае, характар іх узаемасувязей. На гэтым этапе даследчыкаў чакаюць прынамсі дзве ключавыя праблемы. Першая маніфестуе адносную самадастатковасць тэкстасвету, ігнаруючы ці змяншаючы яго сувязь з аб’ектыўнай рэальнасцю. Другая палягае ў рэчышчы рэцэптыўнага падыходу, пры якім мастацкі твор кваліфікуецца як з’ява гістарычна адкрытая, семантычна рухомая.

Траекторыя руху феноменалагічнай думкі не стала, аднак, дапамогай літаратурнаўству па ключавых пазіцыях: карэляцыя паняццяў “свядомасць–досвед”, “аўтар–чытач”, “пераемнасць–адасобленасць” у філасофскім дыскурсе ілюструе разнароднасць навуковых падыходаў да праблемы. Так, Эдмунд Гусэрль – філосаф, заснавальнік феноменалогіі – скіроўвае творчую інтуіцыю рэцыпіента да “чыстых” разважанняў (“нулявой ступені ўспрыняцця”) – першапачатковага “аўтарскага” паведамлення, пазбаўленага клішэ соцыуму. Гаворачы пра сінтэтычны характар свядомасці, даследчык зыходзіць з пазіцыі інтэнцыйнасці “Я-ўласнага”, якое пры экстрапаляцыі на літаратуру азначала б магчымасць чытача неперадузята “ўжывацца” ў ролю мастацкіх суб’ектаў: “Інтэнцыйнасць ва ўласным “Я”, што ўводзіць нас у сферу чужога “Я”, ёсць так званае адчуванне, і яго можна ўвесці ў гульню такой феноменалагічнай чысціні, дзе прырода ўвесь час застаецца выключанай” [5, с. 315]. Дзейнасць свядомасці, згодна з такой пазіцыяй звужаецца да канстытуявання рэчаіснасці – надання ёй “законнасці” існавання (прынцып Р. Авенарыуса – “без суб’екта няма аб’екта”).

Паслядоўнік Э. Гусэрля Раман Ингардэн – польскі філосаф і літаратуразнаўца – настойвае на ўзаемасувязі самастойных сфер быцця (“ідэальнай”, “рэгіянальнай”, “інтэнцыйнай”), падкрэсліваючы магчымасць мастацтва “рэканструявацца” пры пераходзе з адной сферы ў іншую. Пры гэтым схематызм, уласцівы любому літаратурнаму твору, зводзіць магчымасць яго абсалютнага спасціжэння да ўзроўню патэнцыйнай актуалізацыі сэнсаў праз сузіранне/сатворчасць рэцыпіента: “У канкрэтызацыі эфектыўна ствараецца эстэтычная каштоўнасць, якая ў самім творы пазначана яго кампанентамі” [6, с. 81]. Гэта значыць, што героі і сюжэт – складнікі інтэнцыйнага парадку (накіраванага на прадмет), а набор чытацкіх сцэнарыяў – перцэптыўнага (пачуццёвага). Змест мастацкага тэксту, па Р. Ингардэну, абмежаваны і бясконцы адначасова, паколькі ніколі не прад’яўляе публіцы ўсіх імпліцытных граняў.

Процілеглую пазіцыю Э. Гусэрлю склаў Марцін Хайдэгер. Экзістэнцыяліст і феноменалаг часткова перанёс фокус успрыняцця мастацтва з таго, *што* пазнаецца, на тое як гэты акт адбываецца: твор – гэта прэзентацыя сябе самога і рэпрэзентацыя (алегорыя) нечага іншага, даводзіць даследчык [7, с. 131]. Пры гэтым мастацтва, сімвалічнае па сваёй прыродзе, утрымлівае “праўду быцця”, перададзеную наяўнымі мастацкімі сродкамі: “Усё мастацтва – якое адпавядае праўдзе існага як такога – у сваёй сутнасці ёсць паэзія. Сутнасць мастацтва, у сярэдзіне якога знаходзіцца мастацкі твор і мастак, ёсць ісціна” [7, с. 205].

Пра чытача, ангажаванага гістарычнай сітуацыяй, заяўляе нямецкі філосаф Ганс Георг Гадамер. Мыслляр даводзіць, што чытач, мадыфікуючы свае погляды суразмерна прапанаваным умовам існавання, успрымае літаратурны тэкст штораз па-новаму – разумее яго інакш, калі ўвогуле разумее [8]. Пры гэтым “фактычны змест тэксту, звернуты да інтэрпрэтатара, не залежыць ад выпадковых момантаў, прадстаўленых аўтарам і яго першапачатковай публікай. Ва ўсякім разе не вычэрпваецца гэтым. У выніку ён заўсёды вызначаецца <...> ўсім аб’ектыўным курсам гісторыі ў цэлым” [8, с. 351]. Карэктнасць чытацкага сэнса-разумення, паводле меркавання Х.-Г. Гадамера, выцякае з узаемадчыннення адрасата і адрасанта да агульнай традыцыі і так званых “перад-меркаванняў” – фундаментальных поглядаў і забабонаў [8, с. 321].

Падагульняючы вышэйсказанае, можна меркаваць, што традыцыя інтэрпрэтацыі тэксту заклікана кантраляваць працэс метафізічнага сэнсапараджэння, аднак не тлумачыць галоўнага: **як пастуліраваць анталагічную значнасць тэксту, калі яго семантыка раскрываецца пераважна ў сіххраніі, а не ў дыяхраніі і залежыць ад суб’ектыўных адносін “творца-рэцыпіент”.**

Верагодным адказам на гэта пытанне магла б стаць эмансіпацыя чытача, пра што ў сваёй навуковай канцэпцыі заявіў тэарэтык літаратуры Ханс Роберт Яус. На яго думку, эстэтычная рэцэпцыя базуецца

на “даляглядзе чаканняў” – комплексе ўяўленняў (сацыяльных, палітычных, псіхалагічных, эстэтычных і інш.), якія ўрэшце і вызначаюць узаемазалежнасць “аўтар–твор” (паэзіс), “твор–публіка” (аэстэзіс), “аўтар–публіка” (катарсіс) [10]. Навуковец выступіў супраць раздзялення гістырычнага і эстэтычнага ўспрыняцця, удакладніўшы даследчую парадыгму Э. Гусэрля неабходнасцю вывучаць актуальныя для рэцыпіента абставіны.

Нямецкі філолаг-англіст Вольфганг Ізер, паяднаўшы падыходы Людвіга Вітгенштэйна, Імануіла Канта, Жан-Поля Сартра, Дэвіда Юма, даў функцыянальнае абгрунтаванне ўяўленню як абавязковаму элементу любога ўспрыняцця. Апошняя, абапіраючыся на факт ці выдумку (не мае значэння), патрабуе для ідэнтыфікацыі аб’екта сувязі “цяперашняга” з ужо апасродкаваным “мінулым” – у формах, праз якія “здзяйсняецца кантакт са светам” [10, с. 274].

Карэляцыя даўніны і сучаснасці, згодна з узуальным філасофскім азначэннем “традыцыі”, не зводзіцца да яе стэрыятыпных увасабленняў тыпу “звычай” ці “абрад”, яна ахоплівае сістэмы матэрыяльнай і духоўна-сацыяльнай спадчыны, выступаючы ў той жа час неабходнай умовай іх жыццядзейнасці. Грамадства ў цэлым (асобныя класы, у прыватнасці) могуць абвяргаць некаторыя элементы традыцыі ва ўрон іншых, што не заўсёды станоўча ўплывае на агульны ход гісторыі: “Сляпое пакланенне перад традыцыяй спараджае кансерватызм і застоі грамадскага жыцця; грэблівае стаўленне да сацыяльнай спадчыны прыводзіць да парушэння пераемнасці ў развіцці грамадства і культуры” [11, с. 691].

Нацыянальная арыентаванасць літаратуры, найперш, выяўляецца ў мове – на літаратуразнаўчым і лінгвістычным узроўнях. Не толькі ідэйна-тэматычная зададзенасць твораў (зыходзячы з гістарычнай рэтраспектывы), але і сродкі яе рэалізацыі вызначаюць мастакоўскі стыль пісьма, а ўрэшце – яго прыналежнасць да пэўнага народа. Нездарма праблема моўнай ментальнасці гуманітарыямі адносіцца да ліку найбольш зладзёных. Пераход ад структурнай лінгвістыкі да функцыянальнай у 70-х гг. XX ст. быў выкліканы неабходнасцю пашырыць навуковы дыскус дадатковымі опцыямі мовы, у тым ліку псіхалагічнай і эстэтычнай (Міхаіл Бахцін, Віктар Вінаградаў, Леў Новікаў, Леў Шчэрба).

Паэтычную ж форму традыцыі беларускі літаратуразнавец В. Рагойша разглядае ў рэчышчы літаратурных сувязей, якія на кантактным, генетычным і тыпалагічным узроўнях раскрываюць трыяду “наследаванне – уплыў – запазычанне” і суадносяцца з агульнай культурай верша [12, с. 69]. Наватарствам навуковец называе культываванне “паэтам *лепшых* рыс творчай спадчыны” [12, с. 70].

Заклучэнне. Такім чынам, разглядаючы літаратуру ва ўзаемасувязі канструктаў, правілаў, каштоўнасцей, норм, што існуюць бесперарыўна, але цыклічна, **над традыцыяй мы разумеем** сукупнасць

алгарытмаў, кодаў, схем, канонаў, эталонаў – гістарычна абумоўленых прадпісанняў да творчага акту і яго вынікаў з магчымасцю актуалізацыі ў часе. Традыцыя абмяжоўвае герменеўтычную дапушчальнасць, якая ўзнікае ў ходзе спарадычнай “камунікацыі” мінулага-сучаснага, аўтара-рэцыпіента. Таму яна ў сваёй аснове – “цэгата”, а не “рэмінісцэнцыя” рэфлексуючай свядомасці.

Каштоўнасці, значныя для ўсіх членаў грамадскай супольнасці, рэлевантныя *канстантам этнічнай ідэнтычнасці*. Як правіла, іх сістэмаарганізуючы патэнцыял складае падмурак дзяржаўнай ідэалогіі. Апошняя, у сваю чаргу, выконвае функцыю канстрування суб’ектыўнасці (у тым ліку мастацкай), падпарадкаванай сацыяльнаму запыту.

Кроскультурны аналіз функцыянавання прыгожага пісьменства небеспадстаўна ўказвае на працэс інтэрналізацыі – засваення лакальнымі літаратурамі знешніх атрыбуцый мастацтва слова (уласцівасцей, каштоўнасцей, арыенціраў) як сваіх унутраных рэгулятараў. Гэтак у розны час славеснасць беларуская ўспрыняла заканамернасці развіцця рускай і польскай, не губляючы аднак свядомага курса на агульнаеўрапейскі мастацкі свет (пры ўсёй самабытнасці ўласнай творчай парадыхмы).

Паколькі чытанне носіць індывідуальны характар, правамерна гаварыць і пра традыцыю ўспрыняцця тэксту – у “архаічнай” і “прагрэсіўнай” формах. “Водападзел” палягае ў адносінах рэцыпіента да паняццяў ісціны і навізны як фармальна-зместавых катэгорый тэксту. Эстэтычная дыстанцыя, якая так ці інакш стварае ў свядомасці адрасата ілюзію саўдзелу ў падзеях/перажываннях з твора, дасягае фазы звышдакладнай рэцэпцыі, калі адпавядае актуальнаму чытацкаму досведу.

Літаратура

1. Колас, Я. Другое чытанне для дзяцей беларусаў / Я. Колас. – СПб.: Наша хата, 1909. – 112 с.
2. Кунанбаев, А. Прожитое не сном ли оказалось: Стихи / пер. с каз. Е. Курдакова / А. Кунанбаев. – Усть-Каменогорск: Медиа – Альянс, 2008. – 56 с.
3. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – М.-Л.: 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1950. – Т. 1: Стихотворения 1813–1820. – 527 с.
4. Мальдзіс, А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый: літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII–XVIII ст.) / А.І. Мальдзіс. – М.: Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.
5. Гуссель, Э. Избранные работы / Э. Гуссель // сост. В.А. Куренной. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.
6. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
7. Хайдегер, М. Исток художественного творения / М. Хайдегер. – М.: Академ. проект, 2008. – 528 с.
8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Jauss, H.R. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik / H.R. Jauss. – Frankfurt a Main: Suhrkamp, 1982. – 876 p.
10. Iser, W. Prospecting: from reader response to literary anthropology / W. Iser. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. – 316 p.
11. Маневич, Е.Л. Традиция / Е.Л. Маневич // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Ф.Л. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Совет. Энцикл. – 1983. – 840 с.
12. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – Выд. 2-е, дапрац. – Мінск: Выш. шк., 1987. – 410 с.

Паступіў у рэдакцыю 30.03.2023

Реализация валентности компонента сложного/сложнопроизводного слова в рамках именной группы

Ключенович С.С.

Учреждение образования

«Минский государственный лингвистический университет», Минск

В статье рассматривается потенциал немецких сложных и сложнопроизводных слов к образованию в своем непосредственном окружении синтаксической группы.

Цель исследования состоит в выявлении моделей реализации внешней валентности компонента универба в рамках именной группы.

Материал и методы. *Материалом исследования послужила картотека именных групп с универбом в качестве главного слова, отобранных из современных немецких художественных произведений, текстов прессы и законодательных актов. Валентностный анализ продиктовал необходимость выделения именных групп с (от)глагольной основой в составе универба в отдельный тип. Используется также анализ глубинных семантических структур.*

Результаты и их обсуждение. *Глубинная структура универба не позволяет включать в его состав все необходимые аргументы. Некоторые из них остаются за рамками универбированной конструкции. Рассмотрены особенности препозитивной части именной группы в различных дискурсивных условиях. Выявлены модели реализации валентности (от)глагольной основы в зависимости от ее позиции в составе универба.*

Заключение. *Реализация лексико-синтаксической связи одних аргументов в пределах универба, а других за его пределами является отражением высокой степени аналитичности и подвижности того сцепления, которое возникает между полнозначными компонентами универба. В этом смысле отмечается большой потенциал (от)глагольных основ в случае их участия в образовании универба. Во многих случаях у (от)глагольной основы возникают не менее значимые связи с аргументами, воплощаемыми в рамках именной группы.*

Ключевые слова: сложное слово, сложнопроизводное, универб, валентность, именная группа, глубинная структура.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 152–157)

Valency Realization of the Root/Synthetic Compound Component within a Nominal Group

Klyuchenovich S.S.

Education Establishment "Minsk State Linguistic University", Minsk

The article discusses the potential of German root and synthetic compounds to form a syntactic group in their immediate environment.

The aim of the study is to reveal patterns of external valency implementation of the univerb component within a nominal group.

Material and methods. *The research material is a file catalogue of nominal groups with a univerb as the main word, selected from modern German fiction, press texts and legislative acts. Valency analysis determined the need to single out nominal groups with (de)verbal stem as part of a univerb into a separate type. Analysis of deep semantic structures is also used.*

Findings and their discussion. *The deep structure of the univerb does not allow to include all the necessary arguments into its constitution. Some of them are left outside the scope of the univerb construction. The peculiarities of the prepositive part of the nominal group in various discursive conditions are considered. Models for realization of the (de)verbal stem valency are revealed, depending on its position in the univerb.*

Conclusion. *The implementation of the lexical-syntactic connection of some arguments within the univerb, and others outside of it reflects the high degree of analyticity and flexibility of the combination of the meaningful univerb components. Accordingly, there is a great potential of (de)verbal stems in the case of their participation in the formation of a univerb. In many cases the (de)verbal stem has no less significant connections with arguments embodied by the attributes within the nominal group.*

Key words: root compound, synthetic compound, univerb, valency, nominal group, deep structure.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 152–157)

Многим лексемам присуща способность открывать в своем окружении определенное количество свободных позиций для заполнения словами-партнерами. Особенно ярко это проявляется на примере глагола, валентность которого придает ему особый статус в высказывании. Такое понимание принципов структуризации предложения в духе вербоцентризма вполне согласуется с позицией Л. Теньера, который определяет валентность как «способность глагола управлять несколькими участниками» [1, с. 415]. А это в свою очередь означает, что именно глагол определяет грамматически необходимое количество других слов-партнеров, задавая тем самым модель предложения в соответствии с числом валентностей предиката [2, с. 119; 3, с. 56–99].

Подобные валентностные потенции глагола как предикатного центра наследуются логичным образом и отглагольными именами, которые благодаря указанной особенности способны становиться ядром именной группы [2, с. 122; 4, с. 30]. Немецкие многокорневые универбы, к которые мы относим сложные, а также сложнопроизводные слова, образованные в результате свертывания синтаксической конструкции в цельную единицу, обладают потенциалом как внутренней валентности, так и внешней. Кроме синтаксиса технология универбации прямо связана с семантикой: в ряде случаев глубинная структура универба не включает все необходимые аргументы, вследствие чего обеспечивается лишь относительная семантическая самодостаточность многокорневого производного слова. Определенные семантические сущности вынуждены оставаться за рамками универбированной конструкции, синтаксически же они попадают в область пре- или посткомпозиционного атрибутирования.

Цель исследования – выявление моделей реализации внешней валентности компонента универба в рамках именной группы.

Материал и методы. Материалом исследования послужила картотека именных групп с универбом в качестве главного слова, отобранных нами методом сплошной выборки из современных немецких художественных произведений, текстов прессы и законодательных актов ФРГ. В общей сложности картотека насчитывает 405 словосочетаний. В центре рассмотре-

ния находятся субстантивные группы, выступающие единым семантико-синтаксическим блоком в составе предложения. Анализ валентностных характеристик компонентов многокорневого универба продиктовал необходимость выделения именных групп с (от)глагольной основой в составе универба в отдельный тип, что нашло отражение в табл. 1.

Статистические данные, приведенные в табл. 1, показывают практически одинаковое по своей интенсивности образование синтаксических групп вокруг универба в текстах прессы (167 случаев) и законодательных актах (164 случая). В художественной прозе этот показатель более, чем в 2 раза ниже (74 случая). Примечательно наличие тенденции, связанной с включением в состав универба в качестве его компонента (от)глагольной основы. По этому параметру наблюдается резкая противопоставленность художественных произведений и законодательного дискурса (28,4% против 70,7%). Тексты прессы занимают промежуточное положение (53,9%).

В силу того, что универб как композит характеризуется бинарной структурой, т.е. состоит из определяющего и определяемого членов, возникает необходимость дальнейшей дифференциации именных групп в зависимости от позиционирования (от)глагольной основы в составе группообразующего универба.

Дальнейшая дифференциация именных групп с (от)глагольной основой в составе универба отображена в соответствии с частотностью употребления в разнотипных дискурсивных условиях в табл. 2.

Сопоставление количественных данных показало схожую в пропорциональном отношении тенденцию во всех трех рассматриваемых дискурсах. Так, от 61,9 до 62,2% случаев приходится на именные группы с отглагольной основой в позиции определяемого компонента универба, диапазон употребления (от)глагольной основы в позиции определяющего компонента составляет после округления 24–28%. Близкие долевые показатели (14,3%, 11,1%, 11,2%) можно наблюдать также по третьему типу групп, когда оба компонента группообразующего универба представлены (от) глагольными основами. Как видим, в обобщенном виде отмеченная тенденция предполагает в значительной мере более активное использование отглагольной основой позиции опре-

Таблица 1

Представленность именных групп с/без (от)глагольной основой/ы в составе универба в разных сферах функционирования языка

Сферы функционирования языка	Именные группы				Общее кол-во групп
	с (от)глагольной основой в универбе		без (от)глагольной основы в универбе		
	Кол-во групп	%	Кол-во групп	%	
Художественная проза	21	28,4	53	71,6	74
Пресса	90	53,9	77	46,1	167
Законодательные акты	116	70,7	48	29,3	164

Представленность именных групп с (от)глагольной основой в позиции определяющего/определяемого компонента универба в разных сферах функционирования языка

Сферы функционирования языка	Именные группы с (от)глагольной основой						Общее кол-во групп
	в позиции определяющего компонента универба		в позиции определяемого компонента универба		в позиции определяющего и определяемого компонентов универба		
	Кол-во групп	%	Кол-во групп	%	Кол-во групп	%	
Художественная проза	5	23,8	13	61,9	3	14,3	21
Пресса	24	26,7	56	62,2	10	11,1	90
Законодательные акты	32	27,6	71	61,2	13	11,2	116

деляемого члена универба. Вместе с тем частотность включения (от)глагольной основы в позицию определяющего члена сказывается значимым образом на реализации валентностных потенциалов за пределами универба, что будет показано ниже.

Результаты и их обсуждение. Если определяемый компонент универба обладает двухместной облигаторной валентностью, то один аргумент может присутствовать в семантике композита, реализуясь позицией определяющего члена, а второй аргумент может получать статус пре- или посткомпозиционного атрибута. Рассмотрим это на примерах ниже:

а) *die amerikanische Deutschlandpolitik* (W. Schorlau. *Die schützende Hand*) ‘политика США в отношении Германии’;

б) *der Deutschland-Chef von British American Tobacco* (*Wirtschaftswoche*. 07.07.2008) ‘глава немецкого отделения «Бритиш Америкэн Тобэко»’;

в) *der Nachhauseweg von der Schule* (P. Schneider. *Die Lieben meiner Mutter*) ‘дорога из школы домой’.

Примеры а, б, в объединяет не только реализация двухместной валентности в позиции определяющего члена универба и в пре- или постпозитивной зоне словосочетания, но и отсутствие отглагольных основ в составе композита. Последнее означает, что устанавливаемые в рамках универба и словосочетания связи исходят от субстантивных компонентов (*Politik, Chef, Weg*).

Примеры а, б четко демонстрируют неделимость единого семантико-синтаксического блока. Оба композита (*Deutschlandpolitik, Deutschland-Chef*) являются синсемантическими вне словосочетания.

Пример в примечателен своей частеречно-структурной симметричностью. При наличии в немецком языке слова *Heimweg* ‘дорога домой’ первый компонент композита своей структурой «синхронизирован» с постпозитивной зоной словосочетания, т.е. используется модель «предлог + существительное» (*nach Hause* vs. *von der Schule*). Как думается, через это усиливается «синтаксичность» композита *Nachhauseweg* (по сравнению с *Heimweg*) в угоду постпозитивному атрибуту *von der Schule*.

Рассмотрим еще одну группу примеров, где реализуется двухместная валентность:

д) *Schuldenverzicht der Gläubiger* (*Handelsblatt*. 25.08.1999) ‘отказ кредиторов от долгов’;

е) *die Strafaussetzung zur Bewährung* (*Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren*) ‘отсрочка исполнения наказания с назначением испытательного срока’.

Примеры д, е объединены присутствием основы deverбатива (*verzicht-, aussetz-*) в позиции определяемого члена композита, соответственно именно эта наследуемая от глагола валентность становится стимулом к одновременному заполнению открываемых позиций как в составе универба, так и в постпозитивной части словосочетания.

Обе группы примеров наглядно подтверждают облигаторный характер валентности опорного компонента универба, реализуемой за рамками последнего. Если бы она не реализовалась через постпозитивные атрибуты, то в смысловой структуре высказывания образовался бы пробел.

1. Прекозитивная часть именной группы. Свои особенности обнаруживает прекозитивное атрибутивное универба, что подлежит раскрытию через примеры.

1.1. Для художественной прозы более характерна передача агенса¹ с помощью местоимения:

а) *ihre Anteilnahme* (S. Lenz. *Das Vorbild*) ‘ее участие’ ⇔ *sie nimmt Anteil*;

б) *unsere Schlittenfahrt* (P. Schneider. *Die Lieben meiner Mutter*) ‘наше катание на санках’ ⇔ *wir fahren Schlitten*.

Уже на этих примерах номинализации высказывания можно видеть, какие серьезные структурные преобразования оно претерпело, как изменился его частеречный статус.

Если в примерах а, б агентивная функция местоимения была ожидаема в силу присутствия отглагольной основы в позиции определяемого члена сложнопроизводного, то следующее словосочетание (в) ин-

¹ Полный список семантических ролей приводится в [5, с. 45–49].

интересно тем, что оба члена универба представлены субстантивными компонентами.

с) *Stundenlang konnte er am Klavier sitzen und sich in seinen Chopin-Etüden verlieren* (P. Schneider. *Die Lieben meiner Mutter*) ‘Часами он мог сидеть за пианино, погружаясь в свои шопеновские этюды.’

Структурно-семантический анализ высказывания позволяет увидеть, что в данном случае за местоимением *sein* также стоит агенс. Речь идет о мальчике, который оттачивал свои музыкальные навыки, исполняя Шопена. Обращает на себя внимание то, что сам глагол *spielen* не находит в высказывании прямого выражения, но его значение присутствует в глаголе *sich verlieren* ‘погружаться’, который моносемантизируется через словосочетание *stundenlang am Klavier sitzen* ‘часами сидеть за пианино’.

Интересный случай представления агенса является следующий пример:

d) *...kamen natürlich auch jüngere männliche Zimmersuchende* (H. Böll. *Gruppenbild Dame*) ‘... приходили, конечно, в поисках комнаты и молодые мужчины’.

В данном словосочетании агенс представлен двумя прилагательными *jüngere männliche*, причем второе из них является десубстантивным трансформом, т.е. ядерной структурой по отношению к ним выступает *jüngere Männer* ‘молодые мужчины’.

Картотека материала показывает, что несмотря на определенную характерность местоименной реализации агенса в художественном тексте, в препозиции именной группы возможны и другие аргументы:

e) *die gestrige Vermisstenmeldung* (C. Link. *Die Suche*) ‘вчерашнее сообщение о пропавшей без вести’;

f) *norddeutsche Judo-Meisterin* (S. Lenz. *Lehmanns Erzählungen oder So schön war mein Markt. Aus den Bekennnissen eines Schwarzhändlers*) ‘чемпионка Северной Германии по дзюдо’.

Так, в примере e мы наблюдаем темпоратив, в примере g – локатив.

1.2. В текстах прессы препозиция часто заполняется прилагательным:

a) *die südeuropäischen EU-Beitritte* (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2001, Nr. 32) ‘южноевропейские вступления в ЕС’ ⇔ *Südeuropäische Staaten treten der EU bei* ‘государства Южной Европы вступают в ЕС’;

b) *ausländische Neugründungen* (*Westdeutsche Allgemeine Zeitung*. 02.02.2016) ‘зарубежные новые учреждения’ ⇔ *Man gründet neue Unternehmen im Ausland* ‘учреждение новых компаний за рубежом’.

В приведенных примерах препозиция, будучи синтаксическим атрибутом, воплощает различные сущности логико-семантической структуры – аргументы агенс в a, локатив в b.

Местоименная реализация агенса не является столь же типичной для прессы, как это имеет место в художественной прозе. Тем не менее, это вполне возможно:

с) *bei seinem Amtsantritt vor fast genau einem Jahr* (*Wirtschaftswoche*. 07.07.2008) ‘при его вступлении в должность почти ровно год назад’

Приведем еще примеры:

d) *nach dem viertägigen Frankreichbesuch* (*Süddeutsche Zeitung*. 09.09.1996) ‘после четырехдневного визита во Францию’;

e) *der weltweite Güterfluss* (*Focus online*. 08.10.2019) ‘мировой товаропоток’.

В случае d синтаксической позицией воплощается аргумент темпоратив, в примере e препозитивный атрибут представляет аргумент локатив.

1.3. Специфика законодательного дискурса прослеживается в широком использовании десубстантивов в адъективной позиции, что демонстрируют примеры ниже:

a) *jede richterliche Untersuchungshandlung* (*Strafprozessordnung*) ‘любое следственное действие судьи’ ⇔ *der Richter* ‘судья’ (агенс);

b) *ein staatsanwaltliches Sammelverfahren* (*Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren*) ‘коллективный процесс прокуратур’ ⇔ *die Staatsanwaltschaft* ‘прокуратура’ (агенс);

с) *eine land-, forst- und fischereiwirtschaftliche Bodennutzung* (*Gesetz über Naturschutz und Landschaftspflege*) ‘сельскохозяйственное, лесо- и рыбноводческое землепользование’ ⇔ *die Land-, Forst- und Fischereiwirtschaft* ‘сельское, лесное, рыбное хозяйство’ (финатив).

Кстати, в примерах a, c имеет место, согласно Й. Эрбену, двойная номинализация (“doppelte Nominalisierung”) [6], т.е. номинализуется не только предикат *handeln, nutzen*, но и его субстантивный партнер, подвергаясь адъективации. В силу такой десубстантивной адъективации отпадает необходимость экспликации артиклей, падежных форм, возможных предлогов и флексий существительного, которые могли бы четко отражать соответствующие смысловые отношения [7, с. 136]. Г. Мёллер также указывает на опасность возникновения непрозрачных структур, не обеспечивающих однозначности в отличие от более развернутых лексически и синтаксически формулировок, что негативно сказывается на понимании [8, с. 136; ср. также 9, с. 136; 7, с. 135–137]. Вместе с тем, на наш взгляд, появление таких десубстантивных трансформов и их включение в состав именной группы универба отвечает тенденции к интеллектуализации современного дискурса.

В качестве обобщения, касающегося всех трех исследуемых сфер функционирования языка, можно отметить, что область препозитивного атрибутирования универба демонстрирует довольно широкий диапазон как в лексемно-частеречном плане, так и в плане разнотипности аргументов логико-семантической структуры.

2. Реализация валентности в постпозиции по отношению к универбу. В именных группах, возникающих благодаря валентностным связям универба, активно используется постпозиция.

В этом смысле большой лингвистический интерес представляет анализ специфики реализации валентностных потенциалов (от)глагольной основы, занимающей позицию определяющего члена группопобразующего универба.

2.1. *(От)глагольная основа в позиции определяющего члена универба.* Обратимся к примерам синтаксических групп, где валентность исходит от (от) глагольной основы в позиции определяющего компонента универба. После стрелки приводится исходный синтаксико-семантический блок.

а) *Besuchsantrag bei Verwandten im Westen* (F.C. Delius. *Der Spaziergang von Rostock nach Syrakus*) ‘заявка (на получение визы) на посещение родственников на Западе’ ⇐ *Besuch bei Verwandten im Westen*;

б) *hohe Entwicklungskosten für neue Produkte* (*Westdeutsche Allgemeine Zeitung*. 24.01.2013) ‘затраты на разработку новых видов продукции’ ⇐ *Entwicklung neuer Produkte*;

в) *Eigentümer und Nutzungsberechtigte von Grundflächen* (*Gesetz über Naturschutz und Landschaftspflege*) ‘собственники и имеющие право пользования земельными площадями’ ⇐ *Nutzung von Grundflächen*.

Анализ именных групп данного типа обнаруживает примечательную особенность, которая заключается в том, что унаследованная определяющим членом композита глагольная валентность реализуется, как правило, в постпозитивной части синтаксической группы (рис. 2, стрелка 2б). Лексема, обретающая в результате вхождения в состав композита функцию определяющего члена (*Besuch, Entwicklung, Nutzung*), сохраняет автономность своего валентностного поведения по отношению к определяемому члену. Разрыв синтаксической структуры исходного словосочетания как смыслового целого (*Besuch bei Verwandten im Westen, Entwicklung neuer Produkte; Nutzung von Grundflächen*) в результате словообразовательного вклинивания новой лексемы (*Antrag, Kosten, Berechtigte*) не нарушает смысловую целостности исходного синтаксико-семантического блока, восприятие которого, безусловно, усложняется вследствие нарушения контактного расположения соответствующих лексем.

Таким образом, можно отметить, что валентность полнозначных компонентов, образующих универб, проявляется в синтаксической реализации различным

образом. В результате и аргументные позиции манифестируются по-разному, а именно:

1. в рамках универба (за счет определяющего члена самого композита);

2. вне универба за счет синтаксического атрибута:
  - а) в препозиции,
  - б) в постпозиции.

Изложенное допускает представление в виде схемы (рис. 1).

2.2. *Отглагольная основа в позиции определяемого члена универба.* Большим потенциалом в плане структурирования синтаксической группы обладает (от)глагольная основа в позиции определяемого компонента универба. Рассмотрим в этой связи некоторые примеры:

д) *eine Massenbewegung ins Netz* (*Die Zeit*. 24.02.2000) ‘массовый исход в сеть’;

е) *ein Schwimmstoß der Beine* (F. C. Delius. *Himmelfahrt eines Staatsfeindes*) ‘плавательный толчок ногами’;

ф) *...jede richterliche Anordnung einer Freiheitsentziehung und einer Freiheitsbeschränkung gegen den Abgeordneten...* (*Richtlinien für das Strafverfahren und das Bußgeldverfahren*) ‘любое распоряжение судьи о лишении (свободы) или ограничении свободы депутата’.

Анализ постпозитивной части именной группы в приведенных выше примерах показывает, что внешней валентностью включаются в пропозитивную семантику различные типы аргументов (директив (д), инструментатив (е), бенефактив (ф)).

Обобщая, необходимо акцентировать тот факт, что унаследованная глагольная валентность, носителем которой в рассмотренном типе конструкций является определяемый член универба, может проявляться в синтаксической реализации различным образом. Как следствие и аргументные позиции манифестируются по-разному, а именно:

1. в рамках универба (за счет определяющего компонента самого универба);

2. вне универба за счет синтаксического атрибута при двух возможностях:

- 2а. в препозиции,
- 2б. в постпозиции.

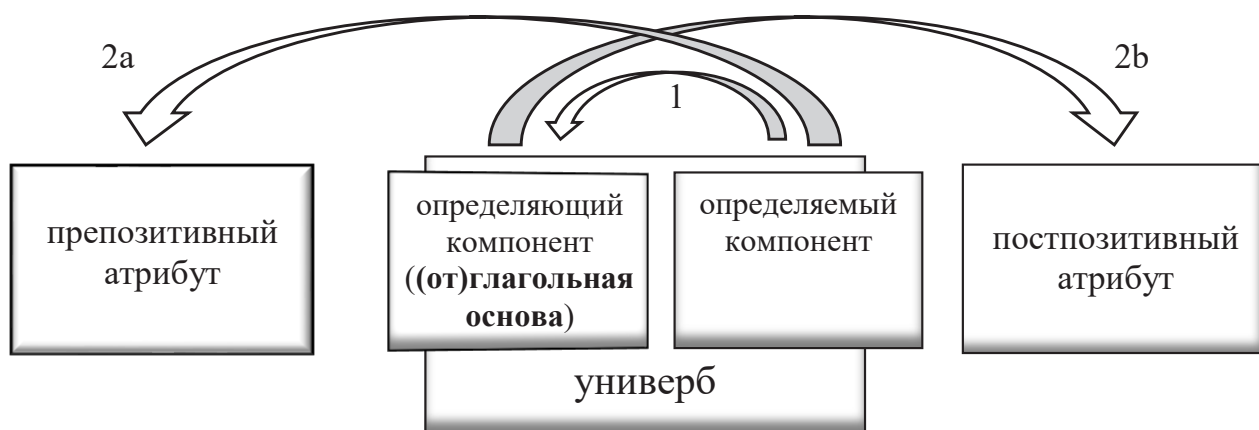

Рис. 1. Схема внутреннего и внешнего атрибутирования группообразующего универба с (от)глагольной основой в позиции определяющего члена

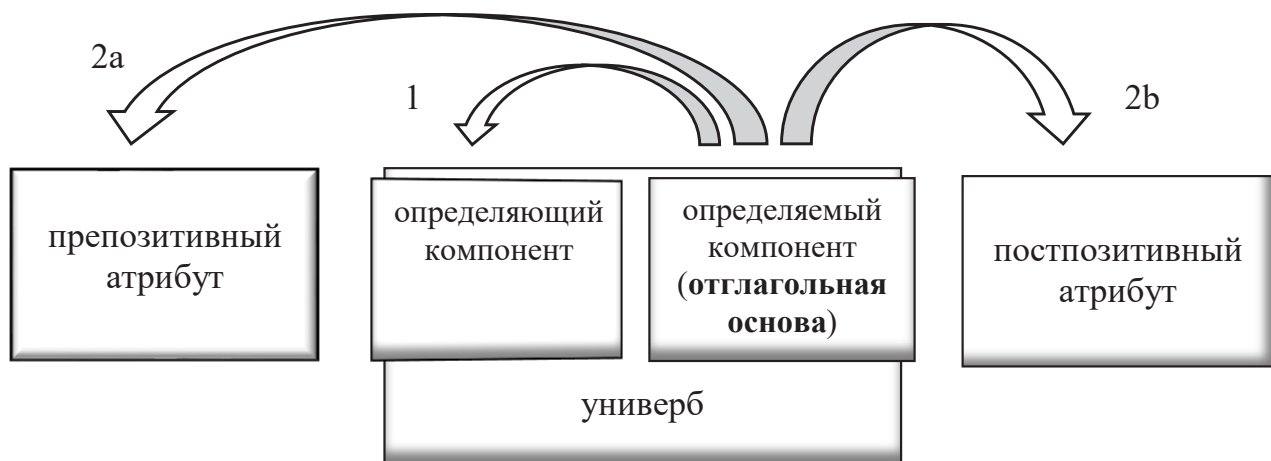

Рис. 2. Схема внутреннего и внешнего атрибутирования отглагольной основы, выполняющей функцию определяемого члена группообразующего универба

Изложенное допускает представить это в виде схемы (рис. 2).

Заключение. Универбированная конструкция, обладающая большими валентностными потенциями, склонна входить в структуру текста через словосочетание, вырастающее вокруг универба. Реализация лексико-синтаксической связи одних аргументов в пределах универба, а других за его пределами является отражением высокой степени аналитичности, гибкости и подвижности того сцепления, которое возникает между полнозначными компонентами, составляющими сложное или сложнопроизводное слово. В этом смысле нельзя не отметить большой потенциал (от)глагольных основ в случае их участия в образовании универба. Во многих случаях у (от)глагольной основы возникают не менее значимые связи с аргументами, воплощаемыми атрибутами пре- или постпозитивной области именной группы.

Если определяемый компонент универба обладает двухместной облигаторной валентностью, то один аргумент может быть представлен в составе многокорневого производного, реализуясь позицией определяющего члена, а второй аргумент может получать статус самостоятельного пре- или постпозитивного атрибута. Результатом этого становится неделимость всего семантико-синтаксического блока, вплоть до синсемантической группообразующего универба вне словосочетания.

Область препозитивного атрибутирования универба во всех трех исследуемых дискурсах демонстрирует довольно широкий диапазон как в лексемно-частеречном плане, так и в плане разнотипности аргументов логико-семантической структуры. Вместе с тем можно отметить определенную характерность местоименной реализации агенса в художественном тексте. Специфика же законодательного дискурса прослеживается в широком использовании десубстантивов в позиции адъективного атрибута.

Унаследованная определяющим членом универба глагольная валентность часто реализуется в постпозитивной части синтаксической группы. Это означает, что (от)глагольная основа, обретающая в результате вхождения в состав производного функцию определяющего члена, сохраняет автономность своего валентностного поведения по отношению к определяемому члену.

Литература

1. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
2. Erben, J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß / J. Erben. – 14. Aufl. – München: Hueber, 1996. – 392 s.
3. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik: in 2 Bdn. – 4., aktual. u. durchges. Aufl. – Stuttgart; Weimar: Metzler, 2013. – Bd. 2: Der Satz / P. Eisenberg, R. Thieroff. – 549 s.
4. Глушак, Т.С. Функционально-коммуникативное взаимодействие разноуровневых единиц языковой системы в диапазоне реализации номинализационных тенденций немецкого языка: науч. докл. по дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Т.С. Глушак. – Минск, 1991. – 65 с.
5. Ключенович, С.С. Имена действия композитного типа в структуре текстов различных функциональных стилей немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.С. Ключенович. – Минск, 2002. – 115 л.
6. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – 5., durchges. u. erg. Aufl. – Berlin: Erich Schmidt, 2006. – 205 s.
7. Ключенович, С.С. Функционально-коммуникативный потенциал отсубстантивной адъективации в современном немецком языке / С.С. Ключенович // Вестн. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2007. – № 2(27). – С. 134–141.
8. Möller, G. Praktische Stillehre / G. Möller; Bearb. U. Fix. – 5., unveränd. Aufl. – Leipzig: Bibliogr. Inst., 1986. – 244 s.
9. Гак, В.Г. Предикативные отношения в свете языковой асимметрии / В.Г. Гак // Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1998. – С. 125–137.

Поступила в редакцию 03.11.2022

Апавядальныя сказы са значэннем пабуджэння да дзеяння ў беларускай мастацкай прозе

Зіманскі В.Э., Суконкіна Н.М.

Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Традыцыйна значэнне пабуджэння да дзеяння рэлізуецца праз выкарыстанне пабуджальных сказаў. Аднак існуюць іншыя спосабы рэалізацыі катэгорыі пабуджальнасці, сярод якіх ужыванне апавядальных сказаў, што арыентуюць суразмоўцу на ажыццяўленне ці спыненне пэўнага дзеяння.

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць, у якіх выпадках катэгорыя пабуджальнасці ў беларускай мове рэлізуецца пры дапамозе апавядальных па мэце выказвання сказаў.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на матэрыяле кантэкстных выказванняў з твораў беларускай мастацкай прозы і грунтуецца на агульнанавуковых (апісанне, супастаўленне, сістэматызацыя, абагульненне, класіфікацыйны метады) і спецыяльных метадах (метады кантэкстуальнага аналізу, метады кампанентнага аналізу, метады канцэптуальнага аналізу, метады лексіка-семантычнага і семантыка-сінтаксічнага аналізу выказванняў).

Вынікі і іх абмеркаванне. У сучаснай беларускай мове пабуджэнне да дзеяння мае шматлікія формы выражэння. Каб аказаць уплыў на адрасата, адрасант мае ў распараджэнні цэлы арсенал моўных сродкаў. Выбар гаворачым таго ці іншага варыянта звязаны з рознымі ўмовамі зносін, статусам камунікантаў, этыкетнымі нормамі. Дастаткова распаўсюджаны спосаб выражэння значэння пабуджэння да дзеяння – выкарыстанне апавядальных сказаў, якія арыентуюць суразмоўцу на ажыццяўленне ці спыненне пэўнага дзеяння. Акрамя перфарматыўных выказванняў, такія сказы выкарыстоўваюцца ў наступных выпадках: адрасант выражае сваё пажаданне (ці нежаданне), апісвае свой незадавальняючы стан, заяўляе пра неабходнасць выканання нейкага дзеяння ці, наадварот, адсутнасць патрэбы ў яго выкананні, пра магчымасць/немагчымасць яго выканання, акрэслівае, што, на яго думку, можна ці нельга рабіць, вызначае лінію паводзін адрасата, характарызуе сітуацыю, якая склалася на дадзены момант або чакаецца ў будучым, каб адрасат сам прыйшоў да высновы пра неабходнасць выканання нейкага дзеяння і рабіў/не рабіў штосьці.

Заклучэнне. У беларускай мове апавядальныя сказы могуць выконваць функцыю пабуджальных, калі выражаюць волевыя ўжыванне адрасанта, звернутае да суразмоўцы (суразмоўцаў) з мэтай паўплываць на яго (іх) паводзіны.

Ключавыя словы: апавядальныя сказы, ускосныя маўленчыя акты, катэгорыя пабуджальнасці, пабуджальныя выказванні, значэнне пабуджэння да дзеяння.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 158–162)

Declarative Sentences with the Meaning of Imperativeness in Belarusian Prose

Zimanski V.E., Sukonkina N.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Traditionally, the meaning of order is implemented through the use of imperative sentences. However, there are other ways to implement the category of imperativeness, including the use of declarative sentences that motivate the interlocutor to perform or stop a certain action.

The purpose of this study is to determine in which cases in the Belarusian language the category of imperativeness is implemented with the help of sentences that are declarative in terms of the purpose of utterance.

Material and methods. The study was conducted on the material of contextual statements from Belarusian fiction and is based on general scientific (description, comparison, systematization, generalization, classification methods) and special methods (contextual analysis method, component analysis method, the method of lexico-semantic and semantic-syntactic analysis of statements).

Findings and their discussion. In the modern Belarusian language, imperativeness has many forms of expression. In order to influence the addressee, the addresser has a whole arsenal of linguistic means at his disposal. The speaker's choice of this or that option is associated with different conditions of communication, the status of communicants, and etiquette norms. A common way to express the meaning of order is to use declarative sentences that aim the interlocutor at the implementation or termination of a certain action. In addition to performative statements, such sentences are used in the following cases: the addresser expresses his desire (or unwillingness), describes his dissatisfaction, declares the need to perform some action or, vice versa, the absence

of the need to perform it, the possibility / impossibility of its implementation, points out what, in his opinion, can or cannot be done, determines the behavior of the addressee, characterizes the situation that is developed at the moment or is expected in the future, so that the addressee himself comes to the conclusion that it is necessary to take some action and to do or not do something.

Conclusion. In the Belarusian language, declarative sentences can have the function of imperatives if they express the will of the addressee addressed to the interlocutor (interlocutors) in order to influence his (their) behavior.

Key words: declarative sentences, indirect speech acts, motivation category, imperative statements, meaning of imperativeness.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 158–162)

Пабуджэнне да дзеяння носіць розны характар і можа быць рэалізавана праз такія маўленчыя акты, як загад, просьба, прапанова, парада, патрабаванне, запрашэнне, дазвол, забарона, заклік, папярэджанне, рэкамендацыя, перасцярога. Для выражэння пабуджэння выкарыстоўваюцца як прамыя, так і ўскосныя маўленчыя акты. Прамыя маўленчыя акты прадугледжваюць экспліцытныя спосабы перадачы катэгорыі пабуджальнасці – канструкцыі з дзеясловамі ў форме загаднага ладу і ў форме першай асобы множнага ліку, якія разам з пабуджальнай інтанацыяй (выдзяленне націскага склада галоўнага ў інфармацыйных адносінах слова з падзеннем тону голасу ў наступным, паслянаціскным складзе) фарміруюць пабуджальны сказ. Аднак катэгорыя пабуджальнасці можа быць рэалізавана і пры адсутнасці пабуджальнай інтанацыі, і пры адсутнасці імператыўных форм дзеяслова. Кожны раз у залежнасці ад сітуацыі зносін адрасант выбірае той ці іншы спосаб выражэння пабуджэння. Менавіта прагматычныя фактары ўплываюць на выбар спосаба рэпрэзентацыі гэтай інтэнцыі – прамой або ўскоснай. Нярэдка ў працэсе камунікацыі гаворачы падводзіць слухача да здагадкі пра тое, што ён мае на ўвазе, не заяўляючы пра гэта напрамую. Ужыванне ўскосных актаў тлумачыцца іх змястоўнасцю, эканомнасцю, павышэннем этыкетнасці зносін, здольнасцю ствараць эмацыянальны эффект [1].

Шырокае вывучэнне ўскосных актаў пачалося пасля выхаду артыкула Джона Сёрля “Ускосныя маўленчыя акты”, у якім аўтар звярнуў увагу на тое, што нярэдка сэнс выказвання не супадае з яго літаральным значэннем. Рэалізаваць, напрыклад, просьбу можна праз выкарыстанне пыталнага ці апавядальнага сказа. Такія маўленчыя акты, у якіх ілакутыўны акт рэалізуецца апасродкавана, шляхам ажыццяўлення іншага, Джон Сёрль прапанаваў называць ускоснымі маўленчымі актамі [2]. На сённяшні дзень тэрмін “ускосны маўленчы акт” трывала замацаваўся ў лінгвістыцы.

Для разумення сэнсу сказанага слухач абапіраецца на свае фонавыя веды і ўменне рабіць лагічныя высновы. Некаторыя ж выказванні выкарыстоўваюцца для ажыццяўлення ўскосных пабуджэнняў канвенцыйна (па традыцыі). Рэалізацыя катэгорыі пабуджальнасці праз ужыванне ўскосных маўленчых актаў разглядаецца ў працах А.У. Бандаркі [3], В.С. Хракоўскага і А.П. Валодзіна [4], А.Ю. Маславай [5] і інш. Даследаванне апавядальных сказаў, якія ўжываюцца ў функцыі пабуджальных, у беларускай мове да гэтага часу не праводзілася.

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць, у якіх выпадках катэгорыя пабуджальнасці ў беларускай мове

рэалізуецца пры дапамозе апавядальных па мэце выказвання сказах.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на матэрыяле кантэкстных выказванняў з твораў беларускай мастацкай прозы: аповесцей В. Гапеева “Ксюхіна поле”, Л. Рублеўскай “Сэрца мармуровага анёла”, А. Аляшкевіча “Сіняя птушка”, У. Саламахі “І няма шляху чужога”, “Апазнаецца асоба мужчыны”, “Расступіся зямля”, “Людзі і Лік”, апавядання В. Гапеева “Аўтобус”, рамана В. Праўдзіна “Танцавальны марафон”.

Для дасягнення пастаўленай мэты выкарыстоўваліся агульнанавуковыя (апісанне, супастаўленне, сістэматызацыя, абагульненне, класіфікацыйны метады) і спецыяльныя метады (метады кантэкстуальнага аналізу, метады кампанентнага аналізу, метады канцэптуальнага аналізу, метады лексіка-семантычнага і семантыка-сінтаксічнага аналізу выказванняў).

Вынікі і іх абмеркаванне. Апавядальныя па мэце выказвання сказы могуць выконваць функцыю пабуджальных у тым выпадку, калі арыентаваны не на паведамленне пра нейкую сітуацыю ці яе ацэнку моўнікам, а на рэалізацыю нейкага дзеяння. Для разумення інтэнцыі аўтара неабходны ўлік розных фактараў: сітуацыі зносін, кантэксту, семантыкі выказвання ў цэлым. Пры гэтым абавязковымі кампанентамі пабуджальнага выказвання з’яўляюцца жаданне адрасанта змяніць існуючую сітуацыю і магчымасць выканання адрасатам дзеяння, пра якое ідзе размова ў тэксце. Ва ўскосных пабуджальных актах сэнс сказанага аднаўляецца камунікантамі шляхам камунікатыўна-лагічнага вываду. Часам гэта прыводзіць да неадназначнай інтэрпрэтацыі выказвання. З іншага боку, асобныя ўскосныя акты становяцца канвенцыйна-нальнымі і ўспрымаюцца адназначна.

Пералічым выпадкі, калі адрасант для перадачы значэння пабуджэння да дзеяння выкарыстоўвае апавядальныя сказы.

1. Адрасант выказвае сваё пажаданне (ці нежаданне) з мэтай, каб яно было выканана адрасатам.

Выказванні, якія выражаюць жаданне гаворачага, у мовазнаўстве атрымалі назву аптатыўных. У такіх выказваннях значэнне пажаданнасці можа сумяшчацца са значэннем пабуджальнасці. Так, у прыведзеным ніжэй урыўку з аповесці В. Гапеева фрагмент “каб нагі тваёй больш не было на маім двары” экспліцыруецца наступным чынам: “больш на мой двор не заходзь”.

– Які ён табе байструк? – нечакана пачуўся гнеўны крык бабы Каці. Яна выйшла на голас з сянец. – Сын ён твой, калі ты за гарэлкай свету белага не бачыш і дзяцей сваіх.

– Маўчы, карга старая, – абьякава адмахнуўся ад яе бацька Сяргея. – Ключы давай ад хлява, дзе мая салярка стаіць.

– Ідзі, забірай, – баба Каця рашуча прайшла цераз невялікі двор да хлеўчука. – Забірай, і каб нагі тваёй больш не было на маім двары [6, с. 5].

Адрасант выказвае сваё пажаданне з мэтай, каб адрасат выканаў яго. Так, гераіня аповесці Л. Рублеўскай просіць свайго суразмоўцу працягваць аповяд далей, зазначаючы, што хоча гэтага.

Няўжо вы думалі, што такі факт застанеца неведомым? Калі вам не хочацца “расакрэчвацца”, магу паабяцаць, што нікому больш не раскажу. Але я павінна ведаць – вы ж нездарма далі мне пачытаць сямейныя дакументы Палецкіх? Прызнаюся – мяне зацікавіла гісторыя княгіні. **І я хачу ведаць працяг.** А калі я чым цікаўлюся, не спыняюся ні перад якімі перашкодамі. Лепш, каб вы расказалі мне самі, чым я буду корпацца ў іншых, можа быць, неаб’ектыўных, крыніцах [7].

Моўнік можа разважаць пра будучыню, марыць уголас з надзеяй, што слухач спраўдзіць яго мары.

Маці ж, наадварот, Чалавек адчуваў, больш хінецца да яго, малодшага. Часам, як яны ўдваіх, бядуе: “Баюся я, павалюся хутка, ты як быў адзін, так адзін і застанешся. **Знайшоў бы сабе якую добрую маладзіцу, хай бы зладзілі, і мне лягчэй было б на старасці**” [8, с. 206].

У наступным урыўку бацька патрабуе ад сына не заходзіць у спачывальню бацькоў, але, прагаворваючы сваё волевыяўленне, не звяртацца да свайго дзіця напрумаю.

Бацька балюча схапіў яго за вуха і літаральна зацягнуў назад, у дзіцячы пакой. “Цыц, байструк!” – шыпеў бацька ў адказ на ціхае падвыванне Сяргея ад болю. – Цыц, кажу! Кладзіся, і **каб ніколі больш блізка не падыходзіў да дзвярэй спачывальні!** Зразумеў, смаркач? Блізка каб не падыходзіў!” [6, с. 26–27].

Трэба адзначыць, што пабуджальны сказ заўсёды прадстаўляе сабой волевыяўленне адрасанта, але не кожнае волевыяўленне мае на мэце пабудзіць адрасата да выканання дзеяння. Да катэгорыі пабуджальных адносяцца толькі такія выказванні са значэннем волевыяўлення, якія ўтрымліваюць пажаданне, каб змена сітуацыі адбылася праз дзеянні адрасата. Функцыя пабуджэння ў такіх сказах з’яўляецца не асноўнай, а набытай у выніку функцыянальнай пераарыентацыі ў кантэксте.

2. Адрасант апісвае свой незадавальняючы стан з мэтай, каб сітуацыя была выпраўлена.

Такі маўлечы акт ужываецца гаворачым з надзеяй, што слухач сам здагадаецца выправіць становішча. Так, у прыведзеным ніжэй урыўку гераіня аповесці спадзяецца, што пасля яе рэплікі суразмоўца прапануе зайсці ёй унутр памяшкання, каб сагрэцца.

І раптам неяк па-дзіцячы пакрыўджана:

– **Слухайце, я зараз змерзну** [7].

3. Адрасант заяўляе пра неабходнасць выканання нейкага дзеяння ці, наадварот, адсутнасць патрэбы ў яго выкананні з мэтай, што яно будзе зроблена/не зроблена адрасатам.

У гэтым выпадку той, хто гаворыць, выказвае думку пра тое, што нейкае дзеянне павінна быць выканана. Слухач успрымае гэта як пабуджэнне да дзеяння, паколькі яно прызнаецца неабходным па прычыне знешніх абставін. У выніку розныя мадальныя значэнні (неабходнасці і пабуджальнасці) пераплятаюцца. Пабуджальная мадальнасць у такім выпадку вынікае з развіцця сітуацыі. Так, у прыведзеных ніжэй выказваннях можна адшукаць наступныя пабуджэнні: ‘грошы не плаці’, ‘навучыся прабачаць’, ‘не клянися’, ‘зрабі сабе кабінет’.

То паразмаўляй з маці... Ідзі, грошы плаціць не трэба, – адказала адвакат, спачувальна зірнула, і Сяргей не стрываў яе чысты позірк цёплых вачэй – хутка адвёў у бок свае вочы [6, с. 28].

– **Чаго ён мяне так ненавідзіць? Чаму ты ніколі не заступаешся, калі ён мяне байструком называе?**

– **Бо не трэба п’янаму пярэчыць.**

– **А цярозы ён лепшы?**

– **Сыночак, трэба вучыцца прабачаць.** Тады і нам даруюцца нашыя грахі [6, с. 52].

Не трэба мне клясіся, – ледзь стрымліваючы свой адчай, загаварыў Сяргей [6, с. 54].

Чуў Мішка, гэта зяць параіў: “**Бацька, трэба табе зрабіць кабінет...**” І зрабілі, дзверы паставілі [8, с. 280].

4. Адрасант заяўляе пра магчымасць/немагчымасць у залежнасці ад знешніх абставін выканання пэўнага дзеяння з мэтай, каб адрасат яго выканаў/не выканаў.

У такіх выказваннях моўнік, які валодае большым кантролем над сітуацыяй, апавядае, якія дзеянні магчымы (немагчымы), а слухач робіць высновы – якія паводзіны ад яго патрабуюцца.

Карл хоча сказаць, – тут жа пераклала Шыльда на больш простую і зразумелую мову, – што запрашае ўсіх нас на вечарынку, якая адбудзецца паслязайтра а дзевятнаціцатай гадзіне.

– **Так, запрашаю ўсіх. Можна прыходзіць з сябрамі, – пацвердзіў Карл і злез з кафедры** [9].

*Я туды, у скляпенні, звычайна не пускаю нікога. Нічыпар Хведаравіч усё, што лічыў вартым, вынес сюды, у гэтую залу. **Але вы можаце паглядзець. Не бойцеся, я ўзімку неагрэсіўны*** [7].

Маці здрыганулася, прысела побач з Ёханам на канапу, прытуліла яго да сябе:

– **Не буду хлусіць табе, сыноч, хвароба ў Алесі вельмі цяжкая. Мы зрабілі ўсё, што маглі. Таму будзем спадзявацца... Заўтра ўжо можаш наведаць Алесю. А сёння, будзь ласкавы, купі ёй гасцінец...** [9].

5. Адрасант акрэслівае, што, на яго думку, можна ці нельга рабіць, каб адрасат кіраваўся гэтымі прынцыпамі пры вакананні дзеяння.

Той, хто гаворыць, пры фармулёўцы сваіх поглядаў на тое, што можна, а што нельга рабіць, можа арыентавацца на прынятыя ў грамадстве нормы паводзін (маральна-этычныя, прававыя, правілы бяспекі) ці на ўласныя ўяўленні пра тое, што з’яўляецца правільным/няправільным.

– Ну і выдатна! Я яму цявразаму тое заключэнне экспертаў у пысу суну, каб падавіўся!

– Сяргей! Сяргей! – Голас маці стаў суровым. – **Нельга так! Ён бацька твой!** [6, с. 53].

Ты свой крыж нясі, ды пра дзяцей думай. Казала я табе – кідай, не будзе жыцця. Дык во цяпер ужо і сын просіць. Гэты чалавекам вырас, Бог дапамог насуперак усяму. А як у малодшага скалечыць душу? **То нечага на дзяцей яго ўзвальваць** [6, с. 53].

Было – адзін запаліў прама на ўроку, мог нехта і мацюка загнуць... А паспрабуй выкінь з класа, калі ты – жанчына маладая, а перад табой – дзяцюк, плечы куды шырэйшыя за твае клубы. Ды яшчэ пасміхаецца: **“Не маеце права прымяняць фізічную сілу!”** [6, с. 39].

Геч і кабета размаўлялі хвіліны дзве, а ён стаяў ля пясочніцы, яго нібы прапальвала сорамам, але тыя неўзабаве рушылі сюды.

– Дабрыдзень, – ледзь схіліўся перад жанчынай Чалавек, калі яна спынілася ля яго, зморшчыла нос, пацягнула да сябе паветра.

– **Трэба казаць “зрастуйца”!** – зрабіла яна яму заўвагу. – *І заўсёды на людской мове. Зразумела?* [8, с. 188–189].

6. Адрасант акрэслівае лінію паводзін адрасата.

Такія выказванні могуць выкарыстоўвацца ў выпадку, калі адрасант не прымае пярэчанняў адрасата і дэманструе ўпэўненасць у тым, што прапанаваныя ім дзеянні не будуць аспрэчывацца. Пры гэтым адрасант звычайна валодае больш высокім сацыяльным статусам, старэйшы за адрасата ці лічыць сябе ўпаўнаважаным дыктаваць умовы адрасату. Або сітуацыя патрабуе ад яго катэгарычнасці і рашучасці.

Гэтыя хлопцы – выдумшчыкі адметныя. Так і чакай, што выверне душу, растрыбушчыць усяго, а потым, калі страціш пільнасць, гаркне:

– **Стаяць! Рукі назад!** [8, с. 116].

– Во, а я наелася, – засмяялася. – Вачыма б яшчэ ела, так смачна, а ўжо не лезе.

– **То возьмеш з сабой ды падагрэеш уранку,** – параіла баба Каця [6, с. 19].

Сяргея перамкнула.

І не збіраюся вучыцца. **Пайшоў адсюль.** І хуценька [6, с. 51].

Пачакайце! – больш загадаў, чым папрасіў ён кіроўцу і такім самым загадным голасам загаварыў унутр салона аўтамабіля: – **Забярэш мяне а 8-й вечара, каб не спазняўся** [6, с. 164].

Мішка, ён, вядома, быў першы, яшчэ не паспеў сказаць, маўляў, прыбылі ў ваша распараджэнне, як жанчына, нібы пачынала гульні, загадала ўладна:

– **Усім хутчэй у ванну! Вымыць рукі і за стол** [8, с. 364].

Ніякага Трафімавіча сёння не будзе. **Зараз паедзеш па адрасе (шэф назваў), забярэш там Канстанцінавіча, памятаеш, ветэрынара? Адвезеш да Танькі... Тацяны Альбрэхтаўны. Пачакаеш, пакуль ён там з Марцінам разбярэцца, ды завязеш назад. Затым пад’едзеш да Юзі** [10, с. 492].

7. Адрасант апісвае сітуацыю, якая склалася на дадзены момант, каб адрасат сам прыйшоў да высновы пра неабходнасць выканання нейкага дзеяння і рабіў/не рабіў штосьці.

У такіх выпадках моўнік намякае слухачу на тое, што той мусіць рабіць.

Жанчына, якую ён бачыў першы раз у жыцці, раптам падмігнула яму па-змоўніцку і, звяртаючыся, напэўна, не столькі да салдат, як да яго, сказала нібы распачна, загадзя ведаючы, што забароніць:

– **У мяне чарачка ёсць, але не ведаю... як, ці можна...** [8, с. 365].

У наступным урыўку з аповесці У. Саламахі незнаёмы мужчына прапануе галоўнаму герою купіць у таго кажух. Але замест таго, каб выказаць прапанову напрамую (‘прадай свой кажух мне’), ён толькі заяўляе пра свой намер узяць адзенне.

Аднойчы, калі Іосіф хадзіў па рынку і прыглядаўся, што б купіць паесці, яго спыніў мужчына гадоў сарака, турзануў за рукаў кажуха.

– **Бяру,** – абмацаў ён кажух [7, с. 61–62].

У іншым урыўку галоўны герой сам саромеецца прапанаваць ежу і свой дом людзям, якія ставяцца да яго недобрачыліва, але якім хоча дапамагчы, таму канстатуе наяўнасць у сябе таго, у чым яны маюць патрэбу, з надзеяй, што яны самі правільна зразумеюць яго.

– Людзі, – зноў прахрыпеў голас з лодкі. – **Збожжжа ў мяне тут, ежа. А хата яшчэ цёплая...** Як вы тут?.. Дзеткі ж... [7, с. 100].

Такія выказванні таксама выкарыстоўваюцца тады, калі адрасата інфармуюць, што нехта чакае яго, мае намер з ім камунікаваць.

Па Светлага прыехаў пануры рабаціністы вярзіла гадоў трыццаці. Пэўна, ён ведаў палкоўніка, бо адразу падышоў да яго, няспешна паказаў пасведчанне супрацоўніка ФСБ і, кінуўшы на бліскучую чорную “Волгу”, сказаў:

Міністр чакае... [10, с. 422].

Адрасант можа нагадаць адрасату пра своечасовасць выканання пэўнага дзеяння, а адрасат сам прыходзіць да высновы, што ад яго чакаецца здзяйсненне нейкай справы.

Забярэцца ў гушчар. Забудзецца на ўсё, глядзіць на неба, замілуецца блакітам, удыхае свежы водар вішанніку, жыццё здаецца добрым і прывабным, а тут знянацку голас: “**Міхаіл, дзе ты тут хаваешся? Час кароў даць...**” (Гэта значыць піць гарэлку.) [8, с. 354].

Так, герой рамана Віктара Праўдзіна пабуджае жонку выходзіць з самалёта наступным чынам:

Дождж, бліскавіцы, а на душы – сонца... Але нам пара збірацца, машына чакае [10, с. 334].

8. Адрасант апісвае магчымую сітуацыю ў будучым, каб адрасат зрабіў нешта, змяніў свае паводзіны.

У сітуацыі засцярогі, пагрозы такія сказы апісваюць небенефактыўныя для адрасата наступствы або ўтрымліваюць інфармацыю пра факты, якія могуць мець непажаданыя наступствы.

– *Шчэ тут пастайш момант і гаўкнеш хоць слова – цябе адсюль панясуць* [6, с. 51].

– *...Пусціце мяне! Кіроўца! Адчыніце дзверы! Я скочу на хаду, калі вы так байцеся! Я буду біць вокны! Спыніцеся!*

– *Разаб’ецеся!* – данеслася папераджальна аднекуль з салона [6, с. 181].

9. Перфарматыўныя выказванні.

Перфарматыўныя выказванні не сцвярджаюць нейкае палажэнне спраў, не інфармуюць пра нейкія з’явы рэчаіснасці, а самім фактам свайго вымаўлення азначаюць выкананне дзеяння.

– *Вы пра “дзевачкі налева, хлопчыкі – направа”?* – асіярожна пажартаваў нехта.

– *І пра гэта таксама, – сур’ёзна заўважыў мужчына. – Я прапаную ўжо цяпер паспрабаваць спыніцца. Адчыніць дзверы, выйсці...* [6, с. 172].

– *Гэта табе дзякуй, што прыехала падтрымаць мяне. Каб не гэта, то я ніколі б не выйграў, – вымавіў Ёхан. – І яшчэ, я запрашаю цябе на нашу сяброўскую вечарынку, – нясмела дадаў ён і ўмольна зірнуў на маці, што падышла да іх. – Мама, ты дазволіш сёння нам з Алесяй?..* [9].

Яна павярнулася да класа, праспявала ўсё тым жа птушыным голасам, намагаючыся перабіць гоман, што стаяў навокал:

– *Увага! Прашу заставацца ўсіх на месцы! Паслухайце, калі ласка, аб’яву. Яе зробіць Карл* [9].

Вышэйпрыведзеныя выказванні рэалізуюцца з дапамогай перфарматыўных дзеясловаў. Яны ўжываюцца ў выпадку, калі адрасант абазначае сваю мэту напрамую.

Так, каб аказаць уплыў на адрасата, адрасант мае ў распараджэнні цэлы арсенал моўных сродкаў. Выбар гаворачым таго ці іншага варыянта звязаны з рознымі ўмовамі зносін, статусам камунікантаў, этыкетнымі нормаў.

Заклучэнне. Такім чынам, выкарыстанне апавядальных сказаў, якія арыентуюць суразмоўцу на ажыццяўленне ці спыненне пэўнага дзеяння, з’яўляецца дастаткова распаўсюджаным спосабам выражэння значэння пабуджэння да дзеяння. У дадзеным даследаванні апісаны асноўныя маўленчыя сітуацыі, у якіх апавядальныя сказы ўжываюцца ў функцыі пабуджальных, выяўлены семантычныя і граматычныя асаблівасці перфарматыўных выказванняў, калі адрасант выражае сваё пажаданне (ці нежаданне), апісвае свой незадавальняючы стан, заяўляе пра неабходнасць выканання пэўнага дзеяння ці, наадварот, пра адсутнасць патрэбы ў яго выкананні, пра магчымасць/немагчымасць яго выканання, акрэслівае, што, на яго думку, можна ці нельга рабіць, вызначае лінію паводзін адрасата, характарызуе сітуацыю, якая склалася на дадзены момант або чакае ў будучым, каб адрасат

сам прыйшоў да высновы пра неабходнасць выканання нейкага дзеяння і рабіў/не рабіў штосьці. Вызначана, што такія сказы выконваюць функцыю пабуджальных, бо выражаюць волевыяўленне адрасанта, звернутае да суразмоўцы (суразмоўцаў) з мэтай паўплываць на яго (іх) паводзіны. Акрэслены асаблівасці рэпрэзентацыі катэгорыі пабуджальнасці, спосабы і сродкі яе выражэння важныя не толькі ў функцыянальна-камунікатыўным, лінгвістычным аспекце (карэктнае тлумачэнне і аналіз тэкстаў у навучальных, навукова-даследчых мэтах, перакладчыцкай дзейнасці), але і ў прагматычна-прыкладным, напрыклад, пры правядзенні судовых лінгвістычных экспертыз на прадмет выяўлення ў тэкстах выказванняў, якія падштурхоўваюць да дзеянняў, скіраваных на прычыненне шкоды, ці пабуджэнне да проціпраўных дзеянняў (дача хабару, продаж наркатыхных сродкаў, схіленне да дзеянняў сексуальнага характару і інш.).

Літаратура

1. Зайцева, И.П. Взаимодействие близкородственных языков в современной публицистике как способ повышения экспрессивности коммуникативно-речевого произведения / И.П. Зайцева, С.В. Николаенко // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 6–2. – С. 210–217. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/29066> (дата звароту: 20.09.2022).
2. Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.
3. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность; отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
4. Храковский, В.С. Семантика и типология императива: русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 272 с.
5. Маслова, А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Маслова. – М., 2005. – 40 с.
6. Гапееў, В.М. Я размалою для цябе неба / В.М. Гапееў. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 222 с.
7. Рублеўская, Л. Сэрца мармуровага анёла / Л. Рублеўская // Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Ludmila_Rubleuskaja/Serca_marmurovaha_aniola.html – Дата доступу: 28.09.2022.
8. Саламаха, У.П. ...І няма шляху чужога: апавесці / У.П. Саламаха. – Мінск: Маст. літ., 2014. – 495 с.
9. Аляшкевіч, А. Сіняя птушка [Электронны рэсурс] / А. Аляшкевіч // Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Ales_Alaskievic/Siniaya_ptuska.html. – Дата доступу: 30.09.2022.
10. Праўдзін, В.А. Іду насустрач...: апавяданні, раман / В.А. Праўдзін. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 487 с.

Паступіў у рэдакцыю 06.02.2023

Тревога и тревожность в рассказе В.Н. Крупина «У бездны на краю»

Кабылкова А.А., Чалей И.Д.

Полоцкий колледж ВГУ имени П.М. Машерова, Полоцк

Произведения В.Н. Крупина привлекают внимание не только филологов, но и психологов, так как могут рассматриваться в качестве иллюстраций тех или иных законов психики.

Материал и методы. На примере рассказа «У бездны на краю» описываются особенности проявления тревожности и тревоги. Методы исследования: сравнительно-типологический, контекстуального анализа, систематизации и обобщения.

Результаты и их обсуждение. В статье на междисциплинарном уровне рассматривается специфика представления в художественном тексте тревожности как эмоционального дискомфорта, который связан с ожиданием и предчувствием неприятных переживаний и опасности. Также характеризуются особенности изображения чувства тревоги, поиск героями вариантов его преодоления, возвращения к дальнейшей полноценной жизни.

Заключение. В рассказе В.Н. Крупина «У бездны на краю» наглядно демонстрируется проявление тревожности как свойства личности, а также тревоги как эмоционального состояния. Решающим фактором преодоления тревожности и тревоги становятся личностные характеристики героев, привычные для них модели поведения.

Ключевые слова: рассказ, тревога, тревожность, поведение, образ.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 169–172)

Worries and Anxiety in the Story of V.N. Krupin “At the Edge of the Abyss”

Kabylkova A.A., Chaley I.D.

Polotsk College of Vitebsk State P.M. Masherov University, Polotsk

Works by V.N. Krupin attract the attention of not only philologists, but also psychologists, as he can be considered as illustrations for some laws of the psyche.

Material and methods. The story "At the Edge of the Abyss" describes features of the manifestation of anxiety and worries. The research methods are the comparative typological, the methods of contextual analysis, systematization and generalization.

Findings and their discussion. At the interdisciplinary level, the article examines the specificity of the presentation of anxiety in a literary text as emotional discomfort, which is associated with the expectation and anticipation of unpleasant experiences and danger. It also characterizes the features of depicting the sense of anxiety, the search by the characters for options to overcome it, return to the further full life.

Conclusion. The story of V.N. Krupin "At the Edge of the Abyss" clearly demonstrates the manifestation of anxiety as a personality trait, and of worries as an emotional state. The decisive factor in overcoming anxiety and worries is the personal characteristics of the characters, their habitual patterns of behavior.

Key words: story, worries, anxiety, behavior, image.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 169–172)

Владимир Николаевич Крупин – представитель почвеннического крыла русской литературы второй половины XX века. В центре внимания писателя вопросы христианской нравственности, проблемы добра, любви, веры. На примере простых сюжетов, жизненных ситуаций, которые могли произойти в жизни каждого человека, автор показывает, как важно сохранить в себе Человека: смиренного, внима-

тельного, уважающего мнение других. Несмотря на достаточно простую структуру произведений с точки зрения литературоведения, многие тексты привлекают внимание не только филологов, но и психологов, так как могут рассматриваться в качестве иллюстраций тех или иных законов психики.

Материал и методы. На примере рассказа «У бездны на краю» описываются особенности проявления

тревожности и тревоги. Методы исследования: сравнительно-типологический, контекстуального анализа, систематизации и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Впервые рассказ «У бездны на краю» был опубликован в сборнике «“Возвращение родника” и другие рассказы» в 2015 году. В 2020 году рассказ размещен на страницах электронного журнала Литerra. Вторая публикация имеет существенные правки.

Небольшое по объему произведение представляет собой воспоминания о событии, произошедшем во время службы в армии. В рассказе переплетаются две сюжетные линии: стройбатовца Вити Желтухина и его возлюбленной Галюнчика и рассказчика и его возлюбленной Валентины. Витя был влюблен в Галюнчика, хотел жениться, но «тут ее родители жениха ей, богатенького Буратину, нашли» [1, с. 368]. В нескольких коротких предложениях умещается вся трагедия, которая произошла: непреднамеренное убийство нового жениха любимой девушки. Рассказчик во время службы в армии влюбляется в библиотекаршу Валентину. Имя ранее вскользь упоминается в рассказе «Цветок с родинкой» («Тогда я и понятия не имел, что нравлюсь тебе: был влюблен в библиотекаршу Валю» [1, с. 338], а также в книге М.Н. Крупина, брата писателя, в книге «Читая брата» («Что касается Жени, то это явно библиотекарша Валя» [2]). В очерке «Библиотека – жизнь моя» (2019) писатель рассказывает об истоках некоторой идеализации образа библиотекаря: «Но главное для меня – книги. А они за барьером, а их стережет библиотекарша. Валя, Роза, Лида... Как я влюблялся во всех библиотекарьш, как робел перед ними» [3], и снова на первом месте имя – Валя. В рассказе «У бездны на краю» Валентина не против ухаживаний героя, хотя она замужем. Персонажи оказываются в ситуации выбора.

Витя Желтухин и рассказчик попадают в одинаковые ситуации: они влюблены, но кто-то мешает их любви. Социально-психологические потребности (потребность быть любимым, создать семью, получить желаемое) обоих героев оказываются неудовлетворенными, нарастает напряжение, которое приводит к появлению тревоги [4]. Приспособиться к сложившейся стрессовой ситуации не может ни один герой, в результате чего и у Вити Желтухина, и у рассказчика развивается адаптивное тревожное расстройство. Чтобы снять напряжение, один – убивает, второй – думает об устранении соперниками руками «надежных людей».

Поведение Вити Желтухина описывается очень кратко, но даже в минимальном описании видно отсутствие возможности сконцентрироваться на выполнении конкретной задачи [5] – несмотря на восхищение процессом стрельбы, сконцентрироваться на выстреле у него не получалось. Не смог герой сконцентрироваться и рассчитать силу удара во время драки с женихом Галюнчика («...убивать не хотел, только морду начистить. Да перестарался» [1, с. 368]). Стремительно развившееся чувство тревоги у Вити

Желтухина проявляется как деструктивное психическое состояние. Он не видит выхода из сложившейся ситуации. Алкоголь помогает временно перестать испытывать социальную тревожность, герой готов взаимодействовать с потенциальным женихом любимой женщины, но этот «диалог» не решает проблемы, а лишь усугубляет ее.

В случае с Витей Желтухиным уместно говорить о *тревожности* как «свойстве личности, относительно постоянной, относительно неизменной в течение жизни черте» [6]. В.Р. Кисловская отмечает, что тревожность может быть повышена у лиц с девиантным поведением. На примере стройбатовца это очевидно: он дважды предлагает украсть оружие, открыто врет, когда просит рассказать подруге, что он служит в ракетных войсках, для него является нормой решать вопросы с помощью насилия, он готов разрушить семью только ради того, чтобы показать свою силу. В критической ситуации (разговор с соперником) психическая деятельность была дезорганизована, следствием чего стало убийство («Далее, как говорится, по тексту» [1, с. 368]).

Образ Вити Желтухина для творчества В.Н. Крупина не характерен. В произведениях 2000–2010-х годов он очень редко изображает героев с отрицательными чертами. Писатель стремится зафиксировать образ личности, живущей по принципам христианской морали. Автор чаще подчеркивает именно положительные черты в характерах персонажей. При этом даже если герой может иметь девиации в поведении, он, чаще всего, становится на путь исправления, что в понимании почвенника В.Н. Крупина обычно видится как путь в храм, путь к Христу («Молитва матери»). Тревожность как эмоциональный дискомфорт, который связан с ожиданием и предчувствием неприятных переживаний и опасности [4], не вписывается в художественную парадигму автора. Какой бы ни была сложной ситуация в настоящем, писатель верит в светлое будущее. Отсюда образы детей, которые живут с верой, святых, паломников, мирян, которые готовы покаяться в грехах и выйти на путь духовного очищения. И если тревога и проявляется, то ее функция будет адаптивной. Что мы и видим на примере истории любви рассказчика и библиотекарши Валентины.

Образ Валентины – девушки из воинской части – традиционен для русской литературы (например, Шурочка из повести А. Куприна «Поединок», Зина из повести В. Кондратьева «Сашка»). Она легкая, романтическая, выделяющаяся какой-то загадочностью среди других немногочисленных девушек, знающая, что такое мужское внимание и умеющая этим пользоваться.

Отношения героев начинаются с общего интереса к литературе. На фоне романтической поэзии Серебряного века суровые солдатские будни отходят на второй план, рассказчик переносится в иную реальность, где уже другие цели и ценности. Взаимность чувств героев в двух редакциях обозначается по-разному. В варианте 2015 года описывается совместная поездка

героев в Кремлевский дворец съездов. Молодые люди посещают оперу «Дон Карлос», что в свою очередь становится символом главной проблемы: выбор между любовью и долгом, честью. В редакции 2020 года еще до поездки появляется образ мужа-командора и обозначается готовность предаваться фантазиям Валентины: «Однажды увидел на ее столике исписанные листки. И среди строчек вдруг несколько ее подписей. Будто она разучивала их. Но подписывалась она моею фамилией, будто б была моею женой. И как было не взлететь к заоблачным высотам желанного счастья взаимности? Хотел сохранить листочки, но она резко их выхватила и порвала в клочки» [7]. Данная характеристика очень гармонично вписывается в уже созданный образ девушки, подчеркивая таким образом ее влюбчивость, романтичность и готовность предаваться фантазиям.

В обоих вариантах текста имеет место внутриличностный конфликт, появляется противоречие между идеальным образом – образом любящего и любимого человека, и реальным – человеком, который ухаживает за чужой женой. Через детали писатель сразу обозначает состояние рассказчика: ботинки «как колодки каторжника» [1, с. 372]. То есть еще до появления чувства тревоги к чувству любви, страсти, добавляется чувство страха (постоянного спутника тревоги), осознания преступности действий.

Герой словно пробует пройти чужой путь, выбирает не свою дорогу. И этот путь оказывается трудным, ботинки жмут, он постоянно чувствует дискомфорт, боль: «Каждый шаг получался под стон, хоть иди на руках» [1, с. 372]. Лишь проведив Валентину, сняв чужие ботинки (И – великое дело – вернулся в свои сапоги!) [1, с. 373], герой чувствует определенное облегчение.

Ранее в тексте не упоминались никакие психические травмы героя, не было описания отклоняющегося поведения, напротив, рассказчик четко видит цель своей жизни (поступление в институт), старается использовать все возможности и средства для реализации поставленной цели, интересуется литературой, спокойно переносит трудности. Но с возникновением чувств к Валентине, а еще больше с ее ответной симпатией, эмоциональное состояние, нервно-психическая деятельность меняется. Появляется новое чувство: чувство *тревоги*. Герои читают друг другу фрагменты стихотворений А. Блока, но если обратиться к первоисточникам, то можно увидеть, что они наполнены скрытой тревогой. Например, они общаются цитатами из стихотворения «Черный ворон в сумраке снежном». Вырванные из контекста строки кажутся оптимистичными и легкими, однако в полном варианте стихотворение наполнено очевидной тревогой:

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет! [8, с. 149]

Чувства молодых людей развиваются, словно в тумане: «Ой, как же неистово вспоминался Есенин» [1, с. 374], – делится эмоциями рассказчик. Но вспоминаются строки из стихотворения «Выткнулся на озере алый свет зари», в котором сам поэт говорит: «Хмельному от радости пересуду нет» [9, с. 35]. Хмельное безрассудство очень быстро прекращается, и на смежную строкам А. Блока и С. Есенина приходят строки А. Пушкина («Пир во время чумы») – герои понимают, что они оказываются «У бездны мрачной на краю».

Предложение Витьки – избавиться от мужа Валентины – рассказчик воспринимает спокойно, описания его тревоги в тексте нет. Его тревожность компенсируется беспечностью. А вот внезапно нахлынувшая тревога Валентины описана детально: это головокружение («Впервые в жизни при мне и из-за меня женщина упала в обморок» [1, с. 376]), ощущение сухости во рту («Она немного отпила. Потом плеснула воды на ладошку и смочила лоб и щеки» [1, с. 377]), ощущение «кома в горле» («И сказать ничего не могла, только торопливо дышала» [1, с. 377]), тремор рук («Она с трудом расстегивала верхние пуговицы у платья, пальцы у нее дрожали» [1, с. 377]), внезапный плач («Подошла к окну, взялась за портьеру, закрыла ею лицо и, видно было, беззвучно зарыдала» [1, с. 377]). При этом тревога Валентины выполняет адаптивную функцию: героиня разрывает отношения, пресекая возможность неблагоприятного развития событий. Она просит уйти возлюбленного, испытывая вину за сложившуюся ситуацию. Для легкой и беззаботной девушки ситуация становится переломной: выбирая между желанием счастья и честью, она выбирает честь, освобождает таким образом свою совесть.

Тревога же рассказчика нарастает. Он не может сконцентрироваться на выполнении конкретной задачи («И дело, на которое раньше уходило от силы полчаса, никак не ладилось» [1, с. 379]), появляются проблемы со сном («Ночь никак не кончалась, будто был приговорен к темноте» [1, с. 380]), учащается сердцебиение («Именно тогда я почувствовал свое сердце. <...> Оно именно болело. Щемило» [1, с. 381]), не хватает воздуха («Выходил на крыльцо, дышал» [1, с. 381]), наблюдается повышенное потоотделение («Пот на лбу выступил» [1, с. 378]). Героя начинает мучить совесть, к тревоге добавляется страх и стыд перед возлюбленной. «Стыдно было до того, что лбом стучался в оконную раму, в черноту ночи» [1, с. 379]. Рассказчик ищет пути выхода тревоги, он начинает писать (ср.: пишущие герои Ф.М. Достоевского). Именно в письмах появляются важнейшие слова: честь, жертва, семья, друзья.

Тревога рассказчика, как и Валентины, является адаптивной. Так как адаптивное тревожное расстройство возникает в связи со сложностями приспособления к конкретной стрессовой ситуации, важно найти приемлемый способ выхода из данной ситуации. Обычный военнослужащий не обладает знаниями по психологии, поэтому действует интуитивно. Герой

поступает так, как говорит его совесть («набор указаний и поведенческих программ нравственного характера, заложенных в человека в детстве» [10]): хочет молиться, просить помощи у Бога, с радостью берется за любую физическую работу («Пойдем очистим территорию от снега. А я еще и себя очищу» [1, с. 381]). В редакции 2020 года автор немного меняет эту фразу: «А я себя еще и от свинства» [5].

Для поэтики В.Н. Крупина характерна нравственная эволюция героев. Не становится исключением и беспечная, влюбчивая Валентина. Она делает свой выбор в пользу неромантического мужа «который не понимает, какая она вся потрясающая, поэтичная» [1, с. 376]. Героиня не поддается греховному искушению, но и не прекращает общение с рассказчиком. Она предлагает ему перейти на новый уровень отношений: только деловое общения, которое может идти на пользу всем (ей – в качестве поддержки культурной жизни части, то есть выполнения ее непосредственных служебных обязанностей, ему – подготовка к вступительным экзаменам). Валентина формулирует задание, приводит пример неатрибутированной чужой речи («После всего случившегося он наконец-то должен был понять, что счастье в любви не может быть за счет несчастья других, и это главное отличие любви от страсти» [1, с. 381]), пытаясь таким образом подчеркнуть ее объективность. Данная отсылка к несуществующему претексту и становится тем выводом, который был необходим обоим для духовного освобождения. Более опытная библиотекаря делает предложение, причем предложение сложное (в том числе и с точки зрения непосредственно синтаксиса), рассказчик его принимает: он не вникает в суть задания, а работает только с его формой.

В редакции 2020 года фрагмент с предложением в тетради отсутствует. Вместо этого указывается, что Валентина передала две тетради: по русскому языку и по литературе. «И в обеих были домашние задания, которые мне надлежало выполнить до завтра» [7]. Возможно, так автор хотел подчеркнуть свою уверенность в героях, которые смогли преодолеть все противоречивые чувства и, готовые отдавать отчет в своих действиях, могут общаться и дальше.

Тревога, охватившая рассказчика в описанной ситуации, выполнила адаптивную функцию. Она помогла определить нравственный путь в дальнейшей жизни: жить только по законам морали и чести. Доказательством чего служит последняя фраза рассказа: «У нее были синие глаза. Нет, серые. Нет, уже не помню, врать не буду» [1, с. 382].

Заключение. На примере рассказа В.Н. Крупина «У бездны на краю» наглядно демонстрируется проявление тревожности как свойства личности, а также тревоги как эмоционального состояния. Решающим фактором преодоления тревожности и тревоги становятся личностные характеристики героев, привычные для них модели поведения. Витя Желтухин является примером персонажа с девиантным поведением, в его случае уместно говорить о тревожности, которая с ним всегда, на протяжении всей жизни. Рассказчик и библиотекаря Валентина преодолевают чувство тревоги и находят выход из сложившейся ситуации, готовы к дальнейшей полноценной жизни.

Литература

1. Крупин, В.Н. «Возвращение родника» и другие рассказы / В.Н. Крупин. – М.: Изд-во Стеренского монастыря, 2016. – 592 с.
2. Крупин, М.Н. Читая брата [Электронный ресурс] М.Н. Крупин // Литературно-исторический клуб РусичЪ. – 2021. – Режим доступа: <https://likorg.ru/post/chitaya-brata-mihail-krupin>. – Дата доступа: 01.10.2022.
3. Крупин, В.Н. Библиотека – жизнь моя! Я навсегда остался твоим, любящим тебя читателем [Электронный ресурс] В.Н. Крупин // Русская народная линия. – 2019. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2019/04/15/biblioteka_zhizn_moia/. – Дата доступа: 13.02.2023.
4. Тревожность. Вестн. психологии [Электронный ресурс] // Вестн. психологии. – Режим доступа: <https://psychologyjournal.ru/stories/trevozhnost/>. – Дата доступа: 19.01.2023.
5. Тревожные состояния. Синай. Международный медицинский центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sinaiclinic.ru/diseases/trevozhnyesostoyaniya/> – Дата доступа: 10.01.2023.
6. Петровский, А.В. Краткий психологический словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – 2-е изд. – Ростов н/Д, 1998. – 512 с.
7. Крупин, В.Н. У бездны на краю. Рассказ [Электронный ресурс] В.Н. Крупин // Literra. Территория литературы и искусства – 2020. – Режим доступа: <https://literra.online/publications/authors/vladimir-krupin/u-bezdny-na-krayu>. – Дата доступа: 07.01.2023.
8. Блок, А. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Блок. – Л.: Худож. лит., 1980–1981. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. 1080. – 472 с.
9. Есенин, С.А. Собрание сочинений: в 2 т. / С.А. Есенин. – Минск.: Маст. лит., 1992. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – 480 с.
10. Чувство стыда. Психологос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychologos.ru/articles/view/chuvstvo-styda>. – Дата доступа: 15.01.2023.

Поступила в редакцию 05.04.2023

Образ Вены сквозь призму урбанистического дискурса в романе Э. Елинек «Пианистка»

Малышева К.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящее время трудно переоценить влияние, оказываемое большими городами на жизнь человека. Город – это не только среда обитания людей, но и центр, в котором зарождается и бьет ключом политическая, социальная и культурная жизнь. Современное общество проявляет интерес к миру во всем его многообразии, и города также выступают источниками познания. Город представляет собой центр притяжения различных сфер деятельности, в том числе отражает и сложившуюся исторически культурную доминанту общества.

Цель статьи – раскрыть образ Вены, созданный Э. Елинек на основе культурно-исторической дискурсивной составляющей в романе «Пианистка».

Материал и методы. Материалом исследования выступает роман Э. Елинек *Die Klavierspielerin* («Пианистка»). В работе были применены описательный метод и дискурсивный анализ.

Результаты и их обсуждение. Изучение романа Э. Елинек «Пианистка» открывает важные, неприметные на первый взгляд детали архитектурного облика Вены. Поскольку городское пространство формирует вокруг себя особый вид дискурса – урбанистический, нами были выделены несколько его типажей: культурный, образовательный и архитектурный поддискурсы. В статье представлены и охарактеризованы объекты культурно-исторического наследия, учреждения образования, парковые зоны, культурные памятники австрийской столицы, выявленные в романе.

Заключение. Дискурсивный анализ романа показал, что основными элементами рассмотренного художественного текста являются городская среда, объекты культурно-образовательного значения, главным образом влияющие на становление личности, ее развитие и совершенствование.

Ключевые слова: дискурс, город, городская среда, культурно-историческое наследие, искусство, музыка, театр, парки, памятники.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 173–177)

The Image of Vienna through the Prism of Urban Discourse in the Novel by E. Jelinek “The Pianist”

Malysheva K.I.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

At present, it is difficult to overestimate the impact that large cities have on human life. The city is not only a habitat for people, but also a center in which political, social and cultural life is born and is in full swing. Modern society shows interest in the world in all its diversity, and cities also act as sources of knowledge. The city is the center of attraction for various fields of activity, including reflecting the historically established cultural dominant of society.

The purpose of the article is to reveal the image of Vienna created by E. Jelinek on the basis of the cultural and historical discursive component in the novel “The Pianist”.

Material and methods. The research material is E. Jelinek’s novel “Die Klavierspielerin” (The Pianist). The descriptive method and discursive analysis were applied in the work.

Findings and their discussion. The study of the novel by E. Jelinek “The Pianist” reveals important, unremarkable at first sight details of the architectural appearance of Vienna. The urban space forms around itself a special type of discourse – urbanistic, so we have identified several of its types: cultural, educational and architectural subdiscourses. The article presents and characterizes objects of cultural and historical heritage, educational institutions, park areas, cultural monuments of the Austrian capital, which were mentioned in the novel.

Conclusion. A discursive analysis of the novel showed that the important elements of the considered literary text are the urban environment, objects of cultural and educational significance, which have important influence on the formation of the personality, its development and improvement.

Key words: discourse, city, urban environment, cultural and historical heritage, art, music, theater, parks, monuments.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 173–177)

Многофункциональная природа города делает его предметом изучения целого ряда наук. Широкий круг проблем мегаполиса активно разрабатывается в экономике, политологии, архитектуре, истории, социологии, культурологии, лингвистике и др. В психологических исследованиях городская среда обычно рассматривается в социально-психологическом контексте [1]. Основные направления связаны с изучением особенностей восприятия города, его предметно-пространственной, пространственно-временной и социальной среды, механизмов ментальных репрезентаций городского пространства в обыденном сознании горожан [2; 3]. Речевой аспект городской среды, повседневные речевые практики жителей мегаполиса, их языковое существование активно исследуются в лингвистике и психолингвистике [4–6].

Город формирует вокруг себя особый вид дискурса – урбанистический, в котором переплетаются различные коммуникативные, культурные, экономические пространства. Урбанистический дискурс содержит в себе множество поддискурсов: туристический, градостроительный, культурный, спортивный, массмедийный, образовательный, архитектурный, экономический и др. Урбанистические исследования активно проводят представители самых разных научных направлений: философы, социологи, маркетологи, политологи, лингвисты.

З.Н. Афинская и Л.Н. Кулаженкова при описании урбанистического дискурса опираются на два составляющих его понятия — «урбанизм и урбанизация, под которой подразумевается не только строительство новых городов, но, что не менее важно, способ вхождения человека в иную систему жизненных координат и приоритетов» [7].

Город – это визитная карточка региона/страны, зеркало характера, ментальности, души конкретной нации, источник познания, туристический магнит. Немецкие представители формальной социологии Ф. Теннис [8] и Г. Зиммель [9] справедливо подчеркивали системообразующую функцию города в национальной культуре и отмечали способность города транслировать обществу происходящие в нем процессы, к примеру, кризис и упадок современного общества, нивелирование ценностей традиционной культуры, глобализацию и т.д.

В настоящее время актуальным направлением исследований становится углубленный анализ и синтез разнообразных учений о дискурсе, затрагивающих коммуникативную сферу современных реалий. Житель любого мегаполиса или провинциального городка не только подчиняется жизненному циклу – ходит на работу, учебу, светские мероприятия, занимается творчеством, но и вносит вклад в культурно-историческое развитие города, включается в его ритм, погружается в море разнообразной городской информации.

С.В. Пирогов отмечает, что реальность города «неотделима от осознания и переживания городской сре-

ды и не существует вне процесса отношения к ней» [10, с. 33–34].

Жизнь горожанина протекает как в открытом пространстве внешней городской среды (улицы, площади, дворы жилых домов, парки, стадионы, транспорт и т.п.), так и в городских объектах разного функционального назначения (магазины, вокзалы, театры, банки, поликлиники и т.п.) [4].

Ввиду того, что сверхтекстовое пространство «город» – это совокупность множества символов и образов, представляется интересным и необходимым культурологический взгляд на урбанистический дискурс с целью исследования повседневной жизни венцев, а также культурно-исторического наследия австрийской столицы.

В романе Э. Елинек «Пианистка» Вена отражается через специфику архитектурных строений, памятников, культурно-исторических мест. В настоящем исследовании в фокусе внимания находится дискурсивное пространство внешней среды Вены (садово-парковые ансамбли), а примерами внутренней среды служат учреждения образования, просвещения и культуры.

Цель статьи – раскрыть образ Вены, созданный Э. Елинек на основе культурно-исторической дискурсивной составляющей в романе «Пианистка».

Материал и методы. Материалом исследования является роман

Э. Елинек „Die Klavierspielerin“ («Пианистка»). В работе были применены дискурсивный анализ и описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Вена – один из самых величественных и впечатляющих городов Европы. В ней гармонично сочетаются старинная и современная архитектура, вечная классика и стиль «модерн». Издавна этот город принято считать музыкальной столицей. Здесь писали свои увертюры и симфонии Штраус, Шуберт, Моцарт, Шенберг и Бетховен, и их духом творчества полностью пронизана атмосфера города. В Венской архитектуре можно встретить как готические черты, так и стиль «постмодерн», однако наиболее возвышенное впечатление здесь производит стиль барокко. Венцы также гордятся своими красивейшими парками, которые занимают немалую часть территории столицы.

Автор не случайно упоминает в своем романе венские парки как символы музыки и искусства: Городской парк, Ресселевский парк, парк Бурггартен.

Городской парк (Stadtpark) – один из самых больших парков города с огромным количеством памятников. Здесь находится памятник композитору и скрипачу XIX века Иоганну Штраусу, который родился и жил в Вене. Этот парк известен также зданием Курсалон, где давал свои концерты «король вальсов». Позднее Курсалон стал концертным залом, где и в наши дни проходят концерты классической музыки. В Городском парке также возведен памятник выдающемуся австрийскому композитору XVIII века

Францу Шуберту, а также многочисленные памятники австрийским композиторам XIX века, таким как А. Брукнеру, Ф. Легару, Р. Штольцу и др.

Ресселевский парк (Resselpark), упомянутый в романе, известен памятником знаменитому композитору – Иоганнесу Брамсу, родившемуся в 1833 г. В столицу Австрии Брамс прибыл в возрасте 27 лет. Здесь он был капельмейстером Певческой академии и дирижером Венской филармонии, создавал музыкальные произведения, которые также «звучат» на страницах романа.

Визитной карточкой Вены является парк Бурггартен (Burggarten), который посвящен одному из самых известных и великих композиторов – Вольфгангу Амадею Моцарту. Парк украшает композиция скрипичного ключа, с высаженными вокруг него цветами. Жизнь и творчество музыкального гения тесно связаны с Веной: здесь была поставлена одна из его самых известных опер «Свадьба Фигаро». Сам Моцарт неустанно восхищался Веной, называя ее архитектурный облик застывшей музыкой.

Очевидно, что парки для венцев являются не только местом для неспешных прогулок, размышлений и восхищения цветочными композициями. В них проходит насыщенная музыкальная жизнь столицы, а память о великих композиторах увековечена как в камне, так и в концертах классической музыки и музыкальных салонах.

Со страниц романа Э. Елинек «Пианистка» также предстают различные культурно-образовательные и исторические достопримечательности Вены, которые и раскрывают образы героев, и отсылают нас к личности автора, его биографии.

Известно, что роман «Пианистка» в значительной степени Э. Елинек писала с собственной жизни. Нельзя не отметить схожесть между главной героиней Эрикой Кохут и автором: Э. Елинек провела детство и юность в Вене, а с момента заболевания отца воспитание Эльфриды полностью перешло под материнский контроль. Мать Эльфриды упорно добивалась от дочери успехов в музыкальной карьере, прикладывая к этому все доступные средства и методы, о которых автор отзывается с иронией и презрением, описывая их не иначе, как деспотичные. В школе Эльфрида брала уроки игры на фортепиано, флейте, гитаре, скрипке и альте; в возрасте 13 лет Елинек была принята в Венскую консерваторию, где изучала игру на органе, фортепиано и блокфлейте, а также музыкальную композицию, при этом одновременно она посещала публично-правовую гимназию. Все это наложило отпечаток на создание образа главной героини, профессора по классу фортепиано Венской консерватории Эрики Кохут.

Венская консерватория, являясь одним из ключевых мест развития событий, предстает в романе как вершина музыкальных достижений Эрики, причем, сама автор не видит здесь ничего выдающегося, поскольку с карьерой пианистки нужно распрощаться и спуститься на ступень ниже: *“Was bleibt*

ihr anderes übrig, als in das Lehrfach überzuwechseln. Ein harter Schritt für den Meisterpianisten, der sich plötzlich vor stammelnden Anfängern und seelenlosen Fortgeschrittenen wiederfindet. Konservatorien und Musikschulen, auch der private Musiklehrbereich, nehmen in Geduld vieles in sich auf, was eigentlich auf eine Müllkippe oder bestenfalls ein Fußballfeld gehörte” – [11, с. 29] – *«Ей не остается ничего другого, как перейти на положение учительницы музыки. Тяжелый шаг для пианиста-виртуоза, который вдруг оказывается в окружении толпы, запинаящихся на каждой ноте новичков и тех, кто уже научился брать аккорды бездушно и бойко. Консерватории, музыкальные школы, частные уроки музыки терпеливо вбирают в себя тот материал, которому, собственно, место на свалке или, в лучшем случае, на футбольной площадке»* [12, с. 45–46].

Представленная в романе безлико и с отсутствием каких-либо сведений описательного характера, Венская консерватория между тем имеет богатую историю: построенная по образцу Парижской консерватории в 1819 г., она являлась оплотом австрийского музыкального образования. К концу XIX века в консерватории обучалась тысяча студентов, что было знаменательным событием в истории учреждения. В 1909 году консерватория была взята под императорский патронат, обозначив себя Королевской и кайзеровской Академией музыки и исполнительского искусства. Далее, в 1970 году она была переименована в Высшую школу музыки и исполнительского искусства, а в 1998 году преобразована в университет. История университета свидетельствует о востребованности музыкального образования на протяжении веков, внося неоспоримый вклад в культурное наследие Австрии.

В романе можно почерпнуть интересные сведения о консерватории как части повседневной жизни учеников и взрослых студентов, решивших всецело посвятить себя музыке. Возможно предположить, что Эльфрида Елинек, утомленная бесконечными занятиями на различных музыкальных инструментах, репетициями, экзаменами, концертами, выбрала Венскую консерваторию как обыденное для нее место действия, где проявляют себя образованные, талантливые молодые люди, тем самым желая заострить внимание на любовной линии, переживаниях своих героев, ищущих выхода своих чувств в исполнении музыкальных произведений.

Маршруты своих героев Э. Елинек строит таким образом, чтобы на их пути встречались достопримечательности Вены, олицетворяющие музыку, науку, искусство.

К примеру, главная героиня, возвращаясь с поздней прогулки, едет в такси мимо зала «Урания», считающегося символом Вены, где однажды она читала доклад о Ференце Листе и сонатах Бетховена.

«Урания» – австрийское просветительское общество, созданное в 1897 году с целью широкого

распространения в обществе научных и естественно-исторических знаний. Построенное в стиле модерн, здание названо в честь музыки Урании, покровительницы астрономии, и включает общественный образовательный центр и обсерваторию.

То, что прочла перед своими слушателями пианистка в романе Э. Елинек, было своего рода глубокой философией, результатом ее долгих размышлений, и в то же время отражением ее душевного состояния: „*Sie hat damals ausgesagt, daß in den Sonaten Beethovens, ob spät oder, wie in diesem Falle, früh, eine solche Vielfalt herrschte, daß man sich zuerst einmal grundsätzlich fragen müsse, was bedeutet das vielgeschmähte Wort Sonate überhaupt. Vielleicht sind es schon gar keine Sonaten im strengen Sinne mehr; die Beethoven so bezeichnete. Es gibt, neue Gesetze darin aufzuspüren, in der oft das Gefühl der Form davonläuft. Bei Beethoven ist das nicht der Fall, denn da gehen beide Hand in Hand; das Gefühl macht die Form auf ein Loch im Boden aufmerksam und umgekehrt*“ [11, с. 151] – «Она тогда заявила, что в сонатах Бетховена, как в поздних, так и, как в этом случае, ранних, царит такое многообразие, что сначала надо задать принципиальный вопрос, что вообще означает это многострадальное слово соната. То, что Бетховен именуется этим словом, возможно, вовсе не является сонатой в строгом смысле слова. Необходимо обнаружить новые законы в этой чрезвычайно насыщенной драматизмом музыкальной форме, в которой зачастую улетучивается само чувство формы. У Бетховена дело обстоит иначе, у него и то, и другое взаимосвязано: чувство обращает внимание формы на пропасть под ногами, и наоборот» [12, с. 241–242]. Не удостоенная участия в концертной деятельности, Эрика ищет признания в музыкальном искусстве, где только это возможно, пробуя себя в роли оратора, делясь со своими слушателями интересными идеями и взглядами, считая себя лучшей в своем деле.

Путь домой Эрики пролегал также и через здание Венской государственной оперы. И вновь автор вскользь упоминает об этой жемчужине архитектуры Вены, одном из мировых центров оперного и балетного искусства как естественной части городской жизни венцев. Автор намеренно не привлекает внимания читателя оперным театром, сосредоточившись на том, что ожидает героиню: „*Die Oper ist schon aus. Das bedeutet in der Praxis, daß es so spät ist, daß Frau Kohut sen. in ihrem häuslichen Wirkungskreis <...> fürchterlich herumtoben wird. Sie wird schreien. Sie wird eine entsetzliche Eifersuchtsszene machen. Es wird lang dauern, bis die Mutter wieder versöhnt sein wird*“ [11, с. 151] – «Опера уже закрыта. Это означает на практике, что сейчас так поздно, что госпожа Кохут – старшая устроит ужасный скандал в своем домашнем кругу <...> Она раскричится. Она устроит отвратительную сцену ревности, пройдет много времени, прежде чем мать снова успокоится» [12, с. 242]. Опера в данном изложении свидетель-

ствует лишь о неприятной сцене, которая поджидает Эрику дома, а именно – выяснения отношений с матерью по причине позднего возвращения, хотя дочери уже за тридцать. Известно, что Венская опера каждый год устраивает грандиозный венский бал, на который съезжаются танцевальные пары со всего мира, и кто знает, как сложилась бы судьба героини, отведи ее автор на этот праздник музыки и танца, в элегантном вечернем туалете, на великолепную танцевальную площадку с одним из лучших театральных оркестров мира.

В конце романа, отправляясь на встречу с Вальтером Клеммером с целью не то совершить убийство, не то броситься в ноги своему возлюбленному, Эрика Кохут идет к Техническому университету. Путь пианистки пролегал мимо «Сецессиона», выставочного павильона современного искусства, одного из наиболее значимых памятников венского модерна: „*Die Frau steuert die Secession an und hebt frei das Haupt zur Blätterkuppel. Darunter zeigt ein stadtbekannter Künstler heute etwas, nach dem die Kunst nicht mehr sein kann, was sie vorher war*“ [11, с. 281] – «Женщина идет в сторону “Сецессиона” и легко поднимает голову, взглядываясь в купол из листьев. Под этим куполом сегодня известный в городе художник показывает такое, после чего искусство не сможет больше быть тем, чем оно было раньше» [12, с. 442]. Здание было построено в геометрическом стиле, в форме нескольких кубов, над которыми возвышается ажурный купол из тысячи золоченых лавровых листьев и ягод, символизирующих молодость искусства. «Сецессион» представляет собой не только здание, но и одноименное художественное объединение, основанное в 1897 году выдающимся живописцем Густавом Климтом. Творческий союз современных художников был привержен новым течениям в искусстве в противовес устоявшимся законам академической живописи. Стиль «Сецессиона» можно описать как «стиль квадрата», воплощенный в геометрических формах, прямых линиях, строгом орнаменте.

Следует отметить, что в 1902 году на XIV выставке «Объединения художников Венского Сецессиона», посвященной Людвигу ван Бетховену, Густав Климт представил свой «Бетховенский фриз». Данное произведение длиной 34 метра являет собой виртуозную интерпретацию Девятой симфонии Бетховена как одно из самых выдающихся творений в истории мировой музыкальной культуры. Сама симфония включает в себя часть положенной на музыку поэмы Ф. Шиллера «Ode an die Freude», «Оды радости», а также выражает идейно-художественные искания композитора, идеи демократизма и героической борьбы. В Девятой симфонии Бетховен ставит центральную для своего творчества жизненно важную проблему: человек и бытие, единение и сплоченность всех для победы справедливости и добра.

Своеобразна подача музыкального произведения в романе: не имеющая возможности сесть за рояль,

автор просто проводит свою героиню мимо здания «Сецессиона». Своему повествованию Э. Елинек искусно придавала звучание множества произведений великих композиторов, создавая музыкальный фон на протяжении всего романа. На наш взгляд, Э. Елинек не случайно решила оставить на финал Девятую симфонию Бетховена: ее героиня устремляется к свободе, сбрасывает оковы власти и контроля со стороны матери, принимает мир таким, какой он есть, и даже бросает ему вызов: „*Blicke streifen Erika, die sich ihnen stellt. Endlich streifen auch mich einmal Blicke, frohlockt Erika. Solchen Blicken ist sie Jahre um Jahre aus dem Weg gegangen, indem sie einhäusig blieb. Doch was lange währt, wird endlich doch scharf hervorstechen. Nicht unbewaffnet setzt sich den Blicken Erika aus, braves Messer du*“ [11, с. 281] – «На Эрику бросают взгляды, она от них не уклоняется. “Наконец-то и на меня бросают взгляды!” – торжествует Эрика. Она долгие годы уклонялась от таких взглядов, оставаясь однодомным растением. Хорошо выстоявшееся вино особенно сильно бьет в голову. Эрика открывает себя навстречу взглядам, и она не безоружна, с ней ее верный нож» [12, с. 443]. Мы можем наблюдать, как героиня борется с собой, создавая новую личность, которую ей предстоит исследовать и показать обществу, что подобно тому, как «Сецессион» демонстрирует экспозиции смелых современных художников.

В романе также встречаются такие культурно-общественные места, как Карлова церковь, кондитерская «Аида», кафе «Пальмовый домик», кинотеатр «Метро», Венский лес, парк Пратер, Народный сад.

Заключение. В романе Э. Елинек «Пианистка» предстает образ Вены через архитектурный облик города, сквозь призму урбанистического дискурса. Его парки, памятники великим композиторам, Венская консерватория и подобное показаны автором как символы музыки и искусства. Они транслируют историю, культуру, особую атмосферу Вены, уважение и память ее жителей в отношении своего великого прошлого, состояние общества и происходящие в нем современные процессы. Культурно-историческое наследие

Вены не только привносит свой вклад в ценности мировой культуры и обогащает духовный мир отдельно взятого человека, но также своеобразным образом отражается в характеристиках и образах героев романа, помогая читателю понять его глубинные смыслы.

Литература

1. Дробышева, Т.В. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса / Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев // Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 196–213.
2. Габидулина, С.Э. Психология городской среды / С.Э. Габидулина. – М.: Смысл, 2012. – 152 с.
3. Социально-психологические исследования города / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 267 с.
4. Китайгородская, М.В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 496 с.
5. Русское повседневное общение: прагматика, культурология / под ред. И.Н. Борисовой. – Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2018. – 442 с.
6. Язык современного города: тезисы докладов междунар. конф. Восьмые Шмелевские чтения: сб. ст. / отв. ред. М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин. – М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. – 169 с.
7. Афинская, З.Н. Проблемы урбанистического дискурса (на материале французского языка) / З.Н. Афинская, Л.Н. Кулаженкова // Современные концепции научных исследований: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2015. – С. 1–12.
8. Теннис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 451 с.
9. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4(34). – С. 23–24.
10. Пирогов, С.В. Город как феномен культуры: когнитивный подход / С.В. Пирогов // Вестн. Том. гос. ун-та, 2011. – № 2. – С. 31–37.
11. Jelinek, E. Klavierspielerin / E. Jelinek. – Reinbek bei.: Hamburg: Rowohlt, 1986. – 285 S.
12. Елинек, Э. Пианистка / Э. Елинек. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 448 с.

Поступила в редакцию 02.03.2023

Жанрово-стилевые особенности женского детективного романа 1990–2000-х гг.

Шилина В.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматривается жанрово-стилевая динамика женского детективного романа в русской прозе 1990–2000-х годов. Раскрываются особенности семантической и морфологической модификации канонической жанровой формы, обусловленные культурно-историческими и гендерными факторами.

Цель исследования – определить жанрово-стилевую динамику женского детективного романа в русской прозе 1990–2000-х годов.

Материал и методы. Материалом послужили детективные романы А. Марининой «Стечение обстоятельств», «Игра на чужом поле», «Смерть ради смерти» и Д. Донцовой «Бассейн с крокодилами», «Маникюр для покойника», «Спят усталые игрушки». В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведения писателей в социокультурном контексте эпохи в сравнительном аспекте.

Результаты и их обсуждение. Массовая культура как феномен массового общества окончательно сформировалась на рубеже XIX–XX веков в результате социальных, научно-технических процессов. Детективный жанр относят к массовой литературе, поскольку детектив имеет клишированный сюжет и схематических героев, совмещает в себе криминальную и любовную интриги. В исследуемый период времени актуализируется жанровая форма женского детективного романа. Канонический сюжет и типология героев подвергаются трансформации, обусловленной социокультурными и гендерными факторами. Интерес к женскому детективному роману на рубеже XX–XXI веков усилился за счет того, что читателя привлекал вымышленный мир, который хотелось сопоставить с повседневностью, а также детективный роман был источником позитивного напряжения, эмоций, которые переживал читатель во время чтения. А. Маринина и Д. Донцова в контексте массовой литературы создали свои уникальные детективные истории, рассказывающие об актуальных проблемах общества и человека.

Заключение. Женский детективный роман как объект массовой литературы является одним из наиболее популярных жанров, который может сочетать в себе элементы детектива, триллера, романтики и комедии. В таких романах внимание уделяется не только расследованию преступлений, но и отношениям между главной героиней и другими персонажами. А. Маринина и Д. Донцова как представительницы школы женского детектива в своих романах создают психологически любопытные характеры, используют элементы романтики, юмора и эстетики абсурда. Произведения писательниц нацелены в основном на женскую аудиторию, так как они могут служить не только средством проведения досуга, но и источником информации о жизни и проблемах женщины.

Ключевые слова: детективный роман, жанр, стиль, массовая литература, русская проза.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 178–182)

Genre and Style of the Female Detective Novel of the 1990s–2000s

Shylina V.G.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article analyzes the genre-style dynamics of the female detective novel in the Russian prose of 1990–2000. The features of semantic and morphological modification of the canonical genre form due to cultural, historical and gender factors are revealed.

The purpose of the research is to determine the genre and style dynamics of the female detective novel in the Russian prose of 1990–2000.

Material and methods. The material was the detective novels by A. Marinina “Coincidence of circumstances”, “Playing in someone else’s field”, “Death for the sake of death” and D. Dontsova “Pool with crocodiles”, “Manicure for the deceased”, “Tired toys sleep”. The work used the cultural-historical and comparative-typological methods that allowed us to consider the works of writers in the social and cultural context of the epoch in a comparative aspect.

Findings and their discussion. Mass culture as a phenomenon of mass society was finally formed at the turn of the XIX–XX centuries as a result of social, scientific and technical processes. The detective genre belongs to mass literature, because

the detective has a cliched plot and schematic characters, combines criminal and love intrigues. In the time period under research, the genre form of the female detective novel is actualized. The canonical plot and typology of the characters are undergoing transformation due to socio-cultural and gender factors. Interest in the female detective novel at the turn of the XX–XXI centuries increased due to the fact that the reader was attracted to the fictional world that wanted to be compared with everyday life, and the detective novel was also a source of positive tension, emotions that the reader experienced while reading. A. Marinina and D. Dontsova created their own unique detective stories in the context of mass literature, telling about the current problems of the society and the man.

Conclusion. The female detective novel as an object of mass literature is one of the most popular genres that can combine elements of the detective, thriller, romance and comedy. In such novels, attention is paid not only to the investigation of crimes, but also to the relationship between the main character and other characters. A. Marinina and D. Dontsova as representatives of the school of female detective in their novels create psychologically curious characters, use elements of romance, humor and aesthetics of the absurd. The works of the writers are aimed mainly at the female audience, as they can serve not only as a means of leisure, but also as a source of information about the life and problems of women.

Key words: detective novel, genre, style, mass literature, Russian prose.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 178–182)

Жанрово-стилевая динамика русского детективного романа второй половины XX века представляется актуальной темой для современного филологического исследования.

Цель исследования – определить жанрово-стилевую динамику женского детективного романа в русской прозе 1990–2000-х годов.

Материал и методы. Материалом послужили детективные романы А. Мариной «Стечение обстоятельств», «Игра на чужом поле», «Смерть ради смерти» и Д. Донцовой «Бассейн с крокодилами», «Маникюр для покойника», «Спят усталые игрушки». В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведения писателей в социокультурном контексте эпохи в сравнительном аспекте.

Результаты и их обсуждение. Во второй половине XX века авторами детективного романа были преимущественно мужчины, женский детективный роман актуализировался только в середине 1990-х годов. Жанровая специфика женского детективного романа заключается в том, что и автором, и главной героиней произведений является женщина. Выделяют различные типы этого жанра: полицейский, иронический, ретродетектив, готический и другие. Интерес к женскому детективному роману во второй половине XX века усиливался за счет того, что читателя привлекал вымышленный мир, который хотелось сопоставить с повседневностью, а также детективный роман был источником позитивного напряжения, эмоций, которые переживал читатель во время чтения. Детективный роман также вызывал у читателя удовлетворенное чувство справедливости (главная героиня борется со злом и побеждает его). Однако в силу исторических и социальных перемен границы детектива как мужского, так и женского размываются. В женском детективном романе на первый план чаще выходит любовно-психологическая линия, встречаются лирические отступления, происходит подмена детективного жанра воспитательным романом [1, с. 438].

Детективный жанр нередко относят к массовой литературе, поскольку характерным для него является клишированность сюжета и героев, совмещение

криминала и любовных интриг. Как отмечает К.С. Лицарева, «“Женским” детектив называется потому, что женщины-писательницы тоньше и глубже понимают человеческую природу и умеют манипулировать восприятием читателя, гарантируя при этом отдых от реальной непростой жизни» [1, с. 439].

Массовая литература ориентирована на широкую аудиторию, не претендует на высокую литературную ценность, но является интересным и развлекательным чтением. Массовая литература должна создавать актуальный «продукт», который интересен целевой аудитории. Клишированная структура детективного романа проста, понятна, прямолинейна, имеет четкий интригующий сюжет, удовлетворяет непритязательный читательский потенциал, так как не требует аналитических способностей, чтобы решать головоломки и раскрывать тайны убийства. При этом авторы имеют возможность создать серии книг с одним и тем же персонажем, но такая клишированная структура становится формульной, скучной и предсказуемой, поэтому многие авторы стараются вносить новые элементы в свои произведения.

Массовая культура как феномен массового общества окончательно сформировалась на рубеже XIX–XX веков в результате социальных, научно-технических процессов. Литературный текст становится предметом «культурной сделки» между производителем и потребителем. Н.А. Купина утверждает: «Чтобы книга стала товаром массового спроса, она должна быть написана быстро, иметь низкую себестоимость, по особенностям содержания вызывать бурные эмоции у читателя, которых он лишен в рутине повседневной жизни. При этом эмоции вызываются постоянным подтверждением “великих истин” и “общих мест”, предлагаемый сюжет должен стать источником волнения, удовлетворения любопытства» [2, с. 12].

Со времен своего существования детективный роман подвергался критике со стороны литературоведов и приверженцев серьезной литературы. Они считали, что данный вид литературы является литературой второго сорта, низкопробным чтением. И такие «произведения» создают безграмотные люди, которые не знают, что такое культура, и не имеют литературного

вкуса [3]. Все это связано с тем, что авторы детективного романа интегрируют в классическую детективную структуру любовные, фантастические, псевдоисторические линии сюжета.

Классический детектив имеет канонический сюжет и основан на расследовании преступления. Главная жанровая характеристика детектива – этическая парадигма (преступник должен быть наказан за совершенное преступление). Главный герой классического детективного романа – это профессиональный сыщик, работающий в полиции или частном агентстве. Повествование классического детективного романа ведется о расследовании преступления, поиске преступника и свидетелей, разгадывании тайны или головоломки, и, в конечном итоге, разрушенный миропорядок восстанавливается: преступник наказан. Во второй половине XX века детективный роман приобретает новые специфические особенности: наблюдается ориентация на социально-психологические проблемы, авторы представляют читателю несколько версий развития сюжета, появляются элементы фантастики, психологической прозы, ужасов, социально-политической сатиры.

Жанровые особенности женского детективного романа на разных уровнях жанровой структуры видятся в следующем:

1. *Субъектная организация.* Повествование часто ведется от первого лица (главной героини), что позволяет автору более эффективно передать внутренний мир героини, ее эмоции. В женских детективных романах авторская симпатия на стороне главной героини. В произведениях также присутствует несобственно прямая речь героини, в которой читатель может увидеть ее скрытые переживания. В большинстве случаев автор не персонифицирован в романе, авторская позиция делегирована главной героине или кому-либо из других персонажей.

2. *Тип героя.* Главная героиня детективного романа привлекательная, независимая, имеющая высокий профессиональный статус женщина, проживающая в большом городе. Она обладает богатым внутренним миром и сильным характером. С психологической стороны героиня представлена как женщина, которая уверено идет по жизни, применяя свой ум и наблюдательность, чтобы решить трудные задачи. Она может быть молчаливой и скромной или же раскованной и уверенной в себе. Может также выступать в роли защитника других женщин. В целом героиня представляет собой самодостаточную материально обеспеченную интеллектуально развитую личность, которая служит примером для подражания для массового читателя (читательниц).

3. *Пространственно-временная организация.* Действие женского детективного романа происходит в большом городе преимущественно в наши дни. Писатели стараются исследовать социальные проблемы общества и семьи, различные конфликты, с которыми сталкиваются обычные люди в современном

мире. Нередко в произведениях такого рода встречаются узнаваемые локации (государственные учреждения, кафе, салоны красоты, спортивные залы), существующие в реальной действительности. Это делает топонимику романа более узнаваемой и легко представляемой, позволяет читателю переместиться «внутрь» событий.

4. *Сюжетно-композиционная организация.* Как правило, в женских детективных романах прослеживается несколько параллельных сюжетных линий, которые в итоге сводятся воедино и создают сюжетную законченность. Такие линии могут относиться не только к детективному расследованию, но и отражать отношения героини с ее семьей, друзьями и коллегами. Основной сюжет связан с криминальным расследованием, он развивается постепенно с многочисленными поворотами и неожиданными событиями, что помогает поддержать более высокий уровень интриги и заставляет читателя «участвовать» в развитии сюжета. Также важным аспектом является сочетание различных жанровых элементов: криминального романа, психологического триллера, мелодрамы, сатиры.

5. *Стилистические особенности.* Стилистически женский детективный роман не очень отличается от «канонического» детектива. Авторы активно используют разговорную лексику. Для создания образов криминального мира могут быть использованы элементы жаргона и арго.

Александра Маринина и Дарья Донцова являются одними из первых писателей, которые внесли большой вклад в развитие женского детективного романа в русской прозе XX века. Главная героиня их произведений – женщина, которая играет новые роли в профессиональной и социальной жизни (Анастасия Каменская и Даша Васильева).

В детективных романах А. Марининой чаще всего основное внимание уделяется расследованию преступления. Особенность иронических детективных романов Д. Донцовой заключается в том, что писательница использует юмористические и остросюжетные ситуации в произведениях, игривость в языке, искрометные диалоги, приводящие к забавным и комическим моментам. Главная героиня романов А. Марининой – следователь Анастасия Каменская – относится к среднему классу, проживает в Москве, по образованию политолог. Она сотрудник уголовного розыска МВД, профессионально занимается расследованием преступления, обладает всеми качествами сыщика. Внимательна, думает аналитически, сдержана и не слишком эмоциональна, благодаря этому ей удастся принимать правильно решения. Каменская не спешит рассуждать о добре и зле и не вовлекается в следствие по личному поводу, что позволяет сохранить нейтральное отношение во время расследования. Но в то же время в ней читатель видит образ современной женщины, которая способна не только работать следователем, но и сочетать работу и семейную жизнь. Она прямолинейна,

ее речь характеризуется конкретными короткими ответами, строгим тоном. При изменении ситуации Каменская быстро адаптируется к новым условиям, легко ориентируется в большом объеме информации, выстраивает новые теории, замечает неточности, классифицирует и анализирует факты, подводит итоги и выдвигает верные предположения. Ее успешная карьера создает образ, который разрушает гендерные стереотипы, бытующие в социуме. Примером тому служит семейная жизнь главной героини, где ее любимый мужчина выполняет роль «домохозяйки», которая традиционно присуща женщине.

Героини романов Д. Донцовой – это обычные женщины-домохозяйки, бабушки-пенсионерки или другие женщины, которые под влиянием некоторых событий втягиваются в авантюрную криминальную игру. Писательница особое внимание уделяет характеру и манере своих героинь, которые оказываются неплохими сыщиками. Однако у героинь часто были трудное детство, юность, что типично для иронического детектива. Например, Даша Васильева, описывая свою маленькую зарплату говорит следующее: *«Да и откуда было взяться деньгам? Я работала в третьесортном институте технической направленности на кафедре русского языка»* [4, с. 76]; Илампия Романова была поздним ребенком, лишенным детских радостей: *«Мое детство было ужасным. Мама запрещала все детские забавы...»* [5, с. 65]. Также Д. Донцова указывает, что ее героини не умею ни вязать, ни шить, ни готовить: *«Господь не одарил меня кулинарным талантом, я совершенно теряюсь среди кастрюль»* [6, с. 76]. Самые первые иронические детективные романы Д. Донцовой – это серия о Даше Васильевой. Она умная, сильная и независимая домохозяйка из небольшого городка, любит путешествовать и играть в детективные игры. Ей не страшны любые сложные ситуации и опасности. Имеет интуитивный склад ума, наблюдательна и логически мыслит, благодаря ее находчивости герои романов приходят к непредсказуемому решению проблемы. Она готова пойти на риск для решения дела, не полагается на помощь других, потому как уверена в своих способностях. Бывает прагматичной и циничной, но может сочувствовать жертве. Как женщина она обаятельна и женственна.

А. Маринина динамично выстраивает сюжет своих детективных романов («Стечение обстоятельств», «Игра на чужом поле», «Смерть ради смерти»), вводит интригующие подробности, использует богатый лексический материал. Читатель ясно видит работу уголовного розыска, который выполняет свою обязанность перед Отечеством. В жанровом отношении писательница соединила криминальный, полицейский детектив с любовным романом. В центре сюжета – закрученная интрига на основе психологических и социальных конфликтов [7].

В цикле о Каменской А. Маринина соблюдает следующую структуру детектива: во ведении читатель

знакомится с главной героиней, далее происходит событие-завязка (убийство) и следует начало расследования. В романах присутствует криминальная интрига, усиливается напряжение, появляются новые подозреваемые. Главная героиня использует детективные методы, которые помогают выявить преступника, а также пытается понять его психологическую мотивацию. В финале после окончания расследования писательница характеризует главных героев. Структура криминального романа А. Марининой схожа с традиционным криминальным детективом. Каждый роман писательницы индивидуален и содержит свои дополнительные элементы.

Сюжетная структура иронического детектива Д. Донцовой строится по следующему принципу: вначале повествования читатель знакомится с главной героиней (обычно это женщина среднего возраста, которая в силу некоторых обстоятельств решает расследовать дело). Затем она получает свое первое задание, которое кажется легким, однако со временем выполнение расследования становится сложнее. После этого автор изображает некое загадочное объекта, являющегося ключом к разгадке тайны. Сыщица работает со своим клиентом, получает больше информации о расследуемом деле и сталкивается с разными событиями и ловушками злодеев. Владея все большей информацией, она продвигается к разгадке тайны, некоторые методы расследования вызывают улыбку у читателя. В финале каждый персонаж книги получает свое: сыщик – награду, а злодеи – заслуженное наказание. В эпилоге писательница раскрывает дополнительные детали, связанные с героиней или с расследованием. В целом детективные романы Д. Донцовой имеют схожую структуру с другими жанровыми формами детективного романа, главными в ироническом детективном романе остаются интрига, головоломка и юмористические ситуации.

В романах А. Марининой помимо основной, криминальной, прослеживается второстепенная любовная линия. Писательница делает акцент на описании внешности своих персонажей, использует элементы романтики, усиливая эмоциональную глубину романа. Заметно, что все отношения главной героини построены на уважении и доверии: *«– Лешик, маленький... Леш, хочешь, я за тебя замуж выйду? Ты лучше всех на свете! – Прекрати, – он шутливо намурился. – Помнится, не далее как два месяца назад ты обещала выйти за меня замуж, если я сделаю тебе небольшое одолжение...»* [8, с. 39].

Пространственно-временная организация романов топонимически соотносится с городами России. Пространственная организация играет важную роль в романах, так как Каменская, расследуя преступления, посещает разные города и регионы. Читатель в романах видит различные локации, окунается в атмосферу определенного города. Например, в детективном романе «Стечение обстоятельств» читатель погружается в будни милиции: *«Понедельник на Пе-*

тровке, 38 начался с того же...» [9, с. 241]; «Главный информационный центр МВД России располагался в роскошном многоэтажном здании в Новых Черемушках...» [9, с. 313]. В романе «Игра на чужом поле» читатель знакомится с санаторием «Долина», куда Настя Каменская отправляется подлечить своей здоровье, и его окрестностями: «Впервые в жизни она оказалась в санатории и решила поправить здоровье..., тем более условия в «Долине» были более чем роскошные» [9, с. 9]; «В городе, где находился санаторий “Долина”, царили мир, спокойствие и порядок» [9, с. 14].

Д. Донцова также описывает города и села России в своих произведениях. Так, уже в начале романа «Бассейн с крокодилами» читатель может понять, что речь идет о Москве: «Непогода заставила москвичей сидеть по домам» [4, с. 8]. Встречается также село Ложкино: «В Ложкино я явилась около двух часов...» [4, с. 11]. Писательница знакомит читателей с Парижем, куда постоянно курсирует героиня романа «Спят усталые игрушки»: «Жизнь теперь состоит из разъездов... Москва – Париж, Париж – Москва» [6, с. 13].

Сравнивая творчество представительниц женского детективного романа – А. Марининой и Д. Донцовой, – можно выделить следующие отличия в стиле их письма. А. Маринина стремится создать сложные психологически проработанные характеры персонажей. Ее произведения насыщены глубокими монологами и внутренней речью, тонкой психологической игрой, которая увлекает читателя. Произведения Д. Донцовой отличает юмористический стиль, в них встречаются элементы пародии и сатиры. Криминальный сюжет ее произведений пронизан часто бессвязными диалогами и ситуациями, не имеющими логического смысла. Такой стиль повествования уникален и оригинален для писательницы. А. Маринина подробно описывает технологию и подробности расследования, Д. Донцова использует комический подход к описанию такого рода деталей.

Заключение. Таким образом, А. Маринина и Д. Донцова являются представительницами двух разных школ женского детективного романа. Д. Донцова предлагает абсурдный юмор повествования, заставляя читателя улыбаться, а А. Маринина – глубокий и серьезный роман с четкой структурой и многогранными характерами персонажей. Главных героинь писательниц объединяет одно: обе являются сильными женщинами и расследуют преступления, однако обладают совершенно разными характерами и судьбами. Анастасия Каменская часто сталкивается с опасными преступниками и вынуждена использовать свой профессионализм и интуицию, чтобы решить дела.

Даша Васильева имеет острый ум и чувство юмора, также часто попадает в опасные ситуации, но быстро находит выход из сложных перипетий. Каменская работает в команде с коллегами, Васильева – напротив, самостоятельно расследует дела, а если и просит помощи у других, то только по своему усмотрению. В целом образ героини А. Марининой более глубок и многослоен в плане эмоционального описания и построения индивидуального характера, а героиня Д. Донцовой более поверхностна и не обладает такой глубиной характера. Повествование в детективных романах, как правило, происходит в городах России. Детективные романы А. Марининой нацелены на серьезное расследование преступлений, имеют схожую структуру с классическим детективом, но могут содержать элементы других жанров. Ее романы ориентированы на социально-культурные проблемы российского общества. Д. Донцова в романах использует юмор, абсурдные моменты, головоломки и интригу, произведения писательницы ориентированы на решение индивидуальных ситуаций, частных конфликтов между персонажами. Романы А. Марининой направлены на более узкую, интеллектуальную, читательскую аудиторию, в то время как романы Д. Донцовой ориентированы на массового читателя.

Литература

1. Лицарева, К.С. Современный женский детектив типологические черты / К.С. Лицарева // Общество. Наука. Инновации: сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф., 2–28 апреля 2018 г.: в 3 т. – Киров, 2018. – Т. 3. Гуманитарные и социальные науки. – С. 436–440.
2. Купина, Н.А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие / Н.А. Купина. – Флинт, 2010. – 424 с.
3. Фримен, Р.О. Искусство детектива (эссе) / Р.О. Фримен. – М.: Радуга, 1990. – С. 28–37.
4. Донцова, Д.А. Бассейн с крокодилами / Д.А. Донцова. – М.: Эксмо, 2000. – 350 с.
5. Донцова, Д.А. Маникюр для покойника / Д.А. Донцова. – М.: Эксмо, 2002. – 410 с.
6. Донцова, Д.А. Спят усталые игрушки / Д.А. Донцова. – М.: Эксмо, 2001. – 380 с.
7. Шилина, В.Г. Жанровые особенности детективной прозы А. Марининой / В.Г. Шилина // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; под науч. ред. В.Ю. Боровко, Е.В. Крикливец. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 288–289.
8. Маринина, А. Смерть ради смерти / А. Маринина. – М.: Эксмо, 2014. – 320 с.
9. Маринина, А. Игра на чужом поле. Стечение обстоятельств / А. Маринина. – М.: Вече, 1998. – 448 с.

Поступила в редакцию 28.04.2023

Правовое и научно-методическое обеспечение судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: состояние, проблемы и пути их решения

Дединкин А.Л.

Витебский филиал УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»», Витебск

Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой произведенный с соблюдением процессуальных норм вид экспертного исследования речевого произведения, содержащего лингвистические маркёры, указывающие на правонарушения, которые создают угрозу общественному порядку.

Цель статьи – определить объект, предмет, цель и задачи судебной лингвистической экспертизы, выявить комплекс вопросов, требующих от юрислингвистики оперативного изучения с целью совершенствования процесса производства экспертных исследований.

Материал и методы. *Материалом послужили более 80 заключений эксперта, подготовленных автором. В процессе работы были использованы описательно-аналитический, сопоставительный и интерпретационный методы исследования.*

Результаты и их обсуждение. *На первом этапе исследования эксперт-лингвист осуществляет предварительное изучение поступивших материалов, на втором – решает вопросы, определенные постановлением о назначении экспертизы. В зависимости от сформулированных вопросов осуществляется анализ денотативного, иллокутивного, экстралингвистического и оценочного компонентов текста.*

Заключение. *Автором сделан вывод о том, что белорусской экспертологией накоплен значительный опыт в области лингвистической экспертологии, однако назрела необходимость в разработке особого инструментария для производства лингвистических исследований.*

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, юрислингвистика, экстремистские материалы, спорный текст.*
(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 183–187)

Legal, Scientific and Methodological Support for Forensic Linguistic Examination in the Republic of Belarus: Status, Problems and Ways to Solve them

Dziadzinkin A.L.

Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University «MITSO»”, Vitebsk

Forensic linguistic examination is a type of expert examination of a speech work produced in compliance with procedural norms, containing linguistic markers indicating offenses that pose a threat to the established public order.

The purpose of the article is to determine the object, subject, goal and objectives, the algorithm for conducting a forensic linguistic examination, to identify a set of issues that require prompt study from jurislinguistics in order to improve the process of producing expert research.

Material and methods. *The material for the study was more than 80 expert opinions prepared by the author. In the process of work, descriptive-analytical, comparative and interpretive research methods were used.*

Findings and their discussion. *At the first stage of the study, the expert linguist carries out a preliminary study of the materials received, at the second stage he resolves the issues identified by the resolution on the appointment of an examination. Depending on the questions posed, the denotative, illocutionary, extralinguistic and evaluative components of the text are analyzed.*

Conclusion. *The author concludes that the Belarusian expertology has accumulated considerable experience in the field of linguistic expertology, but there is a need to develop special tools for the production of linguistic studies.*

Key words: *forensic linguistic expertise, jurislinguistics, extremist materials, controversial text.*
(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 183–187)

В конце XX века возникла серьезная потребность в применении специальных лингвистических знаний для установления языковых фактов, имеющих значение судебных доказательств. Понимание того, что правосудие невозможно без профессионально выполненных исследований объединило усилия юристов и лингвистов. Теоретическое осмысление судебной практики привело к тому, что были определены объект, предмет, цель и задачи лингвистической экспертизы, ее место в общей классификации судебных исследований. Сам термин «судебная лингвистическая экспертиза» (англ. Forensic linguistics, нем. Forensische Linguistik) утвердился в качестве общеупотребительного только в 2000-е годы. До этого использовались такие наименования, как «исследование письменной речи», «лексико-стилистическое исследование документов», «экспертиза речевых материалов», «текстологическая экспертиза».

Цель статьи – определить объект, предмет, цель и задачи судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов, выявить комплекс вопросов, требующих от юрислингвистики оперативного изучения с целью совершенствования процесса производства экспертных исследований.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили более 80 заключений эксперта, подготовленных автором. Теоретико-методологической базой исследования стали типовые методики, методические рекомендации и информационно-методические письма, разработанные Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации и Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. В процессе работы были использованы описательно-аналитический, сопоставительный и интерпретационный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В Республике Беларусь производство судебных лингвистических экспертиз изначально осуществлялось без применения каких-либо верифицированных методик. В качестве экспертов привлекались преподаватели-филологи учреждений высшего образования, научные сотрудники Национальной академии наук Беларуси, журналисты. Впервые исследования экстремистских материалов были проведены в 2008 году. С 2016 года Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь по делам, связанным с экстремизмом, началось производство комплексных психолого-лингвистических исследований по типовым методикам, разработанным Центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Понятие «судебная экспертиза» имеет две интерпретации: процессуальную (действие, предназначенное для установления необходимых фактов) и научную (исследование, в результате которого соответствующие факты находят или не находят свое подтверждение).

В процессуальном аспекте судебная лингвистическая экспертиза включает такие этапы, как проведе-

ние экспертом-лингвистом исследования и подготовка соответствующего заключения, которое будет рассматриваться в суде.

Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов в Республике Беларусь назначается обычно как один из компонентов комплексной психолого-лингвистической экспертизы. В ходе исследования лингвист определяет смысловую направленность текста, а психолог – характер его воздействия на адресата.

Под судебной лингвистической экспертизой в научном аспекте мы понимаем исследование, выполняемое с целью разрешения спорных вопросов, связанных с интерпретацией и атрибуцией текстов.

Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов является отдельным видом лингвистической экспертизы, которая в свою очередь представляет собой самостоятельный род исследований, относящийся к классу речеведческих наряду с фоноскопической и автороведческой экспертизами.

Формулировки объекта, предмета, цели и задач лингвистической экспертизы как научного исследования даны в перечне видов экспертиз, выполняемых Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь.

Эксперты-лингвисты подвергают анализу как непосредственные, так и опосредованные объекты. В первом случае эксперт анализирует собственно конфликтогенный текст, размещенный автором, к примеру, в сети Интернет, во втором – анализируются косвенные источники информации (к примеру, протоколы судебных заседаний или показания свидетелей) [1, с. 236].

Объекты экспертизы различаются также в зависимости от формы текста и сочетания вербальных и невербальных знаков. Мы солидарны с позицией М.Л. Подкатиловой, которая к объектам лингвистической экспертизы экстремистских материалов относит:

- 1) текстовые материалы (публикации, надписи на плакатах, лозунги, титры видеофайлов, SMS-сообщения, т.е. продукты речевой деятельности);
- 2) звуковые сообщения, представляющие собой фонограмму устной речи либо зафиксированные в текстовом виде высказывания (расшифровка фонограммы);
- 3) видеоизображения (видеосюжеты на телевидении, видеоролики в Интернете);
- 4) статические изображения (рисунки, плакаты, фотографии);
- 5) комбинированные объекты, включающие вербальные и невербальные элементы [2, с. 28–32].

Предметом лингвистической экспертизы является смысловое содержание текста, а также содержащаяся в тексте криминалистически значимая информация.

Убедительной в отношении определения предмета лингвистической экспертизы выступает позиция К.И. Бринева, который полагает, что «при решении экспертных задач лингвист сталкивается с двумя типами предметов, которые соответствуют двум формам

речевого поведения – говорению и восприятию» [3]. Действительно, важно анализировать не только содержание текста, но и понимать, как данный текст может влиять на сознание реципиента.

Цель экспертного исследования – установление смыслового содержания текста, при этом конкретные задачи зависят от характера рассматриваемого дела.

Задачами судебной лингвистической экспертизы по делам о политическом экстремизме в Республике Беларусь является анализ высказываний, которые предположительно содержат:

- порочащие сведения о положении государства и правовом статусе его граждан;
- оскорбление государственного служащего в связи с исполнением им служебных обязанностей;
- дискредитацию органов государственной власти и управления;
- оправдание нацизма, пропаганду его символики и атрибутики;
- публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, нарушению целостности государства, захвату государственной власти, осуществлению террористической деятельности, проведению несанкционированных массовых мероприятий.

По делам о социальном экстремизме анализу подвергаются речевые произведения, предположительно содержащие:

- информацию, направленную на возбуждение вражды или розни в отношении отдельных социальных групп по тому или иному признаку (расовому, национальному, религиозному и т.д.);
- пропаганду неполноценности социальных групп либо наоборот – их исключительности;
- публичные призывы к совершению насильственных (враждебных) действий в отношении социальных групп или индивидов как их представителей.

Таким образом, под судебной лингвистической экспертизой экстремистских материалов в контексте юрислингвистической парадигмы мы понимаем произведенный с соблюдением процессуальных норм вид экспертного исследования речевого произведения, содержащего лингвистические маркёры, указывающие на правонарушения, представляющие угрозу сложившемуся общественному порядку.

При проведении судебной лингвистической экспертизы, в том числе экстремистских материалов, в Беларуси используются типовые методики, методические рекомендации и информационно-методические письма, разработанные Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации и Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

На первом этапе экспертизы осуществляется предварительное исследование поступивших материалов:

1. Проводится внешний осмотр материалов и делается вывод о соответствии или несоответствии предоставленных материалов перечню, данному в постановлении о назначении экспертизы.

2. Устанавливаются объекты лингвистического исследования и их границы.

3. Определяется пригодность текста для лингвистического исследования по следующим признакам: доступность текста для смыслового понимания, его структурированность, связность и цельность.

4. Определяются методы лингвистического исследования [4; 5].

На втором этапе исследования решаются вопросы, определенные постановлением о назначении судебной экспертизы:

1. Исследуются тексты как носители информации о событиях (анализ денотативного компонента).

2. Исследуются тексты как речевые акты (анализ иллокутивного компонента).

3. Исследуются тексты как речевые события, произошедшие в тех или иных обстоятельствах (анализ экстралингвистического компонента).

4. Исследуются тексты как носители информации, содержащей оценочные характеристики качеств или действий лица или группы лиц (анализ оценочного компонента).

В ходе исследования денотативного компонента текста эксперт отвечает на следующий вопрос:

Имеются ли в материалах, предоставленных на исследование, высказывания, направленные на...? (далее указывается вид правонарушения).

Для ответа на указанный вопрос эксперт определяет концептуальную переменную, соотносимую с определенным денотатом, а также выявляет представляющие данную переменную ключевые слова и синонимы. В больших по объему текстах для подтверждения того или иного вывода используется контент-анализ. В устных текстах также осуществляется анализ интонации.

Приведем пример вывода, сделанного автором статьи в ходе анализа денотативного компонента текста:

В СТ имеются высказывания, направленные на оскорбление представителя власти в связи с исполнением им служебных обязанностей, дискредитацию органов государственной власти и управления (депутаты Национального собрания Республики Беларусь названы «казнотратами»: деривационное значение окказионализма с негативной оценкой создано свойствами производящих основ «казнокрад» и «траты»).

В ходе исследования иллокутивного компонента текста эксперт отвечает на следующий вопрос:

Имеются ли в материалах, предоставленных на исследование, высказывания, содержащие побуждение к действиям, направленным на причинение вреда по отношению к группе лиц?

Данный вопрос содержит три смысловых компонента:

- 1) побуждение к действиям;
- 2) направленность действий на причинение вреда;
- 3) группа лиц.

В экстремистских по содержанию материалах все перечисленные компоненты должны присутствовать.

Приведем пример вывода, сформулированного автором представленной публикации в ходе анализа иллокутивного компонента текста:

СТ «Их всех сжечь нужно! Гитлер был прав!» представляет собой высказывание, в котором адресант выражает свое волеизъявление. Побудительное значение выражено имплицитно посредством безличного предложения, построенного по схеме «модальное слово нужно + инфинитив сжечь».

Глагол конкретной семантики сжигать (жечь) содержит в своем значении смысловой компонент «вред», следовательно, действия, обозначенные указанным глаголом, носят насильственный характер.

Согласно конституции объектом насильственных действий является группа лиц, выделенных по национальному признаку – евреи (группа 2). Оппозиционной группой выступают представители агрессивной шовинистической субкультуры (группа 1).

Таким образом, СТ представляет собой высказывание побудительного характера, призывающее к насильственным действиям (действиям, направленным на причинение вреда) по отношению к группе лиц, объединенных по национальному признаку.

В ходе исследования экстралингвистического компонента текста на основании сведений об обстоятельствах дела, полученных из постановления о назначении экспертизы, осуществляется анализ коммуникативной ситуации (дается характеристика отношений адресанта и адресата, определяются виды коммуникации и информационные каналы, указываются стратегии воздействия на реципиента).

Проиллюстрируем процедуру анализа коммуникативной ситуации примером из экспертной практики:

Анализ коммуникативной ситуации, исходя из обстоятельств дела, изложенных в постановлении о назначении лингвистической экспертизы, показал следующее:

СТ размещен в группе «...» в мессенджере Telegram и является реакцией пользователя с именем «...» на «стимульную» публикацию с названием «Решалы в погонах» (пользователь с именем «...» воспользовался функцией «Ответить» мессенджера Telegram). Адресантом СТ является пользователь с именем «...». Адресант вербально не эксплицирован. Адресат СТ интерперсонален и представляет собой пользователей группы «...» в мессенджере Telegram. Адресат вербально не эксплицирован. Отношения между адресантом и адресатом нейтральные.

Подлежащий лингвистическому исследованию СТ создан в ситуации неофициального, неинституционального, массового, вербального, письменного, дистантного общения. Канал коммуникации – сеть Интернет. Стратегия воздействия на реципиента – создание образа «врага».

В ходе исследования оценочного компонента текста эксперт отвечает на следующие вопросы:

1. *Имеются ли в материалах, предоставленных на исследование, высказывания, в которых негативно оцениваются человек как представитель социальной*

группы или группа лиц, объединенных по какому-либо признаку?

2. *Имеются ли в материалах, предоставленных на исследование, высказывания, содержащие положительную оценку враждебных действий по отношению к человеку как представителю социальной группы или группе лиц, объединенных по какому-либо признаку?*

3. *Имеются ли в материалах, предоставленных на исследование, высказывания, в которых идет речь о преимуществе человека как представителя социальной группы или группы лиц перед другими группами по какому-либо признаку?*

Эксперт-лингвист при подготовке заключения по указанным выше вопросам руководствуется следующим алгоритмом:

1. Устанавливаются субъект и объект оценки.

Субъектом и объектом оценки могут быть не только отдельные лица, но и группы лиц, которые либо выражаются имплицитно, либо определяются исходя из контекста посредством противопоставления категории «мы» (субъекта оценки) оцениваемой группе «они» (объекта оценки). В этом случае усматривается выражение крайности дихотомии «свой–чужой», характерной для экстремистского дискурса.

2. Анализируются слова и высказывания, в которых дается оценка объекту.

Проводится семантико-синтаксический анализ высказываний, лексико-семантический анализ слов на предмет определения негативного или позитивного значения (если в тексте идет речь о преимуществе одной группы перед другой, то называются противоположные оценки сопоставляемых объектов). Эксперт-лингвист также указывает, не являлось ли употребление слов в данной коммуникативной ситуации окказиональным или переносным.

Приведем пример вывода, полученного автором данного исследования в ходе анализа оценочного компонента текста:

В СТ «Жидам погром! Нерусским петля!» субъектом оценки являются представители агрессивной шовинистической субкультуры. Объектом оценки является группа лиц, выделенная по национальному признаку – евреи, которые неуважительно названы «жидами». Таким образом, в данном высказывании имеется негативная оценка группы лиц, объединенных по признаку принадлежности к национальной группе.

Завершая исследование, эксперт формулирует окончательные выводы, которые могут быть:

1) категорически положительными (лингвистические признаки того или иного компонента текста в соответствии с предметом исследования проявились в достаточном объеме);

2) вероятно положительными (лингвистические признаки проявились в большинстве случаев имплицитно либо речевой контекст для проведения исследования является недостаточным);

3) категорически отрицательными (лингвистические признаки в соответствии с предметом исследования не выявлены).

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь эксперт имеет право сообщить о невозможности дать заключение по тому или иному вопросу (к примеру, на основании того, что это не позволяет состояние экспертной практики или не входит в компетенцию лингвиста).

Белорусская экспертология в части лингвистических исследований, в том числе экстремистских материалов, достигла весомых результатов: определены объект, предмет, цель и задачи экспертизы; предложены алгоритмы применения отдельных методов; разработаны и утверждены типовые методики и перечень решаемых вопросов. При этом, несмотря на определенные успехи, положение лингвистической экспертологии, на наш взгляд, не является устойчивым.

Во-первых, теоретическая разработка юрислингвистических проблем недостаточна, что не позволяет оперативно реагировать на запросы правоохранительной системы. К примеру, отсутствует единый подход к определению экспертных понятий («вражда», «рознь», «призыв», «социальная группа» и т.д.), по-прежнему «лакуной» для экспертного сообщества является анализ скрытых смыслов речевого произведения, в том числе в креолизованных текстах. В результате мы имеем дело с тем, что эксперты-лингвисты, опираясь на действующие методические материалы, не способны решать поставленные вопросы, ссылаясь на «состояние экспертной практики».

Во-вторых, в процессе производства экспертных исследований имеются две противоположные тенденции, которые крайне негативно влияют на качество подготавливаемых заключений.

С одной стороны, перед экспертами ставятся вопросы, выходящие за пределы их знаний в области лингвистики, что приводит к некорректным выводам или отказу эксперта давать заключение. Лингвист не может устанавливать наличие в тексте нацистской символики или определять характер воздействия речевого произведения на сознание адресата, в то же время в постановлениях о назначении экспертизы данные формулировки зачастую присутствуют.

С другой стороны, действующими типовыми методиками роль эксперта-лингвиста сводится лишь к констатации выявленных в спорном тексте языковых фактов без их соотнесения с тем или иным правонарушением. Безусловно, лингвист не должен подменять собой правоохранителя, а академическая лингвистика может и не исследовать понятийный аппарат юриспруденции. Но сложно не согласиться с мнением А.А. Кирдун [6, с. 572] о том, что признаки правонарушения как юридического понятия при проведении экспертизы должны подвергаться лингвистической операционализации. М.А. Осадчий [7, с. 81] предлагает судебным экспертам выработать аналитическую процедуру для описания лингвистической составляющей юридических категорий.

Заключение. Таким образом, белорусской экспертологией в части лингвистических исследований по делам об экстремизме накоплен значительный опыт. Во-пер-

вых, четко определены объект, предмет, цели и задачи лингвистической экспертизы. Во-вторых, предложен алгоритм применения отдельных методов лингвистических исследований в экспертной практике. В-третьих, разработаны типовые методики, утвержденные Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. Все же при рассмотрении дел об экстремизме эксперты сталкиваются с многими проблемами. В связи с резким увеличением за последние годы количества преступлений против общественной безопасности и конституционного строя в Республике Беларусь назрела необходимость в разработке особого инструментария для производства лингвистических исследований экстремистских материалов. Целый ряд вопросов требует от юрислингвистов оперативного изучения. Это касается пределов компетенции эксперта-лингвиста, общих подходов к дефинициям экспертных категорий, исследования скрытых смыслов в спорных текстах, отбора источников для проведения исследования, особенностей анализа креолизованных текстов.

Данное исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Языковая экспликация правонарушения (экстремизм, угроза, оскорбление, клевета) в аспекте судебной лингвистической экспертизы текста» (№ Г22-074).

Литература

1. Бринев, К.И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции / К.И. Бринев // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 235–252.
2. Подкатилина, М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография / М.Л. Подкатилина; под ред. Е.И. Галяшиной. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
3. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
4. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 592 с.
5. Кукушкина, О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1(41). – С. 118–126.
6. Кирдун, А.А. К вопросу о сущности судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму [Электронный ресурс] / А.А. Кирдун // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 23 апр. 2020 г. / Могилев. ин-т Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: Ю.П. Шкапелеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 570–573.
7. Осадчий, М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М.А. Осадчий. – Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 256 с.

Поступила в редакцию 28.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗАРЧЕНКО Галина Юрьевна – преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

АМБАРЦУМЯН Каринэ Размиковна – доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, кандидат исторических наук, доцент.

БАБАРЕКА Андрей Сергеевич – преподаватель военной кафедры ВГУ имени П.М. Машерова.

БАРАНОВСКИЙ Александр Александрович – старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI веков, ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси», магистр искусствоведения, докторант, кандидат филологических наук.

БАТАЛКО Тамара Ивановна – доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент.

БЕЛЯВСКИЙ Александр Михайлович – доцент кафедры источниковедения БГУ, кандидат исторических наук, доцент.

БОРОВСКАЯ Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», кандидат исторических наук.

ВЕРЕМЕЕВ Сергей Федорович – заведующий кафедрой философии и специальных исторических дисциплин УО «ГГУ имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент.

ГЛАДКОВА Анна Александровна – доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

ДЕДИНКИН Александр Леонидович – профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат исторических наук, доцент.

ЗИМАНСКИЙ Вадим Элдарович – доцент кафедры языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

КАБЫЛКОВА Александра Александровна – преподаватель русского языка и литературы Полоцкого колледжа ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

КАЛИНИН Александр Александрович – профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

КЛЮЧЕНОВИЧ Сергей Сергеевич – доцент кафедры теории и практики перевода № 2 УО «МГЛУ», кандидат филологических наук, доцент.

КОСТЕЕВА Наталия Владимировна – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества ГНУ «Институт философии НАН Беларуси».

КРЮКОВСКИЙ Владимир Дмитриевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «БГАТУ», кандидат исторических наук, доцент.

КУИМОВА Надежда Александровна – аспирант кафедры истории Беларуси и славянских народов УО «БГПУ имени Максима Танка».

МАЛЫШЕВА Ксения Игоревна – преподаватель кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова.

МАРДАНОВ Александр Вячеславович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси РИВШ.

МЯХОВСКИЙ Антон Александрович – аспирант кафедры общего языкознания УО «МГЛУ».

ПАРХИМОВИЧ Николай Николаевич – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ПАСЮТИНА Юлия Николаевна – доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат филологических наук.

ПОДБЕРЁЗКИН Филипп Дмитриевич – старший научный сотрудник Центра исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа НАН Беларуси, кандидат исторических наук.

ПОПЕЛЕНКО Екатерина Сергеевна – историк-вед Витебской епархии Белорусской Православной Церкви, аспирант кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова.

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

СИДОРОВ Александр Иванович – ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук.

СУКОНКИНА Надежда Михайловна – магистрант кафедры языкознания ВГУ имени П.М. Машерова.

ТИМОФЕЕВ Ростислав Владимирович – доцент кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

ХВАН Джон Хва – аспирант кафедры международных отношений БГУ.

ЧАЛЕЙ Ирина Дмитриевна – преподаватель психологии Полоцкого колледжа ВГУ имени П.М. Машерова, магистр педагогических наук.

ЧИКИНДИН Максим Александрович – аспирант кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова.

ШАКОЛО Александр Вячеславович – доцент кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук.

ШАПКО Ариана Сергеевна – аспирант кафедры источниковедения БГУ.

ШИЛИНА Вероника Геннадьевна – аспирант кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, магистр филологических наук.

ШКИРАНДО Федор Иванович – независимый исследователь.

ШЭНЬ Цзинюй – аспирант отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества ГНУ «Институт философии НАН Беларуси».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

AZARCHENKO Galina Yuryevna – Lecturer of VSU Department of Germanic Philology.

AMBARTSUMYAN Karine Razmikovna – Assistant Professor of North-Caucasian Federal University Department of Foreign History, Political Science and International Relations, PhD (History), Assistant Professor.

BABAREKA Andrei Sergeyeovich – Lecturer of VSU Military Department.

BARANOVSKI Aleksandr Aleksandrovich – SSI “Research Center of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus” Senior Researcher of the Department of the 20th and 21st Century Belarusian Literature, PhD (Philology), Doctoral Student Master of Art

BATALKO Tamara Ivanovna – Assistant Professor of Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University «MITSO»” Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines, PhD (History), Assistant Professor.

BELIAVSKI Aleksandr Mikhailovich – Assistant Professor of BSU Department of Source Studies, PhD (History), Assistant Professor.

BOROVSKAYA Olga Nikolayevna – PhD (History), Senior Researcher of the Center of World History, International Relations and Geopolitics of Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus.

VEREMEYEV Sergei Fedorovich – Head of Francysk Skoryna State University of Grodno Department of Philosophy and Special Historical Disciplines, PhD (History), Assistant Professor.

GLADKOVA Anna Aleksandrovna – PhD of VSU Department of Literature, PhD (Philology).

DZIADZINKIN Alexander Leonidovich – Professor of Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University «MITSO»” of the Department of Jurisprudence and Social and Humanitarian Disciplines, PhD (History), Assistant Professor.

ZIMANSKI Vadim Eldarovich – Assistant Professor of VSU Department of Linguistics, PhD (Philology), Assistant Professor.

KABYLKOVA Aleksandra Aleksandrovna – Russian Language and Literature Teacher of VSU Polotsk College, PhD (Philology).

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Professor of Viatka State University Department of History and Political Sciences, Dr.Sc. (History), Assistant Professor.

KLIUCHENOVICH Sergei Sergeyeovich – Assistant Professor of MSLU Department of Theory and Practice of Translation № 2, PhD (Philology), Assistant Professor.

KOSTEYEVA Nataliya Vladimirovna – postgraduate student of Research Center for Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation of SSI Institute of Philosophy of the NAS of Belarus.

KRUKOVSKI Vladimir Dmitriyevich – Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Belarusian State Agrarian Technical University, PhD (History), Assistant Professor.

KUIMOVA Nadezhda Aleksandrovna – postgraduate student of Maxim Tank BSPU Department of History of Belarus and Slavonic Nations.

MALYSHEVA Kseniya Igorevna – Lecturer of VSU Department of World Languages.

MARDANOV Aleksandr Viacheslavovich – postgraduate student of RIHS Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus.

MIAKHOVSKI Anton Aleksandrovich – postgraduate student of MSLU Department of General Linguistics.

PARKHIMOVICH Nikolai Nikolayevich – Assistant Professor of VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

PASIUTINA Yulia Nikolayevna – Assistant Professor of Vitebsk Branch of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University «MITSO»” Department of Foreign Languages and Cross-Cultural Communication, PhD (Philology).

PODBEREZKIN Filipp Dmitriyevich – Senior Researcher of the Center for Research of Old Printed Papers and Manuscripts of the Central Yakub Kolas Scientific Library of the NAS of Belarus, PhD (History).

POPELENKO Yekaterina Sergeevna – Historian of Vitebsk Diocese of Belarusian Orthodox Church, postgraduate student of VSU Department of History and Cultural Heritage.

RUDKOVSKI Edvard Iosifovich – Assistant Professor of VSU Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

SIDOROV Alexander Ivanovich – Leading Researcher at the Center for the Study of the History of Historical Knowledge, Institute of World History, Dr.Sc. (History)

SUKONKINA Nadezhda Mikhailovna – VSU Department of Linguistics Master student.

TIMOFEYEV Rostislav Vladimirovich – Assistant Professor of VSU Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

HWANG John Hwa – postgraduate student of BSU Department of International Relations.

CHALEI Irina Dmitriyevna – Psychology Teacher of VSU Polotsk College, Master of Education.

CHIKINDIN Maksim Aleksandrovich – postgraduate student of VSU Department of Philosophy and Social Sciences.

SHAKOLO Aleksandr Viacheslavovich – Assistant Professor of VSU Department of World Languages, PhD (Philology).

SHAPKO Arina Sergeevna – postgraduate student of BSU Department of Source Studies.

SHILINA Veronika Gennadyevna – postgraduate student of VSU Department of Literature, Master of Philology.

SHKIRANDO Feodor Ivanovich – independent researcher.

SHEN JINGYU – postgraduate student of Research Center for Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation of SSI Institute of Philosophy of the NAS of Belarus.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
  - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
  - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
  - номер телефона, адрес электронной почты;
  - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
  - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
  - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
  - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
  - *telephone number; e-mail address;*
  - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
  - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 37

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 29.06.2023. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 21,67. Тираж 50 экз. Заказ 61.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.